М.М.ПРИШВИН

ДНЕВНИКИ

1920–1922

М.М.ПРИШВИН

Дневники

1920

1921

1922

МР

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

1995

ББК 84Р7—4
П77

Федеральная целевая программа
книгоиздания России

Художник Г. РАСТОРГУЕВ

На форзаце: Виды Москвы первых послереволюционных лет
Страница дневника М. М. Пришвина

На нахзаце: Имение купцов Барышниковых в селе Алексине под Дорогобужем, где развивались события повести «Мирская чаша»
Крестьянин *(фотография М. М. Пришвина)*

П $\frac{4702010201-24}{М172(03)-95}$ Подписи. изд.

ISBN 5—239—01647—X (кн. 3)
ISBN 5—239—01845—6

М.М.ПРИШВИН

ДНЕВНИКИ

1920

1921

1922

1 Января. Новый год... а между тем ведь это праздник света.

Я — вполне краснорядец, возвратился в лоно отчее; хорошо — надрезать ситец, дернуть и слышать, как треснет, и видеть при этом звуке далекую картину полных товарами красных рядов, когда, наложив все грудой на прилавок, приказчик отмеривает моей матери железным аршином ситцы и раздирает их, и раздирает.

Среди шуб, оставленных мне вымершей родней, и ситцев я живу теми наследственными привычками краснорядцев — торгую.

2 Января. Записки от имени Левы: «Наша коммуна с Сытиными лопнула, вчера мы разделили соль, керосин, пшено и сегодня начали с папой свое хозяйство. Мы выдумали освещение «козий канун», что-то вроде лампадки из керосина. Рано утром далеко до света папа мне мелькал, мелькал с этим козьим кануном, слышал, как он щепил лучину косарем, разводил чугунку, а картошку ему я перемыл еще вечером и приготовил для варки в чугуне. Я встал на рассвете, когда картошка уже была готова и вскипел наш маленький самовар «Понтик». Только оказалась неудача: в темноте папа недоглядел, и вода вся выбежала из «Понтика» на пол, хорошо еще, что не распаялся. Ели картошку дымящуюся, белую, рассыпчатую со сливочным маслом, наелись так, что я опять чуть не лег в кровать,— вот хорошо-то свое житье! никогда больше не будем путаться с коммунами. Потом мы с папой вытрясали и чистили одеяла, простыни, выметали комнату, я мыл посуду, папа готовил дрова. Когда все было вычищено, папа пошел на базар за молоком, а я приготовил урок для Ольги Николаевны и опять принялся за хозяйство, готовить кулеш со свежиной. Папа говорил мне: вот наша настоящая «трудовая школа». И еще сказал мне: «Я надеюсь, что через год-два ты будешь и в ученьи таким же самостоятельным, как в поваренном деле, возьмемся достигать, как я когда-то достигал мальчиком».— «А как ты достигал?» — спросил я. И он мне много рассказывал, как он учился в Сибири один, без всякого надзора, как ошибался во многом, но зато после достиг самостоятельного и любимого дела».

3 Января. Лектор Цейтлин стыдит меня:

— Культурный человек хоть раз в неделю должен прочесть лекцию в народном Университете.

— Барин,— отвечаю,— когда вы находите для этого время, кто варит вам пищу?

— Я за урок получаю обед.

— Но я уроки давать не умею, я варю себе обед сам, и дрова колю, и воду ношу, и комнату убираю, и торгую тряпьем.

— Плохо!

— И ничего плохого не вижу, мне было бы плохо, если бы я два дела мешал,— а как определил себя на пустынножительство, так и живу в этом совсем неплохо: опережаю необходимость, предупреждаю своей инициативой, и становится так, будто я вольный.

Голод и Пост. Не то что пищи, а именно жиров не хватает; я достиг такого состояния, что все мое существо телесное и духовное зависит теперь от жира: съем масла или молока и работаю, нет — брожу, качаюсь, как былина на ветре. И, не задумываясь, я дал бы пощечину тому, кто сказал бы мне, что «не единым хлебом жив человек». Да, я понимаю, что можно жить и духом, если инициатива этого голодного духовного предприятия исходила от меня: хочу голодаю, а захочу и наемся, но голод тем отличается от поста, что он приходит извне, не из души, а как холод от какого-нибудь излучения тепла земли в межпланетное пространство. А вот это какое-то излучение создает того левого разбойника, который все издевался над Христом и говорил ему: «Если ты Сын Божий, спаси себя и нас».

Я не могу сказать горе: «Иди!», я не верю, что она пойдет, я — левый разбойник и мальчик мой тоже левый, он не может принять, что Христос мог родиться от Духа Святого, и никто вокруг не верит в это. «Сказка!» — говорит мальчик 13 лет от роду. Так всюду мы видим торжество левого разбойника.

Что значит жить с в о и м трудом? Значит — жить своей изобретательностью. Но в социалистическом смысле жить своим трудом это — выделять из себя нечто в жертву богу экономической необходимости. То, что мы, живя с в о и м т р у д о м, мы преодолеваем в труде и делаем его с в о и м, например, колю дрова с изобретательностью и перехитряю скуку, там, в общем труде, называется хитростью, я делаю так не свой труд, а общественный (чужой). Своим трудом это может сделаться лишь в том случае, если общество будет свое. Итак, начинать надо не с принудительного труда, а с того, чтобы сделать общество с в о и м, когда общество будет свое, тогда и труд будет легким.

А можно вовсе и не любить ближнего, как самого себя, чтобы делать общественное дело, можно это делать из личной

выгоды; личная выгода (изобретательность) водворит на земле социалистический строй.

Мистика — это предчувствие, рационализм — осуществление...

Я шел голодный по улице, одетый в короткий нагольный крестьянский полушубок, обутый в валенки, казалось мне, что по виду и по всему я был рядовой этого нового нищенского строя и вдруг меня остановил кто-то и сказал: «Барин!» Я оглянулся. Сзади шел наш побирушка Тишка с шишкой; протянув руку, говорит:

— Барин, подайте милостыньку.

— Ты слепой? — спросил я.

Он ответил:

— Нет, я не слепой, я вижу, что вы — барин, вы ходите не так, как они, вы идете и в уме что-то держите, а мне видно.

Я тронул рукой его мешок, в нем был хлеб — много хлеба. (Вы — барин, нищий идет, то не держит в себе ничего, и это сразу видно, то нищий, а то барин, хоть вы и одеты, как нищий.)

Голодный и постник. Одно дело самому избрать себе нищенское поприще, другое дело тебя подневольно сделают нищим, эти два существа по виду подобны, изнутри противоположны, как Христос и разбойник, распятый налево.

4 Января. «Ребячески мечтавший иногда про себя свести концы и примирить все противоположности» (Достоевский «Идиот»).

5 Января. Половина зимы прошла, на рынке перестают покупать теплую одежду.

Три или четыре дня стоит +3° Р, льется с крыш вода, потопы, просовы — настоящая сиротская зима.

Ночь была светлая от невидимой луны. Я стоял на дворе нашего старого дома против двух каменных столбов — остатков ворот, на столбах густыми клочьями торчала прошлогодняя рыжая трава. И свет на снегах от невидимого светила был так силен, что я различил ресницы на лице девушки, проходившей мимо ворот по дороге. Везде кругом лежали на бесконечность поля снега.

Мое сердце и радуется и стонет, срываясь внезапно с большой радости на большую тоску, а пустыня белая неподвижно лежит в ярком свете и звенят колокольчики могильной тишины белой Скифии.

6 Января. Сочельник.

Дождь сиротской зимы. Мы в середине борьбы с холодом, еще Январь и Февраль, но ранние холода нас закалили и теперь мы не боимся — переживем, если не затифимся. Вчера с утра

с Левой торговали ситцами на базаре, не сходят с языка слова: «свежина», «подчерёвок» и т. д. (нам удалось выменять подчерёвок, жирный, фунтов в десять, а Сытины купили себе постную косточку...). Сытин вышел на базар с кисетами, но никто ни одного кисета у него не купил.

Душа моя завешена кругом, а жизнь идет сама по себе, и часто я с удивлением спрашиваю себя, как это так может быть, чтобы жизнь шла без души, иногда стучусь — нет! все запечатано, закутано.

Храм забит, мы бродим вокруг, как голодные псы, и торгуем остатками своей одежды.

На горизонте войны показываются поляки, и с ними оживают надежды контрреволюции, наши бедные обыватели никак не могут отделаться от чувства ребяческого, что рано или поздно все противоречия жизни кончатся, и когда кончатся, то заживем по-старому, и хоть не по самому старому-старинному, но все-таки подобно ему.

Кура́: назад замело, впереди замело, лошадь идет незнамо куда, вперед или назад — везде одинаково.

Приходил библиотекарь от Чрезвычкома реквизировать книги Кожухова; увидал «Карманный словарь иностранных слов для рабочего» и сунул себе в карман эту книжку без описи, сказав: «Вот самая нужная книжка». Про Лескова спросил, хороший ли это писатель, и, узнав, что хороший, попросил из собрания сочинений хоть книжечки три: «У вас же много останется».

7 Января. Рождество.

Люди с похвалой отозвались о мне, что я к Лиде хорошо относился, и я оглянулся на прошлое: правда, я хорошо относился, а сам думал, что плохо...

Право, нам нужно, чтобы кто-нибудь сказал нам о нас со стороны хорошее, ибо живем мы, не зная, чем плохи мы и чем хороши.

Обедали у Коноплянцева, потом зажигали маленькую елку и были вечером у Шубиных — прошло хорошо, как Рождество.

8 Января. Утро. Утренняя звезда смотрит в окно, Вифлеемская? месяц бледнеет, догорает лампада. В утренней молитве скрыта вся сила грядущего дня.

Новая перспектива: свобода в жемчуге. У доктора Смирнова на виду золотой зуб.

— Спрячьте, а то реквизируют.

— Я нарочно показываю, хочу променять на навоз. Вот, братец мой, навозу-то! все навоз и навоз!

— Ничего, есть, петух, помните? нашел жемчужное зерно?

Доктор не понял меня и не мог понять.

Странник из «Чертовой Ступы» пусть придет в этот город во второй раз и покажет им хорошее.

9 Января. Эмигранты, дезертиры и уголовные — вот три социальные элемента революции: нужны были особые условия для отвлеченной мысли, чтобы русский интеллигент подал руку уголовному (Семашко: «переступил»).

И вот поднялась бездна.

А в нашем краю и помещиков-то не было настоящих, так, жили кой-кто, жили, доживали, проживали, и на них обрушилась масса, как на помещиков. Да не было и буржуазии, ничего не было такого общего, как в других странах или даже в других губерниях, был у нас несомненно «чиж паленый», существо которого состояло в том, что он жил оседло и все вокруг себя (конечно, по сравнению с чем-то «настоящим») глубоко презирал. Бывало, скажешь, что вот там-то в имении есть удивительной работы мебель красного дерева, а он усмехается. «Вы чему усмехаетесь?» — «Нашел,— ответит,— у нас мебель, какая у нас мебель!» Или приедешь и начнешь говорить о вековом дереве в усадьбе X., в семь-восемь обхватов. «Фантазия,— скажет,— нашли у нас вековые деревья!» Нет ничего у нас и быть никогда ничего не может — вот его бытие. А старуха ходит Богу молиться, и там, на божественном поле, свое заводится, не имеющее ничего общего с видимым миром. Попы и монахи между тем продолжали существовать и создавать некоторую видимость быта. Мало того, люди высоких душевных достоинств продолжали рождаться и быть тут же, принимая внешнюю форму окружающей среды.

Мы ожидали этой зимой погибнуть от голода и холода, но муки оказалось больше, чем прошлый год, и в дровах нет большого недостатка, а зато голод духовный стал так велик, что мы погибаем от голода духовного: дело советской власти свелось к войне, это все, чем она дышит.

10 Января. Страна была верно очень богатая, если Он мог не обращать внимания на средства своего существования, питаться, как птица небесная, и, проходя зреющими нивами, растирать в руках спелые колосья...

Говорят, что в Москве появилась эпидемия «неизвестного бактериологического происхождения» — по всей вероятности, чума...

«И времени больше не будет» — я думаю, что для верующего большевика и сейчас нет времени, это, конечно, верно, а весь вопрос, чтобы так случилось для всех.

Моя тоска похожа на тоску во время смерти Лиды: не совершается ли что-нибудь ужасное с Ефросиньей Павловной? Не потому ли я чувствую такой ледяной холод к С. П. Она до сих пор не понимает...

11 Января. В Советской России все что-нибудь выдумывали практическое вокруг себя. Один художник выдумал ставить самовар под желобом: потому что скорость поспевания самовара зависит от длины трубы, а водосточная труба очень длинна. Он поставил самовар под желобом и пошел звать соседа, похвалиться своим изобретением. Когда художник вернулся с соседом, лед, намерзший в трубе, растаял и залил самовар. Сосед сказал художнику: «Не хвались, идучи на рать, а хвались, идучи с рати».

12 Января. Читаю «Идиота» и влияние его испытываю ночью, когда, проснувшись в темноте, лежу вне времени и все мои женщины собираются вокруг меня: до чего это верно, что Ева подала яблоко Адаму, а не он... С. большую роль сыграла в познании добра и зла, Е. П.— основа, это чисто, и В.— чисто, грех в С.

13 Января. Видел во сне, будто иду по имениям под руку с матерью своей, встречаем помещиков, которые вертаются в великой славе и не только живые, но и мертвые: Алек. Мих. Ростовцев приехал на вороном коне в черной шапке с красным верхом, а Бурцев Николай стоит у колодезя и на цыплят внимательнейше смотрит, с нами поздоровался холодно, как будто мы незнакомые (жив ли?).

Ночью просмотрел всю свою Парижскую «любовь по воздуху», как из писем создалась литература (личное), а безличное ушло в пол (Ефр. Павл. и дети).

Тут интересна идея брака, как с моей, так и с той стороны: она, может быть, много раз отдавалась внебрачно, а на брак не решилась, ей мешало тут чувство личного, которое закостенело в бюро. Я бы ей написал теперь: «Я тоже с седеющими волосами, но из начатого мной ничего не кончил и многое еще не начал».

Несчастный день, когда я соединил свою судьбу с судьбою хутора, который назвал своим: я не знал тогда, что мой хутор имеет свою собственную судьбу, и, назвав его своим, я связываю себя со всеми его владельцами прежних и даже древних времен.

Я встречал этот год у Коноплянцевых и сейчас иду туда же провожать его и начинать 1920-й (старый).

Службой библиотекаря в деревне Рябинки начинается м о й год; деревня поет «Интернационал», я читаю там свой рассказ

«Адам», ссора с деревенскими большевиками. Смерть Коли. Эксперт по делам археологии: поездка по снежной Скифии. Она! Выступления на съездах с: «Бог спит». Весеннее хождение по делам краеведения: соловей на кладбище. Трудовая школа. Переход от Коноплянцевых к Истоминым: именины в садике. Устройство у Кожуховых. Пьеса «Чертова Ступа». Нашествие Мамонтова. Хождение по Хрущевским могилам за хлебом. Черта под мечтой (лунный грех). Сытинская коммуна. Смерть Лиды. Я — краснорядец с коробушкой. Смерть Яши. Все для войны и духовный голод. В заключение года вижу воскресение и пришествие во славе живых и мертвых помещиков (во сне). Россия кончилась действительно и не осталось камня на камне.

Я живу, и связь моя с жизнью — одно лишь чувство самосохранения: я торговец, повар, дровосек — что угодно, только не писатель, не деятель культуры. Жизнь моя теперь — медведя в берлоге. В медвежьих снах мне видится все существующее общественное положение, как пережитое мной лично, как вывод из личного: мое порождение, и вопрос лишь, я — чье порождение. Порой хочется проснуться и начать, но без толчка извне не проснуться. Все-таки не оставляет надежда, что из себя, «из ничего» засияет «свете тихий». Другой раз даже и порадуешься внешнему разорению — что зато уж засияет-то свое.

15 Января. «Государственный контролер» жилищ Лидия Ефимовна Ростовцева рассказывала свои впечатления: комиссарская семья среди чужих вещей, на рояли развернуты ноты, по которым не умеют играть (за дверью слышался чижик, а ноты — Шопена); помещичья семья не может приспособиться (множество тарелочек, которые нужно мыть), вежливы холодно и вдруг по одному слову узнают, что контролер не большевик, и сразу все прорывается; нечаянная встреча с каргиной: липовая аллея, сирень, и воздух, и небо, и счастье! Семья спекулянта.

Общий очерк быта Совдепии: винный король; интеллигенция с чугункой (эсерствующая библиотекарша Лидия Михайловна).

Утро: дом, обращенный в казарму, чугунка из каждого окна, выходят растрепы, и их учит мальчишка: «Налево кругом!» Вечер: огонь из верхнего окна, снизу: еб. мать! и проч. За Сосной мещане обложились навозом, откапывают из-под снега награбленное и меняют на муку и пшено.

16 Января. Внезапно по всему городу разнесся слух, что поляками занят Смоленск и занят Петроград и что отступление Деникина имело целью заманить на юг красную армию.— А я не знаю, что верить или не верить — Верить нельзя, а надеяться можно.— Надеяться нужно, без этого жить нельзя: закупаем свежину, значит, надеемся.

Живем на женском положении: тут инстинкт самосохранения, и между прочим все, только все на практике познается, идеи

на блюде в жареном виде: совершенно другое, чем исходящее от головы в соединении с волей, как у мужчины. Вот что значит эта вечная бабушка у печки, теперь поняли? И какой тут теперь может быть еще женский в о п р о с, никакого тут нет вопроса, когда очевидность! Напротив, вопрос мужской это действительно есть вопрос.

Наши разговоры:

— Давно мы с вами не говорили по душе... ну... ах, я забыл вам сказать, свежина попадалась по 120 р., вам нужно?

— По 120 купите, пожалуйста, а не нужен вам лук?

— Почем?

— На соль.

— Сколько же соли за фунт?

— За фунт соли три фунта лука.

— Это подходит. Присылайте, а на дрова записались?

— Я записался, только не могу добиться, на складе нет.

17 Января. Моя коробушка пустеет с каждым днем: мои ежедневные клиенты, мужики, евреи, дезертиры, типа: дезертир Синяев (разрубил мясо — в Германии научился, а впрочем, 〈*3 нрзб.*〉 мой мясник), эсерка Каплан, мещанка Плахова («Зачем вы евреям даете?», богатая мужичка ищет ротонду голубого цвета («нёбного»), ссора между евреями: из-за шали, те нажили два миллиона, а моя эсерка бедная (вы, конечно, эсер? — я — большевик), беженка свежину принесла (муж больной, куча детей).

Слухи политические все растут: раздел России 7-ю державами и что наша часть отходит немцам.

— Товарищ, вы заведуете всеми библиотеками?

— Я заведую.

— Нет ли у вас для Че-ка портретов?

— Каких портретов?

— Ну, Ленина и Троцкого... Этих портретов...

— Да этих...

Есть и в этой жизни хорошее, что потом хорошо вспомнится: это как мы двое с Левой дружно жили...

«Идиот» Достоевского: он может отталкивать (князь Мышкин) от себя, когда представишь себе полного человека: женщина, ребенок и даже просто «обыватель» несут в себе миссию этого полного жизненного человека будущего против уединенной культуры самолюбия современного человека. Если подходить с этой точки к социализму, то тут много правды: этот полный человек у них называется «общественный человек».

18 Января. На рождении Влад. Ростовцева он говорил неистово:

— Что этот Мих. Ив. Черняховский, что Варгунин и т. п. либералы, вечные ворчуны и оппоненты, и разные меньшевики,

эсеры — вся интеллигентская слякоть! все заслужили своего униженного положения, все виноваты и жнут то, что посеяли. Я противник большевиков, но не такой, как вы, я бледный противник, я по противоположности стою против, а вы где-то далеко, соль несоленая, теплые люди.

— Мы эволюционисты!

— Никакие не эволюционисты, а просто мещане вы... вы берете готовый процесс, а posteriori[1], объективное, свершение, в нем уже не видно личности, а только якобы закон, и делаете этот «закон» вашим личным богом, спокойным, теплым и несоленым и с этим чужим выступаете против большевиков-революционеров. Так называемая эволюция — это включение личности в склеп.

После месяца торговли, беготни по спекулянтам без отдышки я, наконец, создал себе продовольственный фонд:

16 пуд. картофеля
68 фунт. свинины
15 ф. масла
35 ф. сахару
15 ф. соли
30 пуд. дров
16 мешков навозу.

Теперь сажусь на 2—3 месяца за работу: 1) Собрание сочинений, 2) Обработка дневниковых записей, 3) «Клочки воспоминаний».

19 Января. Приехала баба покупать у меня ротонду. Я выхожу к ней в ротонде и говорю:

— Верх пойдет на платье, подкладка на одеяло, воротник кенгуровый.

— Молью тронут.

— Сама ты, матушка, молью тронута, говори прямо, берешь или нет?

— А что вы возьмете?

— Пять пудов свежины.

— Нет, ежели бы цвет.

— Какой тебе цвет?

— Нёбного цвета ищу ротонду, обожди, а где же у ней рукава?

— Рукава!

20 Января. Флюс. Лихорадка. Логово медвежье. Дезертир с обещаниями (Сергей Александрович Синяев и Семен Андреевич Галкин из Покровского).

Вдруг входит Сытин и говорит: «Получена телеграмма, что блокада снята союзниками».

---

[1] Диктуемое опытом (*лат.*).

21 Января. Из-за болезни (зубной) я вовсе отделился от мира, и глухо долетают разные слухи бессмысленные, видно, совершенно уже отделенные от фактов.

Время идет, как при большом пасьянсе, раскладываются: мужики, бабы, спекулянты евреи, дезертиры, эмигранты,— и когда все сложится — неизвестно.

Когда раскладываешь пасьянс, то знаешь этот момент, из-за чего все это делается: когда вдруг начинают складываться и все застывшие карты, пойдут на место, как весенний лед после взлома.

Вот если описывать пасьянс и знать внутреннюю сторону дела (душу пасьянса), то человека, раскладывающего пасьянс, лучше описывать в третьем лице; если же пасьянс незнаком и видна только внешняя сторона, то нужно описывать, как представляется пасьянс л и ш ь со стороны — в первом лице.

Появление Щекина из Москвы и назначение меня в Архив.

Новый свет: первый день — предвестник весны (а зима стоит все сиротская). Самое ужасное в этой совдепии, что ихняя совдепская сеть накинута на самые священные таинственные уголки России и вся Россия со всеми своими медвежьими и раскольничьими заповедными местами лишилась тайны.

Падение Империи было столь велико, что никакой промежуточной партии не может возникнуть, вплоть до пришествия иностранцев.

Москва: салазки, салазки, как муравьи, перебираются, и среди них совдеповский мотор пыхтит и воняет на бензине, на керосине и черт знает чем.

22 Января. Жульничество освобожденного дезертира. Общество холостых поваров.

23 Января. В моем пасьянсе раскладывается «картинная галерея» зверья, а зверье не так, как мы его представляем (по привычке), но зверей истинных, т. е. безумных — они (звери) вообще безумны,— и мы не замечаем, что живем на земле сумасшедших: наши идеалы — это цепи безумия, наше сознание — цепь.

24 Января. Из «Бесов»: «Ничего не будет и проваливаться, а просто все растечется в грязь».

Мы жили, уговорившись между собою в известном числе правил, которые принимались школьными учителями за весь мир и вбивались в головы учеников, эти правила были следующие (сумма их — культура); а мир действительный, исполненный безумия, под ними был, как легенда о звере; мы покорили безумие домашних животных, не замечая того, что безумная воля диких животных переходила в человека и сохранялась

в нем до поры до времени: революция — освобождение зверя от пут сознания.

Эту страну, полную тайн, они разделили на такие мельчайшие квадратики земли, такие, что охотничьему псу не повернуться в своем полевом поиске, после чего тайна исчезла и стала невозможной.

Революция — это выражение нетерпения, а эволюция призывает к терпению и говорит, что достигнем всего в постепенности.

У нас радость жизни позволительно выражать только в трагических положениях личности, как бы в состоянии ее чудесного воскресения в виде мелькающего света над бездною, а обыкновенная земная и постепенная радость называется мещанской... видите, что: у нас нет достаточной для этого накопленности и, так сказать, инерции самих накопленных вещей, дающих эту радость помимо сознания, может быть, оттого, что их слишком мало накопилось в сравнении с запасом идей разрушительного сознания.

Я беру в пример положение вора и вообще уголовного: в обществе нет к нему определенно наивно-отрицательного отношения: он есть отверженник лишь условно, а не до конца... (Мы переучились, заучились, засмыслились и в то же самое время мы — недоучки.)

О Ставрогине: в его давящей тоске был как бы низкий потолок, не дающий выхода огромной мысли, и она не выходила и все давила его, а потом вспыхивала в сцеплениях с людьми и всегда как бы по поводу этих встреч и сцеплений, нанося кругом ужасающий, разрушительный вред.

В наше время царит обезьяна, осуществляющая идеалы Христа. (Ставрогин — его обезьяна Петр Верховенский, Щетинин — Легкобытов, Христос и обезьяна его — поп.)

Татьянин день окончился провозглашением принципов общества холостых поваров, освободителей порабощенной женщины.

Один из поваров: «Говорят женщины, будто кухня — это последнее принуждение, самая несокрушимая из всех цепей, но почему же, спросим мы, не война? Разве это дело не грязнее, не тяжелее, даже и не кропотливее кухни, вот та самая война, которую мы все видели теперь своими глазами? И все-таки мужчины оставили в истории даже об этом мерзейшем деле красивейшую легенду, до того очаровательную, что мы до сих пор, испытав все ужасы действительности, едва можем смотреть на войну трезво. Что же будет, если страна наша покроется сетью ячеек холостых поваров...» и т. д.

Легенду о войне погубила кухня: легенда кончилась от недостатка продовольствия, голод задушил сказку о войне, ну,

и что же, мы, холостые повара, создадим теперь новую величайшую сказку о голоде (мы двинем армию спекулянтов и мешочников, мы прославим подвиги мешочников...) ушкуйников, выдумку, изобретательность (12 рецептов хлеба без муки!): прославим свежину с жиром в четверть аршина, золотое пшено... и вот 25-й век: мы видим опять организации женщин, протестующих против захвата всего прекрасного и свободного мужчинами: у них золотое пшено, там свежина, подчерёвок, а нам остается только рождение детей в муках. Но это будет преодолено: холостые повара 25-го века сумеют состряпать детей и освободить женщину (синтез белка): тогда мрак долга женской доли будет отвергнут и женщина, как свободная мечта, сядет на трон — жена, облеченная в солнце.

Девиз: кто не ест, тот не работает.

Философия еды.

Отличие от социализма: там труд является целью — это неправда? но почему же: «кто не работает, тот не ест»,— видно, что работа первое, а еда второе, у нас, наоборот, первое еда, второе работа. И понятно: труд — это болезненный процесс, еда — здоровый.

25 Января. Продолжение общества холостых поваров.

К обществу холостых поваров: социалист — это оскопленный повар.

Шатов говорит (в «Бесах»), что он стал славянофилом по невозможности быть русским.

В сущности, психология этих честолюбивых и честно бездарных людей, как разные Семашки,— ⟨*1 нрзб.*⟩ была мне чужда, непонятна и по сей час остается.

Надо пересмотреть все мною написанное, выбрать приемлемое и дальше держаться этого, хотя вперед можно сказать, что «Черный араб» — лучше всего, и вообще все хорошо, что написано под непосредственным воздействием жизни, чуть «надстройка» — все неудачно, непонятно, претенциозно.

26 Января. Большая дорога (Дост. «Бесы»).

— Большая дорога — это есть нечто длинное-длинное, чему не видно конца — точно жизнь человеческая, точно мечта человеческая. В большой дороге заключается идея, а в подорожной какая идея? В подорожной конец идеи. Vive la grande route [1], а там, что Бог даст.

— Бесы перешли в свиней, а люди, из которых они вышли, где теперь эти люди, вот этих людей надо найти, вот задача!

— Мало того, чтобы любить свою землю и сеять на ней хлеб, нужно еще уметь защищать свой посев — это чувство

[1] Да здравствует большая дорога (*фр.*).

страха за свое и потребность оберегать его и создаст государство; любить и сеять мы могли, а оберегать — нет!

И так земля вся разорена, мы еще можем теперь прислониться к вождям нашей культуры, искать защиты у них, ну, Толстой, Достоевский? ну, Пушкин? вставайте же, великие покойники, мы посмотрим, какие вы в свете нашего пожара и что есть у нас против него.

Хорошо тому больному, бес которого покинул последнего, а каково тому, кого бес этот покинул Бог знает еще когда и ему надо сидеть так дожидаться, пока бесы оставят последнего, потому что дело не пойдет и дела никому не будет, пока бес не оставит последнего больного.

27 Января. Завернули морозы до 18° Р с ветрами. Мы с Левой живем в берлоге: в маленьком флигеле, засыпанном снегом, всё у нас, окна, двери, завешено одеялами, колем, пилим, варим, жарим, и помогает нам только мышка одна. Нас посещает еврейка Каплан, меняем с ней нашу одежду на продовольствие. Сегодня вломились Щекин и Никольский с предложением поставить пьесу Андреева для недели фронта и сыграть роль профессора. Ну, до чего все это до жути омерзительно...

— Можно ли в 10 дней нам, не актерам, разучить большую пьесу и почему Андреева?

— Единственное, что похоже на революцию, нет ничего...

В русской литературе нет ничего революционного! — вот так идея! И с другой стороны, какая же литература более революционна, чем русская? Смелость анализа до конца, наивность страсти и веры перевернуть словами весь мир — это ли не революционность? И все-таки нечего выбрать для революции. Вот что бывает с русским художником: в тот момент, когда он делается художником,— он перестает быть революционером (так, когда к Шатову приезжает жена, Шатов счастлив и в этом личном и праведном счастии — счастье, как искупление! — он не революционер: тот, как проклятый, в том бес, а этот искуплен, он заслужил себе положение не быть революционером).

Русский человек отпускается самими революционерами (прежними) в тот момент, когда он становится художником.

Элементы психологии революционера: несчастье, неудачливость, угрызения самолюбия с выделением злобы: он весь продукт среды, и все внимание его сосредоточено на среде (на «всех»), он не он лично, а существует, как представитель будущей совершенной во всех отношениях среды. А художник испытывает счастье лично в себе и в данный момент жизни, он есть существо лично реализованное. Все это понятно: но вот вопрос: этот закон, казалось бы, приложим и для всего мира, между тем существует же «Марсельеза» и сколько угодно можно выбрать сцен для «недели фронта» из европейской литературы («Ткачи» и проч.) — чем это объясняется?

28 Января. Начались Карамазовы, и так я узнаю при этом чтении Достоевского — какая остается Россия после бесов.

29 Января. Всякий политический деятель есть в широком смысле кандидат на престол. (Явление Ильи Ник. из Парижа в Хрущево: кандидат, брат его Иван Ник.— обыватель; мысли о пьесе на смерть матери.)

Козочка — в ней нет ничего, она погибает, как цветок под косою, и, однако, она все: она кровь, бегущая по жилам, и я свет этой капельки крови: вот она вышла, капля, упала на землю, кровь пролилась, вырос цвет — это жизнь сама в себе.

1 Февраля. Морозы лютые с ветром стали вплотную и держат, месяц светит волчий.

Берложная жизнь обняла, и утром душа моя как холодная печь: час целый сидишь возле печи, пока не нагреешь ее, и потом час целый сидишь, собираешься, пока, наконец, появится ощущение себя самого. Да вот ночью, если и холодно, проснешься, лежишь в темноте и кое-что видишь: так видел мать свою, как карту,— мать и карта! очень трудно объяснить, но вот, как говорят, дом в проекции или с птичьего полета, так и мать моя, и родня моя, и все прошлое лежит подо мною, на плоскости, руки, ноги, лицо, вообще черты индивидуальностей разбросаны, как мысы и заливы и очертания берегов на картах, и как бы это индивидуальное, личное, разные Италии, и Греции, и мысы Доброй Надежды, все это не существенно важное, а важно внутренность чрева земли, заключенного в этих очертаниях берегов,— вот тут-то и мать моя и родня вся лежит, как равнина, и на ней что-нибудь замечательное, ⟨*1 нрзб.*⟩ хорошей, встреченное мной у близких, теперь встречается не связанно с этим лицом, а как огонек на равнине или какое-нибудь явление миража на большаке...

Так представилось, липой пахнет цветущей, по липовой аллее подхожу к родному дому: именины справляют моей матери, мы все в аллее сидим за большим столом, гости наши все скромные, батюшка о. Афанасий, матушка, соседи, и разговор идет про таинственного Илью Николаевича, двоюродного брата, который вот сейчас только приехал из Парижа изучать Россию и много когда-то испытал в Сибири, а теперь женился на еврейке, доктор и писатель, хочет изучать родину и приносить пользу на легальном положении. Ксения Николаевна, мамина подруга, говорит на это, что из таких бунтарей в конце концов очень умные люди выходят, только вот одно плохо, зачем он женился на еврейке. «А в пику! — сказала мама.— Я это сейчас вам объяснить не могу: они, эти умные наши люди, без пики этой жить не могут, тут на легальном положении, а где же протест, вот вам и пика. Боюсь,— сказала она,— как бы не проговориться при ней, вдруг скажешь «жид» слово». Приехала фрейлина Стахович, все примолкли, и разговор... Съезжаются. Появляется наконец под руку с еврейкой Илья Николаевич. Игра в крокет (мама «смахлевала»)...

Павел Николаевич и Благосклонова у нас пара, когда они задумали играть, он — Чичикова, а она — Коробочку, то весь город хохотал в ожидании, до того роли были к лицу. Павел Николаевич ее ненавидит, как человек обезьяну, он мне столько сделал добра, что на него я никогда не сержусь и, если уж возьмет что за сердце, то начинаю бранить не его, а Благосклонову...

2 Февраля. На свете нет большего счастья, как дружба с ребенком.

Середина зимы, волчьи ночи при светлом месяце... полдни солнечные с обещанием весны.

У Ник-й сказали:
— А Вильсона уже нет.
— Как нет Вильсона?
— Говорят, нет.
— Кто же на его месте?
— Не знаю.

3 Февраля.— Вы спрашиваете меня, почему нет дела и все стоит. Почему, спрошу вас, я не я? Вот дерево, оно может не быть (не знать себя) и потом, придет час — зеленеет в награду, но я не может быть не я ни одного мгновенья, если оно не я, то и спросу быть не может. Я, кто это я? Кровь бежит по жилам, румянец играет на лице, я не кровь, но я румянец, если крови нет, и румянца нет. Солнце восходит — заря на небе, я не солнце, но я заря, и, если нет солнца, нет и зари. Итак, не спрашивайте румянца, если крови нет, и не спрашивайте зари на небе, если нет солнца.

Вчера утром я пересматривал свое хозяйство, подсолил мясо и переложил его в ящик, заметил, что масло подворовывают, кошка, мышь или глухая? запрятал масло, картофель пересыпал и, когда хозяйство было закончено, хотел почитать Достоевского, но тут явилась еврейка Каплан и торговала у меня целый час 6 арш. коленкору, после ее визита я принялся пилить и колоть дрова для купанья вечером и, напилив, сбегал в отдел за жалованьем. Щекин сказал, что завтра выдают керосин по 15 ф. на инструктора! Я бросился к заведывающему Казанскому, но он мне ответил, что выдается лишь ответственным и даже «ответственнейшим»! Я плюнул и побежал обедать домой. После обеда мы с Левой пошли за Сосну спасать «приданое» от обысков, добыли там бутылочку керосина и обещание на 15 пуд. дров. Вернулись в девятом часу и, закусив холодным, улеглись спать, вот и весь день, а Лева весь день готовил мне пищу.

Мужик сказал: хозяйство грошовое, а голова работает на миллион.

Немудрено, что в этой растительной жизни, что, предав свое, я куда-то наружу; рано или поздно забудешь себя и потом еще, может быть, как дерево, снаружи и процветешь.

Мне кажется, Алекс. Мих. уже начинает распускаться, по крайней мере, лицо его начинает светиться.

— Насчет бессмертия мое суждение такое, что каждый из нас живет так, будто он не умрет (все умирают, а он, может быть, как-нибудь и выживет), это в особенности про молодость, когда отрицают совершенно загробную жизнь и прочее такое, а живут, как бессмертные боги, это закон (обман) самой природы, и в сознание мы взяли это из природы, так что вера в бессмертие выходит из законов естественных; может быть, идея бессмертия возникла как обобщение чувства жизни-рода, что один умирает, другой рождается; так юноша живет как частица бессмертной жизни, и вдруг его укололо и он разорвался с чувством бессмертия жизни, и тут возникло: «Я — смертен» и после переделалось: «Все смертно — я бессмертен».

«Я» — это закон нарушенного молчания: пока я молчу — я бессмертен, а когда я сказал: «Я — бессмертен», стал смертен: в слове бессмертен (я — слово), в жизни смертен. (Мать, заготовляющая сундук для приданого дочери,— бессмертна, а сын, сказавший: «Я — есмь!», смертен; предавая жизнь нашу смерти, мы создаем бессмертное слово, и очень может быть, что Евангельское слово и есть самый страшный губитель жизни.

4 Февраля. Ив. Карамазов о Смердякове: это лакей и хам... Передовое мясо, впрочем, когда срок наступит. Будут другие и получше, но будут и такие. Сперва будут такие, а за ними получше.

Из этого наверно вышло у Мережковского: «Грядущий хам».

«Получше» — это из меньшевиков с.д. с образованием, разные скуластые инженеры, холодные и дельные люди, самолюбивые (себялюбивые).

Вчера нашелся у Кожуховых кипарисовый крестик на шелковой ленточке, я его хотел привесить к Левиной кровати, но он решительно не захотел, отверг. Он теперь не выносит слов дух, душа и пр. В постели вечером мы говорили о некоторых лицах, одно хорошее, другое очень плохое.

— Какая разница! — сказал я.

— Да, какая разница! — воскликнул он.

— Видишь,— говорю,— какие разные бывают души.

— Души? при чем тут души? и что такое душа?

— Да мы сейчас же с тобой говорили о разнице, хорошая душа, плохая душа.

— Всё из пыски! — сказал Лева.— И нет никакой души, всё из пыски!

Сегодня в ночь мороз сломило.

5 Февраля. Только 47! а кругом все вымерло так, будто мне 70 лет, вот что наделали война и революция.

...Что ты спишь, мужичок?

Весна не весна, а то, что лучше весны: ее небесные признаки; да, скоро весна, вороны уже стали задумываться, потом за месяц до полой воды кошки запрыгают, и пошло, и пошло.

О Достоевском: соединенные образы его — Аглая и Катерина Ивановна, Курсистка, Идиот и Алеша, Горбунья, Мария Тимофеевна, Лиза и пр., Мармеладов, штабс-капитан Лебядкин и из Карамазовых, Раскольников, и Иван Карамазов, и Ставрогин, Настасья Филипповна и Грушенька.

Достоевский делает с читателем почти то же, что его Грушенька с Катериной Ивановной: читатель целует ему ручку, и вдруг он берет читательскую ручку и говорит: «А что, если я-то вашу и не поцелую»... и напакостит. Вот читатель Горький и осатанел от этого, восстал на него, как гордая Катерина Ивановна на мерзавку Грушеньку,— тут хорошее восстание, необходимое.

Писать можно о любимом или что не любишь, но нужно писать по долгу человеческому: первые писатели называются идеалистами, как Тургенев, а вторые (Гоголь, Достоевский) — реалистами; романтиками называются такие идеалисты, которые идеальный — любимый свой мир считают не только желанным, а единственным действительным...

Последствие русской революции надо видеть по закону нарушенного молчания.

6 Февраля. Можно праздновать день рождения своего сына, но свой день рождения — тайный день и самый страшный.

Лидя и Коля — несчастнейшие люди, одна кричала от боли, другой молча умирал, и все-таки жили и радости маленькие в жизни своей имели, этими маленькими радостями держится жизнь вообще.

Илья Николаевич и Дуничка искали, куда поместить свою гордость, свое истинное превосходство, и поместили их в чистоте и порядочности: он работал в честной газете, а она в школе. Немым укором для них жил о. Афанасий с ужасным вопросом: да есть ли в этой честности и образованности какое-нибудь превосходство особенное над ворами и невеждами...

...Иду по улице, ветер, слышу, елки на чьем-то дворе шумят, и вспомнилось мне, как, бывало, раньше такой шум елей услышишь и Сибирью повеет, а Сибирь представляется как великая русская дебрь с неиссякаемым богатством и с этим вместе вся Россия, как золотое дно, и с ними свобода моя и какая-то неиссякаемость. Теперь сразу нет ничего, и ели так шумят, куда все девалось? И тут же: вот что значит единая неделимая Россия: и ветер не такой, и шум деревьев не такой... Главное,

что, как, бывало, эту всю страну представишь, то и человека русского с нею, куда ни кинешь мысль — всюду он — свой... а теперь он ничтожный, отдельный, маленький и в плену, как в сети, кувыркается, и пространства все заключены.

7 Февраля. «Рабпрос» дал в угоду начальству «революционную» пьесу Л. Андреева «К звездам». Был вывешен флаг с надписью: «Коммуна — рай земного счастья угнетенных». Речь говорил т. Успенский, видимо, пьяный, раскачиваясь и заложив руки в карманы, почешется и опять в карман. После спектакля танцевала молодежь, угреватые кавалеры и барышни в шубах (лезли друг на друга), молодежь — три поколения пьяниц, которые уже не могут пить вино, а пьют чай.

В Иване Карамазове изображена загадка сочетания эмигранта с уголовным (со Смердяковым).

«Рай земного счастья» — может быть, тут, в раю этом, мы уже и сидим, только смотрим не туда и видим не то, видим воображаемое нами от ⟨*1 нрзб.*⟩ усилия увидеть рай, видим свои...

Соприкоснулись мимоидущий лик земной и вечная истина (Достоевский).

Земной рай (земное — мимоидущее, рай — вечное).

Невозможность земного рая — невозможность остановить движение. Ergo [1]: социализм есть попытка остановить естественное движение и представить земное в абсолюте.

...Мы почти все переживаем хоть раз в жизни большой восторг, как будто прикасаемся на мгновение к вечности, и отсюда наша мысль о бессмертии и те маленькие последующие радости, в которых смутно, как в затуманенном зеркале, узнаем тот восторг и потому не решаемся отвергнуть жизнь свою.

...И, верно, самому тупице, не способному ни разу в жизни полно принять в себя мир, частию доступна эта радость, и он преследует ее тупо всю жизнь в своем узком деле (и кулак...).

Можно соприкоснуться с вечностью, но невозможно быть в вечности, а социализм хочет быть в вечности, остановить мгновенное соприкосновение и заставить его б ы т ь.

По Великому Инквизитору: эта невозможность заменяется обманом и обман тайной. А социализм — бунт земной вдвойне, и против Христа, и против церкви...

Люблю и восторг мой чувствую о свете в Январе, когда небо голубеет, оживает, зацветает и облака по нем распускаются, как весною лед на реке, открывая живую воду.

Прежде всего люблю этот свет.

Еще люблю я весеннюю воду, особенно в лесных лужицах,

---

[1] Следовательно (*лат.*).

когда в них отражается небо и белые стволы берез, но и воду широкую люблю, особенно в озерах, и сверх всего этого море, как высшее, о чем нельзя сказать просто люблю, потому что превосходно и дивно, как небо.

Свет начинает весну, потом вода и как потом начинает трава зелеными остриями показываться под водой и дыхание ее видно по воде пузырьками — это начинает оживать земля. Я ступаю ногой по земле первый раз после снега, и это прикосновение к земле меня связывает, тяготит, пленяет, я чувствую как бы первое и сладостное и трепетное прикосновение к т е л у.

Лес, в это время еще не одетый, издали, как весною свет неба, манит мою душу чистою любовью, там оживает в это время кора и каждое дерево жизненно выделяется, я ожидаю большого счастья от леса.

Земля нагревается и пахнет сильно, собираются пахать ее и сеять трудовые целомудренные люди, но я в это время уже боюсь ее плена и лес меня отзывает к своей чистоте и невинности. Там орех начинает выкидывать золотые сережки свои и разогретый на солнце комар на прошлогоднем листе сушит крыло, расправляет его. И тут теперь птицы. Поют только самые невинные, самые чистые, а те большие и страстные майские певцы, хотя здесь уже все, но не поют, а бегают, как мышки, по сухой листве. Лягушки еще не начинали свою песню. А вот и запели лягушки.

Земля дышит, муха летает, подняли гомон лягушки и соловьи начали робко, кукушка, свет горячий, воды установились, поднялась трава, зацвели цветы и лес одевается, и я потерял себя... весна для всех начинается, и растеряны все мои ожидания, и знаю, что не мне достанутся фиалки, ландыши и этой весной. Я очнулся уже летом — вот лето!

Свет в Январе.
Осень — окна потеют.
Слава росе.

8 Февраля. Из чего складывается счастье русского, первое, что можно куда-то уйти-уехать постранствовать, куда-нибудь в Соловецкий монастырь, или в Киевские печуры Богу помолиться, или в Сибирь на охоту, или в просторы степные так походить — это тяга к пространству Руси необъятному; и другая половина счастья — вернуться к себе в тишину и засесть на добрые дела — тяга к уюту. Теперь пространство России, как сеть на мелкую рыбу, и первый в сеть попадается тот, кто любит пространство ⟨*1 строка нрзб.*⟩. А там, где был прежде уют, стоит желтый дом с выбитыми окнами и ⟨*1 нрзб.*⟩ дверями: тут солдаты стояли и дом разваливается, и каждый, кому есть нужда, останавливается возле угла ⟨*1 нрзб.*⟩ дома — вот все.

9 Февраля. Радость русского человека самая первая, что можно было постранствовать, в Соловецкий монастырь или в Киевские печуры Богу помолиться, или по широким степям

так походить, или в Сибирь уехать попытать счастья на новых местах, узнавая, как люди живут.

Теперь будто частая сеть накинута на все это необъятное пространство и нет в нем страннику места. У оврага, занесенного снегом, стоит треснувшее оледенелое дерево, и далеко, далеко слышно, как от ветра злого скрипит оно на всю Скифию, и видно при свете волчьего месяца, как хлещут одно о другое его оледенелые ветви. Волчья жизнь вокруг, нет места страннику, только волки подходят к скрипучему дереву.

Нет, куда тут странствовать, вернуться бы в дом блудному сыну — вот вторая половина русской радости: из большого пространства вернуться в дом родной к родному уюту и сесть на доброе дело. Но где же этот дом, где домашний уют. ⟨*1 нрзб.*⟩ стоит желтый в родном городе, в нем побывали, видно, солдаты: окна выбиты, двери растащили на растопку соседи и бросили; один прохожий остановился на углу, помочился, пошел и другой за ним остановился — удобное место; и так все, кому есть нужда, подходят к этому месту только за этим, поганое место.

Диктатура босоты, порожденная государственной винной монополией... откуда-нибудь из спокойного места до того, наверно, понятно, отчего так все у нас вышло и что будет дальше, как и чем кончится эта диктатура босоты, порожденная государственной винной монополией.

10 Февраля. Когда вдумываешься в Достоевского, то ничего не остается неожиданного в современности («без чуда») и как будто в стороне живешь и никакой не было революции...

11 Февраля. Морозы лютые! Месяц просветил. Зато как ярки звезды по ночам! так царят над землей. С Левой каждый вечер говорим о звездах.

Лень — мать творчества и пороков, самая великая лень. И хорошо (если хорошо кончится).

В Иване Карамазове повторяется «Преступление и наказание», только сложнее дело и преступник раздвояется на эмигранта и уголовника (как в действительности).

Черта Ивана: вспыхнув для действия, внезапно охладевает (понял!).

12 Февраля. Нет ничего. В пустоте мародеры города, мужики и евреи работают.

— А это? — указывает на одежду на мне.

— Это на мне.

— Не продается?

Готовы все купить совсем с мясом.

В обычной жизни автор живет, как земельный собственник: владелец земли поступает так, будто он один владеет и для себя

одного, между тем его существо выше, и право на собственность — один миг в жизни земной коры, и смысл (бессознательный) его жизни состоит в том, что, работая для себя, он работает для всех — невольно (бессознательно) он работает в коллективе; так и автор только воображает, что творит без читателя: на самом деле он находится с ним в бессознательном содружестве; теперь, я думаю, нарушена эта внутренняя наша связь (хотя извне коммуна) и потому нет творчества.

Зимою 1916 года министерство торговли командировало меня на верфи в Нью-〈*1 нрзб.*〉 и я там застрял до весны 1920 года — до теперь: весна теперь, еще одни сутки переезда в ужасных сыпных вагонах, и я буду на родине, в одной из центральных губерний России (описание всего, что случилось, по рассказам очевидцев).

16 Февраля. Когда я сказал, что вселенная бесконечна, Лева вскричал:

— Враки, не может быть, никто этого не видел!

Я его убедил, как мог. Сегодня говорю ему что-то о Боге.

— Нет Бога, враки.

— Нет разумного существа?

— Существо? враки.

— Духа?

— Духа! враки, есть природа.

— Но кто же начал все?

— Начал? ты вчера мне говорил, что нет конца, ну вот так и начала нет.

Тут пришлось объяснить, что Бог — это теория жизни и что такое теория и как она необходима нам, и, в конце концов, дал ему понять, что образованному человеку теория необходима, а недоучке не нужна: отвергают Бога у нас обыкновенно недоучки и дети, начавшие проходить естествознание...

17 Февраля. Так называемая «популяризация науки»: проповедь безбожия среди дикарей и всезнайство.

18 Февраля. Вот формула: пока не изменится общий строй жизни, из этого «родного края» немыслимо стронуться.

Ну, и успокойся, беспокойное сердце, в этом маленьком флигеле на планете Земля с воспоминаниями о своей прошлой странной жизни и в созерцании ежедневного восходящего солнца.

Безумно очертенел Скиф — мародер интеллигенции, строящий мину, что он является ее благодетелем и кормит ее... самый страшный — это вкрадчивый и участливый Семен Андреев, соблазняющий какой-то необыкновенной редькой: высматривает какую-то вещь, какую, все равно, лишь бы вещь, он нащупывает — не продается ли:

— Бутылка?

— Нет!

— А Спаситель!

— Нет, вот ширмы (надо в следующий раз изобразить это страшное чувство дележа риз («и ризы Его разделили»).

19 Февраля. Хлеб и воля элемент жизни: радость жизни, а вместе свобода.

Стоят морозы «сретенские», очень крепкие, но среди дня солнце так пригревает, что тает верхний слой тротуаров до золы, которой в разное время посыпают у себя под окнами жители; зимой не увидишь темных сплошных зольных тротуаров, а теперь все тропинки темные и даже вечером видны темные при блеске ярких февральских звезд. Зима уходит, прощается, ярко блестя на прощанье звездами, а весна показывается темными зольными тропинками.

Вчера Скиф был.

— Вот,— говорит,— жизнь!

— Жизнь! — отвечаю.— Ну, а что греха таить, Иван, мы с тобой, слава Богу, сыты.

— Сыты, Михаил Михайлович, да нишь этим одним жив человек?

— Не единым хлебом?

— Хлебом, и еще человеку нужна воля.

Вот эта воля-то и оказывается радостью, когда видишь весенние тропинки, это воля зовет...

Чаще всего любовь к людям бывает оттого, что самому хорошо — «добрые люди». А злой человек испытывается на зло, когда ему хорошо: он злой, если в благополучии своем все-таки не желает людям добра.

Рабочий контроль

Вчера какой-то мальчишка бледный со взъерошенными волосами остановил меня при получении жалованья:

— Погодите, товарищ, получать жалованье, пойдемте со мной.

Он сел на стол и стал грызть подсолнухи, другой сел и стал грызть подсолнухи, к ним подсела хромая и горбатая девушка, которая им непрерывно говорила:

— Павел Михайлович, Семен Николаевич,— а они с ней снисходительно.

— Ну, товарищ, говорите, что вы делали за это время.

— Занимался архивами.

— А разве есть архивы?

— Как же...

— И порядочно? — сплюнул подсолнухи.

— Порядочно!

— Порядочно? — сплюнул другой.

Социальная вошь

Гудкова. Похожа на советскую вошь, вычесанную из косы неопрятной курсистки. Она прижилась к этим советским ребя-

там и с ненавистью смотрит на меня (ее амплуа было по ее образованности). Она до того с ними наторела, что долго затруднялся, как и чем бы раздавить эту советскую вошь. Наконец я достиг, я поймал ее, я готов был с радостью раздавить ее, как вдруг слышу от нее: «Пожалуйте, Михаил Михайлович», и пошла, и пошла все по имени и отчеству; с тех пор она стала служить мне...

С весенним светом весенние слухи, будто поляками Смоленск взят и Брянск (ерунда!), и в то же время такая ненависть поднимается к существующему и так понятно вспоминается экстаз юноши при Мамонтове, который в счастьи бил жидов...

Милый свет утренний, когда люди все спят, это весеннее, это весеннее: тут свет один с тобой, он твой близкий, единственный друг, начинает с тобой новое дело.

(...Он выкинул из цепи чувств два-три необходимые звена и сказал Наташе, она смутилась и смущением своим как бы говорила ему: «Я сама этого очень желаю, это самое мое большое желание, и тут все мое, но так же нельзя, я ничего так не могу ответить, находите только скорее, скорее выход, а так нельзя». Он схватил ее руку, поцеловал, потом вдруг поцеловал ее в шею. Она совершенно смутилась и замерла. В это время позвонили, и они разошлись. А утром за чаем он сидел, опустив глаза, и вдруг увидел, что она подвинула ему молочник, и, поняв в этом движении что-то материнское, свое, поднял глаза: она была своя...: выкинутые звенья цепи (заросло). Вечером, когда они остались одни, руки ее были свои, руки, шея — своя шея, и он даже сделал успех: поцеловал в щеку. Потом день ото дня все тело ее постепенно переходило в его владение, и они заключили брак: Наташа Розанова и Николай Николаевич Володин сочетались браком.)

Зима прощается яркими звездами, весна подходит сухими тропинками.

Зима прощается. Я иду и смотрю на созвездия ночью.

Весна подходит теплыми полднями. Я иду под капелями: солнце в барашках по синему.

Ночью прощаюсь с зимой, я прошу себе силу, или поднять в себе силу последнюю сказать теплое последнее слово со звездами, или пойти по весенней тропинке, но туда, в страну настоящего, куда ведет Млечный Путь, 〈*3 нрзб.*〉 полной минуты, в которой вся жизнь. Днем под капелями жду первой тропинки, чтобы уйти по ней встречать полную жизнь.

А вокруг везде социальная вошь, разъедая тулупы скифов овчинных, рядится в френч и бекешу, посыпаясь пудрой.

— Сукины дети! — сказал первый прохожий.

Второй прошипел:

— Освещение, просвещение!

Третий:

— А взять нечего: ни хлеба, ни соли, ах, су-уки-ны дети, ах, сукины дети.

Зима прощается яркими звездами: возьмет ли и меня с собой к звездам? Весна проходит сухими тропинками: уйду ли с тобой?

Идешь, а над головой рассыпаются звезды: зима прощается яркими звездами...

20 Февраля. Судьи наши постановили вместо наказания осужденным пройти курс школы грамотности при народном Университете: воры и спекулянты, пройдя школу, будто бы перестанут воровать-спекулировать; акт называется «ликвидация безграмотности».

21 Февраля. Мороз ровный стоит по ночам. Идешь — над головой рассыпаются звезды. Зима прощается яркими звездами.

И утром нет тепла — все мороз, но свет весенний, и куры чувствуют свет: холода, как зимой, а они веселятся, воробьи, галки.

Законы и жизнь: законы и законники всегда насилуют, и жизнь от них всегда терпит, страдает, ворчит, а после служит им благодарственные молебны.

Вычисление орбиты светила или молитва ангельской души, светящие нам с неба темной ночью: почему и как.

Я и Отец одно — почему и как одно — законник и художник одно.

22 Февраля. Погода — все продолжение Сретенья, встречаются в полднях зима с весной, к вечеру расходятся. Зима одна ночью прощается яркими звездами, а утром встает солнце и в полдень весна идет навстречу зиме своими тропинками.

Это мое счастье — радоваться солнцу так сильно. А что же есть счастье вообще? конечно, та же радость бытию (про себя) при всяких даже условиях до того, чтобы улыбнуться солнцу при последнем вздохе. Радоваться небу, солнцу, траве, выйти на дорогу, обрадоваться встрече с человеком и разделить с ним путь до его села и в селе этом, чтобы просто обрадоваться всем людям, поговорить, попеть с ними и расстаться так, чтобы дети долго потом вспоминали про веселого странника.

Это счастье никак не связано с удачей, но часто удача бывает от счастья; даже напротив, только измерив жизнь в глубину своей неудачей, страданием, иной бывает способен радоваться жизни и быть счастливым; удача — это мера счастья в ширину, а неудача есть проба на счастье в глубину.

Кстати, в мещанских романах с «хорошим» концом описывается всегда удача, а не счастье, и омерзительны они именно

тем, что ставят счастье в зависимость от удачи. Я говорю окончательно о счастье: счастлив человек вольный, ему подвластна ширь земная и в царстве небесном ему дадут земные ризы.

— И совершенно счастлив тот, кто умел подарить свою волю другому и стать свободным: это счастье вечное и ему будут вверены свет и утро вселенной.

Был у нас такой Иван, купеческий сын в Ельце, Сергеевич по отчеству и прозывался Кожуховым — счастливый малый! и собой нехорош, лопоухий какой-то, и нет у него никакого образования, а кажется и собой хорош, и окончил всякие университеты. Он все имущество свое родовое раз потерял до нитки, и тут же ему было дано...

Ночью проснулся в свете сознания, и Эвклидов разум был мой, как хорошо смотанный клубок ниток лежит покойно...

О браке и сожительстве: брак небесного происхождения — это решение; а сожительство — опыт, приживемся, будем жить, нет — разойдемся. Там мысль об искуплении и празднике своем на весь мир (и нерасторжимость: всю жизнь вместе).

И вдруг у неверующего интеллигента эдакий православный порыв — откуда это?

Старые мысли: брак по любви и просто брак; церковный брак: идея его (вечность союза) украдена отцами церкви из естественного чувства любви, и потом к этому присосались разные чиновные пауки (оберпрокурорские спицы); тут двум нужно перед кем-то поклясться в верности (жрец и нотариус).

Движение к гражданской свободе или перенесение мощей в контору нотариуса.

Все так понятно; но откуда же взялось все-таки такое качественное различие брака и сожительства в сознании самих любящих?

23 Февраля. Радость первая о свете весеннем приходит в белых ризах: так все и поднимается широко все белое и сгорает зима в полднях на солнце. После начинается голубая весна, она заглядывает на вечерней заре из окошка: снег голубой и тени голубые.

Через сколько-то лет. Россия опять стала Россия, с какой гордостью русский скажет тогда, что в порыве своем доходил до конца, до ощущения всеми элементов бытия хлеба и воли...

Чудище (ч. к. в красном с крестом, руки женские)... вторжение ч е к и с т а (ч. к-ста), в чем ужас его: он входит в вашу квартиру внезапно, застает вас врасплох со всем вашим тайным бытием и рассматривает вас как элемент общественности и ведет себя так же, как в общественных местах, не снимает шапки, плюет семечки, с великим трудом вы вчера достали воды, жена ваша сама решилась, наконец, в холодной комнате вымыть больными руками полы; и вот вмиг все заплевано и захожено

следящими валенками; между тем он вошел к вам на основании декрета и мандата о национализации музыкальных инструментов: ему нужно достать рояль для музыкального общества, для общества, и вы должны чувствовать себя по отношению к своему роялю так же, как и он: все для общества. После в борьбе за существование стали этим пользоваться и граждане: обыскиваемый берет тот же тон, как с общественником, и на основании тех же мандатов и декретов выгоняет его из квартиры.

Вместе с весенним светом заключенные в коммуну начинают творить легенду своего избавления, я отмечаю некоторые: что на Юге сам Жоффр, на Западе Фош, что Шкуро куда-то прошел через Брянск, что белые уже возле Харькова и к Пасхе будут у нас и пр.

Русский опыт социализма — есть ли он опыт и для всеобщего социализма? несомненно, чтобы удержать власть, придется везде устраивать «комитеты бедноты», значит, все разрушить до основания со всем следствием из этого: голодом, холодом и болезнями.

Старый и Новый завет в двух заповедях:

1. Блаженны вольные люди: в Царстве небесном даны им будут ризы земные.

2. Блаженны люди свободные, отдавшие волю свою на благо всем: в царстве небесном им будет вверено утро вселенной.

24 Февраля. Легкая метель вчера ввечеру перебила ясные, полднями выгорающие морозные дни, и закрылись яркие прощальные звезды. Утро вышло из этого теплое, с нежным снежком-порошей, с низкими, быстро несущимися облачками и голубыми просветами неба.

Некий естественник Волгин доказывал на съезде учителей, что естествознание — великая сила бороться с невежеством народа и, напр., с их постами. И еще: вместо сказки о тесте причина поднимания теста, вместо лягушки-принцессы лягушка сухопутная и водяная, словом, все ответ на детское «почему», а не как совершается и что совершается.

Прозелит, оторвавшийся от своей хозяйки-идеи, в момент перехода к другой хозяйке на службу, наверное, всем новым восторгается, так восторгается и естественник, оторвавшийся от идеи Бога со всеми сказками мира...

И все еще представляет себе врагом какого-то попа, утверждающего, что солнце и вселенная вертятся вокруг земли и человека. Между тем какой-нибудь нео-католик, наверно, больше знает из естественных наук, чем этот Волгин... вот его примерные слова: (человек остается по-прежнему) вы, конечно, доказали, что человек происходит от обезьяны и, как всякое

животное, вращается вокруг солнца со всею землей, но Я, мое сознание? вся вселенная по-прежнему движется вокруг меня и по-прежнему Я — папа и вселенная движется вокруг меня. Спор продолжается: гениальный Моцарт творит из себя вдохновенно, а Сальери всему учится.

Гений выходит из красоты: гений — дитя красоты; красота — мать гения, знание — мать рабочего... У Адама было два сына: Авель и Каин, Авель занимался искусством, Каин — науками, ученый — блудный сын красоты.

Дела: узнать песню «Чубарики», достать нашатырь.

25 Февраля. Солнца нет за облаками?

Или солнца нет за облаками?

Что вы туманитесь, почему вы пасмурны, как природа, или солнца нет за облаками?

Пасмурно с намеком на весенние туманы, когда чувствуешь, что за туманом солнце весеннее, и так зовет начать что-то совсем иное, как будто нет и не было прошлого и только вечно новое начало жизни. Зарождаются удалые вольные начинания в пространстве русском бесконечном, как вселенная, и эта тяга в пространство сочетается как-то и с чувством уюта родной земли.

Я русский человек, потомок тех самых защитников европейской «культуры», которые столько лет сами не знали, что спасали Европу от Азии. Я такой русский человек, который пропьет, променяет и растащит всю свою родину, а европейская святыня, чужая ему, но отдаленно-прекрасная — на нее не посягнет. И вот почему я никак не могу участвовать с вами в походе на Европу, которая непременно будет разрушена до основания, если власть очутится в руках «беднейшего из крестьян».

Конференция баб и козий загон (Рабпрос), бывший диакон Казанский (большевик ныне) живет, кормится, подворовывает у советской власти (казна!), а когда доходит до совести, то расшибает себе лоб в клятвах верности большевикам, клянется и Христом, и Богородицей, и весь этот энтузиазм диаконский имеет источником его единственный козырь: снял сан, оставил дьяконство (в газетах было даже напечатано, что на каком-то собрании диакон Казанский разорвал свою рясу).

Недра земли разверзнулись (бабы приехали на конференцию). Ясли:

— Не отдадим вам своих детей!

— Мы вас освободили от свиней и коров!

— Уж и освободили!

— У вас мужики (дезертиры) прячутся под юбками.

— У вас жиды в штанах.

Прозелит из большевиков:

— Наши комиссары теряют свое родное здоровье...

После вопроса о яслях:

— Теперь переходим к транспорту.

— Какое же это **верноправие**! (В красном платке баба перечисляет все беды.) Верно, делегаты? Верно! — И хлопнула руками.— Верно!

Аплодисменты. И она аплодирует.

— Мы толстоухие: слушали, слушали и ничего не поняли...

— Я родом крестьянка слободы Задонской: мужик пьяница, мужик нечесаный, у мужика ума нет, а поди вот куда мужик вышел, всем светом командует.

— Поступиться куском свинины я не прочь, да ради кого.

— Мы будем осушать болота, и когда осушим, земли много будет, машины работать будут, а мужик будет выходить только присматривать.

Два сфинкса

Гроднер (зав. отдел. народ. образ.) держал речь к интеллигенции (Рапрос), и она ему, необразованному рабочему, казалась таким же загадочным сфинксом, каким казался интеллигенту простой русский народ. И вот он, этот прежний сфинкс, разгадан: у этого шахтера в кармане револьвер, волосы напомажены густо, речь его претенциозная, нахальная. Но как он ни дерзает, все-таки где-то в душе чувствует, что сфинкса-интеллигенции ему не разгадать никогда, и пусть эта елецкая интеллигенция стала такой, что сама не сознает своего значения, все-таки за нею где-то скрывается недоступное этому шахтеру (сфинкс молчит: ни одной песенки не спето, ни одного стиха...).

Гроднер: самолюбие, злоба, практика; ему никогда не понять сфинкса-интеллигенции: свободы, творчества, личности. А что в простом народе не могли понять интеллигента: его... (сравнить и развить).

Писарев и Зинаида Ивановна: оказалось, что интеллигентность их была только внешней (чувство непереходимой черты — это исчезло из сознания, и интеллигенция впала в большевизм). (Через обывательство в большевизм.)

26 Февраля. Алек. Влад.:

— Нет, наша интеллигенция никуда не годится, нет в ней ничего теперь, так все прошло в истории, и себя она больше не сознает.

— А может быть, есть что-то в ее молчании?

— В молчании? новый сфинкс? Но кому сфинкс, Мих. Мих., какому-нибудь невежественному большевику?

Стража народного молчания опустила свои ружья, власть пала, закон молчанья был нарушен, и каждый стал говорить.

Покрывало со святынь было сдернуто, мощи были перенесены в контору нотариуса и всюду объявлено, что сфинкс простого народа разгадан, он больше не существует как загадка миру.

Тогда по закону нарушенного молчания взяли верх в голосах самые дерзкие и заставили молчать всех других и приставили к ним новых сторожей молчания с оружием в руках. И тогда новый сфинкс стал в России и закутался покрывалом.

Я живу в недрах нового сфинкса, молчащей интеллигенции... вчера она рукоплескала оратору, начальнику, барину-актеру с напомаженными волосами с револьвером в кармане, который говорил, что интеллигенция наша была народнической и сидела между двумя стульями, как «третий элемент»: с одной стороны — темный жалкий народ — она за народ! — с другой — дворянство — она хотела бы жить, как дворянство. Поэтому она не пошла с народом, когда народ остался один. Вот все и наши учителя ему аплодировали. И между тем эти же самые люди прислушиваются ко всяким базарным вестям о движении белых и радуются их успехам — вот настоящий-то сфинкс!

И тут опять человек из подполья, не истребимое рабством 〈*1нрзб.*〉, *я* — дух своеобразия, дух различия и тайн.

Транспорт: мешки и салазки.

Ноев ковчег: мы тут (интеллигенция) до того сжились и так опротивели друг другу, что узнаем друг друга ночью по звуку голоса, по походке. Вчера потухло в зале электричество, и по силуэтам у окна можно было всех узнавать, собрание без всякого ущерба продолжалось в темноте.

Вчера встретился д-р Сумм ночью, я подумал: вот еврей честный, он, конечно, плутует при добывании продовольствия и в борьбе за существование не меньше русского Писарева, но умеет на известной черте остановиться и сохранить свое достоинство, а после по черте гуляет-плавает, как утка на воде (Розанов: грех, как гриб съел).

27 Февраля. Интеллигентный человек от простого и простой от животного отличаются разными отношениями в представлении себя во времени.

Свойство гениального человека: напряжение момента действия (как простой человек) в отношении вечности: гений (земли) скрывается в простом человеке (баба), ему не хватает чувства вечности (небо).

Каждая из этих говоривших на собрании баб могла бы стать Шекспиром или Толстым, если бы могла чувствовать вечность (небо).

Лектор Волгин хочет освободить простой народ от обряда с таким же успехом, как большевики хотят освободить деревенскую женщину от коров и поросят (освободили! нет коров, нет поросенка, нет овцы, до кур добираются).

Наша детская радость, как мячик, а в мячике горе заделано — верно вам говорю: в нем горе заделано. Раз подарили Сереже мячик как мячик, и какой Сережа мальчик стройный, ловкий. Стал он играть в мячик.

Мячик радости прыгает, а горе, заключенное в нем, мается и как-нибудь... раз! проткнулась резинка, вышло горе, и мячик больше не прыгает. Спина горбатая — гора сзади и горькая доля.

После к горю, как к горе, привыкают: стоит гора, ничего не поделаешь, ну, день за днем, год за годом протопталась тропинка по горе наверх, а сверху видно, как всюду там, в долинах, мячики — радости прыгают. Так это хорошо смотреть, так чудесно, как другие радуются,— нельзя ли по горе спуститься в ту долину? и спускается странник в ту долину: «Мир вам, дети!» — и радуется вместе с детьми, хотя знает, что за его спиною гора горя стоит и что у каждого из этих детей, играющих в мяч, вырастает за спиною горе.

Речь для детей-естественников.

Прошлый год собрались, когда цветут яблони, теперь вы собрались, когда зима только что начала прощаться с нами яркими звездами и весна полднями приходит тропинками по золе, по навозу. Вас горе научило: холод и голод зимы вы почувствовали и обрадовались весне далеко до того времени, когда зацветут яблони. В борьбе чувство жизни и красоты (степь и гон зайца).

1 Марта. Дня три прошло — ни признака мороза. Небо туманно-весеннее. В городе у Собора проталинки, обнажаются тротуары, бегут первые грязные ручьи.

О будущем: весною начнется (и, по слухам, уже начался) полный распад красной армии. По-видимому, не будет организованного наступления, но очень возможно, что какой-нибудь отряд возьмет силу и пройдет до Москвы...

2 Марта. Весна продолжается, углубляется, начинается то чувство, когда ожидание кончилось и начинается тревога, что весна-то весна, а поди возьми ее.

Всякое произведение искусства рождается из встречи мгновенья текущей жизни земли с вечностью: произведение искусства — памятник по умершему мгновению жизни.

Мир — это наше представление, а художник верит, что это действительный мир: свое представление он считает за действительный мир; он должен быть настолько наивен (и глуп), чтобы верить в это свое, как в действительность.

Искусство — это смерть живой жизни: оно ловит мгновенье, оставляя после встречи с ним памятник,— охотник за жизнью.

3 Марта. «Слово о погибели» от Мих. Ив. Черняховского («революционные мощи»). Запрет слова: нельзя прочесть свои рассказы.

4 Марта. Проф-союзы — союзы и Щекин: деятель в пустоте, его самолюбие таково, что и в пустоте действует.

Зачирикал воробей, и душа осовела.

5 Марта. Гладиаторы русской коммуны: сначала это были разные честные военные, носившие в себе идею отечества, потом, когда такие перевелись, для народа пустили театр и вывели на сцену художников. Да и что там! каждый порядочный человек на Руси был гладиатором.

О театре (в союзе почтовом моя лекция на сегодня). Древний театр: церковь. Новый театр: Александринка.

Начало: чувство поэтов перед революцией (Блок: землетрясение) на острове культуры русской.

Я как писатель, неизвестный собранию: известность не достоинство, что пóшло, то пошлó: Амфитеатров, Вербицкая. Гордо замкнутый кружок декадентов — гримасы его: футуристы.

7 Марта. Весна — недоносок.

Бежит вода, блестит вода при луне, а не весна! потому что не так сильно бежит вода и не сильнеет, а ровно изо дня в день установилась, остановилась, ни весна, ни осень, ни зима. Сыро и ветрено, облака — одни, верхние, неподвижные, средние плывут, нижние мчатся, будто души скоропостижно умерших людей. Гремят оторванные крыши — нет хозяев, некому прибивать железо, весь город гремит, дома, как гробы, будто разбивают забитые крышки над мертвыми, встают мертвые и вот мчатся куда-то скоро под луной.

И если, правда, Страшный Суд и Архангел с трубой покажется, я не ускорю шаг, нет! мне кажется, я это уже когда-то не раз пережил, старое, привычное дело.

Нет! герой моей повести, придя домой, разве только покрепче двинет засов у ворот, завяжет мешочек с мукой и пшеном, чтобы в случае суматохи, беготни не рассыпалось, и уляжется спать.

И пусть падает звезда на звезду, солнце на солнце — мне-то какое дело! Я не участвую в этом движении, я давно остановился.

Бог! мне какое дело! Черт! мне какое дело. Я уверен, что и они мною не интересуются и обойдут меня, я останусь сам по себе, светопреставление пойдет по своей законной орбите. Ну, вот и мои ворота. Греми, железо, мчитесь, облака, мой флигель стоит в глубине двора по-прежнему: ничего ему не будет, и он есть ничто.

Ал. Вас. Ростовцев и Щекин-Кротов (и мать моя была такая!) — у них души нет, и оттого они теперь действуют (пусть он занимается ликвидацией безграмотности, а он топит четыре печки навозом, занятие равное).

Разговор:

— Слышишь, что это? будто из пушки.

— Это крыши оторванные гремят: сильный ветер.

— И вот еще!

— А вот! конечно, крыши, чинить некому, ветер; посмотри, как быстро бегут облака, вот эти нижние, будто души скоропостижно умерших людей.

— Какая жуть. Слушай, скажи мне, почему все страшные, немыслимые раньше события совершаются, и так они затрагивают людей близко, физически и в то же время будто и не касаются: все живут совершенно по-старому, неизменно, и никакого обращения Савла в Павла не происходит. Что это? или душа человека неизменна и катастрофы в ней — сказка?

— Нет, я не думаю, что сказка, а что душа наша утратила возможности, потому что умерла, мы живем телами, а души давно умерли.

— Знаешь, сохранился тот, у кого раньше души не было человеческой.

— А что такое душа человека, чем отличается она от животной души?

— Страданием, конечно, только страданием, с тоской о том, что она не такая, как животная, и совершенно одинокая и отдельная.

Иногда животная душа и человеческая так близко сходятся, что и не отличить, если смотреть и сравнивать по уравнению: только источники разные.

Когда-то Россия спасла Европу, приняв на себя удар Азии (Тамерлан и проч.), теперь спасает Европу, принимая на себя удар е е социализма, страшный удар! Татарский удар пришелся по телу, эти удары прямо по душе, по интеллигенции, которую вывели на растерзание зверей, как древних гладиаторов.

Щекин-Кротов сказал публично: «Я не верю в культуру!»

9 Марта. Починка моста и ликвидация безграмотности.

Вода, навоз, сырость — весна! калоши худые, сапоги худые... вдруг вижу себя окруженным змеистым ручьем, кружится, смеется, вокруг меня извивается, и так я обрадовался, что я — дитя своей 〈*1 нрзб.*〉 земли...

10 Марта. Пошла река.

Вечером перетащили ферму (моста), а ночью пошла река — вот как наши работают.

Грачи прямо к нам на двор прилетели. По слухам, распустилась верба.

11 Марта. Пустое время назади! такое, кажется, быстрое! Зима уже где-то далеко позади со своими звездами.

Я боюсь, что и весна так со своими тропинками пройдет в пустоте и чувство природы оставит меня...

12 Марта. Елена Яровая.

Как быстро время зимы прошло в пустоте. Иду по слякоти и вспоминаю — нечего вспомнить. Только звезды последние зимы вспоминаются ярко, будто в пустом межпланетном пространстве (даже без эфира!) летел между звездами,— так быстро прошло это время.

13 Марта. Последний «Божий» день.

Тому страшному богу отдаю это прошлое в жертву, на тебе, Боже:

— мать сожгла последний деревянный стул, все деревянное в доме было сожжено, и даже обеденный и кухонный стол. Теперь, когда тепло чугунки спало, семья — мать, три девочки и два мальчугана — решилась с наступлением темноты идти воровать дрова. В это время под окном постучались и голос отозвался свой: хозяина дома, отца семейства Ивана Михайловича Журавлева, прибыл с «позиции». Вошел и сел на кровать и склонился, прямо не раздеваясь, к подушке, весь горячий, весь жаркий. Первая прижалась к нему, жаркому, девочка Лёня, самая маленькая, а потом все к нему, жаркому, прильнули, и мать тоже, и всем было от него тепло всю ночь...

...Иван Михайлович и жена его Мария Ивановна умерли от тифа во время кризиса, а дети все перенесли тиф, но потом, слабые, замерзли. Сейчас их домик стоит пустой, его сразу узнаешь даже в темноте, даже когда и в других домах нет огней, так узнаешь почему-то, глаз наметался, и сразу узнаешь эти пустые, нежилые дома.

Было вроде этого тоже с соседями Коноплянцевых, тоже вся семья без отца залегла в тифе. Узнав про это, Софья Павловна возьми да и пошли им из последнего своего запаса белой муки хлебец. Верно, и другие соседи тоже кое-что послали, потому что вся семья выжила и справилась, но белую булочку прислал только Коноплянцев, это редкость великая и ценность такая, что — доктор это утверждал — не будь тут белого хлеба, вряд ли бы мать оправилась. А как оправилась, так сейчас же и стала говорить про Коноплянцевых: «Прислали раз и нет больше! как бы не так: у них этой белой муки-то еще покойник протопоп напас, насыпал по щелям сколько! — доброе дело! от великих богатств лепту внесли». Как-то вечером, ночью даже, привезли Коноплянцевым на трех подводах лузгу для топки в мешках. Конечно, соседи заметили, что в мешках, и наутро уже говорили и разносили по всему проулку: будто бы 250 пудов крупчатки привезли Коноплянцевым, где-то ее прятал еще протопоп, а теперь вот привезли. Коноплянцевы дрожат теперь, что слух

дойдет куда надо и назначат обыск и отберут пять пудов ржаной муки, выменянной у мужиков с редким счастьем, на полотенца и простыни.

Я к тому это рассказываю, что вот как жалко людей, а просто и пожалеть нельзя, главное она, Чертова Ступа, завертывает, что никак нельзя человека жалеть и можно только себя самого спасать: кто посильнее, тот и спасается. С булочкой случай был еще прошлый год, когда были так наивны мы, что жалели, а нынешнюю зиму вот целая семья Ивана Михайловича Журавлева замерзла, и ни одной щепочки дров не принесли и корочки хлеба.

Начинается все это, я так думаю, если взять план самый большой в разделении целого: человеческое дело выделяется из общего мирового как самостоятельное, глаз, обращенный к нему, ранее обертывался к человеку в поисках небесного в человеке и находил это, а теперь разведка идет в человеческом, только человеческом, и первое разделение приводит ко второму разделению, в самом человеческом. На почве этого разделения показывается социальная вошь с теорией классовой борьбы, которая приводит к гражданской войне, и эта война порождает уж в конечном итоге физическую вошь, поедающую тело обездушенного человека.

То же если и стать на сторону тех больных, которым человечество поднесло булочку: ненависть к этому человечеству стала у них постоянным состоянием и как бы питанием души обиженной, и вдруг за булочку мир...

14 Марта. Первый наш дѐнь.

В блеске, в славе стало солнце и засияло морозно-весеннее лучезарное утро... итак, братья, любовь сказывается только в деле: дело — это слово любви. Любовь молчалива и разговаривает только делом.

В лекторском бюро:

адвокаты говорили о литературе в связи с экономикой: — вчера говорили слепые о свете чрезвычайно умно.

16 Марта. Вчера я лег «отдохнуть» после обеда, и в тот момент, когда засыпал, меня позвали явственно и очень радостно: «Миша!» Я сразу очнулся и сначала подумал, что мамин это обычный встречно-радостный голос, но Саша, и Коля, и Лидя могли так же позвать меня, какой-то соединенно-родственный солнечно-радостный зов. Главное, что так отчетливо и живо: «Миша!» позвали покойники.

Я не думаю, что это меня «туда» зовут, и, вероятно, в психологии есть точное объяснение этим зовам (какая-нибудь звуковая галлюцинация), но все-таки... мы же ничего не знаем о их загробном существовании.

Вчера слышал, что будто бы в Германии совершился монархический переворот.

Ходили с Левой и доктором к Королю: настоящий король, и подданные его коммунисты (письма: «друх»).

17 Марта. Сегодня туман не дал полюбоваться весенним солнечно-морозным утром, как хороши теперь эти заморозки утренние и вечерние, чувствуешь себя легко, как летом на крайнем севере.

Читал дневник Шингарева, остается цельное впечатление о хорошем человеке русском и завязывается даже зернышко веры в будущее.

Малышев неглупо сказал о Левином отрицании Бога («всё из пыски»): «Мы начинали с Бога, а кончили неверием, а он начнет с отрицания и потом придет к Богу».

Рабочая коллегия поставила вопрос «о пригодности Пришвина для преподавания литературы». Сегодня в испытательной комиссии будет разбираться мое заявление по этому поводу (сущность вопроса: Писарев хочет отстоять принцип чиновника от всяких случайностей).

В газете напечатано о перевороте в Германии. Публика говорит: «Этого и нужно было ожидать».

Мих. Мих. Синельников покупает «фарфор, бронзу, табакерки и пр. старину», трется около дворян: род вши: социальные вши и мыши.

Елецкое житие.

А разве и я, как Шингарев, не чувствовал грядущей гибели России (в свое время), но испытанное отвращение к «социальным вшам», к их пустоте поставило в моей личности всепоглощающий вопрос: найти себе содержание личное, и это личное содержание было в свободе писателя...

18 Марта. Наш союз Рапрос, разыграв трикотаж, приступил к разыгрыванию ботинок, все говорят, что Писарев украл мануфактуру.

По вчерашней истории с хлебом вник в недавнее прошлое с полным разочарованием: ничего не остается хорошего.

В газете напечатано «Монархический переворот в Германии». Обыватели спрашивают: скажутся ли как-нибудь («отразятся» ли...) эти события на нас?

Я себе поставил задачу додуматься, что этот переворот приведет в Германии к монархии или же будет началом гражданской войны, как у нас, в которой меньшевики пойдут со спартаковцами и сотворят разруху? Шейдемановщина — Керенщине, Тирпиц — Корнилову. Условия наши (фронт и аграрн. вопр.) не существуют. С другой стороны — организованные рабочие, 50% населения. Я склонен думать, что рабочие Терпода свергнут, водворятся спартаковцы, но не знаю, насколько поддерживается выступление монархистов Антантой: может быть, для тех нужна монархия?

Почему умеренные (эволюционные) партии социалистов никогда нигде не могли удержаться у власти? Потому что они действуют в государственных вопросах только, как человек, и государство хотят сделать чисто человеческим. Между тем государство занимается не только человечеством, но и природой животной человека, и кто взялся за государственную власть, должен действовать и как животное, как зверь. Так что по мере «углубления» революции должны в состав власти проникать преступные, звериные элементы, и власть, действуя именем того же человечества, поступает по-зверски. Гуманизм (мечта поставить человеческое дело над государственным) остается в воздухе как апокалиптическое пророчество о льве рядом с ягненком.

Можно теперь сказать так: старая государственная власть была делом зверя во имя Божие, новая власть является делом того же зверя во имя Человека. Насилие над обществом совершается в одинаковой мере, только меняются принципы, имена: на скрижали было написано слово Бог, теперь Человек. Ну, вот какое же все-таки грандиозное дело совершается на земле: перестроить все народные массы лицом к иному богу — это и есть дело социализма, и как это ни странно, а большевизм является государственным элементом социализма.

Между прочим, вспоминая прошлое, как это курьезно сопоставить то чувство негодования, когда узнавал, что вот такого-то мужика большевики, вымогая сознание в своих деньгах для чрезвычайного налога, опускали в прорубь, и когда мужик измучит тебя своей алчностью при менке пиджака на дрова, скажешь: «Ну и хорошо же, что большевик окунул тебя, зверя, в холодную воду».

Потом еще вот что: неверие в Бога, разруха семьи и пр. — в сущности, есть состояние души современного человека и направление его жизни, но так как имена на знаменах другие,— то получается ложь и, главное, не складывается быт; если же все это назовут своими именами, то начнется жизнь правдивая (как Лева говорит, что «всё из пыски»),— которая приведет к истинному Богу.

И что же? Пусть расплавится весь чугун европейской культуры, и по огненной реке от нас шлаки цивилизации?

Нечто о звере, присущем составу понятия о государственной власти, как этот зверь, переменяя свою божественную личину на человеческую, обнажил у нас в России истинный свой лик (вспомнить, как бабы запели «Кипит наш разум возмущенный»). Однако все-таки, какому бы лику зверя ни молился Иван, все-таки между ними, Иванами, есть такой отличный (и чем-то каждый Иван отличается от другого), который, отдавая Кесарю должное вместе со всеми, имеет свое, Иваново, отличие, и в этом Бог истинный мира, противоположный зверю насильственного равнения, и это отличие есть черта Личности всего Космоса.

18 Марта. Зверь уравнения и Бог отличия: от-личия. Равнение создается разрушением от-личий, равенство есть конец, смерть. Созидание, творчество создает от-личия. Дело революции — уравнять, зачеркнуть ставший неверным план творчества.

19 Марта. Падают на землю старые небеса, народ вопит: «Бог здесь, на земле». Но пройдет время, и земля опять родит небо, и бог новый взойдет на свой небесный престол: боги бессмертны, но они стареют и возрождаются землей.

На улице расфуфыренный, в бекеше стоял большевик и говорил другому: «Я вам это сказал не как инструктор просвещения, а машинально» (смысл: не как официальное лицо, а как частный человек).

20 Марта. Я хочу сказать: дух (а тут же и понятие о Боге и человеке) — это есть свет (или сила) материи; предполагаю, что где-то в основах сильного духа сдержано много материи, чем сильнее дух, тем больше задержано (или сцеплено) материи.

Лучи света материи, которые мы называем культурой, иногда предстоят нам как палящие, разящие, перестраивающие нашу жизнь, это похоже на приближение к нам кометы. И мы знаем также неживые лучи, как лунные, когда светило от нас удаляется и бледнеет.

Итак, жизнь есть горение, во время которого показывается бессмертие и Бог: быть может, это горение и есть творчество (кухня) Бога или гомункула.

Творчество гомункула. Все эти — культ-отделы, культ-комы, культ-просветы со всеми своими городскими и деревенскими ячейками похожи на чудовищное размножение клеток эпителия (покровной ткани, поверхности) — на р а к. Сравнить организатора культ-отдела Щекина-Кротова и делателя культуры, работника ее архивариуса Мирохина: один все дни насквозь говорит, другой забивает каждый день разбиваемые двери архивов. Рак культуры: разложение поверхностных, несоответственных слов.

Когда входишь в Отдел, то так и сыплется: конфликтная комиссия, подотдел, культкомы в союзе с ячейками Рапроса и пр.

Рабочая коллегия отдела подняла вопрос о «пригодности» меня к преподаванию литературы. Я пожаловался в испытательную комиссию, та стала на мою сторону. А инструкторы коллегии Овечья Голова и Выжатый Лимон хотят жаловаться на меня в конфликтную комиссию.

С вечера и всю ночь при 2° тепла падает прямо мокрый снег, все в городе замесилось в болото, все дома сидим оттого, что у всех нас обувь худая,— вот-те и наши дни!

21 Марта. И сегодня продолжается мокрый снег, город — трясина.

Одни люди интересуются причиной явлений и вполне удовлетворяются, когда находят причину (материалисты, рационалисты, происхождение челов. от обезьяны); другие спрашивают качество явления (чувственные люди, иррацион.). Очень часто, когда начинаешь рассказ и хочешь им удивить, описывая качество,— вас останавливают словом: «Ничего нет удивительного, это объясняется тем, что вы были утомлены» и пр.

В газете о Германии, что монархисты ушли и скоро власть возьмут спартаковцы.

22 Марта. Сóроки. Жаворонки поют уже давно над городом. Доктор пришел.

— Теперь,— говорит,— уже, если хорошенько подумать, можно и подсчитать, сколько нам остается жить.

Это, вероятно, у него от мокрой погоды и еще что в Германии начинается большевистская революция.

— Что революция,— отвечаю,— быть может, хорошо, это нас поставит на рельсы.

— Да, но кто же нам теперь поможет, мы сами жить экономически не в состоянии, теперь займутся в Европе своими делами.

Иногда ночью, когда не спится, видишь себя «объективно», голеньким, как смешна кажется эта серьезность, с которою совершаются разные детские глупости («поступки»), в конце концов, почему-то вспомнилась моя любимая собака Нептун, и тут я, голенький, в любви своей к собаке себе понравился.

23 Марта. Встретился на улице Коля Кондрашев, бывший бухгалтер Отдела Н.О., пьяница, был со мной едва знаком, а теперь приехал из Костромы и обнимает и целует: оказывается, в Костроме, в библиотеке прочел о мне Иванова-Разумника, узнал, что я замечательный человек.

Никогда не было еще духовное состояние наше так понижено, как теперь, обнищание духа, видимо, идет параллельно с экономикой: своеобразное доказательство зависимости духа от материи. Основная причина, я думаю — это разрыв с общемировой культурой и остановка: культура есть процесс и не может останавливаться.

Брожение в Германии может на ней сосредоточить все внимание культурных стран, а мы опять забудемся.

28 Марта. Воскресенье. Весна эта очень ранняя движется постепенно, ни холодно, ни тепло — сыро, очень сыро! изредка обрадует вечером легкий морозец со звездами и на другой день богатый солнечный день.

Еще терзают, мелют, мнут душу желания,— но в безысходности все больше определяются в одном: царство нашего винного короля все укрепляется.

Приехали беженцы из Уфы (там восстание башкиров), и какой-то комиссар Ростовцев их водворил в наш дом, я стал говорить о ремонте, а он:

— Долга песенка! знаем мы вас, контрреволюционеры и саботажники!

Я в его тон:

— Вы признаете Советскую власть? — взял его за руку, а он выхватил револьвер, направил на меня и минут пять я под дулом револьвера выслушивал:

— Я отв. совет. работник! я боролся с Керенским, а ты кто? я — рабочий, а ты кто? Смотри, пикни, я покажу тебе камни! — И потом ушел, приговаривая: — Пойду узнаю твою биографию.

И ушел, а женщины, одна с двумя, другая с пятью детьми, остались и рассказывали долго судьбу свою, что мужья их партийные и вот из-за них приходится то в Елец, то в Уфу, то в Украйну...

Язык: «Я вам не как комиссар говорю, а машинально» и проч. язык «рабочего» самолюбия (честь?) и образованности (обезьяний язык).

Под дулом разбойника думал я: «Не выстрелит, буду его ругать», но другая мысль: «А если выстрелит? может быть, сумасшедший, возможно, что и выстрелит». Лева смотрел, беженки — все смотрели. Я продолжаю отстаивать свои права... Он ушел, приговаривая:

— Пойду узнаю твою биографию.

Лева сказал, что голос мой был мягче. Беженка сказала:

— У него револьвер без патронов! Пустой!

Я разбит: пустой! Тогда, в Киргизии, победа, голубой Христос, теперь — поражение — пустой! Там настоящие ружья, настоящая смерть — не испугался, а тут пустой! пустого испугался.

Социализм и художник. Абстракция сопровождается чувством личной гордости и волей (действием), наоборот, переход от общего к частному сопровождается смирением (из признания, что каждая мелочь имеет свое лицо). Идея Бога как результат умственной обобщающей деятельности вызывает фактическую деятельность (социалист) до тех пор, пока к ней не присоединится нисходящий ток смирения личного с различием лица в каждой травинке (художник).

«От Ленина до Гроднера» (коммуна ⟨*2 нрзб.*⟩ Ленин).

Таким образом, процесс творчества Бога разделяется на два, в одном преобладает деятельность Разума, в другом

чувства. При разорванности того и другого процесс творчества Бога может принять уродливые формы: при разуме создается человеко-бог-насильник, при одном чувстве — как в нашей православной церкви — вера без дел и плен самого верующего и рабство у человека.

Уродливость духа меньшевиков осуществляется большевиками, и те, увидав лицо свое в зеркале жизни, не признают за свое и ужасно бесятся.

30 Марта. Волны башкирского восстания в Уфимском крае выбросили в нашу грязную квартиру беременную бабу-коммунистку с двумя детьми. Коммунистов ругает, ненавидит (достигнуть только бы мужа, а он в Курском ревкоме) и держится только связями с ними и ими действует по-ихнему: самовар наш чуть не отобрали, обращается за услугами, потому что ее побаиваются. Мы пожалели ее. Обещали в родильный дом, а детей в приют, и вещи поберечь. А она потом: «У меня мука пропала!» Теперь у нас на дворе всюду это пузо (за спичкой, дров расколоть). Пузо коммуны: и наконец, отвращение к этому пузу. Нападение евреев: пузо спустили рожать в подвал (а он в Ревкоме!). И все так: беднейший действует правами беднейшего, получив нечто, он подвергается нападению нового беднейшего и т. д.: нельзя устояться ни на чем.

Зло устоя и зло революции, а творческий процесс возьмется с другого конца.

Видел дорогу, едем в вагоне с Сашей и Колей, в Лебедяни я сел на перрон спиной к поезду и стал зашивать себе рубашку, когда я кончил ее, поезд ушел и я остался на станции, а Коля с Сашей уехали (умерли).

Наследник (России).

31 Марта. Все что-то мои покойники снятся, проезжают, а я на станции...

Ужас мертвых состоит в том, что они-то сами считают себя живыми... множество людей умирает гораздо раньше своей физической смерти и, умерев, живут и действуют между нами, как живые. Никогда не было столько мертвецов между нами, как теперь. Другой раз сам себя проверяешь, ущипнешь себя желанием куда-то бежать, спросишь: «Хочется?» И если ответит душа воспоминанием ярким о солнце юга или о лесах севера, то скажешь себе, что еще жив, жив. Так теперь весной многие спрашивают себя таким способом и на разные лады говорят о побеге.

Самое безнадежное, что и в детей не верят, не смеют даже и так сказать: «Мы-то кончены, а вот наши дети увидят». Всякий, подумав об этом, говорит: «А что это за поколение растет без идеалов, даже без школы».

Чему учатся дети? я думаю, они теперь учатся ненавидеть — и это лучшее и в лучших детях — ненавидеть зло: школа жизни.

Ремизов чрезвычайно оригинальный писатель, он единственный русский писатель-патриот; это слово — патриотизм — без чувства пошлости можно соединить с именем единственного писателя Ремизова. Я помню случайные сочинения, напр., Родионова «Наше преступление»,— в них также есть это чувство боли за Россию, но эта боль выводит в мрак, в публицистику черносотенца, Ремизов всегда остается чистым в грязи...

Если спросить себя, можно ли было жить в России с ненавистью в сердце к поработителям народа и не примкнуть к лагерю людей, создавших ее гибель слева, то скажешь, что нельзя было, но Ремизов исключение: он мог жить так, как юродивый.

1 Апреля. Проснулся ½ 3-го ночи от крика Левина петуха и думал сначала о петухе: «Надо найти такого естественника, который сказал бы мне наконец, как узнают петухи время и какая подобная птица соответствует петуху в природе; потом, конечно, я думал, как кончится власть коммунистов, и установил такую перспективу: 1) от расстройства финансов рабочие и служащие скоро будут покидать учреждения, бастовать, 2) армия вся разбежится, 3) партия распадется, 4) появятся черносотенцы или иностранцы. Пришла в голову аналогия в отношении «народа» и «интеллигенции»: какой-нибудь работник Михайло, ругающий «на все корки» коммунистов, не преминет обратиться к Ч. К., если его соблазнит вид моего самовара, интеллигент, ненавидящий коммунистов, при монархическом движении тоже заключит союз с Ч. К.— и этим все держится.

Третий петух разбудил меня ½ 4-го — я думал о прочитанном вчера у Джемса о потоке сознания и параллельно этому мне пришло в голову, что, в сущности, наш XIX в. был всецело занят исследованием внешнего мира, можно предполагать в результате этого процесса нагромождение материальных ценностей, пожар их (война), страшный духовный бунт (внутренняя сущность социализма) — все это в XX в. обратит ум человека внутрь себя, и последуют открытия совершенно теперь невероятные. Еще я думал, что источник собственности находится в природе души человека и торжества его Ego[1]: мое нынешнее «Я» присваивает мысли вчерашнего и вместе с мыслями пленяет и соединяет с собою вчерашнее «Я»; из этого выходит, что никаким перемещением материальных ценностей нельзя изменить этого душевного потока,— вопрос, однако, будет иной, если обратиться к самой душе...

В 6 утра петух разбудил меня окончательно, было ярко светло, был солнечный день. После обычных хлопот с чугункой и чаем обрабатывал дневник нашествия Мамонтова

---

[1] Я (*лат.*).

и наткнулся на образ «Мертвой головы Голиафа», в которой отразится у меня русское реакционное начало, так пугающее рус. интеллигента-бунтаря. Лева с дровами, Глухая со стиркой белья не дали много пописаться и еще почитать Джемса.

В 11 пошли с Левой: он за пропуском матери, я в О.Н.О. Делал фантастическую смету об охране архивов, получил здание для музея краеведения, Лева получил, наконец, пропуск и отправил его по почте. Можно рассчитывать, что после 1½ годовой разлуки Е. П. через месяц будет с нами.

Любопытно отметить, что прошлую весну все ожидали освобождения и переворота извне, а теперь все, решительно все хотят убегать — это шаг вперед, все-таки некоторая активность. Я же думаю, наоборот, закрепляться на месте.

После обеда лег вздремнуть, прочитал, как черт украл месяц, не очень понравилось: насилие воображения; при засыпании наблюдал возникновение снов от стука и крика у евреев по соседству: я могу иногда слышать свой храп и анализировать, как из стука молотка рождаются в голове фантастические баталии...

После чая позанимались с Левой, солнце мешало мне заниматься, больше смотрел на грачей из окна, до того залюбовался отливом черных перьев на шее грачей, что вынул свой черный бархат с синим отливом и тоже им любовался. Потом я думал о птицах этих, до чего они трусливы, и сколько времени уходит у них на еду, и до чего это состояние страха и забот о пище стало нам близким.

В сумерках мы говорили с квартальным, что в чувстве ненависти к евреям, совершенно новом для русского, мы теперь очень сходимся с поляками.

Проводили с Левой учительницу Ольгу Николаевну, светло морозило, чувствовал себя хорошо, потому что, наконец, достали пропуск для матери. Потом в темноте кололи дрова, жарили картошку.

3 Апреля. В отделе у Гроднера.

Совсем не умею разговаривать с нашей Обезьяной, но хорошо, что знаю это, и подыскиваю каждый раз посредника; пока тот объясняется с нею, я сижу в кусту, дожидаюсь и наблюдаю, как она убеждается; по данному сигналу я вылезаю из куста, и она мне подписывает бумагу.

О внимании. Мы говорим: «не стоит обращать внимания», «оставим без внимания», «внял его просьбе» и т. д.— всегда так, будто внимание зависит от нашей воли.

Гений видит не то, что другие, потому что обращает внимание на невидимые для всех стороны предметов, но человек гениальный этим не свободен: он находится в плену у своего гения («отдаться своему гению»).

Итак, если в способности управлять своим вниманием выражается свобода воли, то этой свободной волей обладает не

гений, даже не талант, а средний рассудительный человек, способный по своему выбору отдать свое внимание изучению крика петуха, или наблюдению пятого листика земляники, или... чему угодно. Вывод: филистеры, немцы, всякие квадратные дельные люди обладают волей свободной, гениальные отдаются Божьей милости и совершенно несвободны.

Есть, однако, в жизни необходимое сочетание гения с филистером: филистер может быть в одном лице с гением и отдельно. Филистер — это аренда, торг гения, использующий его для общественных целей. Надо, например, точно знать время вдохновенья (утром, вечером? весною? осенью?) и тысячи приспособлений знать тоже, чтобы «снять» с гения его вдохновение в слове, в цифрах. Совершенно гениального человека я знаю одного: Шаляпина, он безмыслен, как глыба, и не знаю, как бы он был, если бы не было при нем еврейчика Исайки, который является настоящим арендатором Шаляпина. А гениальная Россия в руках евреев? Вообще нам русским надо хорошего арендатора (немца?).

И вот этот арендатор является собственно носителем идеи свободы воли, ходит в сюртуке, выпячивает грудь, гордится.

Моцарт и Сальери — в этой поэме изображается трагедия «арендатора», пожелавшего стать как гений посредством свободы воли человека (мастерством, достижением).

Сегодня видел — гуси летели (говорят, что уже дня три летят), видел желтую бабочку — пролетала над сараем — и видел под вечер три мухи танцевали над бочкой — мухи волю получили. Приедет Ефр. Павл., хоть вспомним, как мы были вольные.

4 Апреля. Вербное воскресенье.

Лучи солнца между облаками серо-пушистыми, как вербы, до чего хорошо!

Вчерашнее рассуждение о гении и его арендаторе можно распространить широко, очень широко: гений — это как земля, а таланты, ее использующие пахари, постоянно стремятся поставить на ней свой штамп (собственника): Сальери — это собственник. И «человеческое» дело — собственническое дело.

Комизм рассказа Щекинской старухи о собраниях большевиков состоял в том, что она изображала быт живых людей со всей подробностью нашего времени (напр., разжился $^1/_2$ фунта керосину) и вдруг... выхватывала слова официальные, напр., «освободить женщину от вековых уз».

Вырвался за город, и мне было так хорошо там! я говорил: «Из-за этого мгновения радости — стоило жить!», а радость была чисто детская, о том, что поле под ногами настоящее, только из-под снега поле, и что жаворонки поют и коршун плавает, и что по солнечному лучу передался мне крик гусей

и я видел их летающих высоко, и что первую видел бабочку, и что мать моя вспомнилась, как она совсем старая, отсидев зиму, выходила в Апреле на солнце и говорила, что все как хорошо.

— У меня есть чувство гения мира, вот все, что мне дано, а люди мне кажутся маленькими арендаторами его владений, мечтающими продлить аренду, и с возобновлением до 99 лет, а потом сделаться собственниками. Добиться трудом и мастерством того же, что делает просто без труда вечно деятельный и вечно ленивый, бездумно мыслящий и злодобрый гений мира — вот вся неинтересно претенциозная трагедия человека.

5 Апреля. 1-я лекция по психологии (конспект).

Скупой рыцарь: сундук с золотом — могила того, что некогда составляло множество всяких я. Я и мир (не я). Психология о Я, о душе. Естествознание о внешнем мире. Я и мое (псих. умозрительное и эмпирическое) самонаблюдение: Мюр и Мерилиз, а Я ищу запонку. Психология — наука о законах душевных явлений. Будущее психологии (XIX в. и XX). Необходимость психологии при изучении литературы (литература и есть заключенная в слове жизнь нашей души), как сделаться писателем? (о я) и как сделаться читателем.

7 Апреля. Благовещение.

1-я лекция о литературе.

Что такое народная словесность? Христианское гонение, открытия XIX в. Бродячие сюжеты (Козюля на ⟨*1 нрзб.*⟩) (заимствование). Фольклор (своеобразие, напр., в Царстве Небесном). Устойчивость. Колебание создает народную поэзию, потому что сказители и авторы и исполнители каждый вкладывает свой смысл. Окаменение в записях — конец колебаниям. Велесов внук — Боян. Весь былевой эпос на фоне борьбы «со степью»: назначение его политическо-религиозное.

Первобытный певец занят не вопросами формы, как современный эстет (заклинание, заговор), оттого форма неизменна и нарушение ее святотатство. Это потому, что жизнь первобытного человека вся одинакова, индивидуальность не проявилась.

Народная словесность коренится не в потребностях эстет. наслаждения, а в потребности веры.

Городецкий, Бальмонт — язычники, Клюев — сектант. Ремизов — христианин. Трагедия их: расстаться со своей личностью, отсюда богоискательство.

Скоморохи и бояны соврем. литературы.

Залом.

Поднимал петух полночь глухую в зимнее время, когда тьма от полночи и до свету толстым слоем лежала на душе, как лед на рыбе, а теперь весной крикнет петух и скоро вслед за ним — солнышко.

Заседание Культотдела.

Два говоруна, Щекин — председатель и Зернов — секретарь, будто два клубка, один сматывается, другой наматывается, один намотался, другой начинает, а этот сматывается. И Лидия Ив. Яхонтова, старая дева, поджав губу, сидит слушает, будто вязалка с пустыми спицами. На диване, как на шестке, без слов, не моргая, слушают девять учительниц из деревни, будто девять кур, у одной красная шапочка, будто гребешок покраснел перед тем, как яичко снести. А Щекин-то, петух, разливается.

8 Апреля. Чистый четверг.

Вчера лед раскололся, разбросал по двору, а ночью дождик теплый пошел и дворик мой весь омыл, теперь следа не осталось от снега и льда... И улицы в городе омытые, подсохли и лежат теперь, как холсты. Просветлился город, просиял. Вокруг него земля теперь дышит. Я стоял за городом и смотрел на него — какое чувство! бывало, смотришь на родной город — гнездо купечества всегда чуждо, с усмешкой, теперь что было смешным, стало трогательным...

Теперь только бы не трогали нас белые и чтобы исчез повод к гражданской войне, трудовая армия быстро вычистит все негодное.

Верования славян. Памятники:

1) Летописи IX в. Перун—Илья (Бунин), Стрибог (Эол), Сварожиг (огонь), Дажьбог (Гелиос), Велес, Капище.

2) Поверие — младшая сестра веры. «Стада богов», оттесненные христианством. Учение о демонах спасает древние верования. Страх. Культ. Христ. покровительствует обоготворению деревьев, озер (Светлое озеро). Устойчивость религиозного действия и утрата религ. представления. Домовой и ангел-хранитель. Переход духов в баню. Двоеверие. Мифология и магия (вера без дел мертва). Сакральный акт. Очищение и заклинание. Очищение (Коровья смерть, купание в Егарии). Заклинание («заклинание» весны). Чудище зима (современная). Народный календарь.

Раскапывал яблонки в саду у Кожуховых и, как всегда при таких занятиях (свободных в меру физ. труда — Толстой), хорошо думалось: я думал, что польза — это грех красоты (от пользы пошло и учение социализма о «земном рае» и все прочее); а первоначальная поэзия никак не думает о таком разделении; непременно грех (зарождение индивидума): распад на красоту и пользу начинается, где начинается индивидум, который создает и новую среду: вот тут-то со стороны старой среды и предъявляется иск на пользу.

Вечером был на Стоянии.

Крестное знамение — это религиозный стиль человека, сколько людей, столько и манер осенять себя (конечно, есть типы, напр., требовательное знамение, смиренно отдающее себя, вдумчивое и т. д.); так что можно сразу узнать человека по тому, как он улыбается, и по тому же, как крестится; интеллигента сразу узнаешь.

Человек умирает, начиная с нервной системы и сознания, так и религия умирает, начиная с представления о Боге, а обряд (действие, магия, чрево) остается.

...Этот храм Сретения большой храм, созданный, когда православная религия была господствующей; это наши купцы городили церковь на церковь по инстинкту, что чем больше, тем лучше, им и в голову не приходило, что когда-нибудь эти храмы останутся в государственной пустоте и тогда это тело церкви сыграет огромную роль в новом созидании.

...Созидание церкви шло так, что на место своего домашнего бога (Фомкина домового) подсовывался более общий бог (Перун, что ли), и Фомка, молясь Перуну, попадался в сети государства и делался из разбойника завоевателем Сибири. При распадении государства Фомка возвращается к своим домашним богам...

...Я не знаю, как это можно волку стать овечкой — это невозможно! Но тоже есть и такие, что не овечка и не волк, а сам по себе, не хочу ни туда, ни сюда и не ищу ни власти, ни подчинения, мне так хорошо, я самоудовлетворяюсь, расту, живу, я приду помолюсь со всеми — мне хорошо, и я не приду, и там, вне церкви, мне тоже хорошо — я в равновесии и в соотношении... как-то неясно, а между тем я хочу что-то ясное сказать, как бы это вывернуть: ну, вот что: жить вне этой паскудной ловли овец, я не овца, я и не волк, и это в ответ тем, кто требует по какой-то народно-государственной морали, чтобы непременно быть тем или другим, словом, остаюсь со своим Мишкиным домашним божком; это не значит, что я вне общества, нет! Я людей люблю и чту их богов, одиночных и групповых: мне они все дороги, но я не уступлю никакому насилию... и не уступлю Мишкина бога и величайшему истинному Богу, Единому, Христу... всемогущу! ну, что же: я паду на коленки и улыбнусь и признаю, а сам про себя все буду молиться Мишкину под мышкой. С этим ничего не поделаешь, вот почему и придумали Ангела Хранителя Михаила.

Литература XX века. Обращает наше внимание прежде всего, что писатели XX века пользуются материалом нашей устной словесности русского народа и памятниками его первоначальной письменности,— почему это?

Вильямс, исследователь русской интеллигенции, рассматривает ее как секту. Мое сознание застает ее, разделенную на две секты: марксистскую и народническую. По своему идейному содержанию одна секта ставит в основе своего миропонимания учение о личности, другая — исторической необходимости. Но

в быту своем, по костюму, по быту — обратное: марксисты — западники, народники — восточники. Развитые челюсти и венчик святого. В эту идейную среду, как метеор, падает учение Ничше (Ничше понимается как языческий индивидуалист)...

Оккультизм Штейнера.

Аполлоническое просветление: мир искусства.

Искусство русское не оплодотворяется ни марксизмом, ни народничеством, одно слишком ново, другое старо, изжило себя. Учение Ничше (личное) сразу дает толчок искусству (Горький и его босяки).

Обращает внимание, что первый босяцки-ничшеанский рассказ Горького появился на страницах Марксистского журнала (не потому ли это безликое представление истории нуждается в эмпирической личности? и не потому ли большевизм, понятый как бунт, как действие конкретных личностей, примыкает к социал-демократии и марксизму, и еще: появление автобиографической монографии под названием «От марксизма к идеализму» и проч.).

«Декадентство», особенно в своем крайнем выражении «футуризма», в эстетическом понятии очень похоже на большевистский бунт в общественной плоскости: эмпирическая личность, индивидуализм. С другой стороны, похоже на знахарство, колдовство, хлыстовство — боги (распадение церкви, Сологуб-колдун, порнография и создание литературы развлечения по европейскому ладу).

Искусство новое индивидуалистическое обращается за материалами к мифам наших предков славян, к их домашним божкам, Ярик-Барыбе (язычество это подобно босячеству Горького, Горький — Городецкий — Вяч. Иванов и его салон), художники, Грабарь, Икона, Зодчество.

Обратившись к почве, декадентство-ничшеанство одною своею ветвью там и осталось, другая же ветвь, оставаясь в воздухе, выродилась в футуризм. Обе группы (христианская и языческая) доживают до революции и как эстетические течения проваливаются, исчезают в бездне (не случайно, что футуризм некоторое время еще плетется с большевизмом, но, в конце концов, и он проваливается, потому что ⟨*не допис.*⟩.

Эстетизм и Польза — блудные дети Поэзии — находятся в непримиримой вражде, а в революции дело идет прежде всего о пользе.

Судьба почвенников (христиан), славянофильство, личность новая, богоискательство (патриотизм Ремизова, Пяст и проч.).

Футуризм плетется с большевизмом, богоискательство с эсерством.

Оккультизм (Андрей Белый).

Будущее (Белый и почвенник: близость к земле и творчество интернационала).

9 Апреля. Великая Пятница.

Наш пасхальный стол:

пасха 8 ф. тв. × 300 р.	=	2400 р.
2 ф. сметаны × 400 р.	=	800 р.
1 ф. масла —		1000 р.
10 яиц —		1000 р.
$1^1/_2$ ф. сахару —		1200 р.
		6400 р.

Кулич:

5 ф. крупчатки	—	3000 р.
$1^1/_2$ масла	—	1500 р.
10 яиц	—	1000 р.
		5500 р.

Красн. яиц 20 шт.	—	1000
Ветчины 7 ф.	—	4200

Пасха	—	6400
Кулич	—	5500
Яйца	—	1000
Ветчина	—	4200
Итого		17100

10 Апреля. Умер Илья Спиридонович Шеламов от тифа и не дождался. Говорят, если день постоять на кладбище, так и кажется, будто земля разверзлась.

Были в заутрене с Левой у Сретенья и «разговелись» в своем доме.

Надо заметить, что развелся тип человека, считающего это время за гибель полную России (пессимистик): наверно, это он сказал в толпе «и все-таки», когда грянули колокола, и «Христос воскресе» наполнило государственное пустое пространство. А есть и такие, что не чувствуют гибели, потому что не чувствовали истории отечества,— этих множество!

Наш петух оказался победителем, занял соседний двор, царство побежденного, и увел туда наших кур... вот прибежало Пузо и говорит: «Ваша курица...»

Конспект лекции в 6-м классе. Что такое литература? Искусство словесное. Бывает специальная литература: научная, техническая и т. д. Но в нашем понимании литература есть искусство, пользующееся словом, как живопись линиями и красками.

11 Апреля. Св. Христово Воскресение.

Тетрадь моя заканчивается — лампада догорает. Положение выясняется — делать, служить нельзя. Можно заняться землей, спекуляцией или убежать куда-нибудь в Сибирь. План: если приедет Ефр. Пав. ко времени,— осесть в Хрущеве, если же

не приедет, жить — дожидаться 1-го июля и потом эвакуироваться: до 1-го июля 3 месяца, а с 1-го июля до зимы 3 мес. на устройство.

По логике жизнь — бессмыслица: все люди смертны, я человек, я умру. Психология, напротив, нашептывает, что жизнь совершается так, будто ей нет конца. Так жизнь существует вопреки всякой логике.

Жизнь оправдывается жизнью: всякая минута жизни проходит в бесконечности.

Чувство смерти есть тоска о полноте жизни, полный человек (герой) не боится смерти.

12 Апреля. П. Н. Щекин-Кротов думает, что когда он сядет заведующим на место Гроднера, то Россия будет спасена. Говорит, что скоро сядет!

Общественный деятель должен обладать прежде всего ясностью суждения о людях, полезных и вредных его делу. Щекин этим обладает.

Логика: все люди смертны, я человек, я умру.

Психология: я живу так, будто никогда не умру.

Итак, жизнь существует вопреки всякой логике.

Новости: говорят, что арест и низложение комиссара Успенского вышли через его пьянство, напился так, что хотел переехать через забор, вывалился и был подобран милиционерами. Еще говорят, что военному комиссару Гаранку приказано было из Орла арестовать Григорьева и Максимова за отложение Ельца от Орла. Приказ, однако, не выполнен. Еще говорят, что сюда из центра назначаются 6 человек для управления, потому что наши здешние отстали и все еще живут угнетением буржуазии. Еще говорят, что Троцкий назначается в комиссариат путей и вводит смертную казнь для железнодорожников.

Природа живет на месяц вперед, и уже все перелетные птицы прошли через нас: гусь, утка, вальдшнеп.

13 Апреля. Получена телеграмма из Дорогобужа от 1 апреля — едет Ефросинья Павловна.

Елецкие куранты: все говорят о съезде партии в Москве, на котором будто бы решено провести всеобщие выборы в Исполком, ввести собственность до 5 десят., разрешить свободу торговли.

14 Апреля. Елецкие куранты.

Будто бы комиссаром путей сообщения назначен Троцкий, а военный комиссар Поливанов! и даже называют Щегловитова! а о свободе торговли — неверно.

Свобода слова: я не могу в своей комнате — потому что рядом у евреев слышно — прочесть вслух Ремизова «Слово о погибели русской земли».

15 Апреля. Несчастие: сгорела мука. Носится слух, что от гололедицы погибло 80% зеленей. Уезжать в Уфу, а в Уфе,

говорят, башкиры вырезают интеллигенции яйца. Вот еще чего недоставало: яйца вырезать! Луначарский на съезде сказал: «Удивляются, как учителя не разбегутся,— им нечем спекулировать!» Вот и бежи, когда яйца вырезают.

Никак не сосредоточишься: цветок не раскрывается оттого, что чуть пустил росток и сцепился с землей, сейчас его обрывают. Иногда пытаешься уйти в такие слои своего Ego, где действительность не властна, но никак не можешь.

Заседание Рабпроса: наши ораторы старались убедить свой Исполком не уходить... Солнце. Небо в огне золотое и дерево с тонкими ветками, еще не покрытыми листьями. И пахари на общественной ниве, старатели... им некогда оглянуться, чтобы встретиться с природой.

16 Апреля. Ну, прошла и пятница. Мы с Левой разделывали садик для огорода. Почки раскрылись. Зеленеет лозинка. Стоят царственные дни конца Апреля. Одни говорят: мы накануне переворота, другие — накануне гибели.

Душа моя завилась-закатилась клубочком, и нет конца, чтобы ухватиться. Вокруг повода не сыщешь, чтобы душу свою оказать.

Женофобские мысли: женщина обыкновенная, «слабая», ищет в мужчине «опоры» и господствует в узком кругу семьи, а сильная в семье не нуждается.

17 Апреля. Царственные дни продолжаются, начинают ходить в рубашках. Елецкие куранты — вороха, короба слухов: что Деникин оказался в Крыму и теперь занял Ростов, что поляки заняли Оршу, что жену Троцкого поймали на границе и сам Троцкий бежал, а Ленин составляет буржуазное министерство с Щегловитовым (Ванька-Каин) и, кто говорит, с Поливановым, а кто, с Селивановым: «И это уж верно, это с почты». Еще будто бы телеграмма шифрованная из Москвы получена, ее содержание скрывается...

Как все ни глупо, а реальность какая-то есть. «Что-то есть!»

Когда патриот Коноплянцев начинает в собраниях какоенибудь свое слово, то за ним сейчас же идут и Рында, и Сапегин, и Иванов (Галиаф). А какая там сзади-то их мерзость, как вспомнишь Ветчинина, Иванюшенкова и пр., тогда кажется, что большевики лучше!

18 Апреля. Красная горка.

Зеленеет березка, черемуха в бутонах, теплынь, великая благодать. Только рыболовы печальные: рыбу коммунисты побили бомбами.

19 Апреля. В саду Петрова над Сосной. Я прошел туда свободно, не знаю, как вспомнить — с какой стороны: все

заборы исчезли, только остались нестираемые границы вкуса одного и другого владельца.

Нет конца во времени нашей жизни этим границам вкуса личного!

...если бы с родными прощались не на третий день смерти, а когда последние очертания тела исчезли и показался одинаковый для всех скелет,— мы прощались бы тогда с ними навеки, без следа, без границ.

Равенство. Чтобы не сожалеть о милых умерших, нужно их трупы положить на солнце и дождаться, пока не останется белый скелет,— тогда близкое исчезнет, растворится в равенстве и не будет следа.

И так вот Россия теперь наша гниет на глазах наших... какая весна! как пчелы поют на смолистых почках тополей и зяблики подбегают ко мне неподвижному, и вспоминается из юности Певучее дерево: я иду по дорожке между кустами, и со мной где-то Певучее дерево, и все поет и поет... Вот я слышу и теперь его, а труп гниет на глазах, пока не останется голый скелет и никакого воспоминания.

Так вот где самая причина этого страдания: не дают похоронить труп милого и, сложив руки, приходят смотреть, как терзают его псы и точат черви. Ах, солнце, солнце!

20 Апреля. В партии восстание мелкоты, которая отправляет в Орел под арест наших заматерелых, засидевшихся комиссаров. Длинное ухо работает, волна высока. Цены взмываются: мука 10 тысяч! Если еще неделя суховея и не подымутся зеленя, начнется паника.

Во сне видел Семашку, объяснял ему безвыходность положения, спрашивал его, чем они держатся, что они такое, а он мне: «Мы (власть) есть подлежащее, а вы сказуемое (то, что говорят о подлежащем), мы объект, а вы субъект».

21 Апреля. Спрятать от глаза будни человеческой жизни — вот одна из задач монаха-аскета (в обыкновенном противоположении романтизма и реализма и есть это: реалисты описывают человека в буднях, романтики — в его праздниках).

Ночью вообразил себя палачом и своих разнообразных знакомых подводил к виселице и наблюдал их лица; результаты оказались самые неожиданные, тех, кого не любил,— миловал, а тех, с которыми водился,— казнил.

Горел очаг духа, и в свете его хотелось смотреть на милые поля, и леса, и моря, и озера, а когда погас очаг, то моря омелели, леса пали, поля онищали... (культура вопросы ставила, и мы к зверю шли за ответом — зверь все знает! — а когда нет вопроса, то к чему зверь?).

22 Апреля. Получено письмо от Е. П., что не приедет, зовет к себе. Внезапное решение: продать все, купить лошадь с телегой и ехать в Дорогобуж.

Высчитан по атласу Петри циркулем путь: 460 верст, Елец — Новосиль — Мценск — Белев — Сухиничи — Ельня — Дорогобуж. По 40 в. в день — 12 дней.

Продается:

бархат — 30 тыс.	Велосипед
2 шали — 30 тыс.	Фотогр. аппарат
вышивки — 10 тыс.	Несгораем. ящик
картофель — 16 тыс.	2 стула

1. С циркулем в руке странствую по карте... Черная курица с голубой ленточкой на правой ноге, тихо-спокойно переступая, вошла в Левин домик — это Лелина! Я бросился к Леве:

— Лева, лови! вот их курица.

2. Опять циркуль едет в северные леса, и тут же вижу — слышу, как еврейская чета бродит по моим сараям. Внезапная мысль: ищут курицу, это их курица.

— Вы курицу ищете?

— Курицу.

— Черную с голубой ленточкой?

— Да, да!..

3. Возвращается Лева.

— Не их! а где же? — он отдал сторожихе.

— Неси скорее.

Успокаиваю жида, волнуются...— сейчас принесут.

4. Лева:

— Сторожиха зарезала! — и проч...

5. Ад:

— Вы педагог? Нет, вы не педагог, вы вор.

6. Мирные переговоры: Никольск. и носили кур, сражение петуха с зеркалом и курица Деза.

7. Мир:

— Шарик не работает, ⟨*1 нрзб.*⟩ мыслимо ли: я украл курицу.

8. После мира: Никол. съели со сторожихой курицу пополам.

Главы рассказа: 1. Сон о Семашко: мы — власть — подлежащее, вы сказуемое. 2. Подлежащее. 3. Сказуемое. 4. Черная курица.

Доклад Чипина о Московск. съезде партии. Верное: что Польша не сила. Переход от коллективного управления к единоличному.— Бонапартизм! — Временно.— Все временно.— А принцип вечен! Будущее: электрофикация России.

Евреи: в грязи, на камнях, и живут себе! Корни человеческого рода. Мандат на сад — проверим! — Партийные теперь не будут проверять агрономов — единоличие! — Еще не перешли. Виновник Лева — Леля, почему Лева не пошел назад? а бросил (надо исследовать) Левин бой с жидом (антисемитизм). Роль

Пузихи — Глухая, не имеет права своего петуха держать взаперти.

Подлежащее (корни) и сказуемое (учителя).

(Большевики приехали, будто Богу помолились...

— О! теперь иностранцы читают наши газеты до дыр — Ленин агитнул.)

23 Апреля. Приехали из Хрущева мужики сказать, что мой дом в Хрущеве куда-то переводится (а сами они составили приговор, что дом мой), и просили меня, нельзя ли, чтобы им его разобрать себе.

Значит, окончательный конец моего Хрущевско-Елецкого периода.

Распродажа всего имущества. Продукты для покупки лошади и телеги.

Про лошадь сказали: у хозяина узнать рацион, а то чуть передам — издохнет.

Совет с Тильдой-Матильдой: пасет коз на дворе и через 2—3 минуты: «Мадам, затворите, пожалуйста, дверь».

Разборка мандатов.

Масло 5 ф.	10 тыс.
Крупа 1 п.	15 —»—
Картош.	25 —»—
Мука 12 п.	62 —»—
Поросен.	12 —»—
Дрова	1 —»—
Навоз	1 —»—
Белое платье	15 —»—
Вельвет	25 —»—
Бархат	28 —»—
Шаль	30 —»—
Шаль	20 —»—
Вышивка	8 —»—
Скатерти	15 —»—
Сапоги	1 —»—
Фотогр.	2 —»—
Сюртуки	10 —»—
Полушуб.	1 —»—
Полотенца	12 —»—
Холст	25 —»—
	318 тыс.

Надо заметить, что весь кошмар ударов по моей шее в Ельце, начиная с выдворения из Хрущева, кончая нападением жида,— с известной точки зрения, «мелочи, выеденного яйца не стоящие» (Щекин): в этом суждении есть правда и есть ложь, напр., если взять пошире, то Ленину кажутся мелочью все страдания русского народа.

Тут сдвиг, человек попадает в другие пласты, как бы на другую планету, и потому умный делает глупости...

24 Апреля. Состоялась моя 1-я лекция по психологии — вышло великолепно. Посоветоваться со Щекиным, как бы использовать свой лекторский дар для практических целей. Посоветовался, он сказал: «Нужна заготовка».

25 Апреля.

Моя разведка сказывает, что ехать придется верней всего по жел. дороге.

Читал Мережковского «Грядущий хам», и пахнуло на меня этим чувством искания в России, как в заповедной стране. Это самое замечательное у Мережковского, что он путешественник-европеец по России.

27 Апреля. Мука

7 пуд затх.— 42 тыс.— На продажу опыт. пол.— 9 пуд.: 1 пуд за дорогу, 2 пуда для себя — 6 пуд. Свои 5 пуд.— 2 сухар.— 3 для себя. 5 пуд. на продажу.

Сахар 18 ф. – 2 п., остается 3 п. = 24 тыс.
Картоф. 7 + 4 = 11 меш.
3 себе

2 Щекин.
2 Конопл. = 6 тыс.

2 шит. 4 меха
Мука карт.— 72 тыс.
Поросен. — 12 —»—
Сюртук — 10 —»—
Вельвет — 15 —»—
109 тыс.

5 п. муки — 3 мешка
1 п. крупы — 1 мешок
1 п. сухарей — 1 мешок
1 п. хлеба — 1 мешок
Карт.— 1 мешок

Взять на дорогу:

5 п. — муки
1 п. — печен. хлеба
1 п. — сухарей
20 м. — картофеля
20 ф. — сахару
1 ф. — чая
1 п. — крупы
10 ф. — пшена
20 ф. — соли
12 пуд. 10 ф.

Книги — 2 пуда
Тулуп, шуба, полость, белье — $1^1/_2$ п.
Чугунка — 1 пуд

Виноватая правда! как может быть правда виноватою?

Может ли правда быть виноватою?

Скажите, почему вы тупите глаза и отводите лицо свое в сторону, когда встречаете на улице вооруженного негодяя, или правда может быть виноватою?

Почему вы молчите, когда слышите, что лгут и ложью вызывают на кровь, и затыкаете себе уши и вовсе уходите прочь со сборища, или правда может быть виноватою?

Виноватая правда!

28 Апреля. Все завидуют, что еду — чему завидуют! еду в пустыню, без средств, с огромным риском умереть от тифа. Это рискованное предприятие, стоит ли цель средств? Цель — отдохнуть за лето, собраться с силами, устроить детей в Дорогобуже и поехать в Москву на литературную разведку. Цель невелика, но ведь и наши Елецкие предки, отправляясь в степь, прощались с родными, делали завещания, а ехали они в степь за баранами.

29 Апреля. Как в 16-м году каждый камешек в Ельце напоминал детство, так теперь тут все насквозь отравлено и протравлено. Есть такое соображение, что нигде не было, кроме Ельца, столько негодяев...

Продолжается суховей, и весна расцветает не юная, похожа на Крымскую: старушечья весна. Сеют «в золу», озими погибают. Деревенская паника передается в городе по росту цен.

Денежная система, видимо, переходит на николаевки. Сейчас в Ельце серебряный рубль — 500 р., золотой (10 р.)— 18 тыс., за 1 золотой — 2 пуда муки, рафинад — 1350 пуд.

Сборы в полном ходу. Надеемся в пятницу 5-го Мая (нов.) выехать.

2 Мая. Наступление поляков на Киев и, видимо, близкое формирование еще одной части России, Украйны, как самостоятельного государства. Только Московия не имеет очертаний, а остается как категория пространства и стремление к расширению (большевизм — великорусское явление).

Риск поездки увеличивается, и спрашиваю себя: «Почему я это задумал?» Ответ: выяснилось, что жить в Хрущеве нельзя, так что ничего не держит в этом краю.

Чтение Бергсона и Джемса. «Невидимый град» — научные открытия путем интуиции. Не знаю, верно ли учение прагматизма, но я, не зная этого учения, именно им пользовался.

3 Мая. Тоска на сердце, а мысли в мелочах, и вот ночью лежишь, лежишь в бессоннице, чувствуешь, что тебя всего, всего искололи лилипуты булавками, возьмешь тогда и запретишь себе думать на немного минут — вот что тогда происходит: будто голубь бьется в середине тела, в груди то больно-горько,

то больно-сладко и совершенно отдельно от мысли, и знаешь, что вот через минуту перекинется ремень к колесу мысли и она заработает, о чем? да смотря по тому, в какой момент перекинулась, во время больно-горького или больно-сладкого, в больно-горьком начинают показываться рожи жидов, Пузо, коммунист Пашков, Писарев и всякая мелочь, в больно-сладком — звезды, там раздробление, тут соединение, особенно звезды — это, кажется, больше всего соединяющий образ мира. Так припоминается и первая любовь (сладкое) — источник всякого соединения мира, любовь — это вселенная в душе человека и всё во всем, история любви все равно, что история светила, как оно сгущается в эфире и горит пламенем на весь мир, и светит, и греет, твердеет, гаснет и после мертвое светит луной — этот лунный свет и есть, что остается после трагедии, свет любви христианской.

Любовь — это чувство вселенной, когда всё во мне и я во всем, а история любви все равно, что история светила, говорят, что бывает какой-то толчок, падение одного небесного тела на другое, сгущение эфира и так возникает новое светило, оно пламенеет, горит, гаснет и после мертвое светит чужим светом — этот мертвый свет луны в душе человека есть то, что остается после любви, это может любить, свет любви христианской.

Весенняя луна в цветущем саду поднимается каждый вечер теперь, у меня одно в душе побуждение: соединить любимого мальчика с матерью — это кажется все, что побуждает меня хлопотать и двигаться... Пересмотрел я женщин и... только мать.

Чтобы овладеть мелочами, нужно много думать о них, и станет совсем легко, если сделаться мелочным, вот чем сильны эти маленькие непобедимые люди, они не забываются (жид сказал мне: «У вас шарик не работает»).

Забытое в высшем или «духовные вакации» (выражение Джемса): почему это «высшее» называется так, а то другое, повседневное, называется низшим? Этот вопрос особенно интересен теперь, и не вся ли эта тема революции: почему в обществе духовно организованная личность занимает высшее положение?

...вот сейчас эта глупая беременная баба пошла в Укомпарт, там только взглянули на Пузо и удовлетворили ее даже несправедливую претензию (выгнали меня из флигеля и посадили Пузо рожать): рождающее Пузо выше рождающей головы при распределении матер. ценностей. Итак, вопрос поставлен так: почему духовно организованная личность пользуется большими правами при распределении матер. ценностей, чем духовно низшая?

5 Мая. Продал мяснику поросенка, заглянул к нему в дом: на дворе две огромных свиньи, в доме чистота, порядок, в саду уют — вот кто живет! значит, живут же! как в Норвегии гиган-

ты рыбаки на голых скалах, так и теперь отдельные сильные люди, а винный король? но чего, чего это стоит, какие нужно иметь железные нервы!

С. П. заболела, кажется, тифом.

Заедают сытики — шитики — жидики, другая всякая социальная вошь, и ликующая, цветущая природа справляет тризну по нас.

Слабый — не морален (Сытин), сильный (Шитик) не хочет быть моральным, и все сытики и шитики только одни и живут подлостью.

Общество было так богато, что позволяло себе содержать акробатов-художников, которые распространяли веру, что личность свободна. Кроме значения вкусного блюда — это приносит и прямую выгоду промышленным индивидуалистам или кулакам... Ныне эта гипотеза не имеет рабочей ценности и свободная личность получила отставку без пенсии.

Но если это время кует железного спекулянта, то почему бы не предположить, что кует и железного духом человека?

Прагматическая ценность идей нашего времени состоит в том, что материальный мир начинает занимать в нашем сознании свое место (а то мы слишком духовны).

Ленин — рационалист и Троцкий — прагматист — вот, правда, карикатура прагматизма.

Вышел за город и увидел целое поле делянок, возделанных учителями, и было так мне, будто Гулливеры вывели на поля лилипутов...

Боль моя продолжается, и очень похожа она на того времени — послепарижского, только там больше трепета жизни, и чувство само-виновности, а здесь стена извне и смерть не очень страшная.

7 Мая. Сборы окончательные.

К 10 у.— пропуск $\frac{1}{2}$ 11-го Сумм., Отдел (жалованье, прошение) — Корсаковы — Шитик — обед — книги дорожные и мелочи. Купить зубной порошок, соль, катушки, веревок.

Щекин неутомимо строит свои карточные домики (Культкомы).

Н. М. Лапинер и черти: Балда перехитрил черта, а Лапинер по честности своей не мог хитрить и попал к чертям в лапы (testamentum diavoli [1]).

Сирень зацветает!

---

[1] Завет дьявола (*лат.*).

9 Мая. Кончен бал: остаемся, не выбрались, причины — на фоне военных событий (риск потерять все по дороге) — письмо Пети, что они тоже собираются, и болезнь С. П., хотя все эти факторы в отдельности не повлияли бы на решение. И вдруг предмет моей мечты (отдых в лесу) раздробился, измельчал и совершенно слился с окружающей меня действительностью, так что все предприятие выходило из-за ничего: я представил себе ясно ту избу, где мы должны бы жить, родственников Ефрос. Павл., соседей, что нет ни одной книжки, нет ни одного образованного человека и, может быть, даже, что я голый, обобранный живу на иждивении родственников Ефрос. Павл.— невозможно! не избавление, не выход!

Нужно выбрать такой поступок, чтобы после того сил прибавилось, а не так, чтобы совсем обессилеть.

Муки остается:— 7 пудов, сухарей — 1 пуд, пшена — 1 пуд, крупы — 30 ф.

Вступление в штаб красной армии Брусилова и Поливанова левые толкуют в смысле использования большевиками патриотических чувств против поляков и силы большевизма (не будь сильной армии, Брусилов не пошел бы), а правые — что большевики таким способом передают власть свою.

Вообще же дело это умственное (дипломатическое) и не война...

Яблони цветут. Мой радостный мир и другой — он — ты. Звонят в церкви о покойнике. Я вхожу в церковь, а там свадьба.

Царство Я и скрещения кругов и границ владений. (Не дай Бог вам завести курицу — это именно то существо, которое переходит свободно границы владений наших Я: потому из-за кур и начинается обыкновенно война соседей.)

11 Мая. Суховей продолжается и уже облетели яблони, только сирень цветет: май кончился в Апреле, сухая весна, и люди вспоминают какой-то страшный голодный год, когда была такая весна — когда? никто не помнит, а слышал когда-то.

12 Мая. Суховей продолжается. Отцветает сирень. На полях летние цветы. Мы решили, что нельзя на голод вызывать Е. П-у, пусть еще поживет у матери. Выждем, как пойдут военные события, а когда кончится продовольствие, то поедем с Левой в Питер.

Спорили с Зах. Аф. о гении: о гении без морали и о морали без гения, о тусклом гении Робеспьера — Ленина.

Что лучше, гений без морали или мораль без гения?

Слабый человек не может быть моральным, а сильный не хочет. Моральным бывает лишь слабый человек, когда он подчиняется сильному. Мораль выходит из привычки слабого подчиняться сильному. Не может быть морали во время революции, когда сила выступает голой силой.

Приходила Маня и говорила, что С. П. лежит без сознания и бредит — одну в лесу ее бросили.— Она умрет, я считаю, что она умерла, и если выживет, то это мне будет радость нечаянная.— Нет, так нельзя, она будет жива, я буду бороться с ее смертью, я вырву ее, Соню я не отдам!

За городом на учительских грядках скучали за посадкой картофеля молодые, здоровые и любящие друг друга муж и жена, видно, скука неизбежный ореол супружества.

На уроках по народной словесности мне пришла счастливая мысль вызывать образы славянского Олимпа чтением сочинений новейших писателей, напр., Сологуб «Неурожай», Бунин «Илья-Пророк».

«Когда молодой человек впервые усваивает себе мысль, что мир со всеми его частями, соединенными между собой и движущимися, то есть, одной шеренгой, представляет собой огромное целое, он испытывает такое ощущение, точно узнал какую-то особенно великую идею, и с пренебрежением смотрит на тех, кто еще не поднялся до этого возвышенного взгляда» (Джемс).

В конце концов, прагматизм не теория действия: как можно действовать, зная вперед, напр., что наше понятие о Боге имеет лишь рабочую ценность, и, сработав, отбрасывать Его в архив. Это учение выражается пословицей «перемелется — мука будет» («Не отчаивайся, подожди, успокойся, перемелется — мука будет»).

Это — итог жизни сорокалетнего мужчины, много пережившего, но не прожившего все (реальный политик).

Жизнь бульвара с чердака, где приютился изобретающий аэроплан: бульвар, как живот, все переваривает, и всякая воздушная мечта идет ему на потребу.

А черт Ивана Карамазова: уже готова слететь «осанна!», и вдруг мелькнет: «А что же после того будет?»

Дня три наседают со всех сторон дождевые облака, солнце светит через окошко тускло, желто, а дождь все не идет, жара, усталость, изнеможение, подавленность.

Теперь вопрос стал ребром: из-за чего сидеть в Ельце? Пережду военные события и уезжаю в Питер.

«Здравый смысл» создался тоже, как и наука и философия, отдельными личностями, потерявшими свое имя в истории, он имеет к истории философии такое же отношение, как «народная словесность» к истории литературы, его отличие от философии то, что им (здр. смыслом) пользуются все, он есть всеобщее достояние. Таким образом, задача просвещения состоит, во-первых, в том, чтобы ценности духа, поднятые отдельными

личностями высоко над обычным сознанием, опустить в кладовую здравого смысла, т. е. сделать их полезными и выгодными, а во-вторых, уменьшить тем самым пропасть между образованными классами и классами, пользующимися собственно здравым смыслом.

Щекин — пионер здравого смысла.

Мережковский говорит: «Что пóшло, то пошлó» и этим подчеркивает вечную пропасть между личным творчеством и здравым смыслом.

Между здравым смыслом и состоянием личного творчества есть промежуточное состояние больного смысла, в котором понятия, ставшие в философии ходячими, вступают в борьбу со здравым смыслом.

Итак — есть здравый смысл простого народа и есть высший смысл, лично-творческий (имеющий право вступать в борьбу со здравым смыслом, напр., Петр Великий), а посередине есть больной смысл русской интеллигенции, которая идеи высшего смысла хочет сразу перекинуть простому народу и, таким образом, вечно борется со здравым смыслом. Такова идеология большевизма и коммунизма, которые борются со здравым смыслом. Все построение коммунизма таково, что из него слова не выкинешь, все верно (учительница говорит: «Я сочувствую идеям коммунизма, но...», она умолкает, не зная, как выразиться, а хочет сказать, что она несогласна с этими идеями, когда они вступают в борьбу со здравым смыслом).

14 Мая. Мудрость состоит в том, чтобы влиять на здравый смысл.

В настоящем состоянии у нас происходит война не с капитализмом и с англичанами, а организованная борьба со здравым смыслом смысла больного.— Вы проповедуете квиетизм.

15 Мая. Суховей убивает поля, а, говорят, что мужик не убивается, как раньше, для него теперь урожай не имеет прежнего значения, все равно реквизируют.

Наступления поляков и слухи о бунтах в красной армии стали вызывать у некоторых замечания такие: «Э-э, полноте, ну, как вам еще не надоело придавать этому какое-то значение...»

Есть слух, что Москва горит и пожарные машины едут туда из Тулы.

От частых встреч с теми же самыми людьми становится так, будто в проволочной клетке сидишь и тукаешься все о те же самые проволоки... Так бывает с пассажирами поволжского парохода, когда осенью он сядет на мель и неделями из-за тумана не может тронуться.

18 Мая. В городе распространился слух, что Марс (планета) сорвался со своей орбиты и летит на Солнце, что встреча с Землей неизбежна и скоро мы все погибнем.

Завезли этот слух из Воронежа, где будто бы все инженеры

теперь занимаются астрономическими вычислениями. А это уже, вероятно, в Ельце после сочинили: что будто бы шифрованная депеша была получена: «Марс изменил свое направление, катастрофа неизбежна», из этого будто бы сделали Маркса.

Плохо я разбираюсь в философии, совсем не умею критиковать, особенно, когда бывает какой-нибудь математический пример с *х-у*-ками, с *M* и *N* и т. д. Но, читая, я всегда знаю, что про мое идет речь или про враждебное мне и друг мне автор или враг, так вот Бергсон и Джемс мои друзья, хотя совершенно не сумел бы защищать их философию.

Лева просыпается: «Эх, какой я сон хороший видел, вот если бы правда! Видел, будто нашел сундук с золотыми червонцами».

Умный человек говорил, что «в душе у него все ноет» перед концом управления большевиков, что начало конца было видно еще в Феврале, когда явились затруднения в деньгах, а теперь и сонный видит, что власти нет и все идет по инерции. А крестьяне, по его замечанию, стоят за советскую власть и против коммунистов. А будущее: национальное собрание и распределение сфер иностранного влияния до уплаты налогов.

19 Мая. И стал уже май сокращаться, нет уже четверти! а все веет суховей, так что за всю весну, как повышел снег, ни одного дождя не было и ни разу гром не гремел, не сверкала молния. Я один раз обрадовался, когда вышел снег, открылись поля, запели жаворонки, потом раз или два был в парках, когда начинала расцветать черемуха, но не обрадовался, я уже стал разглядывать, что из-за цветов весны выглядывает какой-то страшный лик, теперь все видят эти лики, и в парках по дорожкам теперь ходят мертвецы...

Вот пример глупого вызова на бой с существом здравого смысла: на деньгах, расходящихся в гуще крестьянского населения, на китайском (!!) языке — напечатали «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», там и на других языках это есть, но на китайском вышли огромные буквы; эти деньги называются «жидовскими», и купить на них можно только ваксу да спички. Да еще и что — самый-то смысл (1000) рублей, это по-русски, только по-русски, а «пролетарии» по-китайски.

Церковь кирпичная белела странно стороной к югу, а к северу была темная — потому ли, что с юга было звезд больше, чем на севере, или же так уже сказывалась первая весть о начале рассвета?

Было совсем темно, из нашего садика голоса слышались мужчины и женщины. Они сказали нам, что дожидаются когонибудь, кто пустит их в дом.

— Спасибо,— сказал он,— освободитель наш!

— Я всех освобождаю,— ответил я,— но никто не считает меня освободителем.

Тогда женщина сочувственно мне чуть-чуть проржала, как полевая кобылица легеньким ржанием иногда подает весть о себе полевому коню...

Когда все шубы и всякие вещи, оставшиеся мне от умерших родных, были проданы,— я задумался и говорю доктору:

— Там еще валяются у меня какие-то аннулированные бумаги сестры.

— Покажите-ка!

Стали их рассматривать, и вот тут нашлось казначейское обязательство на 6000 р.

— Да ведь это деньги!.. позвольте, да сколько же это? 6000 рублей, ведь это 60 тысяч! нет... как 60 т., ведь рубль тот прежний, т. е. рубль — тысячи. Поздравляю: 600 тысяч! — Немного подумал: — Нет, как же 600 т.— 6 миллионов.

— Вы смеетесь!

— Да нет же, считайте: 6 мил.

— Да, 6 миллионов.

И я стал миллионером.

Рассвет. Ночь была, и светили только звезды. Но почему же наша кирпично-темная церковь стоит вон там перед нами белая — что это, неужели там, на высоте, уже рассвет так замечается? Мы прошли дальше, с севера церковь была совсем темная, все было темно, никаких признаков рассвета.

В темноте нашего садика мы услышали разговор, окликнули, мужской голос ответил, что приехал он издалека и не может достучаться в квартиру к родным. Открыл своим ключом дверь и впустил неизвестных.

— Освободитель наш! — сказал мужчина.

— Я всех освобождаю,— сказал я ему шуткой,— только никто не считает меня освободителем.

В ответ на это женщина, которую я не видел еще и голоса ее не слышал, улыбнулась мне сердцем, я чувствовал это, не видя ее, я знал это как-то, и мне было хорошо так, и я вспомнил почему-то виденную сейчас нашу темно-кирпичную церковь белой под звездами.

Я вошел в свою комнату, в окнах начинался рассвет.

Это не было падением в том смысле, что мы против воли нашей уступили низшему влечению...

Нет, мы сами к этому шли и этого нам хотелось, но то, что называется «высшим», было нам как препятствие, и долго нужно было привыкать ко лжи, обману, чтобы можно было достигнуть своего, и вот мы обвыкли и после целого года обмена мыслей, чувств, поцелуев наступил этот момент.

Столько сладостных грез, мыслей, слов, и вдруг все это

стало пережитым и ненужным... это достигнутое было так просто и больше не давало интереса.

Стоило ли? нет! (Память-греза и память-действие; там, где нет препятствий, там память-греза (любовная) не является и остается, как у животных,— память-действие...)

Земная грешница. Восприятие совершается вне себя.

20 Мая. Вознесение.

Человек и обезьяна. Происхождение обезьяны от человека (трактат-сатира на материалистов; план: когда при чтении книги увлечение ею вдруг почему-нибудь исчезнет, то книга (ее дух) распадается на множество букв, следующих одна за другою в изумительном порядке (пример Бергсона): сначала я (читатель) был спиритуалистом, а потом стал материалистом, протяженность (ряды букв) есть перерыв в напряженности.

Мой процесс творчества, — когда я пишу рассказ, то очерчиваю по впечатлениям огромный круг и все свожу к одной точке в центре, где пульс, где все дрожит и тянет к себе (напряженность), после можно изучить мое произведение как сложение предложений (так и делают).

Алмаз с многими гранями.

Один забронировался красноармейским пайком (лектор и консультант военкома, «спец»), другой хранит в погребе под камнем в несгораемом ящике облигации военного займа, одному (Щекин) хочется, чтобы так продолжалось, другому, чтобы сразу кончилось, один беспокоится, чтобы сразу не кончилось, не перевернулось, другой, чтобы не затянулось...

Так и живут, а по краям зубастый черносотенец (Грызлов) и вооруженный коммунист.

Разгадка Брусиловых: (я — Брусилов) — я иду с ними (коммунистами), потому что они все-таки свои и ближе мне, чем англичане и французы, устраивающие теперь «буфер» и «рынок» из Польши.

Крымская интеллигенция на содержании французов,— как она должна себя чувствовать, состоя на содержании тех, кто хочет устроить буфер и рынок из России?

22 Мая. Никола Вешний.

— Положа руку на сердце, скажите, добрые люди, идущие против коммуны,— кто из вас не заинтересован материально, семейно, вообще лично в этой борьбе, что святое можете вы противопоставить? Родину? Это ли защитники родины, влекущие за собою хищников Европы?

— И вы, разные Максимы Горькие, которые благословляют действие и умывают руки, когда люди начинают действовать? Как вы все изолгались, как вам не совестно быть?

Среди лютой черни, связавшей мне руки, стою лицом к французскому ресторану — о, как там едят теперь!

Польша хочет Россию от жидов освободить, а мы на Польшу...

23 Мая. Бедная Дунечка, в последнем разуверилась (и совершенно напрасно!), что Некрасов был великий поэт — это последнее.

До конца занятий 1 месяц. 15-го Июня на месяц, полтора (до 1-го Августа) можно в Сапрычку и потом в Москву.

Говорят, что деревня вообще желает советов без коммунистов, надо разобрать, что скрывается за этой формулой...

Стенания и слезы,—
Палач везде палач.
О, скучный плеск березы!
О, скучный детский плач!

Кто знает, сколько скуки
В искусстве палача!
Не брать бы вовсе в руки
Тяжелого меча!
(Сологуб)

24 Мая. Жара и пар с теплыми каплями, так что коровой пахнет и выменем, ничего подобного никогда у нас не бывало.

Все в бездумьи на распутьи, только социал-демократическая швейная машинка неустанно строчку ведет, хочет без ниток и без материи всех нарядить социалистами...

Провинция и столица. Слухи о переустройстве (скоро конец?) начинаются с Тулы, когда идешь из Москвы. А столичный человек живет весь в азарте спекуляции, ему не до этого, и это там даже неприлично (как раньше).

26 Мая. Приехал из Германии вестник, и я сам его не видал, а слышал в передачах его рассказы. Там, в Германии, тоже голод, но вырабатывается много суррогатов, все мало работают и полнейшая свобода слова, есть даже монархические газеты и три русских! Много русских там живет, они первые нарушают порядок карточной системы, они спекулируют, и немцы смотрят на них с презрением. Русские и там живут день ото дня в ожидании конца большевиков.

Хлеба нет и там, и нам, стало быть, нечего от них ждать радости — какая может быть радость без хлеба! — Организация держала германский народ, насилие держало русский. И теперь что же нового: стремление к порядку удерживает немцев, насилие удерживает русских. Надо работать в исходной своей точке — вот единственное, что может освободить Россию. А нам, писателям, нужно опять к народу, надо опять подслушивать его стоны, собирать кровь и слезы и новые души, взрощенные страданием, нужно понять все прошлое в новом свете...

Долетела фраза: «Последнего сына отдала на паек» (на службу за 1/2 ф. хлеба).

Пришел мой ученик Тихонов (красноармеец) и говорил мне, что и по сие время русский народ живет верою в Бога.

— Это Я, кто утверждает власть, а ты слушай Меня и люби: Я твой ближний, ходи в церковь, она научит тебя любить Меня.

Они властвуют и владеют, имеют право распоряжаться имуществом и жизнью граждан, при всяком удобном случае напоминая, что они шахтеры — рабочие. Между тем другие, вся масса огромная народа, терпеливо все сносит, в ожидании, когда клещ напьется крови и отвалится.

Организация (выработка органа) и фабрикация (выдумка орудия) — (по Бергсону) эта мысль очень помогает понимать художественное творчество: всякий художник вырабатывает себе орган.

1) Написать про Антихриста. 2) Написать по своей жизни «путь творчества».

Толчок к творчеству: кто-то близкий отметит Вашу мысль, любовно разовьет ее и вообще поддержит, душа окрыляется, внимание сосредоточивается на одном и начинается работа. А когда давно написанное выходит из круга внимания, не интересует вовсе, то иногда приходит друг и хвалит, тогда хочется перечитать свою книгу, пережить ее еще раз. Так что в основе творчества лежат как бы две силы: Я и Ты.

Я ленюсь, тоскую, ничего не делаю, потому что нет Тебя: «Я — это Ты в моем сердце единственный».

Мое Ты:

Ты прилетаешь ко мне, как лебедь, чтобы вместе лететь в общем нашем воздухе, или плыть по нашей воде, или отдыхать в наших зарослях, в нашей траве, возле наших цветов.

Я жду Тебя и очень тоскую, когда Ты долго не приходишь, но счастью моему нет предела, когда Ты являешься, тогда вселенная во мне и два воробышка, которые попадаются мне на глаза, кажутся разными.

Если Ты не хочешь, я никак не могу вызвать Тебя, Ты сам приходишь, и приход Твой всегда мне бывает нечаянной радостью.

Я не могу вызывать Тебя, а только верю, что Ты придешь когда-нибудь, но бывает, я теряю эту веру и тогда мучусь и мучаю всех вокруг меня.

Ты страшно боишься насилия и при всякой попытке моей удержать тебя силой Ты исчезаешь и долго не являешься.

Я ищу Тебя в лесу, тихо переступая от дерева к дереву,

прислоняюсь к стволу и ожидаю, неслышно перехожу к другому и ожидаю, и когда птицы и звери, считая меня за свое, перестают бояться меня и не разбегаются,— Ты, бывает, приходишь ко мне.

Я ищу Тебя в лесу, мне кажется, что дом Твой там, в зелени, но я встречаю Тебя в солнечных зыбульках воды и в облаках неба и на камнях своего дворика. Кажется мне, что весенний первый свет, когда первые капли падают с ледяных сосулек,— больше всего возвещает о Твоем приходе, что это главные Твои вестники, но часто бывает, я обрадуюсь Твоим вестникам, а Ты не являешься. И когда бывает все разрушено в саду бурей осени и на серых ветвях остается лишь несколько красных листиков, эти листики мне становятся как огненные языки Духа Святого на головах апостолов, и Ты ко мне являешься.

Я ищу Тебя, я замечаю Твоих вестников, но другою осенью я смотрю на красные листики и не вижу в них Духа Святого.

А кругом говорят, что ленив я и не могу исполнять заказ и человек совсем не практический. (Лень — работа.) Вот я под давлением их чувствую себя виноватым, начинаю лукавить с Тобой и падаю. Тогда нужно больше упасть, в самую мерзость, и когда я достигаю последнего дна, в последнем падении я встречаюсь с тобой.

Иногда я видел Тебя в женщине и любил Тебя в ней, но Ты уходил, и женщина оставалась ненужная мне, нет! Ты равно являлся мне в женщине, в юноше, в ребенке и в седом старце, видел часто я Тебя в русском человеке, но видел и в немце и в еврее я не раз узнавал Тебя. Однажды, когда заряженные ружья пьяных людей были направлены в меня, Ты посетил меня, я улыбнулся, пошутил, и пьяница не стал стрелять в меня. А другой раз негодяй направил в меня револьвер — я испугался, и негодяй успокоил меня словами, что револьвер был незаряженный: Ты не посетил меня в моем унижении, Тебя со мной не было.

Что же, или мне вовсе не нужно искать Тебя, ведь Ты не бываешь там, где я ищу Тебя? Но если я не буду искать Тебя, Ты не придешь никогда.

Я ищу, я действую, я живу, а Ты приходишь как бы на зов мой, но совсем с другой стороны и не в то время, когда я зову Тебя.

Да, я встречаю Тебя иногда в своих мерзостях, но если я стану делать мерзости, я наверно не найду Тебя.

В хороших делах своих я всегда нахожу Тебя, но хорошее дело найти все равно, что найти Тебя. Тут опять должна быть простота, а если я для кого-нибудь сделаю с тем, чтобы этим вызвать Тебя,— Ты заметишь лукавство и не придешь ко мне, и богадельня моя будет так стоять.

Нет, никогда мне не узнать, откуда Ты приходишь и когда, разве попробовать путь другой: когда Ты придешь ко мне, то идти за Тобой, все оставить и за Тобой идти?

Вот сейчас Ты со мной, Ты меня покидаешь, я иду...

И слышу голос:

— За стихами идешь, за песнями?

Я остановился, а Ты уже отошел, я еще вижу Тебя.

— Нет,— говорю я,— не за стихами я иду, я иду (за) делами добрыми.

А Ты стал черным, как мощи, и вот собираются толпы людей со свечками и с ладаном, и гроб золотой возле Тебя. Я делаю усилие и вхожу в ту церковь: нет в церкви Тебя, старик и старуха просят милостыню.

Я пленник мира, сижу за решеткой, вокруг — мои сторожа. Но когда Ты приходишь, решетка падает и сторожа исчезают, когда Ты приходишь, я бываю свободен, в Тебе моя свобода.

Я пленник, Ты мой освободитель.

Вот иду я к решетке своей погруженный в мелкую думу, в мелкую злобу на сторожей, и нет решетки! я увидел, как два облака на небе встречаются, и нет решетки — радость широты, радость охватывания, широкая и вся разная, как целая вселенная.

...Точит червяк, гложет неустанно, падает мелкий осенний...

...Мелкий осенний дождь падает на поля, и тысячелетия падает, и камни рассекаются — тысячелетия пролежат они, пока не распылятся. Так и тоска гложет сердце мое помаленьку, помаленьку, пока оно не устанет биться и не успокоится...

На Одноличке живут и до колодезя десять шагов по ровной тропинке, а в Черной слободе живут — поднимаются за водой чуть не на целую версту к тому же колодезю. Тем, кто родился в Черной Слободе, гора эта, как горб, на всю жизнь. И так они привыкли к горе, что думают, всем это нужно и что это уж не настоящие люди, у кого нет возле горы, и гору эту называют, примиряясь с жизнью, крестом своим, а про Одноличку говорят, что у них нет креста и они не настоящие люди.

Испытание на смерть. Они прошли испытание на смерть и остались такими же.

29 Мая. Только гора эта, по которой им ходить всю жизнь за водой, стала неизбежностью, не уйдешь от нее, надо с ней мириться и жить.

Два произведения: Слава (Христу) и Проклятие (Антихристу)...

Он — мой страж...

Я — нет! я никогда не соблазнялся, и никогда он не смел искушать меня царством своим и обращением камней в хлеб... Когда другие незаметно для себя, переступая пороги тюрьмы своей, становились сами сторожами, я никогда не соблазнялся и Тебя не подменял им: он был мне всегда он. Но я виноват перед Тобою, что не мог вовремя поднять на него свой меч. Он разбивается и падает, когда я его поднимаю, и я снова кую и молюсь: «Господи, помоги мне все понять, ничего не забыть и ничего не простить!»

30 Мая. Троица.

Как будто мне нельзя ненавидеть зло, и меч, скованный на молитве о помощи к борьбе со злом,— разбивается, и страж мой является в царском облачении ⟨*4 нрзб.*⟩, и Я опять в унижении и прахе. И мне слышится голос: терпи, сторож твой сам уйдет, а взявший меч мечом и погибнет.

Клещ сидит и напивается кровью братьев и сестер моих, а я должен сидеть и смотреть.

«Английские гости», представители профессион. союзов (2 девицы, 2 англичанина, 8 евреев), приехали в Москву посмотреть еще теплые угли сгоревшей Российской империи, будто бы они осмелились на такую дерзость: поднесли где-то членам ЦИКа по бутерброду и куску мыла,— не знаю, верно ли, похоже на анекдот. В газетах, которые они привезли с собой, почти совсем не упоминается о России, как будто ее не существует.

Англии, очевидно, принадлежит теперь мировая гегемония — почему так вышло?

Теперь, верно, уже настало время разгадки русского Сфинкса, напр., хотя бы Петр, сколько спорили о том, добро он сделал России или зло. Скоро можно будет это знать. Вообще история русская сведет концы.

Много людей раздавленных (и Бальмонт?!). Нельзя так гневаться, если гневаться, то надо так, чтобы немели враги, а если этого нет,— нужно смеяться.

Бывало, в несчастии думаешь и очень мучишься этим, именно, что вот поступи при таких-то обстоятельствах иначе, и судьба твоя была бы иная, ведь это же, в конце концов, и убивает — сознание, что я виноват; но теперь окидываешь памятью события, начиная с 14 года, и видишь, что как бы не поступал, все равно бы попался, и даже если бы любил свою родину или ненавидел — все равно!

К психологии действия: действие должно быть полным, заполнять все существо.

31 Мая. Духов день. Я встал на рассвете, мелочи бросились на меня и стали грызть, но, посмотрев на последние звезды, я овладел собою и унес в комнату свет звезд, вот это действие звезд, что от них почти всегда что-то уносишь с собой. Я овладел собою, и мне ясно представилось, что я в жизни был счастлив и мне надо за нее благодарить. Так при всяком приступе отчаяния нужно вспомнить, что был счастлив и стоило помучиться из-за этого, а если чувства не хватит для этого, то поможет рассудок: состояние отчаяния, значит, или конец,— но

конец неизбежен, или же оно временное и за ним последует радость...

1 Июня. Получено известие из Ейска о счастливой жизни: ты жив, мой ловкий друг.

Все эти несчастные люди живут, вовсе не сознавая, как они несчастны, потому что им не дают одуматься заботы о своем голодном существовании, сколько усилий, напр., нужно, чтобы, не будучи торговцем и только подражая им, торговать на базаре! а ведь каждое усилие заполняет время. Что, если бы только всех этих голодных людей накормить вкусно и жирно, что, если бы все эти калачи, окорока, оставшиеся на вывесках старого времени, явились бы на стол подавленного интеллигента, а все остальное было бы по-старому, сколько тут было бы самоубийств, разврата и всякого очертенения. Нет, мы еще не все пережили, мы не дошли еще до ужаса сытой коммуны. И так, я думаю, есть часть правды в аксиомах нашего большевизма, что Европа (Англия) некогда дойдет до того же: она даже перейдет, она осуществит сытую коммуну.

Призываю на помощь метафизику и психологию: интеллектуальное направление (фабрикация) определяет общий строй Европы; социализм Маркса переводит стрелку фабрикации с вещества в область общественных отношений; при Европейском такте можно осуществить сытую коммуну; тогда все общество будет действовать как совершенный механизм.

Можно себе ясно представить, что человек таким аппаратом будет двигать мирами, но в сытой коммуне он будет еще дальше нас от понимания жизни. В голодной коммуне мы творим формулированные декреты, а голод, как сундук железный, сохраняет нам инстинкт жизни: кто не мечтает из нас, что некогда эти калачи и окорока сойдут с вывесок старой империи прямо к нам в рот.

3 Июня. Вот оно, откровенное насилие! Это движение руки в карман — не за револьвером ли? Эта примерка к плечу винтовки скучающего часового — не хочет ли он убить кого-нибудь, не целится ли он в живое? Эти ночные взгляды дикаря, инстинктом угадывающего, что вы — чужой. Эта невозможность укрыться от его взгляда никакими законами, декретами, мандатами: он, как охотничья собака, необыкновенным своим чутьем угадывающая скрытую дичь.

В коммуне живем мы, как дичь на болоте, в постоянном трепете, что пресветлый охотник выпустит на нас псов из своих исполкомов.

Борода и усы смягчают лицо дикаря, а бритье делает лица их наглыми — все стали бриться.

Преследующий меня жид.

Случилось однажды в некотором царстве, в некотором государстве, исполком одного охотничьего общества выпустил красных псов в русское болото...

Случилось, издали декрет, что дичь...

Псы перестарались: дичь стала пропадать, погибать, разлетаться в разные стороны. Тогда издали указ, что дичь получает равные права в исполкомах с красными псами и может явиться туда.

4 Июня. Рассказывал вернувшийся пленник белых о бесчинствах, творившихся в армии Деникина, и всех нас охватило чувство радости, что мы просидели у красных.

Тогда казалось, что мы — не белые, не красные, мы люди, стремящиеся к любви и миру, попали сюда, к этим красным в плен и потому не можем действовать, но что это наше лучшее как действенное начало находится там. Между тем хорошие люди могли действовать там меньше, чем здесь.

Итак, наше комиссарское хулиганье есть только отображение белого царского дворянского хулиганья, это в равновесии, а на стороне красных есть плюс — возмездие.

Отъезд в Москву назначается на пятницу 29 Мая — 11 Июня.

5 Июня. Михаил. На базаре хорошо поторговала Валя и за то купила дедушке конфетку к утреннему чаю — дедушка Михаил Иванович именинник, положила конфетку, а ночью мышка съела ее...

Вот Ты пришел ко мне, я собрался, иду, бегу, догоняю, зову, Ты обертываешься, и вижу, это не Ты. Он холодно мне поклонился:

— Что вам угодно?

— Я хотел спросить вас... нет, извините, я ошибся...

Как пóшло быть первым (в ряду) и как постыло быть последним, хорошо быть единственным в своем роде...

На могиле был, в тюрьме был, ночевал у Коноплянцева, съели клопы, дизентерия — вот так именины.

9 Июня. Никифор: верный человек, любящий, а вот пойми, как это выходит, что надует он пуще всякого жулика: здоров и так жизнерадостен, что постоянный шум и звон в голове; если ты ему друг и представляется случай с тебя поживиться, то он тебя вдвойне любит и по-прежнему, как друга, и за то еще, что можно от тебя поживиться; сливается с тобой в общем предприятии — все наше! Так и называет «наш гусь, наш поросенок», а в конце так получается, что его поросенок и его гусь, а у тебя только хвостик и лапки; объяснить положение — обидится, изругается, потом погрустит немного, и опять жизнерадостный

шум и звон и новое предложение, и все по наивности, по доверию к своему чувству, что если ему будет хорошо, то, значит, и его приятелю.

Жизнь коммуны разыгрывается, точно по нотам конца империи, теперь даже лозунги пошли те же — «до победного конца» — и в то время, когда населению ясно, что конца нет войне; конец, видимо, будет точно такой же.

Есть ли в 19—20 в. хоть одно научное открытие, которое — силою интуиции — обдало века последующие чувством бескорыстной «интеллектуальной симпатии» к миру, как открытие Колумба или Коперника? Или теперь червяк научного анализа поедает всякое вдохновенное открытие немедленно, выделяя экскременты полезности? (замечательно теперь это «нео-», прибавляемое к великим именам). Завоевание воздуха, герой-акробат (в цирке полетчик, тут летчик), человеческая птица взлетала прямо с бомбою вверх.

Не будет ли вероятным такое предположение, что наука, стесненная практическими целями, главным образом, государственной обороны и т. п., давно уже не имеет внутренней обаятельной силы, так же, как и философия и религия, и что вот это духовное «оскудение центра» и является причиной нарастания варварских сил под флагом социализма и что туда, в социализм, все ушло?

Сегодня (27—9) получено письмо от последней жены Сережи (ст. Кавказская, Лидия Ивановна Пришвина (Сахарова), что 14 Дек. Сережа умер от тифа.

Советские рабы и неделя просвещения: выдавали тухлую капусту, и вдруг там увидели кусок хлеба (закваска) и бросились делить и тут же ели эту вонючую жвачку.

Идея самоистребления была мне близкою с детства, но я ее отгонял, поднимаясь на волну радости; теперь стало очень опасно. Ехать нужно поскорее.

10 Июня. Щекин носится по советским волнам, как рыбак на воде, застигнутый бурею: нужно прилаживаться к ветру, вечно меняя паруса маленькой лодочки, где-где ни увидишь его с лекциями, то у табачников, то у почтовиков, то мелькнет на эстраде в саду у военных, то хлопочет о выдаче капусты учителям.

Я стараюсь держаться в затоне и смотрю с тоской на это кувырканье, но больше нельзя, нужно переплыть к другому затону через бурю, и вот... (направил лодку в Москву, а ее погнало в тюрьму...).

Письмо из Москвы от Малишевского (его адрес у его тетки узнать: Малая Грузинская, 12, кв. Елены Мих. Ваач).

Мало-помалу все, как прежние мужики, решительно все — рабочие, купцы, интеллигенты, учителя и служащие — надели маску раба русского, у другого и есть все, а ходит с оборванными карманами, сыт, а жалуется на голод, полное безразличие к роду власти, а ругает власть и льстит ей в глаза. На фоне этой искусственной и действительной нищеты разгуливают молодые кавалеры в щегольских френчах, с бритыми и наглыми мордами, комиссарские женщины в платьях прежних господ.

13 Июня. Все бегут из города, повальное бегство.

Отъезд в Москву назначается на пятницу 5 Июня — 18.

Диякон коммунист Казанский по глазам узнает потомков духовенства и, узнав, беспощадно преследует (тоже сын диякона Германова, которому ухо отрезали мужики).

Интеллигенции осталось только осознать всю глубину своего страдания и взять на себя инициативу Голгофы.

«Паек» определил положение и армии и интеллигенции: стало некуда бежать, развилась особая, тюремная жизнь.

Из Москвы пишут, что очень хорошо живется актерам и литераторам, что в «Дворце» каждый день вечера. Какому-нибудь члену о-ва св. Софии эти вечера столицы кажутся такими же пошлыми, как нам в Ельце здешние увеселения...

Уголок Ельца: «Виселица», место расстрелов, монастырь-коммуна, кладбище с братской могилой (коммунистов хоронят поперек). Красный крест. Гробовщик и его могилки. Острог Коммуны. Икона Божией Матери расстрелянная. Одноличка веревочкой соединяет два града — город рождения и город смерти.

Преобразовать болезнь России: война белых и красных: игра в солдатики...

Роль интеллигенции — роль целителя: умрет Россия — могилка моя! а выздоровеет — загуляет с другим.

Если умрет, то будет моя, если оживет, то уйдет с ним — вот центр действия. Так и сказала: «А если умирать, то приду к тебе умирать».

17 Июня. Завтра, 5-го, выезжаем.

Зах. 〈*1 нрзб.*〉— а свой взгляд: революция (разгром церквей, сфера полос и духа, вообще столкновение глубоких душевн. и духов. сил) остановила еврейство, крас. инстинктивно боится христиан, к тому же в управлении главным образом участвуют евреи-ренегаты.

18 Июня. Последние приключения в Ельце, как Никифор гуся прислал с воробья, как Рощин соль украл и Король облагодетельствовал и сквозь щелку провезли: Львов провожает.

Живые души: Карандашов, Львов, (Король) Иван Сергеев, Никифор.

22 Июня. Приехали в Москву в воскресенье в 2 ч. дня. Отъезд: ломовик. Момент отрыва: смертельная тоска. Безумие вещей. Нападение чрезвычайки, охот. ружье (просрочена квитанция). Маголиф спасает (я помог его брату). Таинственный моряк (Свидригайлов). Двое с трубочками и трое идут вставить себе трубочки. Организация на спирту. Новое нападение чрезвычайки в Лаптеве. Беседа с москвичом: «халтурить», «а по бокам-то косточки русские». Москва! (Лева, Москва) — брошенный в «своем вагоне» в 10 верстах от Москвы — пустыня в 10 верстах. Комиссар тяги спасает. Ленинские извозчики: бег за ними. Удача. Москва без цветов. Чулков: «Большевизм серьезное дело», персональные пайки на 17 писательск. душ. Встреча итал. делегатов. Литерат. шик. Луначарский (дубина Петра и демократизм итальянский), Брюсов (статуй), Вяч. Иванов и лавры.

Маголиф. «Кто вы?» — «Я Маголиф!» Встреча с лесами. Встреча с лесами и цветами. В тупик.

26 Июня. Липы цветут.

Автомобиль Горького и дама с платочком. Исчезновение прислуги.

Литературный департамент (спор о карточках, где читать пьесу, агитационное значение — богатый человек). Бульвары: исчезли проститутки, пристроились в своем классе властителей (в учреждениях).

Митин о правах индивидуализма: «легион имя мое» и соборность, Луначарский — стертая монета.

Звон в ушах: а кажется опоздавшему интеллигенту, что настоящий звон.

Раздавленные и старовер «Русских Ведомостей» (мое чтение).

Автомобиль Горького.

Очень похоже на прежнее: когда ищешь места в министерстве. (Эсеры собираются тайно.)

Белогвардейщина (в воен. учреждениях): ее истоки... (дамы на Потылихе).

Жизнерадостность по возрасту.

28 Июня. Прижатие рабочих (караул садов в Ельце).

Дворец искусств: Луначарский читает, автомобиль перед домом Ростовых, все слушатели с просьбами: Пастернак, Чулков, Городецкий и пр. На другой день те же в приемной. Вечер Бетховена в доме печати: агентство Роста, евреи и «без лица».

Ликвидация предприятий: охотничья и дачная. Золото и страх (Розенталь: Клара, Борис Конст. Зайцев и его Италия). Русск. интеллигент на переломе: идея перестает руководить в повседневной жизни: мир желаний поднимается, как облака

над землей, и земля живет сама по себе, и облака — мир желаний вверху. Корнеев говорит, что служит не большевикам, а государству. Маленький человек оставляет претензии быть великим (интел-ция, как в Европе). Вот почему в провинции ничего не узнают от столичных.

Разврат взяток и приспособлений.

Янчук и академия материальной культуры: бумажно-канцелярское дело или сразу попросить.

Существуют ли творческие эмбрионы?

Диспут Луначарского и В. Иванова.

3 Июля. Вечер у Евдок. Иван. Лосевой — чтение «Чертовой Ступы».

Лирический поэт: между музыкой и драмой (Вяч. Ив. по поводу поэта-актера).

Пьеса без действия, без интриги и даже без события.

12 Июля. Петров день. Вчера были в показательной школе коммуны на Потылихе.

Фольклор Луначарского: фольклор нормированный.

Коса: Середе понравилось прошение: зарабатывать покосом. Получение косы: тов. Гейзе. Ц. 142 р. и на Сухар. 30 т.— принцип выдержать: мальчик, и боремся без головы, и в бар и завод подписаны. Внесение денег. Возвращение за ордером, и опять на Мясницкую: все, чтобы выдержать принцип.

Мандат у Луначарского: фольклор и Вендров — устный журнал «Длинное Ухо».

Правило: держись подальше от власти, чтобы сохранить душу: там грех и кровавая завеса (жена Б. Зайцева).

Семашко и брат его Владимир: «честный нарком».

Бердяев о Луначарском: его грех - пошлость. Лавочка Бердяева.

13 Июля. Амортизация.

В Госуд. контроле: барышня спросила:

— Что такое амортизация?

Никто в регистратуре не знал. Я сказал:

— Смерть шляхте, смерть буржуям — всеобщее уничтожение.

— От какого же слова?

— От слова смерть.

Эта барышня все мне и устроила.

Новая глава «Коньячок»: у Игнатовых Наташа вдруг сказала: «А у Семашки бы коньячку попросить». Аристократия «Русск. Вед.» и жизнь.

15 Июля. Известный ученый артиллерист генерал Дурлахер переделался за войну в Дурляхова, при большевиках обернулся в канцелярскую крысу (шмыгнул к начальнику-монтеру, как крыса).

Бор. Зайцев сам похож на покинутую милую усадьбу Тульской губ., заросшую теперь, разрушенную (пишет итальянский роман), а жена его (сына-студента расстреляли) — весь мир теперь для нее по ту сторону кровавой завесы (по Лубянке ходить не может, на Лубянке В. Ч. К.).

Кровавая завеса. Директор показательной школы-коммуны Мих. Мих. Исаев, бывший пулеметчик, говорит, что не может быть педагогом — видел, как турку кишки выпустили и наводил пулемет, он может только дрова заготовлять для школы; а между прочим, ненавидит нытье, призывает к радости и говорит, что рано или поздно на дверях Царь-града будет русский знак (советский, пусть советский, лишь бы русский).

В голодно-холодной кровавой завесе мира вырисовывается для большинства людей лик врага (он) — кто это он? — Большевик. Обыкновенно называют «они» (вместо прежнего «он»).

Белогвардейщина в ГАУ (военнообязанные): не все ли равно вам, белые или красные, вы при тех и других будете заперты в ГАУ, нет, вы просите не белых, а мира.

Игнатовы (В. Фигнер) — живут, пережив самих себя в аристократической строгости — суровости, единственная гибкая среди них, Наташа, попросила коньячку.

Писарев Сергей появился неузнаваемый: «где разложение — там я!»

— Мне хорошо! Я это предвидел, мне хорошо! а будущее мне тоже известно — моря крови прольются, моря!

И начинает фантазию про Украйну, будто бы там режут коммунистов. Фантазер! Между тем успел все-таки поселить в душе, вызвать из прошлого то состояние ожидания кровавых перемен и пр.

Тишина! такая тишина общественно-политическая, и все как-то в ноги ушло, весь день вытаптываешь себе свои делишки, и так представляется, что конца этой тишине теперь не будет; между тем как подумаешь, то ведь нельзя же на этом основаться, и тишине этой рано или поздно будет конец (вот в тишине-то фантаст Писарев).

Чувство природы: летние росы, осеннее золото лесов, первая пороша — с каким делом (для других) можно сочетать это чувство, чтобы оно возродилось, сохранилось, окрепло, а не погибло бы в эгоистическом наслаждении? Я думаю, это возможно только в сочетании с детьми, как-то нужно подойти к детской душе (воспитатель Иван Ник. в школе-коммуне, туберкулез позвоночника).

На Мясницкой утром: много людей, как бывало, на Невском, и все идут на службу, трамваи, грузовики, шум, грохот.

17 Июля. Посещение Серг. Порф. и традиционные эсеровские разговоры о том, кого арестовали, дают ли свидания, кого нужно просить об освобождении — совершенно прежние времена и ключ времени, понятен стал и Гредескул и ученик его Карасев, и ясно, почему пулеметчик Исаев хочет прибить русский щит к воротам Царяграда и почему «Русские Вед.» в Музее.

Авансовая ассигновка М. М. Пришвину от 13 Июня 1920 г. за № 789 — 40 тыс.

Список вещей

1. Корзина с рукописями и книгами	— 2 пуд.
2. Чемодан с бельем	— 1½ п.
3. Брезент. чемод. с хламом	— 1 п.
4. Корзина с посудой	— 1 п.
5. Тюк с шубами	— 1 п.
6. Левина корзинка	— ½ п.
7. Мешок с грязн. бельем и подушками	— ½ п.
8. Мешок с сухарями	— ½ п.
9. Охотничья корзиночка	— 20 ф.
	8½ пуд.

Каменев: «Что-то вы долго все держите».

Запомнить то душевное состояние перед обыском Ч.К. на железной дороге, когда все уложенное и сшитое нужно раскладывать и расшивать,— а на душе состояние, равное морской болезни, экзамену... еще что? физич. утомление, пот, пыль, повторение урока в голове: что ответить, как всучить мандат.

23 Июля. Хозяин сыскался.

В понед. 7 Июля погрузились в вагон. Во вторн. (8) выехали, в среду 9 (Казанская) приехали в Починск.

Тройные завесы лесов на холмах: зеленые, за ними черные и на горизонте лиловые. А внутри леса нет ничего: иссохли источники и травы, деревья вырезаны, а сучья и макушки поверженных не дают пройти, на краю лежат бревна, у которых нет хозяина. В этом лесу лежит труп революции (вот бы англичанину заглянуть сюда!) — вчера электричество, сегодня лучина. Вот дрова! а в Москве замерзали.

Труп революции.

Лева зовет в лесу «мама!», а ей в лесу чудится, будто Лева зовет, и сидит она и плачет, ей страшно что чудится.

Пальто уехало. Флакон у Левы из кармана выскочил (за него расстреляют).

24 Июля. На Рясне возле Малого Починка дети в светлой воде удили окуней и пескарей, и вся рыба была на виду — такая светлая вода. С криком вылетала утка дикая, потом другая, третья, четвертая. Я пошел по берегу речки, шумел тростниками, ольшаником, хотелось еще выгнать и еще... Промахала крыльями длинными цапля. Носилась большая стая витютней. На лугу косят во много кос. Солнце, как в 14 году перед войной, скрылось не за тучами, а за хмарою горящих где-то лесов — великая сушь. И обняла пустыня душу мою, как малую лодочку океан обнимает.

Фрося с Маней отслужили молебен и поехали в Москву за солью.

И кто думал, что за фунтик соли можно будет заставить потом человека три-четыре дня работать, за 1 1/2 коп.! Вот бы, когда обещали рай, спросил кто-нибудь: «А соль будет?»

25 Июля. Перед глазами светлый вир, где рыба кишит и видно, как окунь глотает пескаря, а щука окуня. Я видел, как пескарь, спасаясь от окуня, выкинулся на берег и окунь цокал на него, высунув нос из воды. А на лугу, услыхав наш шум, утиная мать бежала по лугу и отводила наше внимание от тростников. Вчера была гроза и маленький дождь, сегодня опять гроза и дождь посильнее — крупный, теплый.

В глазах голубые стрекозы, и Московский бульвар представляется тоже, как вир.

28 Июля. Мышига, бабушка, ей Бог послал человечью кость, этой костью она заговаривает и кормится: кость кормит.

— В иконы не верю, а только в Спасителя и в Божью матерь, только, Михаил Мих., эта вера в Спасителя, я замечаю, приходит, когда умирает дух радости.

В Москве: проституция стала законом, а потому и нет на бульварах проституток.

Путешествие из Ельца в Дорогобуж через Москву.

Мрачный мужик везет нас от ст. в Дорогобуж, я показал ему серебр. рубль с Николаем, и вдруг он стал добрым и ласковым.

Клара и муж ее Давид: как она рассыпала золото и, не чувствуя страха к В.Ч.К., сосчитала, мало того, вернулась и пересмотрела место.

В тупике: обманула винная компания.

10 тыс. извозчику и на вокзал и как мы уселись в профессорский вагон (ворота пассажирской скорости).

Берем крепость за крепостью: а Вязьма (где обыски) сдалась без боя.

Семашкино волшебство: его отрывные листочки.

Волнения, что отберут 7 ф. пшена, а извозчику нечем заплатить (соха и молот — тысячи: «косы»).

Благословенный край Дорогобуж.

Самое путешествие сутки или двое, но сборы к нему — годы... (и переживания).

Конец пути: солнце (закат) над болотами и (настоящее только новый взгляд на прошлое).

5 (18) Июня в Пятницу выехали из Ельца.
7 (20) приехали в Москву.
9 (22) Июля, Казанская, пришли в Следово.

Шелковую шаль драгоценную разрезали на четыре куска и получили четыре пуда хлеба — громадная цена! а подумали: у нас убыль, а там будет новь, мужик пересидит, все пересидит: производитель всегда будет господином потребителя.

Приходила учительница из Еленкина и говорила, что занятий зимой не было из-за дров, хотя дрова за 100 саженей лежат великой массой.

Приходил «комиссар» (был комиссаром, пограбил, награбленное прожил и теперь живет курам на смех); его надо вырезать из дерева: материал: наплыв березовый покрасить, как макаровские ложки, между носом и ртом, т. е. на верхнюю губу пустить вершка два, нос вырубить и не стругать, вместо глаз две пуговицы от штанов, лоб низкий с морщинами, как у обезьян, все лицо очень широкое, но в общем длинное, и длину выгадать из промежутка между носом и ртом. Ему доверено доделать превосходное здание земской школы; он надеется это сделать силой (а какая сила, если сейчас у мужиков побирается).

29 Июля. В санатории у В. Иванова и Гершензона. Я сказал:

— Все хорошо, но к чему бутафория: вот странник М. Горький чуть не задавил меня своим автомобилем, почему он не странствует? или министр Луначарский печатает аршинными буквами себя, а под собой маленькими Вяч. Иванова.

Вячесл. отвечает:

— Потому что они власть, они взяли на себя грех мира (а сам лукаво так выглянул из себя).

Благословенный остров, который нашел я в Следове (когда вступил членом в крестьянский род), вдруг стал понятен: пришла учительница и сказала, что ей за три месяца выдали 3 ф. муки и зимой школа не топилась, потому что дров не было! тогда я понял, что этот остров может быть, и у нас, в голодном

Елецком краю, есть, если вступить в крестьянский род, в это господствующее теперь мужицкое сословие; а интеллигенция в таком же рабстве теперь, как раньше были мужики. Этому роду мужицкому нужно только размножение (вот почему наряды: простыню разрывает на четыре платка — вот тебе и мука!), и крик «Земли!» — размножение. И образование ценится только полезное (почему и выскочил недоучка).

30 Июля. Вчера вечером были на хуторе в лесу у «Воробейчика». Вечером при луне сидел — курил в сенях против нового зарешеченного сруба; когда я переводил глаза на небо, то видел на небе изображение решетки крыши «водяными» знаками; а когда я захотел сознательно увидеть изображение,— оно исчезло, и как я ни ухитрялся потерять сознание,— не мог, решетка не являлась. (Мир есть, но насильно его не возьмешь.)

Вдруг все провалилось: леса-болота, реки, все дорогое, всякая цель, всякий смысл, сижу бессмысленно, где сяду, и без следа проходят, как облака,— облака моих далеких и последних переживаний. (Пустынное крещение.)

Путешествие из Ельца. Командировка. Чекист командировал, а диякон Казанский назначил в тюрьму. 2. Тюрьма. 3. Винный король. 4. т. Львов.

Софья Як. любопытствует о психологии «наркомов» честных и умных. «Ничего,— отвечаю,— нет интересного: народные комиссары теперь просто регистраторы стихийного процесса».

1 Августа. Сколько грациозной ласки, привета, уюта бывает у деревьев на опушке леса, когда входит в лес человек; и потому возле дома непременно сажают дерево; деревья на опушке леса как будто дожидаются гостя... (Сон: деревья кланяются мне.)

Начинает показываться Хрущево таким, как я его любил.

3 Августа. Поход в Дорогобуж с Ефр. Пав. Купанье в Ведуге (рыбы). Военный комиссар стреляет (Рябой змей). Одноглазый верблюд. Участники и 3 ф. масла: тетка Анна представляется. Поворожить? Ворожба — стрельба. «Участники» (довольные, что не в деревне) «трошечку» ближе. Лебедев и устройство в Алексине. Зажинают овсы. Льны. Аграрный человек — всегда анархист.

4 Августа. Поход в Алексино: «учитель Пришвин с семейством определяется на место». Еловка и разговор о «Хрусе». Двери родных отворяются (кума, сватья). Босиком по лесам, полям и холмам.

Программа календаря для детей Алексиной колонии.

Небо (облачность, осадки, звезды, ветры, приметы).

Жизнь леса (растения, животные).

Жизнь в воде. Поля.

Писатель Пришвин с семейством идет лесами в Алексино определяться на службу шкрабом.

Следово — Староселье — Катин починок — Еловка — Х...; По кладкам через болото, с горушки в низину; собаки злые; «Не продадите яблоки? Дайте напиться!» Старик в лесу: «Вы чьи?» Овсы-ячмени поспели. Гречиха отцвела. Лен желто-зеленый. Пахнуло коноплями. Сено докашивают. Участники-Серюки. Кума-тетка и Кума-сватья. Лесная гарь.

Деревня — нерв. И отсюда одухотворение природы (к изучению края).

Жизнь в избе у Андрея Прокопьевича хороша тем, что тут как бы нервный узел природы, и небо, и лес, и вода, и воля — все посылает сюда свои нервы, и, живя в избе, вы чувствуете все в природе...

Я шел по лугу внизу, а на горе белая, стройная, как церковь, стояла женщина с серпом в руке...

Занятие словесным художеством, бывает, обрывается, и тогда все сделанное становится похожим на записанные сны, никому не нужные.

6 Августа. Алексино. Мы переехали в Алексино: перешли, а вещи переехали. И мы стали грызть кость барского быта.

Это было очень крупное имение, в котором жить можно было в созерцании леса и плавающих по широкому озеру лебедей.

В крестьянской избе все было подлинно, не было сомнения в необходимости жизни, а в имении все подозрительно: особенно школа II ступени, преподавателем которой я состою.

Это хождение босиком по лесам и полям мало-помалу закружило, я заблудился и возвратился к прежнему своему быту.

Когда пятилетний ребенок спрашивает, почему ходит солнце по небу, почему птица летит, почему зеленое дерево, в этом бесконечном «почему» таится начало процесса, который приводит к великим открытиям Коперника и Ньютона, так что психологически весь процесс научного творчества сводится к тому, что маленькие спрашивают «почему?», а старшие отвечают «потому что». (Закон причинности и результат его: земля застынет; другой процесс: человек бессмертен) — идея бессмертия — основа жизни, каждый живет так, будто он всех переживет, это сила жизни открывается разумом и верой. Психология и логика.

Логика: человек смертен, я человек — я умру. Психология: хотя я смертен, я все-таки буду жить так, будто я бессмертен.

Между этими группами малых и старых помещается огромная масса, т. ск., средних людей, которым некогда спрашивать и некогда задумываться над ответом, они просто живут и делают предназначенное им дело жизни; этим и не нужно спрашивать, они видят вещь, как она есть, руководствуясь инстинктом и здравым смыслом. Они постигают вещи, как говорят философы, интуитивно, и никогда ученому не угнаться за теми бесчисленными открытиями, которые они делают в практике жизни. Художественное творчество примыкает по своей природе к этому творчеству, синтетическому, соединяющему, в противовес аналитическому, разлагающему творчеству науки.

Это вера наша или сила жизни выносит из глубочайшего подземного колодца бадью с диковинами; искусство удивляется, наука сомневается, искусство радуется или негодует, наука холодно разлагает диковину на составные части для того, чтобы сфабриковать потом подобную диковину. В конце концов, все сводится (в обществе) к палке и личному вкусу.

Примеры: отряд красной армии и завоевание буржуев (инстинкт через все рассуждения); сказка про ученого кота-лакея, встретившего мышь: природа науку одолевает; оса и личинка. Зверь знает все.

Инстинкт и рассудок: организация и фабрикация.

Рабочая ценность (кухарка, управляющая государством).

Краевед-крестьянин, он знает все (несомненность его дела): изба — лаборатория жизни, из которой выходит животное очеловеченным; краеведу нужно усвоить себе рабочую ценность всякой науки (шкаф от зоологии, бетон) и перекинуть ремень на человеческую шестерню.

Каждый может заниматься краеведением, тот каждый, кто любит свой край... Задача наша упростить всякую научную теорию, выжать из нее рабочую ценность, чтобы... как только крестьянин скажет: «Это им на пользу» — это значит ремень перекинулся к маховику.

Пример. Бабы шли с Польни из Чистика с клюквой и рассказывали о хозяевах Алексина: их осталось всего две девицы, одна старая, другая горбатая, обе, как началась «свобода» (так называется революция), уехали в Смоленск и там служат писарихами. Конечно, им дали бы теперь земли и корову, да вот гордятся и, что говорить, больно на свое смотреть. Бабы рассказывали о них и их добрых делах (школа, больница) с большим сочувствием, но вдруг одна из них вспыхнула митинговым огнем и начала причитывать (митинговая причеть):

— Бывало, работали на них за 15 к. в сутки, а они в шелковых юбках... — и пр.

— Ну, а теперь хорошо?

— Хорошо, теперь на себя работаем: конечно, плохо, что нет ничего, а так хорошо (двойная душа, экономическая и социальная).

Чем отличается краеведение от других прикладных наук, напр., от сельского хозяйства?

Сельск. хоз. наука направлена на улучшение жизни человека через улучшение пород скота, земли и т. д. А краеведение — на улучшение породы самого человека непосредственно влиянием на его сознание.

Наша задача показать труженику земли, что в точке приложения его труда пересекаются меридианы и параллели всего земного шара, что через каждую его личную точку земли можно провести его личный меридиан и его личную параллель по всему земному шару...

(Пример: наши великие разливы рек, когда — мыс земли и море, земля и вода.)

Начало. Блудный сын (богоборчество) = социалистическое отечество = возвращение сына. Из родины сделать отечество (Родина и Отечество). Чувство родины в России сильнее, чем в Европе (ярче), а отечества нет (гражданин) = старик увидел карту: «Ну, покажите мне Россию», увидел, перекрестился.

11 Августа.

— Родина моя — Индия, мое отечество — Париж,— сказал гражданин мира.

— Род человеческий вышел из Азии и остановился во Франции, здесь население больше не увеличивается и что было родиной, называется отечеством.

Снилось мне, будто Лев Толстой сказал: «Есть такие провалы в душе, когда ничего не хочется и нет никакого смысла в жизни, через эти провалы я перекидываю мост, пишу «Круг чтения». Мережковский ответил: «А я в такие часы изучаю голубей как материал для романа о деревне Алексино». После них и я сказал: «А я пишу критическую статью о русской литературе».— «Вы ее никогда не напишете»,— сказал Толстой. «Ну, что ж,— сказал я,— это только доказывает, что я человек не бездарный, критические рассуждения пишутся обыкновенно бездарными».

Ф. отлила для Александра спирту, долила водой и спрятала в корзину ко мне на место. Я подумал, что это дети проделали, а она сказала, что «выдохся». И все это на глазах детей.

Александр, весьма почтенный человек, привез меня в школьную квартиру, он обшарил все полки, высмотрел себе таз и потихоньку увез его как добро казенное, значит, общее. А таз-то был мой.

12 Августа. Вечер на утином озере. Как завеса, лесок по горизонту, непрерывно тянется русская песня. И тут же на болоте мельник загоняет гусей и орет: раньше был извозчик...

а теперь дезертиром, раньше был извозчик, а теперь (сын лакея Смердякова).

17 Августа. Завершился пятилетний круг моей Хрущевской жизни, и я возвратился опять к лесам, и опять нет ничего, а небо и лес со мною...

Первое начало осени, начало Августа, овес докашивают, еще зеленые леса, погода стойкая, а петух, чуть увидит облако, кричит по-осеннему.

18 Августа. Как развивается во время еды аппетит, так во время удачной войны все чаще и чаще вы слышите слово родина, и, наконец, победа, контрибуция, мир, колокольный звон в соборе, парадные мундиры, газетные столбцы и под самый конец — отрыжка, объедение, пасхальное обжорство после великого поста — конец.

Счастье. Законный брак не поддается (художественные изображения).

Люди просвещения, писатели, художники, учителя, издавна в литературе противопоставляются лейтенантам: война — центростремительная сила чувства родины, а просвещение — центробежная (шовинизм и пораженчество). (Современность: военное дело и народное образование, Исаев и щит Совдепа, тип милитариста в Красной армии.)

Если вы привяжете к веревке камень и будете вращать его, то камень будет стремиться оторваться, а с другой стороны, камень будет притягиваться силой вращения к центру, из этих двух сил, центробежной и центростремительной, образуется нечто среднее, движение по кругу (движение по кругу жизни государства, а силы: центробежная — народного просвещения, центростремительная — война (вода и суша).

История славянофильства начинается революциями 〈*1 нрзб.*〉 и кончается шовинизмом.

Разве можно удержать стихию океана в руке? — так невозможно кристаллизовать это чувство родины, и всякие попытки это сделать кончаются запрудой и мельницей для нашего села.

Центростремительная сила — в крестьянстве «установка» (виновата «антиллигенция»).

Центробежная махнула к интернационалу: это буря, это девятый вал, но никакая волна океана не может сделать того, что делают миллиарды мелких волн, размывая утес. Так наше дело просвещения, изучения края есть дело размывания скал и утесов, переработка естественных сил для общемирового пользования.

(Центростремительная сила всегда против народн. просвещения: если народ узнает, что земля шар, а не плоская. Дело

просвещения — дело связи. Не той связи палочной — военной, которой держится глыба, не глыбе, а связи водной, где каждая капля в себе и во всем.)

Война создает утесы власти, которые потом сотни лет размывает стихия океана.

19 Августа. Спас-Преображение.

Утро прозрачно-росистое радостно приняло меня к себе, а вечером у озера лежу распростертый у корня березы, бессильный, отнятый...

Дошли слухи, что мы у Варшавы, а перемирия с поляками нет, через неделю, быть может, Польша объявит Совдеп, и на границе Германии расположится единственное в мире, готовое к бою войско.

Но главная сила, и какая это сила, чувствовать, что социальная болезнь изжита, господину больше нечего бояться своего раба и рабу нечего домогаться от господина.

22 Августа. Алексино — громадная усадьба, из конца в конец, от школы до больницы идешь почти час, и все почти берегом искусственного озера, окруженного сплошной кущей вековых деревьев. На озере есть островок, и там на деревьях живут аисты, а в домике на озере лебеди и павлины ходят по берегу; все эти птицы намекают на немецкую кровь у владельцев, особенно аисты (надо узнать, где в роду Барышниковых скрывается немец). Барский особняк выходит одной стороной на озеро, другой в парк — большое трехэтажное здание с колоннами. Парк просторный, в нем свободно разбросаны группами и в одиночку вековые деревья. Теперь в парке пасут коров и мальчики жгут костры, обжигая часто драгоценные деревья. Озеро начинает вытекать понемногу: видно, спуск испортился и некому починить. В особняке живет детская колония и устраивается школа 2-й ступени.

В такой громадной усадьбе можно совершенно отделиться от жизни полевых и лесных людей того края. То ли в нашей мелкодворянской усадьбе, в Хрущеве Орловской губернии.

Снилось мне умершее Хрущево, будто я приехал туда, и там одна только покойница няня, все прибирает, все чистит, и так у нее все радужно-прекрасно выходит, и я чувствую через боль красоту неописанную. Батюшка о. Афанасий входит прямо с св. дарами у чела, как будто продолжает Великий Вход из царских дверей. Я говорю ему, что приехал утвердиться во владении. «Напрасно,— отвечает батюшка,— ничего не выйдет».

Каждому, кому случится устроиться со мной наедине, женщине, ребенку, все равно, удастся овладеть мной всецело, и я думаю, что люблю и живу так, будто люблю это существо, и все удивляются нежности и глубине моего чувства. Но стоит мне переместиться куда-нибудь, сойтись с другим, и то существо как

будто умирает, и кажется мне, что я его никогда не любил, а было так, недоразумение...

24 Августа. Хутор Кишкинский. Семья в 15 человек садится обедать. Егор не крестится (вернулся из германск. плена). «Германский бог лучше,— сказал он,— наш бог робкий, стуку боится, застучали, он и ушел в Азию» (верно, это взято из Горького или из Германии).

Сначала встречаются, а любят потом, когда частица жизни (борьбы) отмерла, в этом отмирании настоящего мостом к прошлому служит незримый свет любви, как бы что-то горит и светится любовью. Так вот, надо загореться, чтобы любить.

26 Августа. Будущее нельзя любить само по себе, можно любить прошлое и осуществлять его в настоящем и тем строить будущее (деятельная любовь).

28 Августа. Успенье. Чистик (мох, клюква). Счастливая охота. Ветер наносит запах далекой дичи, собака, как корабль. Кажется, радует тут момент совершенной свободы, все от себя зависит, когда наводишь мушку на взлет. Полное возвращение к прошлому, к своему.

Легенда о мне: это живописец, знаменитый; его ограбили, отняли 30 ф. серебра, а он написал письмо в Англию, и оттуда дали защиту.

Моховые новости: наших погнали, Франция и Англия выступили.

В чем счастье?

Чудо среди болота: сухая копна сена. Жаждущему — горсть клюквы в рот.

Ветер доносит запах незримой, далекой, недоступной дичи, собака плывет по брусничнику, как корабль...

Момент полной свободы, когда стреляешь птицу на взлете.

Единственное заграждение — кочки с мелкими березками — березняк отмирает, сушь — не пройти.

29 Августа. Завтра съезд учителей II ступени. Список дел дорогобужск.: 1) доклад, 2) съезд, 3) библиотека и литература, 4) Савин, 5) Рапрос.

31 Августа. В понедельник прочел лекцию на женских курсах «о краеведении как деле просвещения народных масс»; связался черт с младенцами. Познакомился с Ник. Иван. Савиным (патриот) и Мих. Алекс. Афанасьевым (охотник).

3 Сентября. В Алексине хотели праздновать взятие Варшавы, по всей Польше настроили кафедры и мостки для театра,

но победа не совершилась, и остались одни мостки и кафедры; тем не менее маневры, хотя и на один день, состоятся.

Я — заведующий Алексинским усадебным музеем.

Адрес Барышниковых: Смоленск, Музей, подотдел искусств (зд. уездн. земства), завед. худож. Попов, знает о Барышникове его хозяйка кварт. Котикова.

Диндино — кузнец Ив. Яков. Ивчиков (знает местное).

Петрово — Сергей (портной).

Илларион Карпович Савин (дядя): Дорогобуж, за Днепром у кладбища.

Иван Дмитриев. Барановский.

Ник. Ник. Друккарт, усад. Карлово близ Ушакова.

24 Сентября. Настоящий великий пост: утром черный хлеб с горячей водой, подкрашенной жженой рожью, в обед бураки с картошкой, вечером при лучине повторение бураков; ночью распирает живот и столько газов выделяется, что если бы собрать их и жечь постепенно, не надо бы и лучины.

Поп в калошах. Сижу вечером на берегу озера и представляю себе, какой бы должен быть человек, чтобы вышел из леса и был в соответствии с природой и... нет! человек должен быть сказочный, крылатый, или русалочный, с зелеными волосами, с хвостом, или вовсе должен обернуться заюшкой-горностаюшкой. Нет! выходит из леса поп в калошах, все бы ничего: и волосы, и ряса, только калоши никак не подходят. И так мне представляется, что теперь у нас все дело в калошах, в подметках, таких предметах, которые с земли отделяют человечество от природы; недаром теперь калоши и подметки так дороги: хочется подковать человечество, обить его резиной и кожей там, где оно соприкасается с землей. Такая великая задача и не выходит (слухи: польское наступление остановлено в Белостоке, но в Галиции и от Крыма бегут; и что армия босая).

Осматривали церковь, заметили, в заалтарной иконе за стеклом лежало кадило и сторублевая советская бумажка с пролетариями всех стран на всех языках. В церкви был гул, как будто тут выпустили рой пчел.

— Пчелы? — спросил я дьякона.

— Мухи,— сказал он,— под осень собираются вверх и гудят.

На кладбище заметил мраморный памятник, поставленный Барышниковым своему старосте с надписью: «Вот был человек равно угодный как помещику, так и крестьянам».

5 Сентября. Алексино. Ясно вижу, что любовь — это связь наша с прошлым: можно любить только прошлое; а это, что обыкновенно называют любовью, это — жизнь, или настоящее, жизнь различается нашим действием на будни, которые проходят бесследно, и на то, что остается, что удерживается любовью и так изменяет будущее.

Нас влечет к себе непережитое, нераскрытое, девственно сохраненное (испить чашу до дна); но без следа остается в душе то, что до дна испивается, если же это влечение задерживается, обрывается на полпути, то и начинается та особенная повышенная жизнь, которая называется романтической любовью (лунный свет).

Маневры отменены, пошел дождь, и поле сжатое осталось покрытым трибунами (слухи, что наши разбиты поляками).

7 Сентября. Один солдат у костра: один юноша, душа русская: он в плену, его завтра погонят, и будет воевать, потому что сзади будут гнать коммунисты. Когда вместе солдаты, то слышится от них только «мать». Вот иностранцы только это и будут знать о русском человеке.

Капитал заключается в даровитой личности, способной организовать массу для производства ценностей. Капит. культура направлена на производство таких личностей. Существование социализма возможно лишь как антитеза к-му (так все существует, двумя сторонами). А вот у нас исчез капитализм, исчез и с-м. Так христиане существуют, пока существуют язычники. Вот почему и великая победа как торжество одного начала ведет к его же гибели.

В любви нет неподходящих пар, любовь — это проявление себя, каков я есть (в юности я — магазин пороховой, спичка и взрыв, но не всякая спичка взорвет). В новом свете земляк (счастье), (Санхо Горбачова), Горбачов и его лесная баба (нет счастья — надо трагически нарисоваться), художество — это трагическая саморисовка. И так чувство родины у всех них совершалось, как чувство любви к женщине: земляк и Горбачов — так же разнообразно-индивидуально...

Помяни Господи:
Горбачов Вас. Алекс.
Соколов Николай Алексеевич
Богданов Николай Николаевич
Ульрих Вас. Данилович
Семашко, Маслов, Коноплянцев.

8 Сентября. Рыбу ловят на червяка, птицу на зерно, волка на мясо, медведя на мед, а мужика ловят на землю.

Подумаешь — многомиллионный мужик, медведь, и не мог сообразить, а какой-нибудь Троцкий, похожий на фармацевта, вперед знал, что дать землю мужику значит связать его.

Теперь ходишь и видишь, как бьется затравленный зверь: и ни туда, ни сюда шевельнуться нельзя.

Слушаю одну музыку — ветра в лесу. Да вот еще рано утром до света слушаю, как моя кровь по телу бежит, и если

дождь на дворе, слушаю, как вода по земле поплескивает. И думаю: «Кровь по телу, а вода по земле, кровь и вода, тело и земля...»

13 Сентября. Коля брат, неудачник, все потерявший, разуверенный в людях, верил в какого-то светлого человека — удивляюсь, откуда эта вера, но верю. Так и Ничше, такой же, разница в том, что Ничше полнее высказался...

19 Сентября. Неделя прошла в поездке в Дорогобуж на три дня, в охоте и в зубной боли.

Кольцо-обруч из золота. Обручальное кольцо советское.

Вид города: Киев, Смоленск, Дорогобуж.

Мих. Алекс. Афанасьев: попович на службе у грузинки (Коноплянцев): доит корову, хранитель музея.

Савин и Афанасьев.

Булычевы: Павел Григорьевич, Марья Ивановна и Александр Павлович — золотых дел мастер, кольцо советское.

Афанасьево-Коноплянцевское семейно-центростремительное начало и Савинское научно-центробежное.

Живешь, как будто вечно зуб болит, ненастоящая жизнь, знаешь, что это пройдет, но не проходит, и вот в зубной боли начинаешь находить редкие отпуски и привыкаешь к ней.

21 Сентября.

— Собака ногу поднимает на цветок, а тому это удобрение.

Рылся в письмах Барышниковых полдня. Ходил с Бульбой в Чистик: хорошо в лесу! погода теплая, сухая, по утрам сильная роса на лугу, покрытом паутиной, как морозом. На взмете трясогузок великое множество, во славу Божию, перебираются к теплу. На клюквенник ходят бабы и тетерева, убил одну тетерку выстрелом метким издалека. И все хорошо, а душа будто оглохла: хорошо, а не отзывается в глубину, живешь, ничего не понимая, и, как глухой, только догадываешься.

Разрушение бывает творческое и просто уничтожение, точно так же, как бывает творческое и уничтожительное сохранение, а созидание есть сознание меры разрушения и сохранения (люди разрушающие и охранительные).

22 Сентября. В Чистике далеко срывались тетерева и слышалось токование молодых петухов, после неудачного выстрела по белым куропаткам с клюквенника поднялась несметная стая журавлей, выстроилась в треугольник и облетела кругом все болото. Убили только одного горшнепа.

Вся страсть к охоте со всеми ее прелестями сосредотачивается на моменте выстрела, и, кажется мне, заключается она в чувстве полной личной свободы после огромного труда хож-

дения, а свобода — в артистическом прицеле, и это все; после дома радуются принесенной дичи, и так радость бывает двусторонняя, и о свободе, с моей стороны, и о еде, с их стороны, в этом потреблении заключается их признание. Так, бывало, и в литературе, пишешь для себя, живешь полнотою минут вдохновения, а потом начинается использование этой минуты, превращение в книгу, в деньги, в славу — что-то совершенно другое и между тем необходимое условие для вдохновения. Если бы теперь я стал писать и предлагать обществу свои рассказы, то это было бы все равно, как артистически стрелять ворон и носить их домой.

25 Сентября. Алексино — 5 верст от Громова — от Гр. в двух верстах Шеметово, вырубка до Озерища, в кустах руины лесопильного завода.

Возле Озерища живет Иван Иванович, эстонец, пчеловод.

Охотник Тюшкин на хуторе в Шеметове.

Ходил в Озерище (волость) за 12 верст от Алексина получать свой месячный учительский паек 1-й категории — 15 фунтов муки, верст пять проплутал, часа два провел в Исполкоме, спорил, ссорился (— Семьям шкрабов не выдают еще! — Как же быть семьям шкрабов? и т. д.). Возвратился домой поздно вечером при луне, в конце концов, очень довольный и прекрасной погодой, и что все-таки 15 ф. достал. В Громове обменял ложку соли на кусок хлеба, нашел на дороге 16 рассыпанных луковиц и, конечно, подобрал их и съел две с хлебом.

Разговоры встречных мужиков исключительно о поборах (— У нас по 2 ф. масла с головы.— А у нас по три! — Мать их...! — У нас коноплю обложили.— И у нас... Мать их...). Встретились мужики с сеном, одной деревне отвели косить за 10 верст от себя, а той деревне, возле которой они косили, назначили косить возле первой, и вот встретились и ругают их. Раньше было, «он» — неприятель, чужой, теперь «они» — свои неприятели; не говорят «большевики» или «коммунисты», а всегда «они». Мне кажется, только невиноватый может сказать «он» (антихрист), но кто из нас не виноват, кто отказался от своей доли в грабеже для общего дела? Как будто гигантской мешалкой взмешали болото и лес, тут и кусты, и мох, все переломалось, перепуталось.

(Утром листья на деревьях как намокнут, так и остаются блестящими, непожелтелые яблонки, будто лавры, блестят.

Летят журавли вверх... вверх! внизу коровий мир, колодезь с бадьей, курицы и обручение пролетарское золотыми обручами, сделанными из русских старых империалов.

Часы все стоят — не нужны. Ночью узнаю рассвет по движению хвоста Большой Медведицы от трубы школы к березам. Тяжелое утро, и туманы в лесах сходят и раскрывают дворцы золотые.)

Сентябрь. Как в ледоход на реке льдинка за льдинкой, так на небе облако за облако по синему за далекий лес и туда дальше без конца уходят...

Сильно распустилась зеленая рожь, заяц залег рядом в кустах крепко в крепкой, весь день не сходящей росе. Ночью проснешься — в темноте там и тут будто каскады золота сыплются, это вспоминаются глазам золотые листья на березах.

А то смешаются, соединятся все льдинки-облачка на небе, в сине-лиловой сплошной завесе чудятся суровые замыслы зимы, и вдруг через эту завесу пробьются и падают лучи до земли, как леса светлого трона...

Вечером небо очистилось и оранжевая заря осталась светить в сумерках, и клены-березы-ясени светились, помогали заре, а луна бледная дожидалась конца сумерек и тайно помогала светиться сумеркам ярко; заря потухала, небо делалось лунным, на земле легли тени, звезды показались намеками, и началась холодно-лунная ночь... В эту ночь на рассвете были первые цветы мороза на окнах, и на крышах белое лежало до солнца и потом таяло и с крыш капала холодная вода.

Вечером в Чистике учились токовать молодые тетерева, и их весеннее пение осенью было, как зелень озими накануне зимы.

Утром туманы синие разбегались от солнца, открывая леса золотые и все утро, царственно раскидистое, широкое, великое...

30 Сентября. Буржуазное счастье, как и в природе, состоит в отличии, а пролетарское в равенстве (отсюда пайки и проч.).

Мы с товарищем моим несем лесами-горами по тяжелой ноше за плечами. Я говорю ему: «Мы с тобой несем крест пролетарского ига во имя всеобщего буржуазного счастья».— «Буржуазного?» — спрашивает он. «Да, говорю, буржуазного, п. что счастье пролетария отличается от буржуазного только тем, что оно для всех одинаково, оно всеобщее».

Можно оборвать жизнь ребенка, и она вспыхнет гениальною искрой, как при размыкании электрического тока. Ребенок может остаться жить после этой вспышки, но это будет конченая жизнь (дети-герои на войне, дети-музыканты и т. д.). Наше время коммуны — гибель детей.

У попов распространено такое мнение, что мужики только на поверхности своего сознания отрицают советскую власть, а в душе — ее сторонники и этим тайным признанием держится советская власть. Похоже на тех победителей, которые убивают пленных: вы внутри себя нам враги.

В городе признаки политического интереса в связи с неудачами большевиков на фронте, но до чего теперь стали осторожны в оценке событий!

Мы с доктором поставили такой осторожный диагноз: если удастся заключить с поляками мир, поборы военные кончатся, солдаты вернутся домой, то и население на пока (на зиму, до весеннего голода) примирится с положением, и так до весны, вероятно, положение останется по-старому.

2 Октября. Революция разделяется на переходы: 1) организованного разбоя, 2) организованного воровства.

Положим, я нахожу в музее Барышникова тайник с миллионами золота, что я должен возвратить золото Барышниковым, или Совету, или же взять себе? (Этим выразится, за что я стою, или за старое, или за новое.)

Вчера был адский закат и полнеба было покрыто огненным сеном, а сегодня среди дня порхали белые мухи.

3 Октября. 1-й мороз.

Верхушки деревьев (берез) позолотились восходящим солнцем, но когда я поднялся к ним, они опять были темные и вся наша сторона лесов была темная: быстро бегущие облака, насквозь желтые, меняли направление лучей; и вдруг я увидел за теми лесами золотую гряду леса, и три березки будто вышли на поляну, совсем золотые и, казалось, стелили на лугу белые холсты навстречу морозу.

5 Октября.

— Вы,— сказал гость,— сидя на месте, привыкая изо дня в день к природе, наверно, не испытываете нашего городского восторга, смотрите: вот ударили в колокол, и, кажется, это золотые листья посыпались от звона, а как пахнет листва, как прозрачно...

— Нет,— ответил другой,— этого мы не замечаем, но зато бывает иногда ночью, когда нет спичек, заглянешь на небо, чтобы узнать по звездам время, и увидишь любимое семизвездие и обрадуешься чему-то — в этой радости скажутся все ваши легкие восторги. Еще бывает особенно хорошо, когда Венера подвинется к востоку, встать и в темноте развести самовар и одному в тишине чай пить, в эти ранние часы, когда все спят, кажется, что владеешь всем местом от видимого востока и до запада и от севера до юга.

(Певец дворянских лиц, крестьянских лозинок и купеческой требухи.)

Передвигал кресла в кабинете Барышникова и, наконец, установил одно, очень удобное, против озера — хорошо! кто-то трудился над этим креслом, чтобы кто-то сел на него, и я завершил кропотливый труд мастера: я сел.

Последний в роду Барышникова, Сергей Андреевич, умер лет двадцать тому назад, весь погруженный в размножение гончих и борзых собак, связка писем «батюшки» Андрея

Ивановича к Сереже относится уже к 30-м годам 19-го столетия, а грамота о жаловании дворянства Ивану, отцу Андрея, соединяет нас со временем Екатерины. Про этого Ивана Барышникова рассказывают, что был он простым торгашом и добыл себе где-то бочку с золотом — вот и вся история рода: первый кулак, последний собачник.

6 Октября. Учительница, как тупое долото, колотила, колотила молотком по деревянной ручке, всю размочалила, а дырки не выдолбила. Вообще среди сельских учительниц часто попадаются удивительно тупые.

Когда же бесы возвратятся в свой мрак?

Толпа женщин... что может быть ужаснее? (бабий базар).

По старым следам (mésalliance [1] всегда есть посеянное несчастие — Герцен) — конец Хрущеву был внутри нас.

Счастье буржуазии (чай с вареньем, кофей с тетками) — на нем нельзя основываться, но его нужно всегда держать в уме (мещанство — это враг, но необходимый враг, без которого жить нельзя), мещанство нельзя возводить в принцип, но в уме держать его надо постоянно. Этим и отличается юноша от взрослого — в ненависти к мещанству. Словом, борьба с буржуазией возможна только посредством иронии: усмехнуться можно, но не брать метлы и разгонять ими кофейниц.

8 Октября. Из раненой души вытекает любовь.

Любовь — это кровь души.

Родных своих можно любить только после смерти их, потому что в одном чувстве к родному человеку всегда вперемежку действуют и любовь, и неприязнь.

Как во всяком живом человеческом теле протекает красная и голубая кровь, так у родных перемежаются любовь и неприязнь.

Потому и сказано, что отца и мать свою надо оставить, чтобы любить.

И еще сказано: «Враги человека — домашние его».

Но чтобы оставить своих, нужно иметь рану в душе. Из раны душевной вытекает ее кровь — любовь.

Звездное утро. Золотые березы белыми холстами встречают мороз. Тихо в лесу и звонко. Забереги на озере. Два белых лебедя казались убитыми, но это они так спали в морозе.

В полдень мы прилегли на моховых кочках. Возле нас, как куры, паслись клюквенные женщины. Лицо к солнцу, все равно как к костру,— палит, а вокруг холодок. На кочках дремлешь, будто едешь-спишь в дороге. Маленькие сосны и елки, сходящие на нет во мху, очень изящны и разнообразны в своих формах. Проспали часа два. Клюквенные женщины отошли шагов на сто.

---

[1] Неравный брак (*фр.*).

Тишина. Сойка с голубыми крыльями — единственная птица. Далеко стонет, надрывается гончая. В нашей церкви похоронный звон.

Вечер с медным полукружием неба, и опять звезды, опять Большая Медведица, странствующая ночь вокруг нашего дома, и в доме чутошный огонек из пузырька от карболовой кислоты. Учительница Марья Дмитриевна вспомнила о покойнице-хуторянке, которую хоронили сегодня, и сказала: «Вот мы делаем запасы (она накопила себе 10 мер картофеля), а завтра умрем и никому не будем нужны, и запасы наши так останутся, суета сует!»

Над Алексином туча нависла: сюда грозится переехать бригада с курсами красных офицеров, и нас (две школы, колония детей, больница, экономия и т. д.) хотят выгнать. Солдаты говорят, что не успеют: Минск забран.

Средний человек — строится по правилу сложения, он сумма слагаемых, но жизнь не арифметика, тут складываются самые разнородные, святые и звери, и мощи с гусиной печенкою.

Большинством населения все-таки большевизм понимается не как организованное преступление, а как неудача, существует представление о настоящем большевике, разговаривают, напр., так:

— Он настоящий большевик?

— Нет, так, примазался.

— А вы видели настоящего?

— Нет, не видел.

— Да есть ли настоящий-то?

— Ну, Ленин все-таки настоящий.

— Э, да разве можно с нашим народом да в коммунизм! и т. д.

Словом, в основе-то считается делом хорошим, но невыносимым, и только бы поскорее это хорошее дело исчезло. И всякий знает, что из этого ничего не выйдет.

При этом маленьком свете мысли мало-помалу сливаются и совпадают одна с другою, как тела разнообразных предметов в лунную ночь.

В темноте большие красные, колечком сложенные губы женщины, прикрытые ладонью от мужа, причмокивают, вызывают... ну, как это можно любить? прошло и пропало.

А в этой я люблю свое прошлое хорошее, и мне дорога ее устойчивость, к этому я могу возвратиться, но к тому невозможно. Между тем я и не раскаиваюсь в том — то преходящее, опыт...

Семашко и Разумник решительно имеют что-то общее, и оба мне нравятся.

10 Октября. В дом Ремизова, как на свет лучины с мелей сползаются раки,— приходили от семей своих разные странные

люди (обезьяньи князья), и здесь они попадали в ловушку и возвращались домой на свои мели с презрением в душе к своему домашнему быту.

Поповна Ивана Александровича и немка Николая Васильевича были женщины превосходные, и мужья, Николай Васильевич особенно! были образцовые, так что любая образцовая буржуазная семья могла бы позавидовать видимости проходящего дня их жизни. Зато невидимое недовольство здесь было постоянным состоянием, и не как в буржуазных семьях: перемежающееся войнами и бурями. Ничего такого, жизнь текла гладко, образцово, только, вероятно, это была не жизнь, не быт. Но привыкают даже к зубной боли, и к этому привыкали и не замечали.

И вдруг все открывается и светит насквозь после душевной беседы с Серафимой Павловной.

А Р-ы все-таки и питались этими раками, варили их, шелушили, ели их.

Иногда мне казалось, что все это было местью ее за дочь Наташу или за неудачу в изображении Софьи Перовской.

Ей хотелось быть, а она никогда не была.

Неудача у с-еров: ее роскошные личные потребности, с которыми она нигде никогда не расставалась. (Довгелло! замок и пр.)

Только весь этот воздушный замок Довгелло разлетался при встрече с истинными людьми быта (неудачные блины).

...И педерасты ходили сюда, п. что культ женщины (не самки) входит в дело педерастии (Кузмин плакал от ласковых женск. слов Сер. Павл.).

Почему она лгала? Ее ошельмовали в партии с-р именно за ложь.

(И Гиппиус и Сераф. П.— хотели быть госпожами, героинями в революционном движении, но это им не удавалось.)

В городе: 1) Квартира, 2) Учебники, 3) Дрова, 4) Закупить кольцо, 5) Дома поручить получить соль.

13 Октября. Перетащились в барский дом.

Научились обходиться без спичек: высекается трут, раздувается уголек (вздуй огонь!) — дунешь на лучинку, и она вспыхнет.

Колю дрова и несу, сгибаясь под ношей, а со ступенек барского дома смотрит солдат и ковыряет пальцем в носу.

(Вычесать голову. Карболку. Хирургическим ножом бреюсь.)

Опасения разгрома. Живем так, а пока народ поумнеет и правительство поглупеет...

Интеллигент:

— Лучше голодать и жить в светлой чистой комнате.

Мужик:

— Не красна изба углами, красна пирогами.

Мы живем теперь великолепно (вид из окон, засранная десятина вокруг замка Алексино).

Речь ученикам II ступени: бессмертный — три поколения Барышниковых — три века,— скоро! 25 поколений бессмертный и Христос Великий учитель — великая связь. Дело культуры — дело связи. Словесность — дело культуры — связи. Ученье как сила (диплом) и как связь. Сила, чтобы не быть рабом (пример: кто бы соли дал, присягнем всякому),— хорошо, но этого мало: дело связи, культуры.

15 Октября. Свободная необходимость.

(Разгадка: во всяком моем очаровании бывает момент, когда предмет очарования является сомнительным, но момент, отчасти насильно подавленный, проходит как несущественное и только после общего разрушения выступает отчетливо в сновидении.)

Снилась женщина красивая, и будто бы я сговорился с ней отправиться вместе в Хрущево и там повенчаться. Мы переходим с ней большое поле ржи, я впереди, а она все отстает, отстает, и так оказывается, что она не согласна, что она мне не пара: стара и происхождение мещанское, свояченица Елецкого трактирщика. Я и сам хорошо понимаю это, вижу, под шеей у нее висят уже складки — на пятый десяток идет, но все-таки я ее уговариваю, и зачем это мне нужно? и все дальнейшее получается, как свободная необходимость совершить нелепо невозможное.

Потом мне предстал черный лик идола-бога, которому с испокон веков поклонялся русский народ и что наши славянофилы принимали за Христа, все языческие суеверия и христианские обряды являлись при этом не как двоеверение, а как нечто вполне цельное.

Вечереет. Останавливаются мысли в голове, как здания каменные. Зажигаю маленький огонек, и вот эти здания-мысли начали бросать свои падающие тени, и тени сливаются одна с другою, и ночь наступает, и сон как напрасное усилие по теням догадаться о мыслях.

Природа накануне катастрофы спешит раздать — разбросать свое золото нам и будто говорит: спешите, спешите, берите скорее.

За семь лет, как бросил именье Барышников, мухи так засидели окна, что едва различишь роскошные пейзажи.

— Живем, дожидаемся, пока народ поумнеет и правительство поглупеет.

Живем, как муха, запечатанная между рамами.

Пища: картошка, хлеб — приправы нет.

Ночь без спички.

21 Октября. В понед. 5 окт. выпал 1-й зазимок, и мороз был в 5° с ветром.

Иван Еремин, посмотрев на кабинет Барышникова, сказал: «Не может остаться так, все прежнее вернется!» Ход его мыслей был: это хорошо, и человек, так живший, прав, а я не прав, я мужик и раб; еще ему мелькнуло, что когда Барышников жил в своем кабинете, он мог за 30 к. купить бутылку водки.

На Кресту в Дорогобуже месили месиво грязи подводы с баранами, привезенными мужиками,— дань! я видел грязь, видел баранов, но лиц не видал, только голоса были слышны: «поторопитесь», «ослобони» и т. д.

Продком — двери открыты на Кресте, входят туда и выходят, и там грязно так же, как на улице, бывший диякон Федосьев:

— Вам что?

— Капусту получить.

— Вы шкраб?

— Я школьный работник.

— Городской?

— Сельский, из Алексина.

— Сельским шкрабам капусту не выдают.

Ни один из этих баранов не попадает в армию, все расхватывается на месте.

Из крестовых походов: крестоносцы, заметив, что сарацины в последней опасности глотают золотые монеты,— стали распарывать пленникам животы.

22 Октября. Ночи стали такие длинные, не успать никому, даже дети тревожатся, а керосину совсем нет, высечь кремнем в темноте не умею, и так нельзя всю ночь на часы посмотреть.

Кто отымет у меня эти часы? какая власть, какой труд, какие заботы, голод — нет ничего на свете такого, чтобы лишить меня этой единственной радости.

Если звездно, я вижу, не вставая с постели, как перемещается на небе и странствует вокруг моего дома большое семизвездие; тогда я знаю свой любимый час ранний утренний в звездное утро, когда семизвездие раскинется над озером, а на востоке светит Венера.

Эта ночь хороша, на небе теснота звездная, просыпаясь десятки раз, я не к себе обращаю мысли (и как хорошо думается не о себе! — Заг.), я думаю об исчезнувших владельцах этого дома и земли такой большой, что половина Европейского королевства вполне бы могла на ней разместиться. Они собирали землю, как московские цари, моя же задача собрать человека, читаю днем ⟨*1 нрзб.*⟩, переписку, и вот ужас ночей, когда туманы и не видно звезд: тогда земля собирается огромная, а человека не вижу и не могу собрать, и мне кажется тогда, что никогда на Руси не могли и никому не удастся собрать человека, как земли собирали цари.

По легендам, их укрепление в этих местах начинается с ка-

кого-то барышника: будто бы какой-то русский генерал изменил на войне за три бочонка с золотом и отправил его в свое поместье с каким-то барышником, и тот взял это золото себе и начал Барышниковых, собирателей Смоленской земли.

Я думаю, как они собирали эту землю... пока земля не задавила их.

Задавила земля человека — он призрак на огромной земле.

Весь день как попытка сохранить в себе человека и конец: молочно-туманная ночь и кошмары черного идола.

— И коровки нет? и свинки нет? А посев?
— Нет и посева.
— И картошки нет? Ну, как же вы живете?

23 Октября. Морозное октябрьское утро, свет начался далеко до восхода и как от луны («залунело»). В морозное светлое утро щеглы летят и синицы по дорогам. Заяц лежит по канавке. Лисица рано обошла все канавки.

Люди, которых я описал в «Чертовой Ступе», существуют в действительности, и русские люди, близкие к русскому быту, узнают их, а далекие от них считают за мои изобретения, «химеры» (Вяч. Иванов за талантливые, Гершензон за бездарные). Вопрос: есть ли ценность в том, что эти люди существуют.

25 Октября. Легкая пороша выпала ночью, и утром шел снег. Вчера встретил в незамерзшем ручье стаю крякв. Гоняли зайцев. Приезжали мещане от искусства. Буду читать детям «Одиссею» (против мещанства). Наше искусство (каким оно подносится народу) вызывает в нем хулиганское состояние духа. Frauenzeitung [1] и кусочек баранины.

26 Октября. Весь день летела пороша, ночью заяц, увидав вокруг себя белое, не вышел кормиться и в страхе лег в канаву, утром глянул: все кругом страшное, белое, и нигде края нет, конца и выхода. Потом пришел охотник и взял его за уши. Даже старые зайцы пролежали весь день, и напрасно пестрели поля и леса своими ⟨*3 нрзб.*⟩. Только ночью вышли искать пищу на зеленя зайцы, по канаве у речки прошли горностаи, к деревьям подбирались хорьки и лисицы, куницы и белки спустились с деревьев, волки промелькнули, и за ними у проезжих дорог к утру мыши полевые заработали и какая то есть всякая тварь, я лишь в лесах показался, и все нет и нет и встретишь какую-нибудь ⟨*3 нрзб.*⟩.

В эту ночь не спится охотнику, не раз он выйдет посмотреть на небо чистое, посмотреть на землю на свою ⟨*1 нрзб.*⟩, нет, еще не летел белый снег. «Ходят!» — скажет он, обернувшись на

[1] Женская газета (*нем.*).

Чистик. Раз посмотрел — ходят! Два проверил — ходят. При звездах ходит он, и они там где-то невидимо все ходят и ходят. «Ну и находили! — сказал он товарищу, увидев их жировки на земле.— Ну и находили!» — растерявшись, повторял он, не зная, по какому же следу ему-то идти. Наклонился он к одному и удивился, след заячий, а направо заячьи ⟨*1 нрзб.*⟩ лепешки. Понял: хромой и пошел по-хромому. Напрасно охотники пошли по-хромому: и у зайца, как у лисицы, все хромые, косые, убогие хитрые, здоровые и осторожные.

Чудо: пропал хромой. А его подхватили гончие, но он ходил все по лесу и сбил гончих,— пропал, а заяц залег на курган, где сухо и чисто (росли) две сосны и под соснами бессмертники — сухие цветы и вереск ⟨*3 нрзб.*⟩. Тогда вышел красный зверь-лиса по этому следу и увидел: лежит. Красный ⟨*1 нрзб.*⟩, готовясь к прыжку ⟨*4 нрзб.*⟩. Но хромой заяц лежал и не двигался. Красный еще сделал шаг, белый спокойно лежал и смотрел. И еще и еще подошел красный и остановился и вдруг повернул — так не бывает! ⟨*Далее нрзб.*⟩.

— Белые пришли! — крикнул мальчик.

Василий Иваныч вздрогнул: он ждал каждый день, что вот крикнет так кто-нибудь: «Белые!», и все кончится, и начнется Страшный суд.

— Что ты брешешь! — сказал он мальчику.

— С обновкой, с обновкой,— сказал ⟨*1 нрзб.*⟩.

Белое, все белое было в окнах, и Василий Иваныч успокоился: снег выпал, а не белые пришли.

Они жили, как барсук, сильное животное на низких ногах, в земле, и рыли множество нор входных и выходных.

27 Октября. Наши голодные шкрабы мобилизованы собирать подаяние для фронта, и занятий сегодня нет.

О. Афанасий — необходим, как смерть, всем умирать, и всем нужен о. Афанасий, он прикрывает свое страшное значение смиренной улыбочкой (религия смерти)... (дорога навозная к небу).

Размножились волки в страшном количестве, так, что некоторые дороги, предсказывают,— как, напр., в Посадчине, зимой из-за них будут непроезжими.

28 Октября. Прошлое, будто берег каменный из скалы. Циклоп набросал, накидал — не подойти к нему моей лодочке на живой воде: впереди ураган, водяные столбы, позади скала на скале, между волнами и между скалами зыблется моя лодочка...

29 Октября. Стоят морозы в 4—5° с ветром и легкой порошкой. Волки все наглеют. При помощи маленького огонька на блюдечке боремся с тьмою, а ведь до солнцеворота еще прибавится тьмы на $2^1/_2$ часа.

Одна — женщина, а соберутся вместе — бабы; так и русская интеллигенция, когда вместе — все равно, что бабий базар.

Пишет Иванов-Разумник, зовет собраться скифам... нет!.. множество содеянных мною лютых помышляя, окаянный.

Краеведение.
Вода — земля.
Океаны — леса.
Моря — степь.
Реки.
Озера — пустыня.

Морозы до 15° Р. Земля полуприкрыта рассыпанным, как крупа, слоем снега — наметы. И ветры.

30 Октября. Наблюдения в колонии: что приносит детям авторитет общества вместо авторитета родителей (сватья хотела взять девочку из колонии, как бывало брали из приюта, но девочку спросили, и она не пошла). Взгляд сверху: стадо гонимое — писк, шум, крик...

Разделение на группы.

Наблюдения в классе: дочь пролетарской вдовы, не в пример прочим, питается в колонии, и у нее в косах розовая ленточка, в учителях пролетарский пошиб, т. е. все говорится с вывертом (пролетарий — это существо, живущее всегда вне своей сферы).

Сдало, 4° Р. Весь день валит снег.

31 Октября. ...Вы намекаете мне на разницу наших полит. взглядов (моховые болота и Вольфил и т. д.) — не понимаю, дорогой мой Р. В., что это: разве могут быть разные взгляды на упавшую скалу, на силу тяжести и т. п.?

Можно отвернуться иногда и чувствовать во всей силе полноту радости жизни: иногда, когда лунным утром при звездах и алом востоке я прохожу теперь нашими только час замерзшими озерами, сверкающими новыми звездами, я испытываю бесконечную радость! Мне бывает приятно и когда весь мой большой деревенский класс замирает, слушая мой рассказ о борьбе человека с пещерным медведем. Я испытываю гордость победителя, когда мужики обступают меня с просьбами принять и их детей в мою школу: «Попались, голубчики,— думаю я,— и мы, «шкрабы», что-то значим на свете». Удачный промен рубашки на сало, счастливый выстрел в зайца и потом пирог с начинкой из заячьей печенки и капусты и мало ли чего хорошего на свете всегда было и будет — какие тут могут быть разные взгляды? Зачем они вам так нужны, эти непременно разные взгляды, почему бы вообще с годами и опытом не сбросить с себя эту шелуху (Вольфил).

На другой стороне, где все тужат, где всеобщая туга под силой насилия, разве опять и тут непременно нужно искать разные взгляды? зачем преднамеренно...

1 Ноября. ...В этой туге мы теперь познали нечто, о чем говорят: «Сытый голодного не разумеет», узнали голодного все, и разных взглядов у нас на это быть не может. У меня бывали месяцы такой голодухи, что теперь я, как мало-мальски шевельнется какая-нибудь радость в душе, все думаю: уж не оттого ли это, что сыт, но в общем удивительно скоро забывается чувство голодного, как съел, так и забыл и вспоминать не хочешь, и нет уже ничего, и никакого опыта и вывода...

Чувство насыщения дает и табак, иногда бывало, хлеба нет — покуришь и опять идешь дальше, я думаю, даже некоторая доля образования и природного таланта есть тоже как бы духовная рента, отличающая всегда наше положение от истинного пролетарского, истинный пролетарий должен быть и необразован, и бесталанен, и голоден.

Какого-нибудь иностранного критика интересует в моем произведении только стиль мой, но меня делает автором не стиль мой, а уверенность, что изображенное мною существует в жизни, и в этом открытии жизненного я нахожу и ценность, и гордость свою как автора нового произведения.

...могла ли бы существовать литература, если бы писатели были русские, а критики японцы и жили бы в Японии, получая по почте наши произведения для 〈*1 нрзб.*〉, значит, для существования литературы нужно, чтобы и критик немного верил в жизнь и чуть-чуть бы страдал тою же авторской национальной глупостью.

Ремизов страдал всегда недостатком материалов, ему Россия казалась заповедной страной, в которую ему нет входа, и так он пользовался архивами — почему это так?

Поро́шки — 1° Р. Утренние выслеживания лисиц. Чистик (Джунгли — с человеком).

...я как самоучка всегда чувствовал особенное благоговение к человеку образованному и потому почитаю Мережковского (кроме того, мне кажется, оттого он как-то тверже других на ногах).

3 Ноября. Раньше человек власти имел разное лицо для людей разного состояния, положения, образования, теперь человек власти имеет одно лицо, обращенное к уравненному человеку, выведенному из всей массы населения; такой средний выведенный человек в русской жизни оказался сукин сын, и власть ведет себя с ним, как с сукиным сыном; это доказывает правило, что всякий народ достоин своего правительства.

5 Ноября. Ровная мягкая погода, 4—5° Р. Заячьи жиры.

7 Ноября. Октябрьские советские праздники. Советские Джунгли. «Отлежался» (стал коммунистом, и сразу ему дали

Продком, проворовался, исключен, залег, выждал и опять пошел). Звери постепенно привыкают: один пришел маслица постного, другой сыру и т. д. Норы, лазы, ходы (Совхоз), жизнь зайца и лисицы, утренний след, пороша, матерые и молодые.

Вечер «среди цветов» (играли дети колонии). Последыш русского окаянства говорил детям речь:

— Роскошен этот дом, в который вас впустила советская власть, в этих роскошных стенах, что же, думаете вы, жили хорошие люди? нет! тут жила горбатая и косая.

Снега вокруг дома истоптаны и на десятину вокруг загажены, только деревья пушистые не тронуты — люблю деревья.

След души — это в заутренний час: тогда все вопросы ума находят в сердце ясный ответ, что бы ни спросилось, на все верно отвечается, будто это не сам с собой, а звезда со звездою говорит, прошлое и будущее сходятся на одном следу. И разрешается сказать: да будет воля моя! (а после день и мутная ночь, в которой затоптаны все следы души моей).

О, если бы успеть в этот час все спросить — нет! недолго так бывает: если очень рано, все расплывается во сне, если рассвет кончается, то радость света одолевает все, пережитое кажется не стоящим внимания, и говоришь: да будет воля Твоя.

На водах тихих, на ручьях звонких, на лугах росистых, на снегах пушистых и на лучах светлых солнца дневного и звезд ночных — везде тогда я нахожу след души моей.

...Потерялся в полях русского окаянства...

...почему я не был с ними? первое, я ненавидел русское простонародное окаянство (орловское и великорусское), на которое русские эмигранты хотели надеть красную шапку социальной революции, и потому-то я любил Россию непомятых лугов, нетоптанных снегов...

...я был, как вся огромная масса русского народа, врагом плохого царя, но, кажется, не царя вообще...

9 Ноября. Свидание с родными умершими во сне: и в какой же чудесной коляске я еду в Хрущево к матери!

11 Ноября. Вчера подул теплый ветер и растаяла зима.

Черная оттепель. Темно и белая муть над бездною. Спутница моя заболела женской болезнью, жара нет и желудок в порядке, а лежит весь день и чуть тронул за ручку — ворчит.

— Уеду,— говорит,— от вас к матери.

— С Богом, уезжай!

Плачет, всхлипывает. Наступает ночь.

Ужасный месяц: в такое время умер Толстой, мать умерла, матросы разграбили Петербург.

С вечера, как затихло, мерно забила одна капля, падающая с крыши тяжело вниз и на всю ночь, уснул под звук ее и проснулся. Потом к этому смертному звуку присоединился стук полена, веселый, радостный: это друг мой сторож (я его вчера нечаянно окатил сверху из ночного горшка) готовит дрова. Рассветает мутно над черною бездною.

Этой ночью я долго вырубал огонь, когда затлелся фитиль, я стал дуть на уголь, и когда уголек затлел, я приложил к нему тонкую лучину, долго дул и наконец вздул огонь — о, радость! в эту минуту внизу стукнуло звонко полено, значит, сторож проснулся и скоро рассвет.

Разрабатывал мысль о звуковом смысле фамилий и прозвищ, напр., Листопадов, какая глупая и смешная фамилия по смыслу, но мы не по смыслу зовем, а по звуку — звуком очень хорошо понимается «Листопадов».

12 Ноября. Продолжается черная оттепель. Осколепок.

13 Ноября. Ни родных, ни друзей... а с другой стороны, на каждом месте друзья — вот уже настоящая берлога! Правду сказал Зайцев, что нельзя писать о России теперь...

Звонко стукнуло полено, и я по стуку узнал, как оно весело отозвалось на сердце, что на дворе морозец...

Культура — это мировая кладовая прошлого всех народов, и того именно прошлого, которое входит в будущее и не забывается... так что культура — это дело связи народов и каждого народа в отдельности с самим собою. Величайшим деятелем связи был Христос.

Будущее — это ворота, через которые выходит прошлое переживание.

14 Ноября. На небе мутно, на земле черно, а сердце ласточкой летит над тихой водой, вот, вот, кажется, будет минута понимания, но нет! холодная намерзшая вода, и все ласточки улетели.

Остается ценного только, что я русский (несмотря на то, что нет России,— я существую).

16 Ноября. Это наше, наше правительство! мы все в нем виноваты...

Мы все виноваты в правительстве, и наше оно все и во всем; назовите мне теперь хоть одного вдумчивого человека, кто не нашел бы своей вины в нашем правительстве? Разве те, кто на той стороне? но почему же они не побеждают уже три года, если их правда?

Вчера мы с Василием Ивановичем (Богдановская республика) ездили в Дорогобуж.

Лесной комиссар (землемер) говорит извозчику «ты», чаю

предложил в передней: я бы тебя к столу, да тесно. Разговаривая, тонко выхваляются друг перед другом своими богатствами и возможностями.

Верховой из Пузикова:

— Приехали с астролябией пьяные, навели куда-то на березу, а пролетария сругал нас: «Вы, ебут вашу мать, у нас полполя отрежете».— «Ни хуя»,— говорим! Ну, и конечно, отрезали. И подчинились, так и пошло.

Говорили о новом комиссаре, что хороший комиссар, свойский: «Такой же прощелыга, как мы».

Говорили о револьверах, вынимали из карманов, шутя грозились друг другу, хвалились дальнобойностью.

О тюрьме: что тому-то непременно придется сидеть и самим как бы не сесть.

...Нос зачесался (самогон пить): пуд муки даст $^3/_4$ самогона. $^1/_4$ стоит 25 тыс., а мука 10 тыс. Лошадь стоит 1 миллион.

Чистик — следы зверей перекрещиваются, попадают друг в друга, так и тут. Я напал на след человека, имеющего запас постного масла... и т. д. Как я голодал в Алексине и потом постепенно стал попадать на следы.

Ветер, дождь, тьма земли и муть неба. Как праздник, иногда после ветреной ночи красно-багряный рассвет и небо в нежнейших красках.

17 Ноября. Читал детям «Одиссею», вошел малюсенький бесенок (шкурой вверх), для основания ячейки коммунист. «молодежи», дитя войны и революции, посмотрел на учебник Смирновского и сказал: «Ах, это вы повторяете прошлое»; он — физический отпечаток власти, как зверя на земле.

А в «Бесах» нет Ленина (Раскольников ближе). Пересмотреть всего Достоевского для уяснения Ленина (Иван Карамазов и Смердяков).

Истина.— Я не знаю, существует ли истина на самом деле, но я знаю, что есть человек другого роду-племени, говорит на другом языке и живет на другой стороне земного шара и думает о некоторых вещах со мной одинаково: в этом я уверен, и эти вещи для меня существуют и дают мне существовать даже совсем одному. И брат мой несчастный не раз говорил мне с удивлением, что нет вокруг него никого, ничего, что он любил бы и твердо верил, но почему же этот Светлый, кажется ему, где-то существует и кто этот Светлый. А где он, Светлый?

История с кабинетом. Класс немецкого языка. Сергей Васильевич: след зверей и человека (зверя любишь, а человек, павший до зверя,— противно), хлебный бог.

+ 2—3 Р с просветами солнца. Е. П. в Следове.

18 Ноября. Помяни Господи: Жакова и Сорокина, Маслова, Разумника и Семашко.

Семашке: мой путь общий с Божьей тварью, но ваш путь иной: вы все подавили в себе возможное, быть может, любовь к женщине и родине, и стремление к искусству и науке, и наклонность каждого человека свободно думать о жизни мира (философии) из-за того, чтобы стать на путь человеческий, т. е. впереди своего личного бытия поставить свою волю на счастье других («пока этого не будет, я отказываюсь от жизни»). Мой вопрос: не пора ли освободить всю тварь русскую от повинности разделять с вами путь.

Тварь хочет быть тварью.

Для нас загадочны Октябрьские дни, и мы им не судьи пока, но завеса в настоящем упала: коммунизм — это названье государственного быта воров и разбойников.

Еще немного теплее с просветами.

19 Ноября. Рассказы. II. В краю + Невидимый + Колобок. IV. Туга (1914—1920).

Черный араб	Декабрь	Уточка
Славны бубны	Январь	
Муквалю ⟨*?*⟩	Февраль	
Крутоярский зверь	Март	
	Апрель	
	Май	
У горелого пня	Июнь	Бабья лужа
Бабья лужа	Июль	
Птичье кладбище	Август	
Красный цвет	Сентябрь	Птичье кладбище
	Октябрь	
	Ноябрь	Красный цвет

Помяни, Господи, ⟨*1 нрзб.*⟩ Анзимирова, Богданова, графа Влад. Бобринского, всех этих людей бывшей широкой России, широких и сильных, как пушки, но стреляющие без прицела.

Небо чистое, мороз 8 Р., луна, а снега нет все еще.

20 ноября. Начал работу по своим сочинениям. Т. I. Непуг. пт. и Невед. град. II. Колобок. III. Рассказы. IV. Заворошка.

Сегодня на уроке краеведения я рассказывал детям о почитании славянами Перуна и других языческих богов. После урока один мальчик подошел ко мне и спрашивает:

— А чи есть Бог, Мих. Мих.?

— Спроси,— говорю,— своих родителей.

— А я спрашивал.

— Ну?

— Матка говорит «есть», а батька «нетути». Как вы скажете?

— Скажу,— отвечаю,— тебе «есть Бог!», ты мне не поверишь, скажу «нет!», будет неправда. Учись, и узнаешь сам.

— 3 Р. Ноябрьская Эос из лунного света, вечером легла легенькая порошка и растаяла утром.

В пятницу 13-го Ноября выпала пороша, и мороз держится в 7 Р.

Михайлов день.

21 Ноября. Начал приводить в порядок сочинения: переписал и переделал, и «Подзаборная молитва».

28 Ноября. Обрываются желания...

Связь оборванных желаний —
сон и сказка.

А может быть, и оборванных жизней связь — сказка?

Сказка — путь к невозвратному, недаром старуха и ребенок соединяются сказкой.

Сегодня во сне Люксембургский дворец чудесным образом слился с Дворянским гнездом и с Хрущевом и превратился в музей моего прошлого, осматривать музей приехала мать моя и невеста.

Вопросы совести: — «чи есть Бог» и «будет ли Россия».

Стоит ровная погода 4° Р. с тонкой оставшейся порошкой.

1 Декабря. Часто лежу ночью и не чувствую своего тела, как будто оно одеревенело и стало душе нечувствительным, а самая душа собралась в рюмочку около сердца, и только по легкой боли там чувствуешь, что она живет и движется; болью узнается движение души. Подземно затаенная жизнь, как у деревьев, занесенных снегом, и кажется, что вот настанет весна, и если я оживу так, как все растения, стану где-нибудь у опушки и присоединюсь к лесу просто, как дерево.

Видел няню, а голова у ней Ефрос. Павловны, это значит, что Ефр. Павл. и есть няня. А я, как мать моя, живу.

Вчера был у нас лит. вечер. Читал «Подзаборную молитву» — тоскливое произведение. Чтобы спастись от этого траурного писания, вероятно, надо связать писание с детьми.

2 Декабря. О Горилле. ...лапой хочет поймать языки Духа Свят., машет лапой и только обжигается.

«...а семя наше одно: от одного произошел человек и Горилла,— Каин совершил преступление, от Каина пошли обезьяны.

...есть разные виды обезьян, высшие человекообразные

достигают высочайших ступеней положения в человеческом обществе, их книги часто имеют огромный успех, впрочем, их специальность проникать, главным образом, в дела управления.

(Человеческий бунт всегда личный: Христос, Ничше, обезьяний — скопом.)

Жизнь общественная основана вся на соглашении человека с обезьяной, бывает бунт человека, появляется: Христос, Ничше, Достоевский, а бывает и бунт обезьяны, когда выходят высшие из них Гориллы, Орангутанг и требуют своих прав.

...соглашение основано на таланте обезьян к подражанию: ей нравится быть «по-человечески»...

...выработались символы соглашения, напр., любовь человека к свету обезьянам достается в образе белого крахмального воротничка, любовь к тишине духа и уюта, как гостиная с мягкими коврами и теплый ватерклозет.

...Коммунизм — это система полнейшего слияния человека с обезьяной, причем в угоду обезьяне объявляется, что человек происходит от нее, и вообще господствующей государственной философией объявляется материализм.

(Обезьяна шествует по земле всегда след в след с человеком, и потому что она после идет, то закрывает след человеческий.)

Материализм — это признак, что след человека на земле всегда попадает в обезьяний и что, значит, изучив обезьяний след, мы изучим и дело человека.

...гражданская война между двумя видами обезьян, высшими, усвоившими все завоевания цивилизации, и низшими, чувствующими себя вне способности и права... высших. Человек тут станет в стороне: он получил содержание от обезьян и вдруг лишился всякой способности общения (Карташов).

Мысли эти вложить теософу ⟨*1 нрзб*⟩.

Любимая тема крестьянских детей — это превращение Ивана-крестьянина в комиссара, который становится учителем народа, и спрашивают: «Почему так бывает?»

Трагедия состоит в том, что человек сидит в одной тюрьме с обезьяной, и разбить тюрьму значит освободить и обезьяну, которая непременно посадит потом в тюрьму человека и распнет его.

Вчера путешествовал в Озерище на собрание «шкрабов».

3 Декабря. Вся эта беспраздничная разруха вполне соответствует душе русского интеллигента.

На собрании учителей говорили о ликвидации безграмотности, вместо букварей предлагали делать из бересты раздвижную азбуку, писать углем на струганых дощечках, уголь изготовлять, обжигая лучину с солью, и т. д., вопрос такой был, где найти для этого время.

Возвращаясь ночью через Громово, видел великолепное освещение, вся деревня светилась, и даже на улице было не темно: всюду горела лучина, при этом свете лучин я увидел на земле луковицу и потом другую, третью, кто-то ⟨*2 нрзб.*⟩, пока я прошел деревню, у меня собралось 18 луковиц, со мной была ложка соли, в крайнюю избу я зашел, попросил за соль кусочек хлеба и съел его с луком... Это был довольно богатый дом, мне дали хлебца и, узнав, что я шкраб, спросили, почему же я не учу по-хранцузски.

4 Декабря. Вся Россия представилась, как клубок ниток, а как станешь разматывать, то всё концы и концы худые. Вот из-за чего и не делается и не пишется: всякое дело, заведомо известно, выходит на худой конец.

Мои покойники родные начинают связываться со всей покойной Россией: теперь каждый человек окончился и в конце своем стал понятен.

5 Декабря. Материалы к биографии:

Четыре полосы: 1) бегство в Америку, 2) марксизм, 3) Париж, 4) литература.

Когда вдумаешься, почему я не стал, как Пржевальский, то помехой всюду является «она», т. е. трепетное стремление к женщине несуществующей. Это непростое отношение к действительности и заграждало путь к действительности (неврастения).

«Америка» и литература — сильный человек, открыватель новых стран. Париж и марксизм — жертвенность, женское начало, способность отдаться.

Не было воспитателя (а какая жажда была по такому, кто отвечал бы на тайные вопросы). Дело воспитателя и состоит именно в том, чтобы эту отдаленную «ее» воплотить в существующей действительности, чтобы «тот свет» нашелся в этом свете и царство Божие стало на земле. Итак, я родился одаренным мальчиком, но в окружающей меня среде я не находил ответа на свои вопросы и переносил решение их в мир ненастоящий, нездешний (куда-то в «Америку», или в «государство будущего», или к недоступной даме, живущей в Париже). Литература дала мне возможность быть в такой стране и одно время горделиво относиться к мещанскому быту; только наступило время, это «мещанское» бытие стало всеуничтожающим фактом и всякое свободное слово исчезло.

Рабочий из Петр. рассказывал, что там расстреливали рабочих и каждый из осужденных сам себе копал могилу.

— Когда это все кончится? — спросили на собрании.

— Дайте,— ответил один,— по сто рублей, я скажу.

Собрали по сто.

— Соберите еще по 50.

Собрали по 50.

— Соберите по 25.

И так до 5 р. Когда дошли до 5, поднялся бунт и денег не дали больше.

— Вот вам все ваши деньги назад,— сказал обещавший ответить,— вы теперь сами знаете: кончится, когда вы давать не будете.

Катерина из Лабашова сказала, что кончится к новому году: это Минай сказал, а Минай живет в лесу, молится Богу и все знает; в землянке у него гроб стоит для себя и лежат железные вериги, их носил он, пока сами не разошлись.

7 Декабря. Вы намекаете в своем письме на разные наши взгляды; нет! разных «взглядов» у нас быть не может, потому что я вовсе не имею никаких этих взглядов, похожих на линии проволоки и гвозди.

Я думаю, что обезьяна постоянно порождается человеком и самая страшная человекообразная постоянно сажается за решетку. На стенку вбиваются гвозди с разными взглядами (монархические, социалистические и т. д.), и ключ от клетки с Гориллой вешается то на один, то на другой гвоздик, смотря по тому, какая порода ⟨*2 нрзб.*⟩. В несколько столетий раз Горилла вырывается из клетки, тогда все взгляды сходятся в том, что ее нужно опять заключить. Теперь именно такое время, когда все взгляды должны сойтись, потому что вопрос поставлен так: быть человеку или Горилле; ответ на вопрос не подлежит обсуждению: человек сильнее, что выражается народной поговоркой — «добро перемогает зло». В этом теперь сходятся все взгляды, а я взглядов никогда не имел. Взгляды вообще линейны и воплощаются всегда в гвозди, а свобода круглая, похожа на велосипедные стальные шарики, на которые опирается все движение человеческой души ⟨*1 нрзб.*⟩ в пять вперед, шарик же всегда стремится вырваться из этих тисков и укатиться. Так что все взгляды мне по существу враждебны, в том числе и велосипедно-прогрессивные: я живу, и мир живет, то я, а то мир.

Спустилось на 1 $^1/_2{}^{\circ}$— 2 Р и попробовал начаться снежок, но ничего не вышло и осталось по-прежнему ровно-спокойно замершим.

8 Декабря. Нет искусства, потому что нет вопросов. Бывает творчество вопросов и бывает творчество ответов: первое делает сама жизнь, а второе художник. То волнение, от которого рождается тема (идея) или вопрос произведения, принадлежит не одному художнику, а и еще кому-то (жизни). И в общем происходит обмен. В полит. экономии это называется спрос и предложение.

О ликвидации безграмотности принудительным путем: чтобы отделаться от повинности, бабы захватывают с собой на

уроки грудных детей, которые пищат и визжат, а другая придет и хлопает по животу: «На тебе мой мешок!»

Расстрел васильков. Снилась девушка с загорелым неправильным лицом и такими высокими требованиями к человеку, я обратил ее внимание своими искренними признаниями, казалось, она избирает меня, но тут появляется сильный мужчина, похожий на Петра Вел., и она меня оставляет, а я ухожу без боя. На пути моего отступления скачет всадник и кричит: «Я вам дам, я вам покажу, как расстреливать васильки». Завязывается борьба, я улепетываю от скандала, прячусь за дровами и туда ко мне подходит за помощью Бебель. Из-за дров вижу куст, ищет меня он, и, увидав, что я прячусь в дровах, останавливается пораженный тем, что меня видит в дровах, и восклицает: «Ах, так!» Я говорю: «Идите, идите Herr [1] Бебель, я могу быть, я гожусь в свидетели». Подумав, он говорит: «Ах, в самом деле вы годитесь быть просто свидетелем расстрела васильков».

Звезды -- 12 Р. На лыжах по озеру.

Золотые сны:
Хрущево: весенние тополя.
Встреча с ней полная:
она в Крыму, я в Хрущеве, но все вольное, земля живая, колышется, и родные.

9 Декабря. Вышел из лесу на незнакомое поле — испугался и опять в лес.

Семашке я написал, что в провинции вообще совершается великое свинство. Он мне ответил так: «Читал Ваше письмо, вспоминал Вас в Троицком, как Вы восторгались разговорами с каким-то каменщиком (мне казалось, и восторгаться-то нечего!) и восхищались русской душой. Теперь, читая в Вашем письме, что «свинство — органическая болезнь всего русского народа»,— я подумал, если это — прогресс, то прогресс рачий, иначе говоря, регресс, крупнейшее движение вспять».

Ваше письмо получил — благодарю. Извиняюсь, что пришлось посланника направить на квартиру, знал, что поленится дожидаться в комиссариате.

Вы спрашиваете меня, как это выходит, что в Троицком я восхищался разговорами с каменщиком (при старом «прижиме»), а теперь во дни нашего прижима пишу о свинстве и о болезни всего русского народа (заворот кишок, зад наперед). «Всего» я употребил в смысле всей русской общественности, что же касается л и ч н о й души русского человека, то я как начал с каменщика, так и по сии дни продолжаю открывать себе все новое и хорошее. Но я чуть не с колыбели заметил себе, что русский человек власти чурается и если сам попадаст в капралы,

[1] Господин (*нем.*).

то становится хамом, этой особенностью держался строй старый, держится и нынешний. Интересно, что любимой темой моих деревенских учеников (темы у меня вольные) бывает Иванушка-Дурачок, который делается комиссаром-душителем своего села и под конец за воровство и пр. изгоняется из партии и презираемый погибает под забором.

Прогресс это или регресс, как Вы спрашиваете, я не могу сказать, потому что не всякое сознание помещается в тесную эту формулу.

Не останусь в долгу воспоминаниями. Жил мой приятель — Шаши-Маши, и читал Гефдинга. И говорит мне, закрывая книгу: «Конец, не буду никогда больше читать философии». Я тогда не понял, как Вы ⟨*1 нрзб.*⟩ каменщика, а теперь понимаю: «Философия бесполезна для решения практических вопросов жизни». Еще было, идем мы в Ельце из театра, ночь такая звездная, у приятеля на кончике языка было открыть мне свою задушевную мысль или желание, а я в это время и говорю: «Какая звезда прекрасная!» Приятель испугался моей звезды и побоялся мне открыться. Так мой приятель отрекся и от философии, и от искусства (звезд). Побывал я за границей, заезжал к приятелю, на столе у него все та же книга (Бельтов, Маркс), и все на том же точит он зуб. Наконец, совершилось и освобождение, тут бы, кажется, и пожить для себя — нет! когда тут, спешка страшная, нужно сделать, чтобы все отреклись от себя. И началось всеобщее принудительное отречение, а внутри ложь, воровство, хамство. Прогресс это или регресс, я не могу сказать, может быть, в каком-нибудь огромном мировом кругу наша ложь пойдет во спасение, но в нашем житейском кругу — регресс ужасный, а ведь знаете, не всякое сознание помещается в тесную формулу прогресса.

12 Декабря. Все сочиняю письма Наркомздраву, одно одного лучше (Семашко, Игнатов, Разумник, Филипьев; чиновники идеального государства. Без царя Россия еще не была, и кто любил Россию, тот волей-неволей был с царем).

— Вы спрашиваете меня, Николай Александрович, как это выходит, что в Троицком я восхищался каким-то каменщиком, а теперь в наши дни пишу чуть не о погибели; ну, разумеется, я говорю это в смысле болезни общества, что же касается личной души русского человека, то я как начал с каменщика, так и по сии дни не устаю делать свои маленькие радостные открытия. Но я чуть не с колыбели заметил себе, что наш простой человек власти чурается, и если попадет в капралы, то становится хамом, этой особенностью держался строй старый и, не будем умалчивать, держится и нынешний. Я давно махнул на это рукой и передал дело борьбы вместе с моим уважением в руки ваши,— честные общественные деятели. (Вот интересно, напр., что любимой темой (темы у меня вольные) моих деревенских учеников бывает Иванушка, который делается комиссаром-душителем своего села, и под конец за воровство и пр.

изгоняется из партии и всеми презираемый погибает под забором.) Прогресс же теперь или регресс я, как Вы спрашиваете, просто не могу сказать (отчасти потому, что мое сознание не помещается в эту формулу), все равно как не умею сказать уверенно, происходит человек от обезьяны или обезьяна от человека; тут ответ выходит, смотря по человеку, моралист он, или ⟨*1 нрзб.*⟩, или еще кто. Помню и я Вас в Троицком, Вы говорили мне о некоем моральном гвозде в затылке, из-за которого, напр., Раскольников не сумел стать Наполеоном, и тут же спрашивали: «Болезнь (неврастения) порождает этот гвоздь, или же гвоздь порождает болезнь?» Дорого бы я дал узнать, как Вы теперь разрешили себе этот вопрос, тогда, может быть, и я бы Вам ответил, что́ у нас теперь, прогресс или регресс. А что разрешили Вы — несомненно, иначе бы и не выжили до сорока-то пяти с чем-то лет!

Ну, теперь, обменявшись воспоминаниями, приступаю и собственно к самой цели моего письма: очень, очень благодарю Вас за присланные бумаги, вот будет рай в семье, если удастся нам устроить паек. Ведь 47 лет и какой жизни! а выжили! Странно слагается из слов: жил, выжил, живет. Живот — как будто выходит, что человек идет вперед животом. ⟨*Далее нрзб.*⟩

Преступление — случай, а революция — историческая необходимость, преступление общее и законное.

13 Декабря. Если я, идущий вперед животом обыватель, не разделяющий воззрений коммунистов, ненавижу нынешнее «свинство», то как же должен ненавидеть его честный коммунист, которому это свинство стоит поперек его жизненного пути? Вам бы надо спросить: «Какое же свинство, М. М.», ⟨*2 нрзб.*⟩, а вы эво-но! вспомнили былое!

Между тем на мой крик «свинство!» Вы вспоминаете какого-то каменщика, которым я восторгался в Троицком 20 лет тому назад, и спрашиваете, прогресс теперь или регресс.

Эмигрантская пустыня, наполненная обезьянами: Авксентьев, Чернов и пр.

Троицкое было для Вас пустыней, где Вы ничего не могли делать, но я в таких пустынях сумел найти нечто такое — что для всех партий было ценно, и ко мне все тянулись как к родному.

Никола Зимний. Солнце бледное, как луна, бледное, иней, искры, в 7 часов свет.

Выпал легкий снег и мороз — 15 Р.

Сметка. Заяц убит.

Ваше дело было отрицательное, и молитва Ваша была: «Господи, помоги мне ничего не забыть и ничего не простить». Ну, Господь Вам и помог. Вы себя удовлетворили, а дальше?

Началось с винта в душе о своей неудачливой семейной жизни, передумал все и нашел, что вовсе не неудачливо, а просто выраженья мало. **Я** и это **Я** я ⟨*1 нрзб.*⟩.

16 Декабря. 1. Искусство есть творчество объясняться символами.

В основе творчества символа заключена вера, что личность есть проявление существа мирового. Материалом для символа служит повседневное.

(Не мог вынести воспоминания.)

17 Декабря. Приближается Никола Зимний, ой, заедет! В 9 утра солнце встает в хмаре морозной, как луна бледная, и совершает по небу свою коротенькую дугу. В полдень все разверзается, крайние березы на опушке к солнцу покрываются инеем, на них слетаются из замерзших болотистых зарослей тетерева. Все сверкает. Волчьи, лисьи, заячьи следы веревочками рассекают поля. А в 5 вечера на небе уже показался тоненький месяц.

Социалисты — люди, замкнутые в кругу человеческом, только человеческом, обреченные порождать обезьяну (происхождение обезьяны от человека, напр., комиссара Михеенка от народн. комиссара Семашки).

Раскольников у Достоевского потому и не делается Наполеоном, что вращается в этом кругу...

Нет никакого рецепта выхода из этого круга, потому что каждый человек тут находится сам, единственное правило — это довести свою идею до конца, до абсурда, и если лоб выдержит, то и выйдешь.

«Моральный гвоздь» и есть начало абсурда (неврастения от гвоздя или гвоздь от неврастении).

Инстинкт спасает человека от рациональной фабрикации обезьяны.

Если все узнать до точности, то все неинтересно и просто, и мироздание и вечность увлекают нас только потому, что неизвестны.

Был в Москве у Каменева, говорил ему о «свинстве», а он в каких-то забытых мной выражениях вывел так, что они-то (властители) не хотят свинства и вовсе они не свиньи, а материал свинский (русский народ), что с этим народом ничего иного не поделаешь. «Нет,— сказал бы я ему,— вы очень хорошие человеки, но такова судьба человека, что он должен производить обезьяну или свинью, если не выходит из своего человеческого, слишком человеческого круга. Не материал виноват, а вы, вы, батюшка!»

19 Декабря. Никола Зимний.

Думал о нашей детской колонии — значит же, нет ничего у социалистов, что немыслимо даже себе представить социалистического руководителя в колонии.

Убитые люди не знают, что они убитые, и наши духовно убитые не знают, что они давно мертвецы.

Человек — это страдающая середина между сверхчеловеком и подчеловеком, человечество — это плазма, производящая сверхчеловеков и обезьян (подчеловеков).

Так, Раскольников хотел быть сверхчеловеком, но попал в подчеловека: очевидно, между двумя этими группами есть иррациональный момент, который невозможно учесть вперед и только после (действия) оказывается. (Поэтому ни за какое дело, требующее всего человека, нельзя просто взяться без риска стать негодяем: нельзя, напр., и замуж выйти сознательно, нельзя сделаться художником сознательно; берутся под напором жизни и идут в неизвестное.)

Из человека не видно будущее, и путь сверхчеловека и подчеловека кажется единым. Так, мать не знает, кого она родит, и даже имя ребенку своему дает по святцам.

Власть значит сила распоряжаться человеками, каждый берущий власть, и сверхчеловек и подчеловек, берут ее под видом лучшего для человека, и путь их одинаково устилается жертвами. Только у одного лучше выходит, и жертва ему бывает жертвой для многих (полезная), а у других лучшее не выходит из него самого, и жертва бывает жертва только ему.

То, что человеки и подчеловеки, рождаясь, действуют во имя лучшего для человечества, указывает на их связь с человечеством, которому, рождаясь, они выдают вексель на лучшее.

Социализм имеет своим предметом человечество, т. е. утробу, из которой рождаются сверх- и подчеловеки, его цель взять в свои руки контроль над действием тех и других и даже над самой утробой и поставить на место инстинкта закон. (Закон есть привычка материи, а дух — беззаконен.)

Их основное верование состоит в том, что, действуя на среду, они действуют на личность. Наоборот, христианское учение действует на среду через личность. Христианство имеет дело только с избранными, которые жертву (грех) снимают с человечества и берут на себя. Итак, одни жертву берут на себя, сами не делаясь только жертвой (отдаю все мое, кроме себя самого), другие, наоборот, требуют жертвы для себя. По такому учению нет разницы между Наполеоном и Раскольниковым, потому что тот и другой требуют для своего дела жертв.

20 Декабря. Христианский Бог принимает жертвы только личные вольные.

Зачем жертвовать своим, когда можно и так жить, радуясь жизни и никому не мешая своей радостью; в таком состоянии можно бороться за эту радость, биться с теми христианами, которые хотят погасить эту радость (черный лик, Розанов).

Истинное христианство начинается там, где выбор: отдать эту свою радость бытия или лишить ее другого.

21 Декабря. 2—3 Р и пороша.

Горела в холодной комнате тихо лампада последним синим огоньком, захотелось большого огня, поднесли к ней лучинку. Отняла лучина огонек у лампады и сама не загорелась. Тепленькая остыла лучина и лампада, и все погрузилось в тьму и застыло.

22 Декабря. Однажды я видел нищенку в торгово-промышленном банке, просила милостыню у кассира. Так теперь искусство в Советской России, как нищенка в банке, где все учитывается, все подсчитывается.

23 Декабря.

— Наше бытие есть временное перемирие в вечной войне между Смертью и Животом,— сказал старый дьячок из Чамова.

Так уживались Христос и предприниматель в лоне христианской церкви.

— Голгофа не конфетная фабрика! — сказал дьякон.

Искусство все равно, что переговоры разных людей во время мира, только это не значит, что искусство — мирные переговоры.

Наша республика похожа на Палестинское королевство времени крестовых походов, и там, как у нас красный флаг социализма, так же бесстрастно, бесчувственно, пустынно возвышался над всем безобразием жизни крест (в поисках золота, в подозрении, что сарацины его проглатывают,— распарывали животы, а у нас окунали в прорубь при взыскании чрезвычайных налогов).

То, что мы считали в социализме за хорошее, было у нас от церкви.

— Я думаю, что смерть, болезни, война, для Вас, заведыв. здравоохранением, такие же враги, как и мне, простому заступнику радости.

24 Декабря. Вас. Алекс. Горбачов и Осип Вас. Долгих.

Смирнов (с. р. в тюрьме).

Русский интеллигент цинически обернул заповедь Христа «Отдай все свое», своего-то нет ничего, а у кого нет ничего, тому легко говорить «раздай», когда это относится к чужому добру.

Мои попы и попики. Семашко, Коноплянцев, Горбачов, о. Долгих, Разумник, Ремизов, (Мережковский), Розанов, (Толстой), Достоевский, М. Горький.

Хохол Иванов-Голиаф, «Бисмарк», Кукарин, Раскольников, Алеша Карамазов, Игнатов, Карамзин, Смердяков (револ. лакеи).

Ночью на развалинах прошлого встают образы живых и мертвых в своем истинном значении, и я бываю в них, и они во мне — своего рода проскомидия.

К застрелу прибудет 1 1/2 м. света.

— 2 Р. Снег «пушистый». Лес завалило снегом. Будто маленькие юрты, а толкнешь ногой — елочка.

25 Декабря. Солнцеворот.

Мне трудно осудить большевиков, потому что, если бы мне было не 47 лет, а 20, то я сам бы был большевиком, я был тогда невежественным, не знал никакого дела. Значит, чтобы отделаться от большевизма, нужно: 1) время, 2) опыт и знание, 3) личная жизнь.

Каляев — Смирнов — Спиридонов — Аргунов и др. жертвы.

Декаденты — апостолы личности.

Белинский, Гоголь, Герцен, о. Афанасий, Каляев. прот. Аввакум, св. Брянцев, св. Покровский, Легкобытов, Татьяна старуха, Серафима Пав., З. Гиппиус.

Мережковскому:

— Это очень гордый человек, а многие из очень гордых людей любят верить в Бога, особенно несколько презирающие людей... из них выходят горячо желающие верить; но желания они принимают за самую веру. (Достоевский — «Подросток».)

— 3 Р. Порошило немного. Снегу 1/4 арш. и весь до земли пушистый. Зайцы выходить боятся.

26 Декабря. Снилось, что я будто бы у священника Алек. Петровича Устьинского и мы с ним решаем, что у него на даче это лето будут гостить Лев Толстой и Розанов. С этим поручением приглашения я являюсь к Розанову. Вас. Вас. сидит за столом и с необыкновенно гаденьким видом показывает кому-то порнографическую картинку, уснащая глубокомысленным замечанием религиозного содержания. Меня встречает неприязненно, я объясняю ему о даче, но забываю фамилию Устьинского. «Что же это такое?» — изумляется он. «Да я,— говорю,— и единицы за это в гимназии получал, что вдруг самое главное и очень мне известное забуду». И в эту минуту сам себя вижу: лоб очень большой у меня, бугреватый, лоснится и не помнит ничего.

Мой роман с Розановым. Анзимиров, Богданов, Дедок, Писарев.

Снотворчество из факта: я был послан от Устьинского к Мережковскому и Розанову по делу соединения православной и англиканской церкви.

В сквозном сне думал про Евангелие Барышниковой с засушенными цветочками, поздравительными карточками, закладками, голубыми и розовыми лентами, так я думал, что эта книга, как цветок, поэтическая книга, за которой скрывается

какое-то дело, какая-то жизнь, что дело-жизнь нам неизвестны: смерть описана Христа, а жизни до 30 лет и нет вовсе. Так что кто идет по стопам Христа, тот смерть распространяет на жизнь. А наши хлысты молодцы, они под каждую «теорию» Евангелия подвели жизнь, так, напр., «люби ближнего» они превратили в «люби Ближнего» и мертвую евангельск. любовь превратили в пламень жизни, в борьбу с чувственной любовью за духовную. Они подвели под идеи погашенные в них чувства и проделывают жизненно то, что церковью дается готовым для прозелитов (почему у них и живые Христы), так что они являются как бы оживителями христианского учения. Бесполые мысли они возвращают в их половую утробу. А так ведь и было, вероятно, с христами, пока апостолы и верующие не создали из всех них один общий победительный образ Голгофы. (Попытка Достоевского в лице Алеши Карамазова создать литературно живого Христа.) Христос обращенный на жизнь, превращает ее в монастыри мужской и женский, а живой Христос создает «царства», конечно, враждебные культуре: хлыстовские подпольные царства мирового культурного зла.

Убрать за собой нетрудно, и ей это ничего не стоит, но она не станет убирать, чтобы заставить делать это меня самого назло,— а я не могу настоять, чтобы она убирала,— совестно, я только могу раздражаться. Я любил ее, как натуру, и способен жалеть, но уважения не имею, а это очень тяжело. Но меня спасает способность души моей к расширению: вдруг расширится и я все люблю и не помню врагов своих.

Мрачно молюсь, чтобы помог мне Бог не простить, но вдруг душа без мысли озаряется от света солнца на дерево или блеска свежего снега, и забыта молитва... и как помнить такой пустяк, если душа озарилась, как долина в горах от восходящего солнца. И растерянно спрашиваю, когда нужно молиться: да кто же мой враг, кому не простить, не виноват ли я сам во враге своем?

Розанов однажды высказал, не помню только, где, в частной ли беседе, переданной потом Гершензону, или же в газете, куда он выливал чуть ли не свои ночные горшки,— что славянофильство есть самое вкусное блюдо в России, и Гершензон как еврей сумел этим воспользоваться. Гершензон этого не мог Розанову простить никогда.

Вчера весь день порошило — 2 Р. Сегодня + Р, оттепель.

28 Декабря. Приспособляясь, люди хотят сохранить себя и в то же время теряют себя.

(Кто хочет сохранить свою душу, тот погубит себя.)

Это происходит так: избирается какое-нибудь «дело» бездумное, с тем, чтобы, делая его, не отдаваться ему и сохранять свое (воскресенье свое, 2 часа после занятий), но усталый прихо-

дит к себе и ничего там не находит; тогда бежит к бездумному делу от себя самого, от своей домашней пустоты и даже увлекается «делом» (Коноплянцев). Так человек теряет себя самого.

Париж выкинул его в Россию без всяких средств, без всяких жизненных навыков, с одною бесконечной радостью жизни. Тогда он (Горшков) поселился в бане, питался кое-чем. Весной на бане появлялся замок: уходил странствовать. Осенью дверь открывалась, и тут велись бесконечные споры о народе, искусстве, религии, Толстом.

Я сам — это все, что я хочу и могу.

29 Декабря.

— Живу, дорогой мой, на изнанке идеала, где нестираемыми красками написано для женщин — носи!, а для мужчин — вози! Тут все знают, что идеалы пишутся линючими красками и что это дело господское: «Ленин и Столыпин,— скажут,— в одном университете учились».

В чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности вызвали женщину, не посещающую курсы грамоты, пришла беременная баба, хлопнула себе по животу и резанула председателю:

— Я буду учиться, а ты носи за меня!

А то встретишь обоз с дровами, с бревнами.

— По наряду — спросишь — везете?

— По наряду, батюшка.

Картина этих «носи» и «вози» до того однообразная, до того однотонная и мрачная, как будто вышел с Одиссеем на берег Аида, и все разнообразие в посещении мертвых. Кто-кто не перебывал у меня по ночам, а утром я даже записываю эти посещения и пробую даже судить их, наприм., в левую графу запишу Петра Великого, в правую нашего попика отца Афанасия, который в особенно торжественных случаях, напр., на именинах, заводил с моей матушкой разговор о дубинке Петра. За исключением редким вопрос направо или налево, куда идти Гоголю, куда Белинскому, решается ⟨*1 нрзб.*⟩ просто вплоть до славян и варягов, только там уже, где начинается разделение на человека и обезьяну, получается путаница страшная, видимо, требуется для этого решение основного вопроса, человек от обезьяны или обезьяна от человека происходит.

Мне кажется, что обезьяна и человек некогда произошли (и теперь происходят) из одной утробы, только человек падает до обезьян и, падая, вспоминает и хранит образ своего прародителя человека — это человеко-обезьяна, а обезьяна, совершенствуясь в борьбе за существование, и думает о будущем, неохотно озираясь назад на прародителя обезьяну,— это обезьяно-человек, бегущий по рельсам прогресса. Итак, налево обезьяно-человек, направо человеко-обезьяна.

Итак, падая, одни восстановляли в мечте первоначальный образ человека и даже сверхчеловека — консервативная часть бытового человечества.

Другие, совершенствуясь, наполняют землю, имея в будущем идеал фабрикации человечества вполне совершенного, размножающегося путем штампования.

Так земля наполняется призраками все более и более падающей человеко-обезьяны к действительно существующим обезьяно-человекам, творящим призрак будущего человека.

В жизни те и другие перемешиваются между собой и то бывают в ладу — время исторического мира, то в ссоре — гражданская война обезьяно-человека с человеко-обезьянами.

30 Декабря. Мангонари, Куприн, Маныч, Мария Ивановна Попова, Легкобытов и Щетинин и его пьяная Русь. Наши хлебные бои и самобоги.

Первый раз в жизни видел музыкальный сон, играли на клавесинах простую песенку, похожую на «Warum» [1] Шумана, только все-таки не «Warum», и до того изящно, тонко. Кто-то сказал: «Клавесины — самый страшный враг советской республики».

Прогресс значит размножение таких, как я сам (я сам — хочу и могу), он предполагает некоторое самодовольство в человеке, все прогрессисты самодовольны, Шипов, Стахович Александр и Михаил.

Напротив, регресс состоит в сознании своего ничтожества и чувства конца, зато мечта восполняет пустое место своей самости светлым существом человека и Бога, существующ. вне моей самости где-то, когда-то.

Поэтому определение народа с самой жалкой цивилизацией может быть источником высочайшей культуры ценностей, которые при помощи гипотезы «рабочей ценности» всяких идей могут пойти на удовлетворение самодовольных прогрессистов.

Так эта человеко-обезьяна создала Бога Христа, а уж обезьяно-человек приспособил его к делу прогресса.

0° Р. Каждодневная пороша. Вчера приехал Булыгов.

31 Декабря. Горюч-камень — бремя родины. Ив. Афанасьевич (в Рябинках) швырнул им в Толстого и в Достоевского; Черный лик бога за этим камнем. Типы темных людей (черносотенцы). Потому что выхода нет чувству родины.

Подвиг Дунички (анализировать). Горюч-камень (Артем) — мое черносотенство. Еще нужно так же (по черточкам) разобрать и мать мою.

— Мы холостые граждане, как евреи, холостые граждане, у которых нет больше отечества.

8 Р. Снег перестал.

---

[1] «Отчего» (*нем.*).

М.М.ПРИШВИН

ДНЕВНИКИ

1921

1922

Европ. Новый год — 1921.

1 Января. Парижский период при свете от чтения романа Достоевск. «Подросток» («Я бы вас любила, если бы вы меня меньше любили,— я средняя женщина»).

2 Января. Миша Герасимов. Ник. Ник. Виноградов приехал в Москву из провинции и приспособляется.

— А может быть, предания и заветы отцов, сохраненные в сердцах отдельных людей, пронесутся через головы современного поколения, и станет, наконец, можно открыто любить Россию.

— Или славянские торгаши будут к старой русской культуре, как новые греки к Элладе: для всех Эллада, только не для греков, для всех Россия, только не для русских.

— Мысль этого человека работала, как заяц бежит: это прямо, все прямо, и вдруг сметка в сторону, и опять прямо, и опять сметка, а в общем по кругу всегда возвращаясь к своему логову — исходному пункту.

Это логово было прирожденное ему чувство благообразия, сочетавшееся страшно так с желанием разрушить всякое видимое благообразие, в конце концов, во имя того же, только идеального благообразия. Вот Хрущево: мать сидит в старом кресле... И вдруг скачок в сторону, сметка: рябая женщина, вдова крестьянская Таня сидит в гостиной одна, наконец-то одна во всем доме — час настал! теперь или никогда! Он уходит в свою комнату, рюмку за рюмкой насильно без закуски выпивает всю заготовленную давно уже для этой цели полбутылку водки — водка не действует! но ничего: «Я пьян, я пьян! — воображает он,— я действую теперь, как пьяный, пьяному море по колено». После этого он идет в гостиную и не своим голосом говорит:

— Таня! я пьян.

Она повертывает к нему голову, и в это время он бросается к ней, схватывает, тащит на диван и все время шепчет:

— Ничего, я пьян, я пьян.

Слышит от нее:

— Так это же хуже, что пьян, это хуже!

Она, впрочем, ему совершенно покорна, нема телом и духом...

Написать Ремизовой С. П-е.

Мне нужно от кого-нибудь из старых друзей письмо с подтверждением, что наше лучшее существует безуступно и будет существовать и утвердится, перелетев через головы современной диктатуры мелкоты.— Я решил написать с этим Вам, быть может, у Вас там с Алекс. Михайл. есть какие-нибудь замыслы к делу.

3 Января. Завернул мороз до 17 Р.

Помню из Руссо, что когда он с ней перестал это делать, то она вдруг его разлюбила.

Любовь по памяти предполагает некоторый душевный строй (культуру).

Саженную головищу Маркса из гипса — настоящее «Идолище поганое» — воздвигали на высокие подмостки, Сережка Львов, каторжанин, страшилище, обезьяна, выстраивал красноармейцев, а Иван Горшков, бывший лакей княжеский, потрясая кулаками, говорил речь: «Сметем, раздавим!» Музыка после каждого «сметем» играла «Марсельезу». У Маркса часто болела голова, чудилось ли ему в то время что-нибудь в этом роде?

Величайшие страдания от недостатка света.

Злобная забастовка Ефрос. Павл. и мысль о Руссо (прекращение).

4 Января. Петербург, 14-я линия. Лидочка Иванова и ее дебелая мать, горбунья и сумасшедший акцизный.

Вспоминаю, как наши дамы в Хрущеве щипали корпию (Русско-Тур. война 1877—78 г.), мне 4—5 лет — и как няня с ужасом сказала, что мужики на господ с топорами пойдут (1881 г. Смерть Ал. II — мне 8 лет).

Тема лекции о литературе: древняя литература — крест и новая — цвет.

7 Января. Рождество. Дядя Ив. Ив. Гриша.

Маленькие, забитые жизнью взрослые и среди них дети, как большие,— вот дети Достоевского.

Так вот и поэту теперь нужно, как ребенку, среди забитых и униженных взрослых взять на себя их дело свободы.

Герасим Вонифатьевич Шманцырев. Воробьеву доставить удостоверение от Ельцовской школы.

Петр Герасимович Шманцырев в Озерище учил. в гимназии Дорогобуж. в 1-й группе II-й ступени — Стефанкова Евдокия Ивановна, Стефанков Егор Алексеевич. Ушаково, оконч. Ушаковскую школу I-й ступени.

7 Января. Рождество. + 1 Р. Пышные белые нетронутые снега.

8 Января. + 1 Р. Поездка в Чамово к Барановскому: «Я сознаю категорически, что взять вам нечего. Какая польза стрелы в камень пущать?»

Бывает, отважные дети берут на себя дело старших; так поэт отваживается и, как горный лазун,— страшно смотреть! — идет впереди.

9 Января. + 1 Р. В лесу снег раскис, с елей дождь. Народный тип: солдат возвращается из Германии, читал там все о России и не верил «буржуям», но действительность превосходит все описания, и вот он рассказывает в своей деревне, как хорошо живут в Германии и как ему хорошо жилось, знал бы, ни за что не поехал домой. (Под знаменем Р.С.Ф.С.Р., «Карл».)

Лес «Полом» (название русское для революции, великая русская революция, великий русский Полом). Нет больше священных рощ, заповедных углов, и дно колодцев, которое казалось золотым, теперь показалось обыкновенное. (Лес как лес, так и народ, из которого, как из леса лучшие деревья, выбраны лучшие люди.) Если охранять, то нужно скрывать. Можно показывать, но только в мере и степени. Классики тем и отличаются от романтиков, что больше меряют, занимаются формой, а романтики зажигают огни.

10 Января. Святочный сон: в лесу на сосне привесил я портрет своей Козочки, волки стали собираться к портрету, а я их стрелять.

Разрушитель не дикий человек, а недоучка, тот, кто, выкрав, напр., из физического кабинета спираль Румкорфа, знает, что ее можно приспособить для закуривания папирос.

— 1 Р. Снег мелкий, но частый и сильный ветер. Ночью на 29-е – буря и + 5 Р.

11 Января. Снег почти растаял.

Если бы у Пушкина не было его дарования, то, конечно бы, он озлился и в политическом озорстве превзошел бы всех декабристов; давайте это распространим: если бы не было у крестьянина Бога, то, конечно, он давно бы восстал. Одаренность, обладание чем-то держит людей вместе — чем же именно? Любовь это или вера, как говорят, но все эти названия включают в себя ценность жизни.

Все думы сводятся, в конце концов, к поиску врага. (Хозяин Дмитрий Бадыкин носит в себе постоянную мысль, что кто-то — кто? мешает нашему хозяйству, нашей жизни.) Если бы ясно увидеть, кто враг, то, кажется, с таким легким сердцем

отдал бы жизнь на борьбу с ним. Еще кажется, что как это теперь все ни худо, но будет еще хуже, если забудешь это чувство и помиришься.

Итак, будем полагать, что наша власть приносит в жертву народ свой ради идеи полного социального обновления всего мира, что ей хорошо известно о какой-нибудь близкой мировой войне, во время которой нам удастся разложить строй войск, смешать все карты и вызвать стихийного духа обновления всех народов, который прекратит войну и материальное насилие людей. Словом, власть имеет в виду какое-нибудь ею ясно сознаваемое благо, напр., картофель, который приходилось тоже заставлять сажать силой оружия, а теперь все благодарят за картошку, все ею живут и считают тех расстрелянных мужиков жертвами собственного недомыслия. Итак, и у нынешней власти есть, наверно, совершенно отчетливое сознание какого-то мирового ценнейшего картофеля, который весь наш многомиллионный народ считает ошибочно чертовым яблоком, но впоследствии сам же и будет за него благодарить. На этом остановимся, потому что могут быть следующие возражения: «У власти нет сознания о картофеле счастья, а держится она необходимостью и удовольствием властвовать». Нет, мы имеем словесные выражения идеалов: труд вместо войны, общее дело вместо частного, интернационал вместо империализма и т.д. Замечательно еще, что идеалы коммуны не опровергаются («Я сочувствую идеям коммуны»,— говорит учительница, а крестьянин говорит, что его обманули, т. е. дали хороший идеал коммуны, но только не выполнили). Стало быть, картофель существует. И Раскольников у Достоевского тоже знает картофель, и так подводится, что разницы, по существу, между ним и Наполеоном нет, что благодетели человечества все переходят через кровь, а под конец объясняется, что моральному существу этим путем нельзя идти, это дело бессознательной стихии. Но вот открывается новый вопрос,— если стихия поднялась, то в какое положение должен стать к ней моральный человек. Стало быть, возможно, что великое дело совершается благодаря моральной невменяемости лица, его совершающего, напр., Петр Вел.; еще мама и Дуничка в отношении к хозяйству. В общем, моральные мелочи удерживают ⟨*1 нрзб.*⟩ человека от великого дела, и он становится жертвою, получает наказание, страдает: искупляет грех. Еще недостаток натуры часто объясняют избытком морали.Еще «милостью Божьею» изобретено для восполнения морального промежутка, иначе сказать, человек преступил бессознательно, и вышло очень хорошо.

Мы, милостью Божьей,— оправдание народному бездействию (М. Горький хочет поднять народ, вывести его из состояния безразличия к власти).

– 10 Р. Солнце, и щеке тепло. Как будто вечером замечался лишний свет.

13 Января. «Народ безмолвствует». Всеобщее убеждение: «обманули», у интеллигенции: «обманулись».

15 Января. Ночью пороша вершка на три. Солнце греет щеку. На снегу голубые тени. Свету много. Сосны и ели, занесенные снегом, как будто узнают себя и спрашивают: «Что с нами было, какой темный сон!» (– 6 Р.)

По вечерам и по ранним утрам топлю камин и думаю, о чем? Сегодня поймал мысль: 1) рассмотреть Евангелие как только поэтическое произведение, 2) рассмотреть христианское основание русской литературы (Гоголь, Достоевский, Толстой, Тургенев), 3) женщина в рус. литературе (Татьяна).

Еще я думал: как зима вдруг исчезает при свете такого дня, так вдруг исчезнет и злое наваждение революции, и вдруг, как в февральский день 17 года, проснешься утром, и нет гнета, и кончился кошмар, и мы вольные; только теперь это будет не только вне, а больше изнутри, как бы от себя: не будет злобы к неведомому врагу, и что было, то окажется нужным и должным; во всяком случае, бояться совестью и быть неспокойным за свое спокойное существование будет незачем, потому что основание страха исчезло: и не нужно будет идти на распятие за народ, потому что я — народ.

16 Января. Искусство есть способность человека изображать предмет своей веры и любви (Христ.). (Возрождение — предмет наслаждений.) Вера без дел мертва, а вера без любви — зла и есть, кажется (надо подумать), основа величайших злодейств.

Зло существует на кредит любви.

Сатира, пародия — должники искусства.

17 Января. Россия была, как пустыня, покрытая оазисами, теперь оазисы срубили и пустыня стала непроходимой: источники иссякли.

Разум его был плохой ездок и свалился с коня, а конь мчал без ума; теперь устал конь и разум осторожно взлезает.

Все можно было рассказать, но и м я он хранил, как священную тайну; однажды он взял в руки журнал и стал читать рассказ ⟨*1 нрзб.*⟩; было описано, как художник влюбился в девушку, и вдруг вскрикнул, схватился за голову и безумный убежал в лес, там он жил в лесу счастливо среди птиц и цветов, невеста его прислала записку ему в лес и подписала на ней свое имя — и это имя было е е.

Она была самовластная. Самовластие — тирания. Самодержавие выродилось в самовластие.

18 Января. Крещенский сочельник.

Лева заболел: в субботу начался кашель, в понедельник вечером высокая температура, вероятно, воспаление легких.

— Ты, Лева, спрашиваешь, как Христос мог родиться от

Девы. Мы рождаемся или выходим из животного мира, постепенно совершенствуясь в добре и зле какого-нибудь нашего отдаленного предка, похожего на обезьяну; но вот пришел человек и сказал: «Я выхожу не от мира сего, Я не рожден от животной плоти, Я рожден от Духа Святого и Я Дух, переходящий в ваши дела; Я есть то, что отделяет вас от обезьяны, которая создает себе подобных путем подражания, а Я создаю путем изменения самой природы».

Существующее положение: организация воров и разбойников, отстаивающих самобытность России. Учредительное собрание превратит Россию в колонию западных государств.

Сухой снег, как мелкий сахарный песок, метель смела в овраги и на опушки лесов — поля открытые и обледенелые, сметенные снега плотные, нога не проваливается, едва видны собачьи лапы, но в лесу был виден двойной след зайца вперед и назад, вперед... назад... я взял направление наудачу, и когда вышел в поле, то увидел, что один след был слегка запорошен, другой, по которому я шел, ясен, значит, я выбрал верно направление, запорошенный след был раньше. Через леса, где хорошо видно, и поля, где я угадывал след по намекам, я добрался наконец, до Грошовского большого заказника и потерял след на дороге, пошел на счастье влево и скоро увидел скидку в сторону, и потом опять на дорогу, и опять вопрос — пошел назад по дороге, или вперед — вперед! я угадал: скоро увидел скидку вправо без возврата на дорогу.

Долго я шел по лесу и, обернувшись несколько раз вокруг себя при обходе разных сметок и жировок, вдруг почувствовал, что нахожусь в неузнаваемой местности, это самое хорошее при охоте, когда попадаешь в невиданное место, где постоянно ожидаешь какого-нибудь случая и случай часто бывает; вот я вышел к незнакомому полю озими, лес небольшим четырехугольником, густо-прегусто заросшим мелким ельником и осинником, выходил на озимь; я обошел его кругом, сюда были входные следы, а выходных не было, значит, заяц был тут, собаки уже шарили в заросли, я остановился на углу и ждал. Тихо вылез из-под елочки русак... я быстро стрельнул, собака схватилась, на снегу осталась шерсть и кровь.

Ясно-Полянская школа.

Существование такой анархической школы понятно при одном условии, что учителем там Л. Толстой; да и всякая анархия предполагает таких же даровитых, высоконравственных людей, увлекающих своим примером других. И собрание верующих предполагает Христа.

Любовь-привычка. Любовь-замысел (любят материалы своего творчества). Любовь-счастье.

19 Января. Крещение.

Вера есть сила жизнетворчества: ребенок верит всему. Живя,

человек отмирает от мира и, как вулкан оставляет холодную лаву и пепел, так и он оставляет продукты разума.

Смерть — конец жизнетворчеству: перед лицом смерти всякая вера — обман.

Значит, как же надо верить-обманываться, чтобы выйти на борьбу со смертью! (Христос.)

Мы ждем человека, вооруженного всем знанием, который, несмотря на это, дает нам символ веры (попытка Мережковского)...

Евангелие нужно дополнить жизнью Христа до Его возмужания, а то монахи, не имея примера в этом, постоянно искажают своим опытом все учение (бунт Розанова).

Реализм как воплощение романтических идей. Сентиментализм как их предчувствие.

Оттепель, морозцы, метели.

Четверг 20 по вторник 25 был в городе.

Россия? — это прошлое.

Секты «Интеллигенция» и «Мужик» — вот два вулкана, у подножья которых располагалось самодержавие.

Теперь нет больше интеллигенции: она превращается в специалистов, нет мужика, масса которого распадается на индивидумы. Развить эту тему.

В селе Дементяны шкраб Базыкин из-за сена (корову завели, а кормить нечем) поспорил с женой, в припадке злобы она повесилась (на лестнице, на вожже); учитель хотел застрелиться, но ему не дали, и он остался существовать для воспитания двух своих любимых детей, мать которых из-за него повесилась (спор был из-за первенства: она хотела его подчинить себе, а он все не давался; есть такая истерическая женская зарубка, через которую переходить опасно).

Подопхай

Матвей Тимофеевич из Буды сказал:

— Я понимаю, мужик зол и его нужно прочистить, но не решать же его совсем, я сам не мужик, хотя, конечно, я тоже и мужик, но я очень прекрасно читать умею, много читал и притом я умею работать и даже был волостным старшиной. А мужик темен, но не настолько темен, как прикрывается своей темнотой для злого действия.

— Матвей Тимофеевич, вот вы отказываетесь от принадлежности к мужикам, а я отказываюсь от интеллигенции, так и все скоро откажутся.

— И будет очень хорошо!

Самоеды

Хозяйство мужицкое превращается в «самоедское», большевики поставили себе задачу сделать, чтобы крестьянин работал и на других.

Банк с мебелью

В городе играют в очко, банки до пятисот тысяч, выигрывают миллионы, когда не хватает денег, ставят кольца, часы и т. д., которые называются «мебелью».

Пластические танцы

Семейные вечера дозволяются только с разрешения начальства, потому что Моно (Моск. отд. нар. образ.) запретил буржуазные танцы (дозволены только пластические).

26 Января. (Ученики по немецк. придут 10-го Февраля). Д. сказал, что в деревне за самогон можно сделать все, подумав, он вскрикнул:

— Да, все!

Чрезвычайка, особый отдел, не совсем то, что опричнина: Грозный сильнее опричнины, а Совнарком при Чрезвычайке (назовем так всю Лубянку), как Госуд. дума при царе.

27 Января. Душа песню поет о пятилинейной керосиновой лампочке — какое счастье! достал 3 ф. керосину и зажег 5-ти-линейную лампу, хватит на месяц (начал жечь — среда раз, четверг — два, пятница (утро) — три), до Февраля начала, а солнце помогнет, тогда день против тьмы на 3 часа.

Подопхай — Матвей Тимофеевич.

Непрерывно вьюги при морозе 14 Р.

29 Января. Дедушка.

Алек. Гаврил. Ладыженский (сады по церквам, 12 добр. дел, крепостник и пр.); мне было 10 лет, ему 60, значит, он родился в 1823 г. и в 1846 г. был 20-летний Николаевский корнет, современник «Мертвых душ». Дочери: Варвара, Вера, Надежда, Любовь, внучка Маня — курсистка (Шамордино). Последоват. дубы: Алек. Гавр., Ник. Серг. Толмачов, Деденцев (земск. начал.).

Чтение Бергсона: меня привлекает это учение, потому что оно занимается не сходствами (количествами, плоскостью), а отличиями (глубиной, качеством).

Я думал: «Что загнало Дуничку в деревню и приковало ее на всю жизнь к мужику, существу для нее совсем чуждому?»

Homo faber[1]

Научный социализм стремится применить к жизни людей те же законы науки, которые превращают неорганизованную материю в орудие производства, так что каждый человек в соц. обществе делается орудием, и что каждый, а не только рабочий класс есть орудие — в этом и есть отличие от капит. общества.

---

[1] Простой человек (*лат.*).

Задача почтенная, но морального изменения тут нет: мораль после придет, «надстроится», как говорят специалисты.

30 Января. – 12 Р. Тихо. Ясно. Только восток на восход загородила синяя доска.

Воскресение мертвых. Когда люди живы, то мы встречаемся, заинтересованные в них большей частью даже практически; а когда умерли, то находимся под впечатлением смерти и тоже судим не совсем верно, в первом случае мы видимся с ними через порог жизни, во втором через порог смерти. Но вот теперь, в уединении, когда жизнь так похожа на сон, «не жду от жизни ничего и прошлого не жаль», прошлое все распущено, мы теперь свободно в одной комнате встречаемся одинаково с живыми и мертвыми. Сегодня были у меня Дуничка и Маша. Дуничка была застенчивая, она всегда жила и пряталась за стеной, Маша, напротив, жила свободно, в обществе, Маша была в искусстве, Дуничка в морали и связана была любовью к брату, а Маша любила свободно. Дуничка пряталась, как бы виноватая тем, что сама не жила для себя и боялась жизни. Маша была правая, свободная, неземная.

31 Января. – 8 Р.

Ком. Лебедев вчера говорил, что с крестьян теперь берут вчетверо меньше, чем в Империи (тогда брали 25 р. в год), он поддержал мою мысль, что Учред. Собрание должно отдать Россию за долги и что Сов. власть сейчас держит Россию.

Вот урок: большевики, подымая восстание, не думали, что возьмут и удержат власть, они своим восстанием только хотели проектировать будущее социальное движение, и вдруг оказалось, что они должны все устраивать: роман быстро окончился оплодотворением, размножением и заботами о голодной семье: не ходи по лавке, не перди в окно.

Истоки моих занятий литературой.

Васил. остр., 14-я линия.

Мать, беременная дочь, горбунья, акцизный, Филипьев (Лидочка — Козочка), я — все чужие, как родня, Анна Ив., генерал. дочь, Каль, неудавшееся свидание, приезд Ефр. Павл. Мороз и Сережа больной. Поездка в Москву (Петровское, дача Шабалкина). Японская война. Человек, продающий сыр. Лебедевы. Лесной — старуха — рюмка водки. Смерть Сережи и Елка. Аппендицит.

1 Февраля. Оттепель.

Убил зайца, который теперь стоит более 20 тыс. рублей (8 ф. мяса по 2500 р. и мех).

Имена известных людей, которых мне в жизни моей приходилось видеть:

Розанов, Мережковский, Ремизов, Гиппиус, А. Белый, Сологуб, Бальмонт, Брюсов, Ал. Толстой, Куприн, Б. Зайцев, Клюев, Есенин, Иванов Вячеслав, Иванов-Разумник, Горнфельд, П. Струве, Т. Барановский, Философов, Карташов, К. Чуковс-

кий, Милюков, В. Чернов, Керенский, Миславский (Мстиславский), М. Горький, Л. Андреев, С. А. Венгеров, И. Игнатов, М. Гершензон, Н. Бердяев, А. Коновалов, Бабушка Брешко-Брешковская, Л. Троцкий, Савинков, Мечников, Бонч-Бруевич, Н. Семашко, С. Маслов, Мария Спиридонова, А. Блок, графиня С. А. Толстая, Ф. Шаляпин, худ. Петров-Водкин, И. Билибин, гр. Мар. Ник. Толстая, Оптин. старец Анатолий, протоиерей Устьинский, Легкобытов, М. Кузмин, Н. Лосский, Авг. Бебель, Либкнехт, проф. Вунд, проф. Оствальд, проф. Бюхер, Шмоллер, Вагнер, проф. Вальден, Зиммель, имп. Вильгельм, В. Фигнер, Н. Морозов. Худ. театр: Немир.-Данченко, Бутова, Н. Н. Лопатин (Дедещевы).

Сферы: 1) Аристократия земельная и бюрократическая, 2) Ученых и писателей, 3) Революции, 4) Уездного дворянства, 5) Мужики, 6) Гор. мещане, 7) Купцы, 8) Деятели сект народных, 9) Духовенство, 10) Дети, 11) Женщины, 12) Евреи, 13) Эмигранты.

К. А.: Авксентьев, (Минор), Добролюбов (писатель).

Дворяне. Лопатин, Дедещевы, Толмачевы, Ростовцев-Джек, Ростовцевы-соседи, Боборыкин (славяноф.), Кузьмин 〈*1 нрзб.*〉, Ветчинины, Стаховичи, Бобринский, за кучера — кучер обобрал, Красовские, Шереметев (славяноф. обморок), Коротневы, Шуриновы, Хвостовы, Челищев (с зажиг. фитилем), Богдановы, Корсаковы, Мар. Конст. и Борис, В. А. Хрущева и дочь, (Шипов), Клевер, Долгоруковы.

Стрелок и загонщик. Пасха 18 Апр. Страст. 11 Апр. Масленица 21 февр.— 6 мар., через месяц.

– 9 Р. — Наст. Пятница — 17 Р. Наст.

3 Февраля. Существование без радости и без всякой надежды на радость — не существование.

Купцы:

Заусайлов, Романов, Глушков, Н. А. Ростовцев, Ксения, Ростовцев-голова, Иванюшенков, А. А. Петров (строитель храма — голова и пр.), Петров (аэроплан), Черникина (Катерина), Жаворонков, Меркулов, И. И. Игнатов, Горшковы — Варгунин (переход в интеллигенцию).

«Он просто глядел в свою жизнь» («Двор. гнездо»).

4 Февраля. Смотрю в свою жизнь и думаю, что свободен человек только в своей жертве.

5 Февраля. Мое рождение: 23 янв. 1873 года — 48 лет. Сегодня мороз — 19 Р на солнце, и небо все светится и все тени на снегу голубые. В полдень в тени было уже 0°. Разгораются полдни.

Хорошо, что вспомнилось в этот день, вернее, не вспомнилось, а встало, потому что вспоминается это всегда и всегда будет, но вставать нет, придет час, захочется, а не встанет,

вспомнишь, а не встанет... Я читал Карамзина о Париже, и вот воробей в Люксембургском саду встал передо мной в ярком первовесеннем свете, какая-то дама бросала ему крошки хлеба, я загляделся, и вдруг она в розовом, вся смеющаяся пришла.

«Вы запоздали»,— сказал я. «Так нужно,— ответила она,— нельзя же мне первой...» Правда: первой на первое свидание, как это можно! Нам, неопытным и выученным по романам, кажется, что женщины должны стремиться ко лжи и т. д., между тем они искренни до такой степени, что мы и вообразить это себе без опыта не можем; только эта искренность, сама искренность, совсем не похожа на наше понятие о ней, мы смешиваем ее с правдой. Ну, вот мы пошли, и сколько было светящейся зелени и мрамора! Я не помню ни одной фигуры в Люксембургском музее скульптуры, но мрамор, какой-то бело-ярый мрамор чувствую и посейчас...

Ночью. Звезды горят, как лампады. Я достал 3 ф. керосину, у меня горит 5-лин. лампа и это... ведь, звезды, вы не даете мне возможности читать и писать, ну, а лампа дает... Простите! но я остаюсь при лампе. И потом у меня тепло, там кусается мороз, нет! Решительно, звезды, я остаюсь в тепле при лампе. — А что доказали? — Я ничего не хотел доказать, просто, при выборе звезд и мороза, я выбрал печку и лампу, как человек. (Батюшка, наверно, скажет: «Ежели хорошенько подумать, нет противоречия между звездами и керосиновой лампочкой».)

Приходили ко мне две какие-то, и одна, белокурая, говорила очень умно против другой и навстречу мне: я спокойно ее подпускал, как зайца, шагов на пятнадцать. Она была так умна, что я заинтересовался и спросил, как ее фамилия.

— Флистер,— сказала она...

— Вы?!

— Я... еврейка.

Тогда мне все стало понятным и стало горько: русская, значит, не может быть такой умной.

Написано после прогулки под звездами в состоянии качания. Решено вести более подробный дневник природы.

6 Февраля. – 15°, днем – 6°. Ясно, ярко весь день. Все голубеет.

Время голубых теней. Что радоваться о свете, когда все свет, а вот теперь после тьмы вот радость! В час, когда бывало уже темно, теперь стоишь, и кажется, кто-то ушел от окна, а небо как открылось. Вечером видел первый раз, как горела заря на деревьях рощи, и хотелось мне опять, как бывало, оставить, забыть человека и быть со всем миром и в мире.

7 Февраля. – 16 Р. Заря влажная с фиолетовыми облаками, небо светлое, снег все голубеет, в поле наст блестит, как серебряная риза. В лесах за нашими лесами на голубом острове спящая дева ожидает Ивана-Царевича.

Дверь таинственно скрыта и только одна, и только в нее войти можно одному, имя которому Я Сам. Но только в то мгновенье как Я Сам находит таинственную дверь,— понимает Я, что и ты, и мы все вместе с ним одно — заодно. Как хорошо говорится, что насильно мил не будешь (насилие есть попытка через тело-материю пробиться к душе, а свобода — овладеть материей-телом через душу).

Заря влажная. Таким гостем входит Иван-Царевич на голубую поляну, и загораются румянцы зари на лице спящей красавицы.

(Анна Харлампиевна... и я.)

8 Февраля. Утром – 9 Р. Ясно. Воздух, как в весенние утренники: пахнет солнцем, «дверь Ивана-Царевича»: дело выбора (качества) остается, в конце концов, за спящей красавицей (и что такое этот продолжительный период целомудрия, «спасенье девы», девственности, стыдливости и пр., как не выгадывание времени для выбора именно того, кто «по душе»; публичную женщину создает мужчина с его потребностью безликого оплодотворения — лезет даже на корову, на суку, на козу, а если женщина лезет, то она не женщина). Так, значит, в женщине заключается производство качества, индивидуальности, глупо предъявлять требование ума в красавице. В еврейках, благодаря их большой хитрости, есть симуляция ума. Русская спящая дева...

Христос за церковной оградой (Толстой, Достоевский, Мережковский, Розанов, сектанты).

Он обобрал ее как девушку совершенно, взял с собой всю ее девичью душу и не дотронулся даже до тела, а потом, через десять лет, когда она совершенно высохла в бюро и поседела даже, то послал ей копию с его картины — портрет ее прекрасной души,— какое можно выдумать большее оскорбление! Между тем он был искренним, потому что он был художник и считал, что остановленное мгновение жизни дороже проходящего. Она же и была вся там, в этом проходящем мгновенье. (Для чего ее разбудили!)

Температура изо дня в день медленно повышалась, вчера вечером заря была уже влажная и вокруг нее расположились фиолетовые облака, звезды ночью светили тускло. Утром при восходе еще было ясно, март был, как весенний утренник, и пахло солнцем. Но солнце взошло в серое облако, и с юго-запада ровное, серое надвинулось незаметно быстро и обволокло все небо. Я предсказываю не сегодня-завтра снег, метель, оттепель.

9 Февраля. Не могла издивиться своему счастью.

Деревья были разбросаны, как говорят: «Где куски, где милостыни».

Весь день простоял при – 6 Р, небо все серое, а снег не идет.

10 Февраля. – 9 Р. Иней сел. Небо, как вчера, серое. Пырхает и не осмеливается идти снег.

За всем неверием и хитроумностью людей скрывается наивная вера, и о ней не подозревают обыкновенно хитрецы (из себя, напр.: я ли не скептик был, «человек» и его «прогресс», а сам «В краю непуганых птиц» написал с Невским проспектом). Веру людей надо искать не в ученых книгах и у сектантов разных, а в их самой обыкновеннейшей жизни.

Качество мира создается индивидуальностью, а индивидуальность варится жизнью рода, а именно в сердце женщины избирающей: пусть родовые оковы заключают двух и пусть привычка еще крепче железа их связывает, все равно, там и тут прорывается тот подземный огонь избрания, выбора, свободы творчества индивидуальности.

Почему все эти бесчисленные романы? это опыты опускаются в подземные колодцы с фонарем: инстинкты при свете разума, для этого нужна способность «умеренного разума»: т. е. сохранять присутствие разума в пламени чувств и в то же время без помехи чувству (отдаваться).

Из Бергсона: след деятельности интеллекта — научные открытия, которые открывают новые орудия производства, это и остается, а память о войнах и революциях исчезает ⟨*1 нрзб.*⟩. (Не отсюда ли происходит Марксова экономическая необходимость: т. е. наше сознание лишь постепенно и после привыкает к этим взрывам, совершаемым интеллектом, «надстраивается».)

Три расходящиеся течения жизни: растительное оцепенение, животный инстинкт и человеческий интеллект. (Животный мир всегда находится под угрозой оцепенения, напр., жизнь в раковинах, а человеческий — под угрозой инстинкта.)

В нашей коммуне нет предмета, нет вещи, а есть только формальная сторона,— отношения между вещами.

Сегодня мне рассказывали, что мужики, если узнают, что где есть книга Библия, собираются во множестве слушать чтение в надежде узнать пророчество о наших временах (про царя Михаила, зверя и проч.).

11 Февраля. Итак, мы допустим, что мир был в творческом порыве, как задуманная картина в решении художника. Порыв этот разошелся в трех направлениях, как ветер на перекрестке: растений, животных (инстинкт) и человека (интеллект).

Интеллект по природе своей (природа его — делать орудия из неорганизованной природы) имеет дело с мертвыми видами, если же он обращается с живыми, то они ему, как мертвые (напр., рабочий на фабрике).

Там, где падает порыв творчества, след его падения нам представляется как неорганизованная материя.

Перед животным царством был страшный момент опасности оцепенения, как у растений, когда в борьбе за существование оно покрывалось каменными раковинами.

«Худший вид рабства — это быть рабом интеллекта, интеллект владеет, но отдаваться интеллекту значит отдаваться в рабство (фанатики)». (М. Пришвин.)

«Вне геометрии и логики чистое суждение нуждается в том, чтобы быть под присмотром здравого смысла». (Бергсон.)

12 Февраля. Буря. Снежная вьюга. Вечером снег перестал, но при месяце и звездах всю ночь выл ветер.

13 Февраля. Эстетическое творчество служит для выражения индивидуального, напр., творчество Л. Толстого: это Л. Толстой; но как только Л. Толстой окончательно себя выразил, является ассоциация «Толстовство», которая отметает от себя Толстого — эстета, индивидума, выбирая для себя из него мораль. Впрочем, сам Толстой отказался от Толстого-индивидума, художника и объявил себя моралистом, т. е. как члена христианской ассоциации. То же самое произошло и с Гоголем, т. е. они уничтожили свою самость раньше, чем неминуемо потом должно было сделать общество. Их индивидуальность переросла саму себя и погибла естественно. Но бывает, индивидуальность вступает в борьбу за себя, за к а ч е с т в о мира и борется до конца, как у Ничше (Сверхчеловек).

Против индивидума бывает мораль: итак, моралью можно назвать сумму правил поведения членов какой-нибудь ассоциации в борьбе с индивидуальностью.

Так умирает качество в количестве.

Они не только распнут, но еще назовут потом себя, свое общество именем распятого.

Ну вот... а между тем сознанию рисуется какой-то истинно верный путь индивидума, входящий в общество свободно, как река входит в море: индивидуальность может чувствовать себя индивидуальностью на время борьбы с ложными ассоциациями и в ожидании явления истинной. Назовем такую полную индивидуальность в отличии естественно-ограниченной личностью. Так, напр., личность Христа выше ассоциаций — церквей. Личность — это превзойденная индивидуальность, поскольку последняя есть только дело качества и побежденная общественность, поскольку последняя есть дело количества.

— Ты, служитель красоты — художник, не верь людям, которые в газетах и на улицах присягают искусству, не верь! придет час, они поломают твоих Венер, изобьют леса, истопчут луга и небо закоптят, и когда ты будешь проходить в этой пустыне, нечем тебе будет борониться от их слов: «До красоты ли нам теперь, когда есть нечего».

14 Февраля. – 3 Р. Ветер. Ночью порошка. Погода крутится. Русский интеллектуализм (интеллигенция): страсть к чужим идеям и к действию — выводу из них.

Написать деревню по работам моих учеников, надо задать сочинения.

15 Февраля. Сретенье. Снежная метель продолжается. «Мы свободны, когда наши действия исходят от всей нашей личности в целом». (Бергсон.)

Снился Париж, я приехал к Игнатову, Илья Николаевич имеет вид сильно старого, утомленного человека, он мне показывает «Русск. Вед.» и место в них, где я могу писать, но он торопится, и я чувствую, что очень мешаю ему куда-то идти, а вокруг-то суета, характерная для Парижа: приходят люди, уходят и в доме кипит холодно-деловая уборка. Появляется лицо, среднее между Кютнером, Лундбергом и Пястом. «Покажите мне Париж,— прошу я «Пяста»,— у вас есть свободное время!» — «Я совершенно свободен»,— отвечает он, и мы выходим на улицу. Какая улица! широкая, разнообразная, какие прекрасные дворцы и бульвары. При переходе через улицу дама легкого поведения подходит ко мне и начинает говорить со мной, но я ничего не понимаю, вокруг нас вырастает толпа. Дама, вполне разочарованная мной, покидает, и того «Пяста» тоже нет, скрылся, я один иду улицу за улицей все дальше и дальше по сказочному городу, прекрасному, чудесному, вот, наконец, я увидал витрину с сигарами, завернутыми в золотые бумажки, и всякими папиросами, купить! но как я куплю, у меня только советские деньги, не имеющие никакой цены. Между тем уже темнеет, а я забыл записать адрес своей квартиры, я даже не знаю, в каком это направлении, и голоден я, и ночевать негде, а улица широкая вдруг покачнулась, и качусь на ту сторону, докатился, а она с той стороны покачнулась, я качусь назад, сверху же направлена на меня пушка и голос оттуда слышится по-русски: «Попался, попался, русский».

17 Февраля. Сретенские морозы 16° Р. В Дорогобуже за пайком: академический больше боевого: 2 ф. сала, 21 ф. муки, 15 ф. овсянки, 15 ф. мяса, 3 ф. жира, а махорки не дали и сахару не дали, нет ничего этого. Все пайки отменяются. Посевкомы со своими пятидворками. Предчувствия повертываются к войне. Слухи о самостоятельности Белоруссии. Все эти слухи по внешности обычно-весеннее, но окраска совершенно другая: теперь не враг, которого многие хотят злобно сбросить, а отвращение к бытию всех, всеобщее сознание мерзости и необходимости конца.

18 Февраля. – 17 Р. Солнце. И до того противен человечишка и так он часто на глаза попадается — сказать невозможно, где есть такой зверь, такой гад на земле. Ехали через Бражнино, посмотрели господский дом, ну и дом! на каждой ступеньке вверх сидит куча-две, а наверху школа и ячейка, все изодрано, избито, штукатурка осыпалась, пол шатается, вконец разбитый рояль, и танцуют здесь в шубах и валенках; ну как тут не

сказать вместе с благочестивой Ипатьевной, что это бесовский пляс. Так говорила Ипатьевна: «Изба эта стояла на краю села, давно никто в ней не жил, ни окон, ни дверей, а тут слышим, музыка и пляшут и свищут, идем к избе — огни! народу лик ликом и все в масках звериных. Перекрестились мы, петух прокричал, и вдруг изба зашаталась и стала в землю, как в воду, уходить, тихо, незаметно шла, вот по завалинку, вот по окна, а там все поют, все пляшут и музыка играет, как будто ништо им! Вот и окна скрылись и крыша, и не видно ничего стало, а все гик и свист слышится. И трубы скрылись, и нет ничего — ровное место, а все будто маленечко жундит и топочет под землей. Настанет срок,— говорила Ипатьевна,— так и все наше сквозь землю провалится, и срок, кто грамотный, в книгах указан».

В книгах ищут срока, у кого есть Библия, собираются в избу и читают, читают. Наш Вас. Ив. плотно засел за Библию, распределил в день по сколько-то глав и хочет всю Библию прочесть от начала и до конца.

Как хорошо уехать из города и не видеть, не слышать человечишка, везде кругом леса темные и между ними голубые полянки, расступятся леса, начнутся голубые поля, все голубое, чистое, без-человечно прекрасное!

Мелькнула, как сон, моя голубая весна, какой сон! счастье мое, а сны тоже земные, снятся монахи в полуночи, идут вокруг ограбленного, засранного монастыря вместо свечей в руках с лучинками, и одеты монахи в подрясниках из ковров, и кто-то шепчет: «Вот до чего дожили, монахи ковры перешивают».

20 Февраля. – 12 Р. Солнце. Блик снегов. Зайцы возле Громова. Яблони были в саду высокие, как корабельные сосны, смертно-радостная тоска свидания с садом детства. В «молодом» саду траву косили, я пошел по яблоням, на скошенном увидел только одно и зеленое. В шалаше лежал мужик с большой русой бородой, и был он весь с а м, ему не было никакого дела ни до моей тоски, ни до чего моего, он даже и не посмотрел на меня, копаясь с чем-то в шалаше. С тоской и радостью вгляделся в зелень густо темную и вдруг: «Да ведь это мой!» — мелькнуло, ведь это вся радость!

Мне снились и мысли, что смерть хороша, если бы не было смерти, то как бы это было смотреть бессмертно на бессмертную гадину.

Еще снились мысли: о великом деле истории, личные побуждения к которому у громадного большинства людей необычайно гаденькие и ничего с исторической идеей не имеющие общего. (Сюда можно подвести почти все войны и революции.) Социализм привлекает просвещенных людей, вероятно, идеалом общего дела, превращаемым в личное (между тем тот же

социализм привлекает массу обратным: 1) мое в общее, 2) общее в мое).

21 Февраля. Начались вечерние зори.

Личные побуждения к ученью тоже разве согласованы с планами учащих: это родители отдают в ученье детей, потому что неученому жить нельзя. О чем же взыскует мир масс? кажется, о вожде, и мы, мечтающие о творчестве масс, хотим просто полноты жизни, может быть, хотим сами быть вождями.

22 Февраля. – 6 и быстро теплеет. Пасмурно. Мы ходили пробовать новое ружье по живой мишени. Был подстрелен заяц, которого мы преследовали целый день и вечером настигли.

23 Февраля.— 3 Р и все теплеет. Весна приближается. В полдни зима выгорает. Начались «закаты». С удовлетворением оглядываешься вечером на запад, и там, как жар-птица за лапами,— солнце.

24 Февраля. Пасмурно, как ранней весной, с утра — 3. Как трудно подыскать себе 3—4-х товарищей с семьями для обработки земли, между тем хотят, чтобы все мы стали коммуной. Вспоминается христианская коммуна о. Ник. Опоцкого в Велебицах, в которой часть проворовалась, а другая пошла на них с топорами.

25 Февраля. — 2—3 Р с туманцем, по-весеннему. Лазили с Левой весь день по снегам с ружьями.

26 Февраля. — 2—3 Р и как вчера.

Снилось мне, будто извозчик-товарищ везет меня, не как прежние извозчики, по воле седока, а куда ему вздумается, на руках у меня охотничья подсадная гусыня. Привозит он меня в дом, и я догадываюсь по какому-то особенному огню, что дом нехороший. На дворе хозяйка поймала мою гусыню и отсекла голову, и еще кто-то цыпленка привез — цыпленку отсекла, так, видно, полагается в этом доме, в таких домах жаловаться некому и порядки свои. Но я отбил тело своей гусыни и, завернув его в пакет, вошел в дом. В одной комнате были только мужчины, курят, пьют, ведут цинические разговоры, напр., один говорит: «Я пойду сейчас к невесте № 18-й». На одну минуту и я пошел туда и посмотрел в щелку через пустой сучок невесту № 18. Она имела вид этих женщин, была в готовности, а глаза задумчивые, хорошие. Вернувшись назад, я дал понять публике, что я писатель и все это мне годится как материал. Вошли две сестры мои неземные Дуничка и Маша: «А, ты здесь!» Мы вышли на улицу, и нас провожала бандерша, которая подала мне руку, и я сказал ей: «Я сейчас видел невесту № 18, какая трагедия!» Тут бандерша закатилась смехом над «трагедией», а Дуничка ей говорила серьезно: «Видите, как понимать, Миша понимает все поэтически».

27 Февраля. — 6 с утра. Туман. Иней небольшой. Вчера мы в поисках зайца обошли почти всю опушку Хохлов — верст 15. Ю-В-ная опушка леса была в огромных суметах, покрытых заячьими тропами, как дорогами, попадались в снегу глубокие заячьи норы, а зайца не подняли ни одного; вероятно, это вышло потому, что мы держались леса, чтобы не проваливаться в снегу, а зайцев снег поднимает, и они ложились ближе к полям. Из всего животного мира видели только ворона, который тяжело влачил по воздуху в клюве что-то большое — не материал ли для устройства гнезда? Крестьяне веруют, что весна будет ранняя, не начинает ли ворон уже готовиться? Дятел неизменно тукал в лесу. Флейта поймала небольшого ежа (что это значит? разве ежи не спят зиму под снегом?). На дороге Флейта еще залаяла на крота. Ив. Алекс. рассказывал, что прошлой весной, когда у лисиц бывает течка и они сильно дурнеют, его небольшая собачка сцепилась с лисицей-кобелем, так что он успел в нее выстрелить и убил.

Крестьянская душа — это детская душа, им нужно хлеба и забавы, причем они все это, и хлеб и забаву, сами производят. Это детское у них я всегда любил и теперь люблю. Что же случилось? дети без старших передрались, и как это может до конца расстроить меня? пора бросить ссылаться на эту войну и начинать дело мира. И жить-то осталось какие-нибудь 5—10 лет.

В лесу нам встретился больной старик, вез, очевидно, по наряду, дрова, он остановился возле нас, «Ёб вашу мать!»— выругался и поехал дальше. «За что это ты нас?» — «Да я не вас, я их, за что мне вас, это я их: больной, а они выгнали». Совсем незнакомый, и мы ему незнакомые, надо кому-нибудь душу свою освободить, и освободил.

28 Февраля. — 4 Р с утра. Снег.

Ходили в Шарапинский лес. Ночью была легонькая пороша, вероятно, до полуночи, потому что свежих, незапорошенных следов было много. И внутри леса, и на опушке мы много ходили, но зайцев не было нигде, куда они могли деваться, где лежат в это время? В лесу рубили деревья воры, никто их не останавливал, хотя состав охраны прежний, есть и сторож, и объездчик, наверно, все эти служащие, не получая содержания, кормятся от воров. Latifundia perdidit Italia [1], а у нас: бюрократия погубила Советскую республику. Состав общества наш: дармоеды-чиновники (никто ничего не делает) и самоеды-крестьяне, которые первые грабят; и это называется коммуна!

Из Германии высылают всех наших военнопленных, приехал Алексинский с женой-немкой и детьми. Ознакомившись с положением, немка хочет уезжать обратно.

---

[1] Латифундия погубила Италию (*лат.*).

Школа 2-ю неделю не действует по недостатку дров, хотя дрова в 200 саж. от школы, а за ½ версты леса, сплошь заваленные макушками и сучьями. Вина отчасти наша, мы, учителя, мало проявили энергии для добывания: учителю теперь даются голые стены школы и ученики, остальное все он должен добывать сам. И все жалованье 15 ф. овсянки в месяц.

1 Марта. С утра — ½ Р. Пасмурно-туманно. Попырхивает снежок. Недели две уже в лесу по ночам стал кричать филин. Рассветает раньше 8 (по старому 6).

Что такое романтизм? В политике все максималисты-романтики. Психологически романтизм есть преобладание чувства над разумом («малым разумом»). Романтику прошлое — мило, будущее манит, настоящее подлежит переустройству. Романтик ищет полноты жизни. Во сне романтик видит золотое прошлое, пробужденный, хватается за топор гильотины.

Вечером стало 0° Р, пошел мокрый снег. Мы с Петей выгнали беляка, но Флейта плохо бежала, снег очень глубок. Началась заячья течка, следы пошли дневные. Стемнело в 8 (по-новому).

2 Марта. Ночь прошла, рассвело, а погода осталась, как вечером,— это уже весеннее упорство начинается, заваривается варево. Днем дошло до + 5 Р.

Снилось, будто я ученик в классе, а учителем у нас поэт Жуковский. Он сказал: «Вот у нас Пришвин, тоже литератор, только очень плохой».— «Вы,— огорчился я,— Василий Андреич, может быть, всю новую литературу за плохую считаете, напр., Бальмонта?» — «Бальмонта считаю за плохого».— «А Блока признаете?» — «Блока признаю». Вдруг, как в театре, перемена декорации: я на квартире Жуковского, какой-то маленький и довольно противный мальчик возле нас (не Наследник ли, воспитанник Жуковского) и тут же зачем-то Зинаида Покровская, зубной врач; мальчик отправляется в сортир и дает что-то из своих игрушек нести Жуковскому вслед за ним, и Зинаиде тоже, и мне, но я не беру; все отправляются за мальчиком в сортир, я всматриваюсь в Жуковского, как в людей, чуждых для меня, но уважаемых, людей долга (напр., Разумника Иванова, Филипьева). Как строги, как исполнены достоинства и резко безулыбочно-отчетливы черты человека, несущего игрушку для мальчика в сортир! В конце концов Жуковский занимает у меня денег, и я даю ему несколько золотых.

Вот сон. Повод к нему: вчера был у меня Коля Богданов и спросил меня: «Я читаю словесность, зачем словесность есть? напр., что такое «Двенадцать спящих дев» Жуковского — сказка? для чего это нужно, вот-вот я хочу вас давно спросить, а для чего это нужно?»

3 Марта. Утром 0 Р и продолжает завариваться весна с туманом, ветром и мокрым снегом.

Купелище. Павел Иванович Емельянов, дядя его Софрон Емельянов (утки).

4 Марта. В 7 ут.— 1 1/2°. Восход солнечный. Тихо. Небо пестрое, но потом солнце весь день, к вечеру заморозок и наст. Худ. памятники русского патриотизма: 1) «Слово о полку Игореве» — читается детьми с увлечением, неоспоримый памятник. 2) «История» Карамзина — пересмотреть. 3) «Слово о погибели» Ремизова.

Психология привычки. Воспитание состоит в развитии способности по своей воле привыкать к чему-нибудь и отвыкать — это значит быть свободным от привычек. Чтобы привычка приходила не извне, а изнутри. Захочу и брошу все и начну новую жизнь.

Надо: до еды убирать комнату. Прочесть Джемса «Психологию». Думать: с какого конца приступить к литературной работе. «Наша деревня» по работам учеников.

Долги: заняться литературой, образование детей, добывание дров, сапоги, подсадные утки, кольцо, добывание книг, уплата картошек сапожнику, последние годы жизни, Россия, сочинения Леве.

5 Марта. Ночью поднялся ветер, утро — 3 Р. Вчера новости пришли через бр. Афанасьевых. У нас в Москве забастовки рабочих. В Германии и Австрии большевизм задавлен, и нет никакой надежды на европ. революции. Возможность войны между Францией и Англией (!). Ленин с Троцким в открытой газетной полемике. Заявление Ленина, что мир с поляками сорвать не удастся. Будто бы одно из требований рабочих — «свобода проезда» — новый вид свободы. Будто бы говорят в Европе так: «Вы покажите нам хорошее от коммуны, а потом мы за вами пойдем». Пока мы можем показать только раны жертвы — «смердит!»

6 Марта. Мне виделось все, как есть: все остались при своем, но это свое стало только своим без всяких иллюзий, что это для кого-то нужно, так что свое это стало неизменным, как жизнь вечная, напр., И.Н.Игнатов как занимался литературой, так и теперь он занимается ею, заведующий литерат. отделом Румянц. Музея; он мне сказал, что его задача состоит привести в порядок каталог, для чего нужна перенумерация, и что эту работу ему, конечно, при жизни своей не закончить, бесконечная работа. Разумник тоже как писал свои критико-философские статьи, так и пишет, только не для воображаемого общества, а для своего Вольфила. И т.д. все остались со своими, только своими привычками на поле бесконечно пустынном. Я тоже охотился для смены впечатлений, а теперь я охочусь для охоты.

Инстинкты закрепляются привычками, напр., цыпленку надо за кем-то ходить, а если несколько дней пропустить, то он

одичает. Всякое животное можно приручить только в известный короткий период.

Мне снилось, будто переворот совершился и стало можно возвращаться на родную землю, только она все еще в дырах до ада, эти дыры в себе сходятся, заплывают постепенно, но не все еще затянулись и можно провалиться.

Охотничий дневник

С сегодняшним зайцем мною убито в Алексине всего семь: 1) Ходил с кузнецовой собакой в сентябре весь день, ничего не нашел, а под конец на березовой вырубке возле свежевспаханного поля вырвался из-под ног, я ранил его, и собака догнала в кустарнике. Матерый русак. 2) С Шульгиным и К-м в Шарапине из-под гончих убил беляка, по нем сделали 5 выстрелов, наконец, неожиданно он сделал сметку на меня и был убит в 10 шагах. 3) Шел по чуть видному следу возле Алексина, увидел двойку и сметку, как только остановился на сметке, в 20 шагах из канавы выскочил заяц, я выстрелил два раза, он свободно пробежал шагов 500 и присел в болоте. Не доходя до него 100 шагов, я на счастье выстрелил — не шевельнулся, выстрелил в 50 шагах, он в конвульсиях кончился. Матерый русак 13 ф. вес. 4) Около дер. Иватенцы из сумета в овраге Флейта выгнала, я с лежки шагов на 80 ударил и отбил ногу. Флейта догнала его на дороге. 5) В Хохлах с опушки заяц кинулся по дороге опять в лес и, сделав на опушке сметку, залег в кустах, потом хотел обратно вернуться на дорогу, и тут я его встретил. Средний русак. 6) Против Старанцева из кустов Флейта выгнала на дорогу, пробежав немного, он бросился в кусты, а из кустов ложком пробирался на дорогу к логову, я подстрелил ему лапу заднюю, часа два его гоняла Флейта, пока задушила. Небольшой прибылый русак. 7) Сегодня на опушке из сумета в логу поднялся и бросился к нам в кусты, Серг. Вас. ранил его, и он изменил направление, нарвался на меня. Средний русак. Шерсть уже лезет.

7 Марта. Масленица. Выпал снег при — 1 Р, и так стало мило после ветра и борьбы весны, мир. Вороны уже кричат, зайцы начали линять.

Новости из газет: восстание моряков на «Петропавловске» (в память Февральской революции?).

Вас. Ив. как тип: все изменится, и он изменится, но только прижать их надо хорошенько.

Днем доходило до + 5°, вечером шел дождь, ночь прошла при + 2°.

8 Марта. Заигрыши. Все раскисло. С раннего утра галки хором кличут и вороны орут. В душе корабельная тоска.

Самая, кажется, увлекательная наука астрономия, но если взяться за нее как следует, то придешь к занятию над

сложнейшими вычислениями, доказывающими, что земля должна оледенеть и пр., а самые звезды, которые и привели к занятию астрономией, остаются далеко позади, как воспоминания юности. Значит, наука не соответствует инстинкту красоты, она его не воспитала, а отравила. Всякая наука относится к механизму, если я от красоты звезд начну заниматься астрономией, то это все равно, как если я, услышав сонату Бетховена, буду изучать механизм звука в рояли. Мы замечаем, что это смешение эстетического и познавательного начал нашей природы происходит в юности, в начале ученья, у самоучек, у недоучившихся. 19-й, технический век открыл нам глаза и лишил науку эстетического ореола. Прагматизм ясно очерчивает круг научного действия, и в этом его великая сила. Интуитивизм отводит область для религии, эстетики, метафизики.

Отсюда изучение природы эстетическое для юношества, а не научно-систематическое. (Соф. Ник. Володина — жертва энтомологов.)

Для оживления «Домостроя» прочел Чехова «Бабы» и спросил, кому они сочувствуют, бабам или мужчинам. Из 9 деревенских учеников 6 были против баб. Насколько, значит, «Домострой» владеет еще деревней.

Эти глупейшие 42 месяца (1260 дён), которые будто бы остаются до конца большевизма, по Библии, у всех мужиков в уме и на языке. Но как же это выходит? От 17 окт. через 1260 дней 18 марта — 31 марта. Стало быть, 18—31 марта, по Библии, должен быть переворот. Фросина сватья сказала:

— У вас есть Библия? ну, так вы можете узнать, когда все кончится.

Погода, как больная, переходит из настроения в настроение, после обеда задул северяк, сразу нагнал мороз, и все оледенело.

9 Марта. 8 Р. Тихо. Солнечно. Пахнет снегом и солнцем. Говорят, что начались тетер. тока (?).

Прослышав о мне как о «величайшего ума человеке», дер. Мартынково прислала ко мне трех депутатов написать жалобу на землемера. Обещаются наградить.

План занятий весной по естест. истории. Задача педагогическая обратить внимание на жизнь природы. Классификация: красота, полезность, вред. Давать свои названия с описанием или рисованием.

Засушивание.

Человеческое общежитие отличается от быта животных тем, что каждый в человеческом обществе является вольным агентом суда или свидетелем (у лисиц, напр., у волков в Чистике нет такой организации).

Говорят, что из газет можно понять, будто Кронштадт в руках повстанцев. Замечательно, что именно в Феврале каж-

дый год поднимаются надежды, похожие на воспоминание февральского чувства свободы, пережитого в 1917 году, и каждый год в Октябре погружаются в безнадежность, как будто это два естественных праздника света и тьмы.

10 Марта. Пырхает снежок при — 3°, хороший прощальный день зимы. Не наскучил снег. Верба совсем подготовилась к Вербному.

12 Марта. В Четверг ездили в Еловку к куму на блины и вечером были в Починке, а в пятницу на великой⟨*1 нрзб.*⟩ были у Журавлевых на Бахаревских участках, ночевал у Митрофана в Следове, в субботу утром Алексей отвез нас в Алексино. Погода в пятницу доходила до + 8°, по дорогам была вода. Сват сказал:

— Власть хорошая, очень хорошая, и говорить не могу, как хороша, только нас к ней не допускают и мы ее не разумеем.

Митрофан изронил такую жемчужину:

— Какая-нибудь власть нужна.

— Царя?

— Нет, президента.

Смысл этого президента такой: царя называть боятся и то же понятие выражают словом «президент».

Факт: недоброе чувство деревни к красной армии.

Одержимость властью: Бориса произвели в начальники отряда, он ругает коммунистов, а сам поступает, как комиссары.

Почему сход вопит? «нет у Алексея памяти», чтобы удержать мысль, она охватывается им, потрясает все его существо и заставляет орать, чтобы всех перекричать: тут «я сам» и все враги такие, что злоба на них глаза наливает.

— За царя стоит тот человек, которому раньше жилось хорошо, а средний человек желает президента.

Причина деревенского вопля не бремя налога, а несправедливая раскладка самой деревней налога, вот и надо теперь узнать в подробностях, как «мир» раскладывает.

Получается такое впечатление, будто власть эта в существе своем имеет зло, кто ни взялся за нее, всяк будет делать зло: ею пользуется сын, чтобы восстать на отца, мальчишка, чтобы припугнуть других мальчишек, ревнивый муж, чтобы отстранить от своей хаты любовников жены, деревенский писака, чтобы добыть себе самогона, и т.д. Устроят колонию для детей, она является колонией будущих преступников, устроят союз молодежи — союз разбойников.

13 Марта. Последний Божий день. Прощеный. Василий Теплый.

Вечером заморозило, и отпечатки следов по рыхлому снегу остались, а новые по замерзшему снегу стали невидимы. Я все-таки вышел проведать Чистик, потому что день разгорался единственный. Наст «скипелся» на наст, и так слежалось,

смерзлось, что нога нигде не проваливается. Насыпи от канав обнажились рыжие. Вокруг деревьев всюду кольца на снегу. Верхушки холмов пестрые. Дорога малоезженая обнажилась, а постоянные порыжели. Мало снега было зимой. Березы побурели, на голубом снегу, под голубым небом рощи берез прекрасны. Ели и сосны млеют на солнце и вороны орут. Распушилась пушица на ольхе, и вербы стоят готовые к празднику. Болотные кочки показали свои рыжие мохнатые головы. Флейта наткнулась на белых куропаток, я, услыхав их хохот, притаился под сосной, одна белая, ка́к снег, спустилась на снег полянки и осталась на ней после выстрела. Зайчиха лохматая линяющая кралась от собаки в кустах.

Ослепительно ярко и очень больно глазам.

Мне вчера сказал мужик:

— Не узнал бы тебя, брат.

— А что?

— Заовинел ты как-то...— вернее, замужичел, облохматился, зарос (или он хотел сказать, что как дымится овин, так дымятся мои волосы, начинающие седеть: заовинел).

Не все ли равно? разве во мне дело, каким я кажусь, зато изнутри так хорошо в такой день. Ведь уже целых три часа свету прибавилось, и день стал такой широкий, будто в море выплыл из берегов узкой реки.

Еловский старик рассказывал:

— Чем все это кончится? вот и Ленин, сказывают, ходил спрашивать ворожею: «Чем,— говорит,— это кончится?» — «Молот — Серп,— сказала ворожея,— читай наоборот». Ленин прочитал, и вышло, что кончится царизмом.

— Престолом,— прочитали мы.

— Ну, престолом, все равно.

— Так, стало быть, царя хотят.

— Ну, царя не царя, а президента.

— А как же престолом-то?

— Что же, а разве у президента не будет престола?

14 Марта. Весна. Наши дни. 1-й наш день. Мечта, как пчела, собирает мед с жизни, только мы думаем, что она нам будет прямо в рот носить, и не готовим ульев для сбора желаний. Но и так бывает с иными, что наготовят много всего для сбора, а желания не летят, они стали пешие, обломали себе крылья на заготовках в рабском труде.

На заре выхожу в Чистик. Снег не проваливается, под ногами, как в крепких зубах сахар, хрустит, идешь, и на версту слышно, Флейта брешет на угол Острова, а из другого удирает лисица. Опять в Чистике обрушился на меня громадный русак, а ружье за плечами. Потом беляк — ружье осеклось: слышно было слабое токованье тетеревов. Наши слышали жаворонка.

Стайка пташек понеслась на меня, ныряя в золотом воздухе. Но пичуги летят на Русь.

Охот. рассказы: я сделал три чучела, лисицы, зайца, тетерева, и уношу их с собой поочередно очень рано, когда все спят, я возвращаюсь на виду всех то с лисицей, то с зайцем, то с птицей.

15 Марта. С вечера вчера небо заволоклось, утро вышло туманное и морозу всего $^1/_2{}^0$.

Как может возникнуть идея бессмертия, если все люди смертны? Бессмертие не идея, а самочувствие жизни — это есть чувство жизни. В «Психологии» должна быть глава «Чувство жизни или бессмертие».

Жизнь — это борьба за бессмертие, опушки старых лесов покрыты, как щеткою, молодою порослью: старые передали молодым дело борьбы за жизнь, и молодые так живут, будто они родились совершенно бессмертными. Тут борьба совершается без лозунгов, без идей, на опушке леса величайшее из дел совершается в стыдливом молчании.

И среди всего этого царства стыдливого молчания холостой человек произносит идею бессмертия!

Что такое идея? Идея — это усилие человеческой воли. Исключительное внимание зачем-нибудь ограничивает натуру, дает стремление вперед и крик, это атака с криком. Идея бессмертия — это атака — порыв, а жизнь рода — молчаливый и мощный ход борьбы за бессмертие.

Что остается делать после неудачных атак? Остается прислушаться к голосу природы и делать то же самое дело в стыдливом молчании. Вот откуда выходит Руссо, и Толстой, и славянофилы, и все, кто находит строительство борьбы за жизнь вне идейного человека, в правде скрещенных инстинктов разумного человека, чувственного животного и молчаливого неподвижного растения.

Идея бессмертия — это личное сознание мировой борьбы за существование, это сознание личности.

Человек со своей личностью в отношении природы является как бы максималистом.

Утро было туманное, серое. К полудню стало обозначаться луною солнце, и после обеда до ночи небо было ⟨*1 нрзб.*⟩, и всю ночь были звезды.

16 Марта. Опять легкий заморозок и полный солнечный праздник. Так чудесно уступами проходит зима, и будто уступами по мрамору сходишь изо дня в день к югу. Я узнал сегодня

этот мартовский свет, отчего он так мил мне: все тот же единственный свет, голубая весна на всю жизнь, но какою ценою!

17 Марта. Какие золотые дни! Поля и болота вовсе пестрые, грачи прилетели. Говорят, что и скворцов видели. А сапожник Вас. Мих. будто бы слышал и бекаса, только верить нельзя. Запулакала желна. Настоящие вечерние зори. Речка Рясна своевольная местами вырвалась из льда.

Ждем уток.

18 Марта. День такой прекрасный, что и теряешься: взялся за одно, нет, возьмусь за другое, там за третье... и потерялся, день проходит, а я догнать не могу. Березы шоколадные, стволы осин зеленые — кора цветет! Лоза обозначилась серо-зеленою дымкою. В бору на опушке обтаяло, и под молодыми елочками обнажилась вечно зеленая брусника,— как будто не бывало зимы! На южной стороне бора проталинка пахнула землей, ткнула в меня большая освобожденная муха, на желтой траве копошилась Божья коровка. Меня окружили неожиданно потоки с полей, нога в снегу оставляет колодец. Сам видел, как несметная стая грачей выбила с криком ворон из своих гнезд и, сделав свое дело, куда-то исчезла. На каждом месте слышишь жаворонка. Озеро посинело, вода в спуске бушует. На заре вечерней дремали липы.

19 Марта. Ночью все капали с крыши мерно капли и на заре остановилось, чуть подморозило ($^{1}/_{2}^{0}$). Солнце встало в светлом тумане, и через час заблистал новый райский день.

Мой ближний (!): прицелился по живому, и вот лицо его сохранило в глазах весь холод расчета прицела в живое, неестественное лицо, нешлифованное, руки всегда готовы хвататься за шиворот и слова все о «коллективистическом».

В человеке, если он человек, а не машина, свою жизнь определяет одна безумная черточка, а все остальное — разумное приспособление к обществу; средний человек, забыв о своем лично-безумном исходе, весь уходит на приспособление и существует, как резиновый буфер.

19 Марта. Еще один «чудный» день. Выставил окно. Комар влетел. Видел скворцов, бабочку.

20 Марта. С утра было пасмурно, потом к обеду облака раскудрявились, растаяли и вышло солнце очень горячее. Полая вода, думаем, уже прошла: на ручьях везде спадает, лед остается на берегах или опускается под воду. Снег только в лесах, этой воды, думают, не будет довольно, чтобы гнать лед, и в Днепре ледохода не будет. Земля много оттаяла, как замазка. Березы

побурели сильно, как сажей нарисованы. Над рощей вилась стая прилетевших витютней. Деревья запахли своим земельно-навозным запахом. Грачи орут.

Первая встреча (по календарю) весны 2-го Февраля, вторая 1-го Марта, третья 25 Марта, первая — голубая весна света, вторая — водная, рыбы — птицы, третья — травы и листьев на деревьях, четвертая — май — цвет, песня, танцы.

Слухи: из Петрограда приехали рабочие, говорят, будто им предложено было выехать ввиду бомбардировки города из Кронштадта. А там будто бы ведет дело вел. кн. Влад. Павл.

Большевики создали систему управления посредством декретов и чиновников, которые образовали разные корпорации воров с дележами добычи, так, напр., Продком, Совнархоз, Уземотдел и проч. чертовщина.

Ничего не сделано, даже самый главный вопрос в России — земельный — и не затронут.

Вспоминал слова В.И.Филипьева: все наиболее талантливое в России вобрала в себя бюрократия; казалось мне тогда, какие неисчерпаемые силы были в обществе, а теперь приходится признать справедливость слов Виктора Ивановича. Подумать только, что такая бездарность, как Семен Маслов, поднялся до министра земледелия!

21 Марта. Утром валил мокрый снег огромными хлопьями и потом весь день в тумане что-то моросило.

Дошел слух: Кронштадт взят обратно красными. Теперь новая гекатомба кровавому богу, и он за это еще немного поддержит нашу власть.

Зачитал «Фрегат Палладу».

Жизнь, как в океане в мертвую зыбь. Часто встречаешь многое очень известное как неизвестное, напр., вот негры — «Какие же они внутри должны быть?» — задаешь себе вопрос — и как будто видишь их и отизвнутри, люди же хорошо знакомые постоянно повертываются невиданной стороной, вернее, так сказать: раньше видел стороны, внешнее, а теперь дух этих людей. Как-то задал себе вопрос: «А если Учредительное Собрание и поднимет земельный вопрос, какой я дам ответ?» Конечно, думаю, земля должна быть государств. собственностью и отдаваться трудящимся людям в аренду. Потом вспомнил, что и сейчас земля государственная и даже народная собственность, между тем поди-ка подступись к ней! Каждый имеет право на землю, и дадут после многих хлопот какую-нибудь совершенно бесплодную землю, а лошадь где, плуг и прочее? Спрашивается, какая же разница для бедного и честного человека? (кажется, честным человеком можно назвать такого, который трудится и не занимается местной политикой при помощи самогона).

22 Марта. Сóроки. С утра пасмурно-туманно, снег мокрый, а потом весь день переменно. Говорят, сильно сбывает вода.

Я сижу дома и смотрю, как в парке все больше и больше темнеют круги возле деревьев и пестреет земля.

Подтверждается, что Кронштадт усмирен, и пишут, что мир с поляками подписан.

В лесу я находил не раз сооружения для изготовления самогона, оказывается, что везде зимой и летом это делается в лесу, причем прячутся не от начальства, а от своих (всё выпьют). Начальству же все самогонщики хорошо известны, оно просто берет с них дань.

23 Марта. Утром пасмурно, в обед солнце, к вечеру сильный ветер и свежая заря. Видели двух уток на Рясне.

24 Марта. Строгий восход с перистым хвостом на полнеба, немедленно по всходе солнца было закрыто. Девицы почуяли Март, как кошки, стали жеманиться, похихикивать, наконец, чему-то вдруг во время класса хором смеяться.

После обеда стало совсем туманно, холодно-сыро, неприятно и пошел дождь.

25 Марта. Ночью был ветер и дождь. Утро насквозь — сырое, туманное и мельчайший дождь — осадок.

Видел ночью, будто Разумник летал под звездами с завязанными глазами, я думал: «Какая польза летать и не видеть».

К лекции по краеведению: собирать предметы нужно красивые и полезные.

Вспоминал И.Рязановского: «провинциален», обмозгованное сладострастие; как его всего, весь его сундук мудрости и всего накопленного в Петербурге разобрали литераторы.

Кронштадтские события мигом рассеяли мечтательную «контрреволюцию».

Вечером солнце выглянуло хорошее, ветер стих и было очень хорошо на опушке сидеть на поваленной березе.

26 Марта. Рассвет чисто золотой на все небо и скворец свистит.

В нашей жизни нет примера, образа, которому должно следовать, и потому жизнь безо́бразна, безобра́зна.

О расколе: домишко, сбитый кое-как бедняком на последнее, разрушили и пустили его на произвол судьбы, и бедняк не мог простить это...

27 Марта. Золотым оставался весь вчерашний день. Ночью подморозило, и лунное небо покрылось стайкой облаков, в глубине леса заяц орал.

В 6 по архиерейскому (в 4 ч.) я был уже на Мартинковском поле с Серг. Васил. Мы шли то по ледяной лесной дороге, то по полю межами, поле совсем уже растаяло, и чтобы не мазаться, мы держались какого-то плотного гребешка. Лужи замерзшие с треском, как стекло, разлетались, ходьба неудобная. На восто-

ке была светлая узкая полоса, все небо было заплотнено. Не успели сесть по шалашам, как раздалось хлопанье крыльев и потом тетеревиное бормотание. Долго в темноте я принимал один кустик шагах в 300 от меня за близко сидящего тетерева и тетерева шагах в 100 за черный пёнушек, очень далекий. На восходе солнца рассмотрел, что куст не тетерев, из лощины подскакивает вверх с чуфыканьем тетерев, и потом некоторое время остается видимой его голова, а что черный пёнушек, что тетерев тоже с раскрытым хвостом петушится вокруг себя, бегает, как заводной.

В это время раздались шаги и кто-то с ружьем прямо шел на мой шалаш, я крикнул: «Здесь караулят!» — «Кто?» — «Убирайся к черту!» И неизвестный малый отступил в кусты.

Тетерева все бормотали. Тогда появились у шалаша витютни, я стал взводить курок — вдруг сорвалось и выстрел раздался, весь шалаш окутан дымом, витютни улетели, а тетерев все бормотал на месте: один все ходил вокруг себя, как заводной, смешно раздуется, другой подпрыгнет, и шея его торчит некоторое время и чуфыкает. Опять новая партия витютней прилетела к моему шалашу, я прицелился в двух, и в это время раздался выстрел Серг. Вас. по тетереву из винтовки. Все взлетело. Наши два тетерева переместились немного подальше, заметили друг друга и начали смешно наступать: один наступает, другой отступает, все отступает, наконец, собрался с духом и тоже стал наступать. Прилетели еще три тетерева и расселись на деревьях. Я с замирающим сердцем ждал момента, когда в первом солнечном свете сцепятся бойцы: очень красивы они, и вокруг все так пустынно-таинственно! Но тут опять прилетела большая партия витютней к моему шалашу, я колебался: стрелять или подождать, чем кончится бой, хотел ждать, но вспомнил, как мы нуждаемся в мясе, прицелился уже, взял на мушку трех здоровенных витютней, 1/4 сек., и все три были мои, но вдруг все, и витютни, и тетерева, и даже вороны, улетели. Возле моего шалаша опять стоял с дурацкой мордой тот малый, охотник. Не знал, вот не знал, что могу так мастерски, чисто по-мужицки ругаться, как он удирал от меня, как улепетывал и как хлестала его моя трехсаженная матерная картечь.

Тетерка с квохтаньем перелетела в болото и уводила за собой все дальше и дальше в глубину недоступных болотистых хвойных лесов бормочущих косачей. В Чистике все еще сильно бормотали. Утки орали все утро на разливе. По архиерейскому времени был десятый час.

28 Марта. Ночь была чистая, лунная, с морозцем меньше вчерашнего. Но заря запала в хмарь и на восходе дул противный холодный ветер. Сильно орали утки. Захлопали крылья в лесу, и два тетерева в полумраке сели возле самого моего шалаша. Треснул сухой сучок, они улетели. Токовал внизу бекас (ка-чу-ка-чу). Протянули три гуся.

Когда стало совсем видно, заяц по морозу с крепким туканьем пробежал, спеша, мимо моего шалаша через поле в другой лес: загостился, очень спешил.

Когда солнце выбилось из хмары, откуда ни возьмись два черных, матерый и поменьше, с гуркованием обежали Левино место (Лева продремал) и расположились к бою шагах в 150 от меня, матерый бился снисходительно, младший скоро убежал, сел на дерево, а сильный петух, распустив перья, стал кокетничать с солнцем. Сколько в его движениях чего-то ненужного практически и только для красоты, для спектакля и рыцарства. Говорят, это свойственно романским народам: рыцарство, зрелище и пр. И то же самое проделывают петухи: как они вытягиваются, растопыривая хвост, повертывая его во все стороны и как вдруг поднимаются во весь рост, подскакивают, выкрикивают свой боевой лозунг: чувш...ш...ш! на бой, на бой! всех зову на смертный бой! В лесу откликаются рыцари теми же звуками, но очень холодно, ветрено и хмаро. Солнце скоро совсем исчезло, и белая муть от неба и до земли прочно, кажется, на весь день засела.

После обеда, когда хорошо ободнялось и потеплело, пошел первый теплый дождь, над нашим двором летели с криком кряквы. Был слышен первый гром.

29 Марта. Оледенило. Сквозь тучи пробует солнце выйти и не может.

Так было весь день. К вечеру солнце укрепилось. Сказали, что начали тянуть вальдшнепы. Я вышел на вечернюю зарю, но солнце село в тучу, стало холодно, неприютно, и я вернулся, чтобы не пропустить ужин. Видел цаплю.

Пусть мои судьи находят смягчающие мою вину обстоятельства, я сам могу судить только себя и как существо совершенно свободное: не внешние обстоятельства причина моего несчастья, а мое неуменье — причина несчастных внешних обстоятельств.

30 Марта. Ночью был дождь, и утро настало безморозное, теплое, влажное. Небо все в пестрых облаках, местами синими грядками, будто вспаханная нива. Утром до чаю я прошелся по извилинам речки, три пары крякв одна за одною поднимались с криком, по одной я неудачно стрелял (далеко). Слышал при слиянии двух речек в кустах первое пение воды. Жаворонки доверчиво спускались почти к самым моим ногам, другие поднимались и пели над головой. Старые березы у дороги стояли, как дойные коровы, возле каждой почти было ведро, чугун или корыто, наполненные за ночь березовым соком. Грачи всей своей деревней кричали, заглушая отдаленное токование тетеревей. Дерзкий свистун скворец свистал. Красовались на липах полногрудые снегири. Сегодня было первое неморозное оживленное утро.

Сколько ни наблюдаю природу, и все для меня остаются неизвестными некоторые голоса в лесах, в полях и на болоте, и неизвестные цветы я постоянно нахожу всюду. А естественник все знает: мне кажется, тогда неинтересно.

Кириков был сапожник, жил при усадьбе, земли у него не было, потому дети в земледельческой работе не использовались, и надо было их учить, и выучились.

День разгорелся до + 10 в тени, и стало видно, до чего стройно-прекрасная вышла весна в этом году. Мы стояли на крыльце с учениками, увидели большую белую птицу, вдруг белое оторвалось и полетело вниз, а из-под него вылетела галка, оказалось, эта галка тащила газету в гнездо.

— Вот какой день! — сказали,— галка газету тащит в гнездо.

— Такие газеты,— отозвался другой,— только галкам на гнездо.

— «Беднота»,— прочитал третий название упавшей газеты.

После обеда пошел в Хотунь ждать вальдшнепов. Дорога местами уже подсыхает. Кое-где в лесу только осталась на дороге твердая, как камень, ледяная корка. Орех цветет, ольха. Комарики мак толкут. Заяц выскочил совсем еще белый, Флейта его долго, упорно гоняла и бросила на четвертом кругу. Заря была совсем весенняя, пел черный дрозд и пеночки и должен бы вальдшнеп быть непременно, а вот не было. После заката кричала сова.

Психология ворчания — психология бессилия. Злость — это найденный выход бессилию. Напротив, доброта — это цвет силы.

Последняя мужняя раба лучше, чем дешевая блудница (это о России царской и советской сказал некто).

1 Апреля. На перевале рассвета вышел на Рясну. Сильно подмостило, по лужам идешь, как по стеклу, но Рясна бойко бежит. Собаки сковырнули уток, их крик долго приближался ко мне, и вот они взлетели с воды передо мной, пара чирков, мое новое ружье опять само хлопнуло (спуск слаб). На рыжесером непаханом пару вскочил русак. Солнце всходило кровяно-красное, вся болотная долина засверкала своими замерзшими лужицами, как стеклами. На канаве с криком от собаки поднялись кряквы и прямо на меня, но оглядели, завернули растерянно, я не сдержался и, хотя было очень далеко, пальнул зря два раза. От выстрелов поднялось множество чибисов. Тетерева бормотали слабо в Чистике, сильнее на Пузиковском поле. Один косач, видно, оттоковавшись на Мартынкове, возвращался в Чистик. Видно, или не будет совсем общего тока, или будет позднее.

В восемь (по-старому) солнце грело совсем хорошо, в аллеях усадьбы светло-празднично, тепло, поет множество зябликов, много чижей.

После обеда явился Лева с кряковой уткой. Построил шалаш у Рясны, посадил Леву, а сам пошел на тягу, но испугался тучи с запада, грома и вернулся домой. Лева поздно пришел и рассказывал, что горностай кинулся на нашу утку, что дикие кряквы прилетели и вместе с нашей орали весь вечер.

Какой вышел день необыкновенный, словно мирно разделенный зимою и летом, вместивший в себя и зиму, и весну, и лето, и осень: до восхода морозило и ковало воду, как зимой, когда взошло солнце и засверкали, как стекла, все лужи болота, было, как осенью в первые морозы, и только пение весенних птиц давало знать о весне, потом, когда разогрело, сразу наступила Апрельская весна, и к вечеру стало душно, как летом (10° в тени), надвинулась синяя грозовая туча и шел слегка (тучу пронесло) теплый летний дождь.

2 Апреля. День пестрый, то солнце, то тяжелые тучи, и град, и крупа, и дождь. В Шарапинской роще стерег вальдшнепов, не тянули, и оборвалось ожидание дождем.

Слышал о подробностях взятия Кронштадта. Видимо, в обществе рухнули все надежды на обновление жизни. Интересны эти надежды народа на какую-то внешнюю силу, и в то же время полное «непротивление злу».

3 Апреля. Мертвый день: холодно, пасмурно, ветер, то дождь, то крупа, то хлопок снега пырхает.

Искусство занимается избытками жизни (Гончаров, Литерат. вечер), ненужным. Там, где жизнь состоит только в нужном,— не может быть искусства. И потому у нас теперь его быть не может.

⟨Далее текст, зачеркнутый М. М. Пришвиным⟩: Как бедна жизнь Пушкина! И еще вот что: создав, как никто в России, он под конец не знал, чем жить. Наивному сознанию кажется это очень странным, кажется, вот поработал сколько, и как хорошо оглянуться на сотворенное и сказать: как хорошо! Сказать: «Я памятник себе воздвиг» и тут же искать смерти, как будто всего отдал себя и ничего от себя себе не оставил и нечем жить стало. Стало быть, есть какая-то деятельность вся на благо другим и только во вред себе: стало быть, искусство во вред себе? Тут обман: думается, все для себя, но потом оказывается, что для себя-то как раз ничего и не делал. И лишаешься моральной заслуги: ведь для себя старался! Раздать все свое богатство и остаться ни с чем? Нужно раздать во имя Христа, и тогда остается Христос. Пушкин же просто роздал на великом пиру и, раздав, увидел себя бедным и одиноким. Гоголь потерял себя в этом вопросе, Толстой вовремя спохватился (хотя всегда был с запасцем), но Достоевский, вот диво! Он как будто лишь обогатился и, кажется, проживи еще 100 лет, все полнее и глубже были бы его романы, он не старел! (Розанов тоже богател от писания.)

(Пример обеднения — бегство Толстого — конец идиллии Левина с Катей.)

Лежат мои тетради и книги, и я редко могу победить отвращение, чтобы заглянуть в свои труды, часто думаю, как еще хорошо, что я не раздулся в какого-нибудь Максима Горького! Некоторую маленькую известность, которую получил я в литературе, я получил совсем не за то, что сделал. Трудов моих, собственно, нет никаких, а есть некоторый психологический литературный опыт, и мне кажется, что никто в литературе этого не сделал, кроме меня, а именно: писать, как живописцы, только виденное — во-первых, во-вторых, самое главное — держать свою мысль всегда под контролем виденного (интуиции). Я говорю «никто» сознательно, бессознательно талантливые люди делают так все.

Когда-то я принадлежал к той интеллигенции, которая летает под звездами с завязанными глазами, и я летал вместе со всеми, пользуясь чужими теориями, как крыльями. Однажды повязка спала с моих глаз (не скажу, почему), и я очутился на земле. Увидав цветы вокруг себя, пахучую землю, людей здравого смысла и, наконец, и самые недоступные мне звезды, я очень обрадовался. Мне стало ясно, что интеллигенция ничего не видит, оттого что много думает чужими мыслями, она, как вековуха, засмыслилась и не может решиться выйти замуж. Объявив войну чужой мысли в себе, я попробовал писать повести, но они мне не дались все по той же причине: мешали рассуждения. Тогда я попробовал умалить себя до писания детских рассказов, после многих опытов один мне удался, но случайно, неудачи были все по тем же причинам: я вкладывал в рассказ много «смысла». Пропутешествовать куда-нибудь и просто описать виденное — вот как я решил эту задачу — отделаться от «мысли». Поездка (всего на 1 месяц!) в Олонецкую губернию блестящим образом разрешила мою задачу: я написал просто виденное, и вышла книга «В краю непуганых птиц», за которую меня настоящие ученые произвели в этнографы, не представляя даже себе всю глубину моего невежества в этой науке. Только один этнограф Олонецкого края Воронов, когда я читал свою книгу в Географическом обществе, сказал мне: «Я вам завидую, я всю жизнь изучал родной мне Олонецкий край и не мог этого написать и не могу».— «Почему?» — спросил я. Он сказал: «Вы сердцем постигаете и пишете, а я не могу». Так я стал этнографом, а благодаря еще тому, что двоюродный брат мой Игнатов стал помещать в «Русских Ведóмостях» мои заметки (я писал их исключительно для заработка, в них нет ничего моего), стал «известным» этнографом. И с тех пор слово этнограф пристало ко мне, как черт к Ремизову. Вскоре после первого опыта я решил сделать второй и буквально с грошом в кармане, с ружьем и удочкой отправился в большое летнее этнографическое путешествие по Белому морю, на Северный океан и вокруг Норвегии, в котором я уже

почти совершенно ничего (кроме слов) не записывал, а отдавался вполне интересу самого «путешествия». Новая книга моя «За волшебным колобком» вполне бы разрешила мою задачу дать бездумную картину природы, если бы не висел на ней груз все-таки путешествия. Сказочные рассказы «Крутоярский зверь» и «Птичье кладбище», написанные по впечатлению от летний охоты в Брыни, впустили, наконец, меня в область искусства, художественные журналы раскрылись для меня, а звание этнографа позволяло собирать гонорар с газет. Между тем новая гроза нависла над моей свободой, распростившись органически с материалистически страдающей интеллигенцией, я сошелся с Мережковским — Розановым и всем этим кругом религиозно-философского общества. Под влиянием этих «идей» я поехал в Заволжье и написал книгу «Невидимый город» о сектантах. Если устранить из нее некоторое манерничанье стиля в начале и романтическую кокетливость, то книга эта еще больше, чем «В краю непуг. птиц», удивляет меня, как я, абсолютно невежественный в сектантствоведении, умел за месяц разобраться и выпукло представить почти весь сектантский мир. И все это благодаря борьбе моей с мыслью, моему методу бездумности. Я встречал профессоров, просидевших годы над диссертациями о сектантах, и с удивлением видел, что знаю больше их. В кружке нашем приняли мою книгу чрезвычайно благосклонно, и я слышал не раз, как маститые мистики сочувственно меня называли «ищущим». Под влиянием их я целую зиму провертелся в Петербурге среди пророков и богородиц хлыстовщины, написал ⟨*1 нрзб.*⟩ религ. повесть «Саморок». И вдруг почувствовал, что опять погибаю в чужедумии среди засмысленных интеллигентов с другой стороны. Я опять рванулся в путешествие в Среднюю Азию к пастухам и написал «Черного Араба», для которого я столько изведал, что мог бы написать о Средней Азии десять таких книг, как в «Краю непуганых птиц». И вот эти научные материалы я пожертвовал для коротенькой поэмы в два печатных листа! Только комнаты жалких квартирок на Охте, на Песочной знают, каких невероятных трудов, какой борьбы с «наукой», с «мыслью» стоили мне мои писания, которые для всех остаются только картинами природы, пейзажными миниатюрами. В этих пейзажах, однако, скрыто огромное индивидуальное усилие за свободу, и тем, только тем они мне ценны до сих пор. «Вы на какой платформе? — спросил меня один из крупнейших поэтов, когда я пришел первый раз в рел.-фил. общество.— На христианской или на языческой?» — повторил он вопрос. А в чисто даже литер. кругах говорят: «Это у вас лирика, это надо бросить, нужен эпос, пишите большой роман». И вот думаешь над платформой, над романом. Я целый год потерял, отдавшись писанию романа, и написал за это время всего одну главу, в которой каждое слово вставлялось, как инфузория, щипчиками под микроскопом. Так я написал «Ивана Ослянического» и напечатал его в «Заветах», но не решаюсь напечатать теперь. Опять новое

усилие к безмыслию, и пишу в одну неделю повесть — «Никона Староколенного». И вот общий приговор и суд: «У вас нет человека, вы бесчеловечный писатель». Впрочем, кто-то раз обмолвился вскользь на страницах, кажется, «Нового Времени», что очень хорошо это, и не нужно, надоела человечина.

4 Апреля. С морозцем пасмурно и днем мало теплеет. Весна на несколько дней приостановилась, как будто хозяин весны занялся по хозяйству и не до того: нужно сохи изладить, бороны. Воды вошли в свои берега, дороги подсыхают. Жду вальдшнепов.

С полудня показалось солнце и подтеплило, но не совсем. Перед вечером солнце ушло в синее холодно-тяжелое облако, но у самой земли на западе осталась полоска в аршин от облака до леса, и мы ждали, когда появится тут солнце; оно большим шаром, хватающим краем от облака и до леса, показалось; лес на несколько минут стал малиновым, сережки ольхи и ореха золотились, но птицы мало пели: прохладно. Заря на узкой полоске оставалась очень долго. Возле Лыткова, сказали мне, протянул один вальдшнеп.

Можно разделить людей на четыре разряда: 1) Люди добрые вообще, но злые в частности (обозленные), таких огромная масса, «обыватели», 2) Злые вообще и добрые в частности (революционеры, интеллигенты, Семашко, Разумник и др.), 3) Добрые вообще и в частности (цельные люди, встречались среди земских докторов, очень редко), 4) Злые вообще и в частности или просто злые (вероятно, такой Троцкий).

Самогон (материалы к бытовому очерку).

В. И. поскорее отдал барду свиньям (в ожидании обыска), свиньи напились, и комиссары встретились с пьяными свиньями.

В лесу изготовление. Прячутся от своих, а начальству известны все кабаки. Изготовляется для начальства. «Первак, Другак и остальные». Запах сильно хлеба, а когда выпьешь, то всею мерзостью внутренней комиссара. Пьет начальство (для защиты от него) и на семейных праздниках: наивная старуха и милиционер предатель.

Любовь. Что значит «любите друг друга». На севере говорят: вместо любят «понимают», о животных (каких?) говорят: «понимаются». Ничего нет общего между любовью-желанием и любовью-пониманием. Бывает любовь к отдельному существу и действует вспышками, но что такое любовь к общему существу и как постоянное действие? Любовь — привязанность, когда любят свои удобства (любовь-привычка). Любовь как эстетическое чувство. Любовь-жалость. Из всего этого вывод, что словом «любовь» выражается связь. Любите друг друга, значит, соединяйтесь, но как? неизвестно. А что общее между христианским любить и половым, это показывает брань матери

русского народа словом, имеющим происхождение несомненно от слова любить (любить, юбить, ебить; люблю — ебу). Однако на заре юности то и другое чувство смешаны в одно, одинаково заслуживают этого нежнейшего слова, и пути бывают открыты в ту и другую сторону. Только в марте, когда все голубое и губы сложены смешными сосочками, и можно сказать: люблю. Только девственно чистая натура может сказать: любите друг друга.

5 Апреля. Серо и тепло, манит на охоту. На Рясне вылетел вне выстрела селезень, у меня мелькнуло: может быть, вылетит утка, и в этот момент я приготовился, и в тот же момент она вылетела и подстреленная стала спускаться к воде, Флейта ее перехватила. Ура! На Петино рождение утка. Добрался до Чистика, спугнул тетеревиный ток, токует много бекасов, свистят кроншнепы, чибисы.

Вечерняя заря чистая, солнце садится за холмом, потемнели сначала нижние елочки, бор стал малиновым; последняя самая высокая вершина одной гордой сосны померкла при пении черного дрозда, бор заснул могилою, закричала сова.

Бывало, ходишь так на тягу, стоишь, прислушиваешься: какая могучая тишина, какая богатая пустыня! и страшно было думать, что через сто (сто!) лет эти немые богатства русской земли будут раскопаны, везде будут железные дороги, фабрики, фермы, заборы, нельзя будет пойти во всю ширь с котомкою, страх за сто лет! и вот в один-два года эта могучая пустыня покрылась паутиной исполкомов «организованного пролетариата». В один-два года леса были так исковерканы, завалены сучьями и макушками, что цветы и трава не выросли и за грибами невозможно пройти, озера опустели — всю рыбу повыловили, птицы куда-то разлетелись, и только волки да лисицы заполонили округа; лес, вода, земля, все изгажено, и только небо, общее всем и недоступное, по-прежнему сияет над этою гадостью.

Спросишь себя: чего хочу? и отвечаешь первое: чаю с сахаром.

Милый, не ты ли был таким врагом европейской мещанской культуры, не ты ли так боялся, что в твоей могучей пустыне через сто лет на каждом шагу будут предлагать в ресторанах чай с сахаром и кофе со сливками?

Что же это был за страх? Кажется, страх выйти из того состояния, когда человек видит в природе могучего, страшного противника... Далеко погасшие романтические зори! Теперь природа не вызывает на борьбу человека, а умоляет его о защите, охране, и такой охраной является европейская мещанская культура.

6 Апреля. Весь день непрерывно шел мелкий теплый дождь. На уроке один ученик отпрашивался говеть.

— Говеть? — спросил я.

— Ну да, будет он говеть! — сказал Алексеев.

— Молчи, ты, коммунист! — закричал говельщик.

По этому поводу я прочел им хорошую лекцию о свободе совести. Вот в том-то и беда, что этот «коммунизм» держит в своих кровавых лапах и все наши свободы, он ограбил империю и дух народа, как попы держат в церкви Христа.

Огромные массы людей исполнены самых добрых намерений, но неудачники и обозлены на каждого человека в отдельности, таких любит изображать Достоевский (Катер.Ивановна, Мармеладов) и они вообще составляют главную массу людей чающих, или управляемых, или «обывателей». Напротив, обещающие или которые управляют государством вообще злы, потому что они честолюбивы («эгоцентричны»), хотя всегда говорят про общее благо, но, будучи удовлетворены в себе самих, они бывают великодушны и добры к отдельным людям. Совершенно же добрых и совершенно злых людей очень мало.

7 Апреля. Снились русские хороводы.Опять серо-ветрено, как вчера, дождик покрапывал еще до обеда, а после обеда был ливень с каплями, как градинками. После до вечера капало и тепло от дождя не стало.

Все-таки снились же мне хороводы. И потом в полусне пробуждения на эти хороводы легло рассуждение о патриотизме, что это есть иначе самость, такое чувство: мы сами.

8 Апреля. Благовещенье. Чуть ли не с Рождества берегли птичку — выпустить на Благовещенье. Сказали ей напутственное слово свободы, пустили, а она упала в грязь, видно, крыло себе в клетке помяла. Эх, свобода! Держали за уши — уши освободили, за хвосты схватили.

День продержался до вечера серый, с нависшими тучами и ветром, вечером после заката шел дождь и ночью всё слышались капли. В Чистике мне встретился шатун с обломком ружья в руке. «А жирны утки!— начал он разговор и все выболтал потом, как он укрывается от военной службы, в заключение сказал: — Ну ка, хлопни! — и вытащил из кармана бутылку самогона.— Хлопни, хлопни! — упрашивал он меня,— а то пойдешь потом рассказывать, что встретился с плутом и он тебя не угостил».

В болотах под мохом еще лед. На березах почки отпустили чуть заметные зеленые хвостики. Озими сильно зеленеют. Стада в полях. Вечером на одно мгновенье при закате было солнце и на минуту вспыхнули малиновым светом верхушки лесов. Наконец видел вальдшнепа, пролетел беззвучно. Есть подснежники. Кричат лягушки. Щуки нерестятся.

Опыт рассказа о животных

В утином царстве, и у гусей, и у лебедей, и у всех водяных птиц идет старинный спор, как лучше беречься человека, на открытых водных местах, или в густых тростниковых зарослях. На открытых местах все видно и можно, завидев издалека

человека, подняться в воздух, кружиться до тех пор, пока он не уйдет. А в зарослях не видно, зато и человеку не видно, и можно спокойно спать, но всегда есть опасность, что он неслышно подойдет на расстояние выстрела. В зарослях покойнее, но опаснее, так думает теперь большинство, и спор, собственно, возникает только между бодрыми и ленивыми. «Ну, плыви, плыви в тростники, если тебе хочется спать,— сердито говорил селезень своей подруге,— а я не хочу подставлять свои крылья под заряд кузнеца».— «Если ты сердишься, я могу и остаться»,— ответила утка и стала обирать, очищать ему перышки на шее, укладывая одно к одному. Селезень очень любил это, затих и скоро, спрятав голову под крыло, уснул. Этого только и ждала его подруга и поплыла в тростники — не спать, нет, не спать! Она была гораздо осторожнее селезня и говорила ему о тростниках только, чтобы оправдаться на случай, если он хватится потом, тогда она ему скажет на вопрос, где была: «Тревожно здесь, на открытой воде, плавала отдыхать в тростники». Оглянувшись на спящего селезня, утка повернула в тростники и долго там пробивала себе путь, чуть шевеля тростниками.

9 Апреля. К вечеру разъяснело. Стоял на тяге. Стрелял вальдшнепа. Лисица выбегала на дорогу.

10 Апреля. Рассвет безоблачный. Флейта гоняет русака. Много уток по канавам. В разных местах горячо токуют тетерева. Пробрался с большим трудом в Чистик, все это круглое моховое болото кипит весенней жизнью: кричат журавли, бекасы барашками рассыпаются, свистят кроншнепы, а тетерева, мокрые, блестящие на солнце, шипят и подпрыгивают, весь Чистик прыгает и шипит. На краю болотного леса под соснами в рост человека я долго любовался и сам по-тетеревиному шипел. К удивлению моему, на шипение мое, жалкое по сравнению с настоящими тетеревами (я — тетерев!), с двух сторон стали отзываться и подходить две тетерки. «Почему же,— думал я,— они не пользуются вон теми рыцарями, блестящими в солнечном свете, вступившими в бой за обладание самкой? Почему выбирают отдельного и слабейшего?» Я заметил это почти как правило, что во время боя на поле где-нибудь на опушке робкий или хитрый токует один, и этого самки предпочитают. Не потому ли, что те, раз вступивши в бой, уже и не заботятся о самке, забыли даже, из-за чего они бьются. К ним и подойти теперь страшно и, может быть, даже стыдно, как женщине к деревенской сходке и драке. Правда, из-за чего сходка и драка, в конце же концов, все эти общественные дела сводятся к личному интересу каждого и личный интерес в деревне к питанию своей семьи, к размножению. Но потому и есть общество, что исходный личный интерес з а б ы в а е т с я, и так создается поле общего дела, честолюбие, самолюбие бойцов создает специалистов по этой части, управителей и бойцов. Как

дикие петухи, они, распустив хвосты, вытянув шеи, при солнечном свете красуются, повертываются вокруг себя, вызывают на бой. А в то же время петух, который чувствует себя отдельно, потому ли, что от рождения был слабее или побитый выбыл из строя, и этому отдельному, хотя, быть может, слабейшему, достается обладание, он силен своей отдельностью, он уже индивидуальность.

Стою на опушке в виду блестящего боя рыцарей и слышу, как этот отдельный тихим гостем прокрадывается в домик тетерки. Опытные охотники мне рассказывали, что тетеревиные выводки всегда бывают на тех местах, где токуют отдельные петухи.

Может быть, и так можно понять, что потерпевший в бою или не решивший вступить в бой только мускульно слабейший, а психологически может быть и сильнейшим. Для воспитания такой отдельности, может быть, и существуют эти общественные красования — рыцарства и бои? а самка и подхватывает эту индивидуальность, ее психология — аппарат, воспринимающий индивидуальность, недаром же в человеческом мире женское половое чувство есть в то же время чувство, окрашенное более индивидуально, чем мужское (мужчине только бы схватить), это есть чувство различения, выбора. Так, новые существа, приходящие в наш мир, приходят не все гуртом по большой дороге, а отдельно, каждый сам по себе, через узкие ворота, где им бывает допрос и в знак этого даются собственные имена.

Так и наши коммуны, государства, сходы не те ли самые полевые петушиные бои, в них все открыто, все просто, как 2х2=4, а тайны жизни, как на опушке лесов, скрываются в стороне, в комнатах...

К вечеру мы с С.В. идем в Чистик городить шалаши у места тока и ночевать в болоте, еще не пропустившем воду через мерзлое дно.

11 Апреля. Столько жизни утром при солнце и такая пустая, мертвая ночь! Шалаши по архитектуре С.В. устроены, мой на единственной кочке, но довольно широкий, потому что на ней стояла сосна в мой рост. Пока устраивали, обтоптали мох вокруг шалаша, выступила вода, и мой шалаш, как на воде устроенный, назван «Петроград». С.В. устроил себе, напротив, очень хозяйственно на сухом месте под двумя соснами, хотя и подальше от тока, и шалаш его назвали «Москва». Солнце давно село, в полутьме валим сосенки, срубили штук 30 на дрова, а лапки на логово и на логове же развели костер. Сырые, налитые водой сапоги повесили на колышки, портянки на жердочки, а ноги в валенки. Хорошо, уютно, вкусно сало, продетое на прутик и закопченное в дыму костра. Хозяйственный человек С.В., недаром у него и «Москва» вышла. Я дую в костер, чтобы не потух, он рубит дрова, дуем и рубим, посмотрим на часы: два часа, целых два часа только дули и рубили, а как незаметно прошло. А какая пустая ночь: ни звука, ни движения, только

звезды перемещаются неслышно по небу. Прокричали петухи, кроншнеп свистнул спросонья. Посмотрел на часы: еще два часа прошло в густоте, выпил стаканчик молока, в нем стали попадаться ледяшки: замерзает. Заняло нас далекое зарево пожара, и в тишине, казалось нам, слышны были вопли женщин, а как они могли быть слышны за десять верст. Скоро три, страшно вставать, надевать сапоги, которые сейчас же через колено нальются водой. Идем шлепаем, с трудом по соснам и звездам находим «Москву», а «Петроград» всего в 80 шагах я, долго блуждая, нахожу наконец окруженным затянувшейся льдом водой. Чуть белеет на востоке. Какая первая закричит птица? кроншнеп свистнул. Утка крякнула. Захлопали крылья, тетерев сел за спиной. Так с 3-х до 8-ми я сижу на кочке, валенки в воде, архитектура С.В. не дает повернуться назад, а там назади ⟨*1 нрзб.*⟩ тетерева, и только скосив глаза, видишь их близехонько от шалаша.

12 Апреля. Понедельник — 13 Апреля. Вторник — 14 Апреля. Среда. Все эти дни стоит ровно царственно прекрасная погода с + 14 Р в тени. По ночам заморозки, стекла разлетаются под ногами, а утром, как солнце взошло, не солнцем, как раньше, а землей пахнет и гудит пчела на иве. Все почки наклюнулись, сиреневые особенно, бузина распускается. Будут ли лучшие дни? невозможны лучшие. Жуки.

Встаю ночью, встречаю первый бледный свет, вижу, как он побеждает на востоке все больше и больше и на западе сползает ночь серой изнанкой своего темного покрывала. В эти минуты, даже часы: два часа от первого света и до восхода! — как в самой первой юности, все кажется, будто можно еще решиться на п л а н, решиться, и вся будущая жизнь развернется, как ясное собственное дело...

Подкрадываюсь к токующему тетереву на зеленях, ему мешают сороки. Конец утра: тетерев сидит на дереве, смотрит, как кормятся самки, и сам спускается кормиться. Журавли валом валят. Сметка зайца в полумраке. Закипает душа. Озеро вдруг освободилось.

Последний день Марта: как он достигнут?

1-го ясно. Скипевшийся наст. Жаворонки.

2. Туман — $^1/_2{}^0$. После обеда лунеет солнце и ясный вечер.

3. Ясно, светло, голубая весна, будто уступами сходишь к югу.

4. Ясно. Поля и болота пестрые, грачи прилетели. Кора цветет. Березы шоколадные. Лоза обозначилась серо-зеленою дымкою. Опушка в бору обтаяла: брусничник, освобожденная муха, божья коровка ползет. Потоки в полях, крики грачей. На заре дремлют липы.

5. — $^1/_2{}^0$ и опять солнце.

6. Прекрасно. Выставил окно. Влетел комар. Видел бабочку.

7. С утра туманно, потом горячее солнце. Вода спадает в ручьях. Витютни прилетели. Деревня славно запахла всероссийским навозом. Грачи орут всей деревней.

8. Мокрый снег хлопьями, потом моросило.

9. Переменно. Даже в коре пестреет.

10. Утро пасмурно, в обед солнце, вечером сильный ветер, свежая заря. Две утки на Рясне.

11. Строгий восход с пестрым хвостом, и все небо и по восходе солнца было закрыто. Стало холодно, неприятно, пошел дождь.

12. Сыро, туманно, мозгливо. К вечеру выглянуло солнце, хорошая заря, хорошо было сидеть на опушке на березе.

13. Чисто золотой рассвет. Скворцы свистят.

14. На току.

15. Мутно.

16. Оледенело. Солнце пробует и не может пробиться. Вечером пробовал стоять на токе, неприютно, видел цаплю.

17. Ночью дождь. Безморозное, теплое утро. Небо, будто теплая вспаханная синяя нива. Кряквы. Пение воды. Оживленно. Березовый сок. + 20 Р в тени. Галка уносит газету в гнездо. Дороги подсыхают. Орех, ольха цветет. Комарики мак толкут. Поет черный дрозд.

18. Солнечно — морозно. Бормочут тетерева. Чирки. Чибисы. Блестят замерзшие лужи, как стекло. Все теплеет. К вечеру душно. Тучи. Гром. День, вместивший все времена года.

19. Пестрый день, то град, то солнце, то дождь.

20. Мертвый день. Пырхают снежинки, то грязь, то дождь.

21. Приостановка весны.

22. Пасмурно и тепло.

23. Весь день теплый дождь.

24. Весь день дождь и холодно.

25. Серо, холодно, нависшие тучи, вечером дождь.

26. Щуки нерестятся.

27 и до конца марта райские дни, какие, дай Бог, чтобы и в Мае были.

14 Апреля. После вечерней зари вчера подул ветер и всю ночь дул, день вышел солнечный, теплый и ветреный. Небо ясное, но на северо-востоке песочно-желтая муть — предвестница перемены погоды.

15 Апреля. Вчера к вечеру ветер стих, ночь ясно-звездная, морозная. К вечеру раздулся ветер и небо покрылось дождевыми облаками. Был на току кроншнепов.

Ночь стоит, только звезды движутся. Провешиваю заметки-деревья по звездам и прихожу точно к канавам, ручьям и кладочкам. Пролезаю через болотные кусты и стою у столба на краю открытого клюквенного болота. От столба между единственными двумя соснами и по звезде прохожу к своему шалашу.

Очень холодно. Ночь стоит. Забелело ли на востоке? Свистнул кроншнеп — забелело. И журавль с эхом в лесу кликнул утро. Началось, началось! Бекас пробарашкал. Захохотала куропатка, кроншнеп опять свистнул, и, как по сигналу, за ним все

журавли крикнули. Утка крякнула. Опять куропатка, и, наконец, зашипели тетерева, захлопали крыльями. Заря занялась, стало очень холодно, и все, приготовившись на местах, как бы замерло. Нежно загурковали тетерева и, когда сильно занялось, пришли в движение, облетая группами, облюбовывая места тока. Как они тузят друг друга, как бьют громко крыльями! Кроншнеп устроился среди них — большая самка, а самец подлетел и нежно длинным клювом тукал ее в спину, помаргивая крылышками, касаясь нежно ногами ее хвоста, поддерживал себя в воздухе. Я долго не мог стрелять, любовался. После выстрела кроншнеп-самка метнулась с повисшим крылом, а самец с криком viv-va-viv-va! [1] (живо, живо!) стал кружиться над шалашом, пока я ловил его на мушку, самки и след простыл: исчезла в лесу.

Обломов. В этом романе внутренно прославляется русская лень и внешне она же порицается изображением мертводеятельных людей (Ольга и Штольц). Никакая «положительная» деятельность в России не может выдержать критики Обломова: его покой таит в себе запрос на высшую ценность, на такую деятельность, из-за которой стоило бы лишиться покоя. Это своего рода Толстовское «неделание». Иначе и быть не может в стране, где всякая деятельность, направленная на улучшение своего существования, сопровождается чувством неправоты, а только деятельность, в которой личное совершенно сливается с делом для других, может быть противопоставлена Обломовскому покою. В романе есть только чисто внешнее касание огромного русского факта, и потому только роман стал знаменит.

Антипод Обломова не Штольц, а максималист, с которым Обломов действительно мог бы дружить, спорить по существенному и как бы сливаться временами, как слито это в Илье Муромце: сидел, сидел и вдруг пошел, да как пошел! Потому-то и покой царизма заменился коммуной. Вне обломовщины и максимализма не было морального существования в России, разве только приблизительное. «Устраиваться» можно было только «под шумок», прикрываясь лучше всего просветительной деятельностью или европеизмом. Посмотрите в деревне, как зло выделяется среди навозных хижин мало-мальски порядочный домик кулака.

Покой у нас в церкви, движение в нигилизме. Не могут быть все Обломовыми, не могут все быть максималистами, потому средний человек должен быть мошенником, плутом. Наша страна — страна плутов по преимуществу.

Заметить: трагедия А. М. Коноплянцева; сознает себя средним русским человеком, хочет жить, любить, делать добро в постепенности, не имеет никакой претензии на высший тон, средний человек из поповичей; ищет этой средины, надо бы ему

---

[1] Vivo — живо (*ит.*).

сделаться попом: в этом быту и есть то среднее, т.е. осадок русской культуры.

16 Апреля. Если бы вынуть из охоты убийство и созерцать природу так, но так внимание ослабевает и не из-за чего, кажется, принимать на себя такой великий труд. Не могу понять еще, нужно это убийство, чтобы сливаться с природой, поступать, как звери, или же это самогипноз, как при увлечении спортом. Итак, нужно убить мне тетерева из шалаша, вся моя ошибка была, что городил очень тесные шалаши, теперь у меня шалаш просторный и сверху открытый. Ночь теплая, мороза нет, наполовину небо закрыто облаком. Ветер, бушевавший весь день, затих. Немного запоздал, и стало белеть на востоке. Второпях ошибся и направился не на две сосны, а туда, где три, и в трех соснах запутался, мучился, мучился и, оглушенный неудачей, дураком остановился под деревом, мокрый, усталый слышу, как свистнул кроншнеп, и вальдшнеп протянул, и куропатка прохохотала, и кликнул белое утро журавль, вот и тетерев прошипел — все, кажется, пропало, но тут как раз сообразил и нашел свой шалаш — ужас! он был рассыпан ветром. Кое-как огородился и встретил гостей, не в состоянии не только стрелять, но и шевельнуться. Видел, как от ястреба вспорхнул весь ток и живо опять собрался. И как же красивы эти птицы, как они чудесны в болоте весной. Бывает момент мира на току, когда все тетерева прилягут к земле, нежно и очень тихо гуркуют. Слышал, как тетерка кудахтала, почти совсем как курица с яйцом.

Построил новый шалаш. Осока растет. Лозина распускается. Березы вовсе рыжие — вот, вот! Пашут.

17 Апреля. Зазеленела ярко придорожная мурава, между нераспустившимися березами красивы эти зеленые дорожки.

Стоят одинаково солнечно-ветреные дни, по вечерам собираются тучки и ночью проходят мимо. Ночи стали теплые, лунные, с легеньким приятным ветром. Ранил тетерева, на току токовал... но он, полежав, схватился и убежал, так я его и не нашел. Итак, убил вальдшнепа — не нашел, кроншнеп убежал, тетерев убежал, и утку поймал только благодаря собаке — вот так и охота!

18 Апреля. Распускаются березы. Цветут фиалки. Осины роняют червяки свои. Наступила третья пора весны (первая, голубая — праздник света, вторая — праздник воды да травы и третья — от зеленых деревьев до отцветания яблонь). Суховей продолжается и днем и ночью. Заря холодная с ветром. Тетерева много токовали.

Вечером было знойно и душно, как в иные июльские дни, пахло гарью лесов и мне вспомнилось начало войны 14-го Июля, когда так же пахло горящими лесами. За день все стало зеленое.

Шкрабы делили землю, как мужики, с гамом. Время добела раскаленного эгоизма. Надо помнить, что теперь на стороне контрреволюции такая сволочь, что если они, то горем загорюешь о большевиках. Так правду разделили пополам, и стала там и тут ложь: сеем рожью, живем ложью.

Приезжал сумасшедший еврей Забородов, студент, написавший пьесу «Социализм войны», действующие люди: Кант, Милюков, пр. Исайя и т.д. Предлагал прочесть пьесу в лесу. Читал монолог сатаны, хохотал на весь дом. В заключение показал фот. карточку себя и своего тов. Исаковского.

19 Апреля. Ночью прошел маленький дождик и, наконец, стих день и ночь бушевавший суховей. Серое тихое зеленое весеннее утро. И так оставалось весь день с просветами солнца. Вечером был на тяге в Чистике. Большая туча залегла на горизонте, и все небо серое, и тихо-тепло, ни одного звука. Но дождь пошел только ночью, и то маленький, пыль прибил.

Говорят, что торговлю разрешили. С Польшей мир за 30 мил. С Англией торговый договор: обмен машин на лес: начинай сначала, сказка про белого бычка.

Никогда не был так близок к природе, а почему? потому, что никогда не было так тесно среди людей. Будет ли день, когда возьму свою котомку и пойду от природы к людям, к их руководящему жизнью сознанию, к их высшим добродетелям.

20 Апреля. Диво — утро, огонь раскинулся на полнеба от невидимого солнца, после восхода солнце оставалось за облаками, но просвечивало, ни серо, ни ярко, как яйцо в мешочке.

После обеда хотел было возвратиться суховей, но к вечеру стихло. Слышали кукушку.

Ко мне «прикрепили» (есть мандат) мужика, который обязан возить меня по всему уезду.

21 Апреля. Лунная ночь тихая, теплая, вся ночь во власти луны. В 1 ночи, а не в ½ 4-го, как обыкновенно, и после всех болотных птиц мы услышали бормотание и шипение тетеревей всего Чистика! Мы подумали было, что это лягушки, но потом оказалось, что и куропатки кричат, и кроншнепы, все птицы эти поют, токуют, принимая луну за солнце. Или это тепло настоящей первой весенней ночи так действует? Все перепуталось, и кроншнеп поигрывает свою плясовую. Ток был очень бурный, но раскидистый. Самки подбегали к самому току, и бал близко от шалаша, что в тишине явственно слышалось тукание ее ног. День вышел опять знойно-ветреный и освободил прибитую дождем пыль. Суховей продолжается.

Павлины, старуха и два лебедя, уцелевшие в парках Совхоза.

Дробь

Мужики из Мартинкова.

«Индивидуальный выход»: картошка. Н. П. Савин передавал, как факт, что у одного еврея от страха выпали зубы.

Два фельдшера: один занимается колдовством (очень выгодная профессия), другой, коммунист, выгнанный из партии (за то, что, когда его сделали заведующим отд. здравоохранения, он в тот же день выпил весь спирт в аптеке), занимается доносами — вступили между собою в борьбу.

Каменев мне сказал, что декреты хороши, а народ плох. Раньше мы говорили, что хорош народ, дурно правительство, теперь хорошо правительство, дурен народ.

22 Апреля. Тихая лунная теплая ночь. Птицы, как вчера. Вечером чудесная заря. Убил утку, собака съела.

«Наше несчастие заключается в том, что почти все наши утопии родились среди рабства; они сохранили дух его». (Кине.)

23 Апреля. Утро, как вчера, но с притупинкой, как вчера, сильная роса на придорожных травах, зато днем после обеда нашли облака, брызнул дождик, и так стало благодатно, пышно, такое благословение Божие легло на тихие воды и зеленые березы, еще сохранившие чуть-чуть желтоватый налет, и так блестели все клейкие листочки. Кукушка куковала в первый раз отчетливо, сильно, я загадал, сколько мне жить, и насчитал 19 лет, девятнадцать! какой я тогда буду богатый, если буду иметь возможность рассказать о своих переживаниях.

24 Апреля. Вербное.

Еще один раз встретили солнце в Чистике. Луна большая при первом свете на востоке, казалось, остановилась подождать солнце и дожидалась, бледнея, часа два. При первых лучах на красном показался огромный хищник и летел на мой шалаш.

Когда мы вернулись домой, люди копошились уже и девушки шли к обедне с вербами, похожими на веники. Создалось роскошное майское утро.

25 Апреля. Глубокая вечерняя заря, такая глубокая, что, кажется, смотришь на нее и так и увидишь зарю утреннюю.

Я стоял в домике; вечерние тени легли и деревья леса уже погрузились во мрак, но птицы, пролетавшие вверху, сверкали золотыми крыльями, и так я знал, что солнце еще сверкает для жителей гор.

Религиозное чувство есть продолжение чувства природы, а без этого чувства остаются лишь счеты людей между собою.

Задумал путешествие с учениками в Москву и Петербург.

26 Апреля. Сухо, ветрено и в среду холодно. Полный расцвет черемухи, вишня зацветает в городе, груши в бутонах.

27 Апреля. Тихо, прохладно. Вечером была малиновая заря. Убил вальдшнепа, но совсем равнодушно, потому что их время прошло. Когда сидел на тяге, то пахла земля сама собою, а как пахнет собою земля? как в свежеразрытой могиле.

Видел во сне, будто я на войне, сижу где-то в яме и режу сало тоненькими кусочками и в этом все мое занятие на войне. А Стахович едет в Хрущево, и мне приятно, что он поговорит там о мне, как о герое. Хотя и я сам отправляюсь в Хрущево, но Стахович должен раньше там быть, потому что он в автомобиле, а я пешком. И вот я выхожу и сразу вижу Хрущево, но думаю, что это кажется так; иду, нет! Вот Хрущево и я в нем раньше Стаховича. Вижу, Дуничка так неутешно плачет: умер Илья Николаевич.

28 Апреля. На восходе небо пестрое, но мягкое, и утро все голубое с белым — небесная пахота после дождика. День вышел раскрытый, майский. Дуб развертывается. На каждой болотной кочке фиалка цветет. Сильные хорошие росы, Егорьевская роса пуще овса. Вечером голубые плотные облака были, как горы, на краю небес и не мешали солнцу чисто садиться. В Чистике Флейта согнала крякву с гнезда и погнала ее, а та, перелетывая, долго водила ее по болоту, увела, бросила и, подлетев, пешком подбиралась к гнезду. Я взял утку с гнездом, 11 яиц.

Чистик прекрасен тем, что недоступен вторжению человеческих хищников, и видно, что там на горах деревни и усадьбы, и слышны голоса, стук, звон, ругань, а кажется, что это долетает с другой земли. Так хорошо! Кажется, всякая мелочь, на что ни кинешь взгляд, все просится на вечную память: как жук летит, жужжит, и схватываешься за ружье, принимая за вальдшнепа, как бегут по болоту быстро, будто овцы, журавли, сверкая павшей на них с кустов и травы росою, а как серьезно-хозяйственно пролетает цапля! сейчас все птицы серьезные, устроились с гнездами, только одна кукушка, как дачница, начинает свою майскую любовь.

В среду и четверг ездили в город, с трудом тащили за собой лошадь. Так прикрепили ко мне мужика, а мужик прикрепил меня к лошади...

Торжество раба

Несем с Левой из лесу дрова, встречаются мужики. «Что же,— говорят,— каждый день так на себе носите?» И захохота-

ли сатанинским хохотом. Лева сказал: «Мало их били!» Какое скрыто в мужике презрение к физическому труду, к тому, чем он ежедневно занимается, и сколько злобы против тех, кто это не делал, и какая злая радость, что вот он видит образованного человека с дровами. «Мужики» — это адское понятие, среднее между чертом и быком, а крестьянин Спиридон Никитич — прекрасное существо. В конце концов, мужики, конечно, и составляют питательную основу нашей коммуны.

Недаром голубая весна так влечет к себе мое существо: смутные чувства, капризные, как игра света, наполняли большую часть моей жизни. Ведь в 47 лет только я получил, наконец, от женщины все то, что другой имеет в 25 лет и потом остается свободным для своего «дела».

1 Мая. Пасха. День такой, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Несколько плотных облаков расступились при восходе и солнце вышло на весь день. В обед были полуденные светлые кучевые облака. К вечеру нашло дождевое облако и несколько минут шел при солнце теплый дождь. Дети купались. В этом великолепии люди как-то притихли, держались скромнее и не портили торжества. Пасха — это почти что природа. Прилетели ласточки. Зацветает сирень — конец весне.

Две пасхи

Сошлись «две пасхи». При звоне колоколов слышалось «Христос Воскресе» и «Вставай, подымайся, рабочий народ». Для устройства рабочего праздника была к нам командирована Фрида Абрамовна. Говорили, что в Библии есть указание о двух пасхах. День был, однако, такой богатый, что его хватило бы и на три пасхи. Одному забубенному мужичку в Лабушеве мы сказали, что у нас в Алексине сошлись две пасхи. «Ух! буржуазия!» — сказал он. Так он сказал для праздника вместо матерного слова. Под вечер замолкло и «Христос Воскресе», и «Вставай, подымайся», зато все пели согласно «Ванька Ключник, злой разлучник».

2 Мая. Цветут сады. Пылится ель. День, как вчера, хороший, но похуже — второй сорт.

3 Мая. Еще пооблачнее, еще похуже. Тетерева токовать перестают мало-помалу. Вальдшнепы еще токуют. Ласточки очень заняты гнездами. Ночью дождик небольшой.

Разговаривали:

— А все-таки коммуна очень способствовала сознанию.

— Еще бы! у меня по лености хламу в доме было очень много, и не знаю, чем бы это окончилось, не заведись крысы, стал я уничтожать крыс и очистил дом. Крысы очень способствовали очистке моего дома, как пожар устройству Москвы и коммуна — государству.

Коммуна — это название скелета нашей покойной монархии, это кости государственной власти, по которым нельзя узнать лица; а кости государственной власти — ее принудительная сила, общеобязательная, как смерть. И как смерть противоположна жизни, так и коммуна — свободе; захотели свободу, так вот же вам испытание: коммуна.

Между тем истинная свобода находится по ту сторону такого разделения: раб разделяет чувство свободы и принуждения, монах разделяет женщину на мадонну и проститутку, а рожденный свободным, как рожденный чистым, не знает такого разделения. И только такой человек может создавать нам свободу.

Были в Плоском у Дедкова. Холенков Гаврила Васильевич.

Охота на тетеревей с подвижной будкой. Делается будка из ореховых прутьев, обручи, расставленные на $^1/_4$ арш., вся обшивается еловыми лапками. При переходах держатся руками за обручи.

5 Мая. Все блестит после дождя, желто-зеленый дуб, пышные березы, сады в полном расцвете. Кукушка неустанно кукует, до 67 лет жизни обещает. Пушица летит. Подбел цветет на болоте. Жуки жужжат. Комар тронулся всей силой. Отпылилась ель.

Два больших хищника-тетеревятника взвились, играя друг с другом, над Чистиком, один из них, который вел игру и, видимо, самец, был серого цвета, а другой светлого; оба они, поиграв в воздухе, опустились и пропали в мелком осиннике.

С треском вылетела очень близко, видно, с гнезда тетерка и немного подальше от нее черныш.

Потом еще один вылетел черныш и еще ближе, видно, токованье оканчивалось и, теряя первые перья от линьки, тетерева начинают подпускать ближе.

Мы выбрались из кочковатого мелкого леса на клюквенное открытое раздолье Чистика. Каждая кочка была покрыта розовыми цветочками подбела и тут же краснелась перезимовавшая моченая клюква. Совершенно белый сокол то поднимался над кочками, то опускался в них. Всюду в воздухе стонали кроншнепы. Чибис кокетничал в воздухе белой подкладкой своих черных округленных крыльев. Сорвался один дупель, потом другой, третий — высыпка дупелиная. А бекасы уже оттоковались, и только изредка слышался их короткий крик барашком. Перейдя все болото и потом мелкую березовую заросль на канаве, заросшей осокой, мы спугнули цаплю, близехонько от нас, плохо управляя ⟨*1 нрзб.*⟩ своим раскидистым и плохо налаженным для взлета существом, она наладилась на прямую линию и пошла через лес. В сосновом лесу собака спугнула, кажется, рябчиков, но они на свисток не отзывались.

Перевалив через гриву, мы подошли к речке, узенькой, ржавой, покрытой кувшинками. Далеко не доходя до нее, земля

под нами стала качаться, бурчать и вдруг проваливаться иногда на целую ногу, так что себя самого приходилось вытаскивать за ушки сапога. «Тут самое утиное царство!» — сказал я. И не успел сказать, как вылетела кряква и за нею селезень, который свалился от выстрела на ту сторону речки. Минуя Городище, заросшее высоким хвойным лесом,— пристанище волков, мы перешли в Кишкинский мох, потом на Мартыново поле и тут еще согнали одну тетерку с гнезда. Возвращались по дороге лесами, блистающими свежей зеленью.

Сват из Еловки рассказывал, что в их деревню приехали рабочие на американском поезде от Москвы до нас за 3 р. николаевскими, что билет брали прямо в вагоне и что поездов три рода: скорый, курьерский и lux. Видимо, есть зерно правды: не польские ли это поезда?

Семья наша, как и каждая семья, была ячейкой, к которой примыкали семьи родственников, соседей, старинных знакомых. Когда нас разорили и умерла мать, сестра и я переехали в другое место, то, казалось, умерли и все родственники, тетки, двоюродные сестры, племянницы — никаких отношений, все распалось. А страшно, кажется, они все были так близки, так любили, так уважали некоторых из нас. Распалось, потому что отношения были не личные, а домами, через мать, через род — дом наш исчез, и все рухнуло.

Есть люди, которые не могут жить без другого человека и пилят и сосут этого близкого всю жизнь, мучая его и сами тем мучаясь и питаясь мучением своим и своего близкого. Такая была сестра моя Лидия в ее отношениях к матери. А матери было так, что если бы никого не осталось возле нее, она бы сама создала себе восторг жизни, встречая всюду у большинства людей то, что она любила. Ей не нужно было возле себя постоянной стены ближнего, заслоняющей так называемым нравственным людям Божий мир. Ее любимое существо встречалось ей всюду, переходящим от одного человека к другому. Она делала все, что могла, для семьи, для общества с радостью и не могла понять, почему на дне ее радостной чаши жизни, и, кажется, такой здорово-естественной, заслуженной, оставался горький осадок — Лидия. Нет, она не была нравственное существо, потому что основа ее веры была вера в удачу, и успех личный без вреда другому она и считала всей нравственностью. Живым укором ее веры в жизнь была Лидия — неудачница. Смутно где-то в глубине души она чувствовала вину за радость к жизни и страх перед наказанием за это (хотя жила безукоризненно в общежитейском смысле) — и это наказание видела в Лидии и терялась, бессильная, перед ее существом.

Есть такие вопросы для своей жизни, которые, как ни думай, все равно не одумаешь за свою жизнь, и решаются эти вопросы после и другими людьми, каждый человек оставляет после себя

как бы наследство, и потомки должны его продолжать. Вот и мать моя лично не могла разрешить вопрос о Лидии, и обе они ушли, не решив ничего. Теперь, думая о своем, я все время обращаюсь к ним, чтобы не вышло нерешенным, как у них.

Любящая рука разрешает мелочи жизни, и это называется женским хозяйством. Выньте это из жизни, останется номер гостиницы и ресторан, клуб.

6—8 Мая. Табак отсырел, пошли перемочки, сегодня воскресенье, с утра все небо плотно — ровно-серо, обложено. Из этого полутумана слышится ку-ку. Прислушаешься, и долетает иногда колокольный звон жизни.

Нашли гнездо кроншнепа с тремя большими (с куриное) яйцами, конусообразными, покрытыми по зеленому коричневыми пятнами.

Ждали все какой-нибудь катастрофы в природе по случаю слишком ранней, дружной и роскошной весны, думали, что суховеем кончится, или засухой, или морозами, а кончилось тем, что начались дожди, и весна закончилась еще роскошнее, чем началась.

10 Мая. Засвистела иволга утром, ночью дергач старается. Ясно, роскошно, роса и труба пастухов.

Ночь на понедельник в Чистике. Земля теплая, душистая, на небе облачно-крепко. На три аршина впереди белеет дорога, облака собрались птицею во все небо, летящей на восток, те крепкие облака, днем плотно-синие, а ночью черные. Черная птица закрывает восток. Отчего же светлеет и светлеет путь? Или рассвет? Вот голова птицы разорвалась и, как луна невидимая, светит нреузорный свет. Пахнет сильно березовыми вениками, так тепло, что кустики ночевать просят. По-прежнему дрожит свист кроншнепа, изображает свистом, как брезжит свет. Коростель неустанно старается. Потом взялись кукушки кругом по всему горизонту в лесах. Так много их, будто в кузнице молотками стучат. Бекасы хорошо токовали, куропатки, тетерева.

Такая теперь стала легкая ночь. Сирени полный расцвет, вишни облетают. Пушки (осиновые?) тополя летят с утра и до вечера, сеют и сеют. Желтая акация цветет.

Как нас обманул кроншнеп, мы подкрадывались с ружьями, а их там нет — ямка! унесли яйца.

Утята дикие вывелись.

Шумит березовый жук.

Сват, хозяйственный и, как слышал я, скупой мужичок, всю зиму снабжал меня табаком и, наконец, явился в Праздник

в гости, и опять с табаком. Я сидел с ним полдня, разговаривал о том, о сем и все думал, как и чем мне отдарить его, не так же он посылал мне табак. Наконец, я решил спросить его самого, чем бы я мог помочь ему (за табак).

— Квинту,— сказал он,— очень мне нужно квинту.

— Квинту?

— Скука находит, а у меня есть скрипка, вот играю и глушу время, а квинта и оборвись.

— Хорошо,— сказал я,— постараюсь достать, а еще что?

— Еще что? рассказ мне нужно. Был у меня рассказ хороший, любил его читать, приехали мои ребята, знаете, какой это народ пошел теперь, не углядел, искурили, вот мне бы рассказ.

Я принес старику сочинения Боборыкина, томов пятнадцать в хорошем коленкоровом переплете:

— Посмотрите, нравится?

Он посмотрел один рассказ «За убийцею».

— Очень,— говорит,— нравится.

— Возьмите все!

Он даже испугался, верно, подумал, что ему не отдарить или что я стащил эти книги и не отвечать бы за них. Взял один только том «За убийцею» и очень довольный обещался прислать еще табаку и звал в гости.

11 Мая. + 23 Р в тени.

Кругом ходят, погромыхивая, дождевые облака. Кричат перепела. Запел соловей. Лист загустел на березах и затенило. Болото нагрелось, пахнет березой. Полный расцвет сирени. Яблони начинают цвести. На рябине показались белые лепестки. На болотах желтые почти исчезли, и все стало морем зеленым, слились болота, поля и леса. Колосится рожь, показались первые грибы — подколосники (подберезники, черные).

Надо заметить, что поповичи своей способностью работать где бы ни было, приспособляться, оглаживать отношения играют большую роль в Советской России.

Разумеется, знаешь умом, что множество людей так же хорошо чувствовали, как я, но сердце каждый раз изумляется, догадываясь о ком-нибудь, что и он такой же наивный человек со своими маленькими тайнами, что он близкий.

Коммуна

Народ не понимает цели коммуны и каждый занят личным делом.

«Кажон теперь для себя!» — слышал я, недавно сказала старуха в деревне просящему Христа ради.

Представляю себе коммуну, как большой парадный чисто отполированный квадратный стол; в будни он пуст, в праздники на нем ставят гипсовый бюст Маркса, заседают, говорят речи,

играют «Марсельезу». Спев и поговорив, все расходятся. Зато под столом пьют самогон и поют «Ваньку Ключника». В состав подстольного общества входит прежняя служебная мелкота и, главным образом, прежняя полиция, жандармерия, поповичи, недоучившиеся гимназисты, все то общество, которое бывало от скуки выходит глазеть на станцию проходящий поезд, все «вторые скрипки», описанные Чеховым. Им и самим бывает тошно от этой жизни, они сознают, что так всегда быть не может, и при первом тревожном известии из центра говорят о конце и даже обращаются к Библии, выискивая пророчества про Аввадоново царство. Когда бунт подавляется, все они опять думают, что ничего, поживут еще долго, делают двойные, тройные усилия для выполнения завета «кажон для себя».

Что же из этого может выйти, если исключить всегда грозящую опасность провала коммунального стола. «Добро перемогает зло»,— говорят в народе. Трудящийся человек, в конце концов, неизвестно какою ценою одолеет бездельника. Но это уже не будет коммуна — общественный стол, а коммуна — общеобязательная принудительная государственная власть, которую можно называть — равно коммуной, или монархией, или республикой. Я думаю, что немногие честные люди, которые теперь служат в центральных учреждениях, в этом смысле и самоопределяются в своей совести. В конце концов, всем надоест смотреть на пустой стол и каждый будет находить себя, и так сложится общественное мнение, общество, которое своим фактом существования смягчит принудительную власть, станет размывать, рассасывать ее, как волны, всегда деятельные, размывают неподвижный берег.

Сколько же лет пройдет этой жизни без всякого смысла? Нельзя сказать. Как в личной жизни, так и в общественной бывают роковые столкновения, возникают вопросы, которых, как ни думай, все равно не одумаешь за свою жизнь, и решаются эти вопросы п о с л е и другими людьми. Это наше духовное наследство грядущим поколениям.

Суховей

Небо словно выцвело, все ровно-песочное, желтое, и солнца не видно весь день: кругом горят болота. Вчера мы посадили мер 15 картошек на земле, из-за которой пришлось воевать (чуть не обделили товарищи). На чужой лошади пахал, семена собирал по ученикам, как поп. Тройник сломался в телеге, сколько было хлопот, чтобы опять сколотить драгоценную навозную телегу! И как чуждо мне было это «земледелие», из которого вынута душа толстовства, эсерства и просто собственника, а, казалось бы, ведь это идеал: я — учитель и я — земледелец.

Душа земледелия в том, что работаешь как будто для себя, а на самом деле для других. Теперь эта работа только для себя, к земле циническое отношение: вытянуть с нее картошку для

поросенка и бросить. После такой работы ночью просыпаешься, и вот боль, такая боль в душе, что голосом начинаешь продолжать ее, и поднимается вой, животный вой, так что собака в другой комнате отзывается.

Как я опустился в болото! Немытый, в голове и бороде все что-то копается. Мужицкая холщовая грязная рубашка на голое тело. Штаны продраны и назади и на коленках. Подштанники желтые от болотной ржавчины. Зубы все падают, жевать нечем, остатки золотых мостиков остриями своими изрезали рот. Ничего не читаю, ничего не делаю. Кажется, надо умирать? Лезет мысль — уйти в болото и там остаться: есть морфий, есть ружье, есть костер — вот что лезет в голову.

14 Мая. Похолодело сразу с + 25 Р до + 7. Суховей. Небо только на самой лысине голубое, а по сторонам желтое от дыма горящих лесов.

Миллионы художников могут, не ссорясь между собою, пользоваться одною булавочной головкой натуры; так верно, если бы развить все творческие силы человека, то немного бы им нужно было земли и всякой материи, и воевать бы тогда было не из-за чего. Вообще для творчества нужно немного материи и не в материи вопрос, может быть, даже, если вопрос ставится о материи, то это бывает признак, что творчество нарушено, и революция есть именно момент нарушения творчества.

Творчество чувствуется как освобождение от материальности, преодоление материи, наоборот, чувство тягости материи лишает творчества.

Люди, видимо, не могут быть всегда в творчестве (в духе), это промежуточное состояние их, когда чувствуется тягость материи, называют долгом или крестом, это чувство — мать всей морали. Так, цвету (или творчеству) предшествует подземная, корневая жизнь долга (креста).

Цвет и крест иногда враждебно встречаются, и то гибнет крест, обращаясь в ханжество (напр., «Дон-Жуан» Мольера), то, напротив, цвет растворяется в шансонетке (то же «Дон-Жуан» у Пушкина).

В Феврале мы встречали революцию, как цвет,— ошиблись, а потом живем до сих пор с вопросом — крест это, за которым последует цвет, или же состояние вне свободы и долга, вечная погибель, распад? С самого начала рассуждения мы верили, нечего ждать цветов от революции, но чувство долга не должно покидать нас.

Во всем творческом процессе начало его бывает трудно, как начинается он чувством тяжести материи, и если распадается, то появляется чувство гадости. Вот и думается, что сейчас мы испытываем чувство гадости, хотя трудно остановиться на этом по случаю своего личного несовершенства. Ищешь поправку своему личному в других, даже хватаешься

за «честного коммуниста», ищешь его... а не можешь найти. Но это и очень наивно — искать морали среди насильников и убийц, искать нужно с другой стороны, там, где всё выносят и не теряют веры, но эта область еще более закрыта личным несовершенством, усталостью, ленью, способностью удовлетворяться малым. Тяжкий вопрос для каждого, кажется, не разрешимый сознанием и внутри настоящего, а п о с л е нас, после нашей смерти.

15 Мая. Тихо. Последний переход весны: густолиственность леса и парка, березовые листья все еще блестят.

16 Мая. Опять больше + 20 Р в тени. Бегали тучи, гремело, но дождь не пошел. Табак отсырел.

17 Мая. Гроза. Пролил дождь. К вечеру стало прохладно.

18 Мая. Ветрено, прохладно (+ 7 Р). Небо закрыто вверху постоянно, а внизу перебегают осенние тучки.

19 Мая. Заря — теплое оранжевое кольцо. Майские лунные ночи. В сумерках жуки. Соловьи.

Рожь выколосилась наполовину, через 7 недель, то есть к Петрову дню, должна созреть, и даже неделей раньше.

Зародыши пейзажей.

Летний дождь под елью.

Майский холодок вечером, заря кольцом, воздух ровный, канделябры сосновых побегов.

Ночь в пуне: поссать за углом.

21 Мая. По вечерам на лугах холстом расстилаются туманы и утром поднимаются к солнцу, открывая поля одуванчиков. Сильные, долго не сходящие росы. Тетерева еще токуют, вальдшнепы еще токуют. Густо-зелено. Посевы кончены. Луга заказаны.

Остается 6—7 недель до урожая. С 10 по 17 Мая — рабочая неделя. С 17—25 —именинная. С 25 по 2 Июня — школьная. Потом 3 недели до жатвы — неизвестная и потом — охотничья.

Никола Вешний: *9—22 Мая.* ***Воскресенье.*** Ливень пролил.

10—23. ***Понедельник.*** Утро — туман после дождя. Идем на Осьму.

24 Мая. На Осьме в Дубах. Холодно, ветрено. Вернулся.

25 Мая. Ясно, но холодно и ветрено. Трава сильно растет. Принес ландыши. Рожь зацветает. Расчет: 22-го Июня поспеет.

27 Мая. Первый свет зари. Еще черные деревья. На далеком конце озера поет соловей. Ему вторит коростель. Проснулась

кукушка. Тихо, таинственно! Слышно, как по деревянному мостику — топ-топ-топ, часто, часто! — пробежала зверушка. И что-то булькнуло в воду. Почему же я думаю про еврея Цейтлина, которого пригласил на воскресенье к себе посмотреть мой серебряный чайник. И еще я думал, что нужно все распродать и во что бы ни стало купить корову, что без коровы не прожить. Поймав себя, я поставил ставню навстречу восходящему солнцу. В темноте думал, вычислял, что 40 учеников, отдавая в год по четыре пуда, могут содержать четырех учителей.

— Почему же ты не довел меня?

— Зачем мне было доводить тебя, если я мог взять уже образованную женщину?

Вся и прелесть была в дикости, все сопровождалось верой в мощь народных сил.

Признак выздоровления: болезнь «отпускает» оглянуться вне себя и этому обрадоваться. То, что было между теми двумя женщинами — болезнь, и потому, смотря в себя, в свою болезнь, она никогда не могла найти себе выхода; наоборот, чем больше мер она принимала для освобождения, чем осторожнее старалась быть в отношениях, тем больше были взрывы злобы.

Раньше есть собирались вместе, а срать врознь, теперь едят врознь, а срут вместе: коммуна!

Письмо из Англии!

Смертельная тоска и усталость, но вот уж не скука, еще лет пять такой жизни, и понятие скука лишится в нашем сознании всякого психологического основания. И вот, оказывается, существует мир, где люди скучают иногда,— в Англии, где есть обыкновенная жизнь! Прошлую ночь я разговаривал с кошкой, а днем я распутывал дело о мошенничестве комиссара здоровья, его товарищ за него ручался, уверял, что человек он жалостливый и знай, как я нуждаюсь, то не украл бы у меня кольца. «Коснись,— говорил он,— меня самого, да приди вы ко мне со своей нуждой, так я...— он подумал немного о том, что бы он мог дать такому человеку,— так я бы дал меру картошек! Ей-Богу бы дал, не верите?» Прошлую ночь разговаривал с кошкой, прошлый день с комиссаром, а нынче то и другое одинаково кажется сном, и вдруг письмо из обыкновенного мира, где не спят, где постоянный день и очень много продуктов продовольствия и можно скучать.

Ив. Серг., проклявший сов.Россию, теперь хочет вернуться в нее из ентой Англии.

Пословица: хрен не слаще редьки.

Трудовая Армия, или законные зайцы

Незаметно сложилось так, что множество молодых людей ходят теперь на разные заводы бесплатно работать под

угрозой, что иначе их заберут на войну,— вот это состояние военнообязанных и есть осуществление желаний — мечта поправить дело войны-разрушения на дело созидания. На вопрос мой этим законным зайцам, как они работают, они сказали: «Не работаем, а солнце ловим в пехтерь» (пехтерь — сетка для сена).

Вера в человека

Я доверил свое кольцо комиссару, а он его украл. Вас. Мих. сказал: «Верить теперь можно только себе, и то до обеда».

Разрушение пространства

Разделение на здешний мир (земной) и «тот свет» (идеальный мир) явилось от несчастья, страдания, греха, а грех — «такое действие», от которого наше умственное существо и чувствующее распадаются и существуют в нашей душе, как два отдельные мира. От этого наша жизнь часто представляется каким-то тяжелым путем на далекое расстояние. Но бывают страсти — психологические взрывы, которыми разрушается расстояние, пространство, предмет становится лицом к лицу и мир обыкновенный желанно-прекрасным. Так бывает у влюбленных, поэтов, охотников, страстно-добрых, религиозно-любящих, удачливых игроков и дураков. (Достоевский на этом пути создал своего кн. Мышкина.)

Ласточки

— Трудно устроить мельницу, а ласточки сами будут летать над водою.
— Ласточек нет.
— И мельницы нет.

Ландыши

В ландышах вечная весна — сама весна, со всею прелестью детской любви. Поздняя, осенняя любовь не оставляет такого следа, как бы ни была прекрасна осень, она кончается грязью. Так и поздняя любовь кончается плохо.

Марксисты и эсеры

Пусть они разделяются на меньшевиков и большевиков, в них одинаково посеяно зерно насилия, мораль пала вместе с эсерами (хороши и эсеры!).

Германия

Видел Германию и ни разу за два года жизни там не видел признаков социального бешенства. Немцы временно отлучены

от нас, они органически наши, без них у нас пустое место, которое занимают воры, пьяницы, над которыми все смеются.

Жизнь сильнее

Можно ли говорить женщине о Боге и Его заветах, если она только что убежала от мужа?

Жизнь сильнее!

И если люди, отчаявшись в общем деле, стали каждый врозь спасать свою жизнь, как теперь,— что же можно им говорить о заветах общежития — жизнь сильнее!

Пришлась она ему, как жир на сухой сапог.

26 Мая. Дни пошли майские, роскошно-равнодушные к нам. Соловей поет. Примериваюсь, прицеливаюсь, как бы начать свое стариковское ремесло, а никак не начнешь.

Политику мы переняли у женщин.

Чувствую и теперь в себе нераскрытую силу, как метеор, пролетающий в безвоздушном пространстве. Я не ищу, как слабые, оправдания мраку своей пролетающей души, но я ищу сопротивления, как метеор.

Людей нет? Неправда, все люди здесь, но их души летят во мраке, не светят другим, как метеоры не светят в безвоздушном пространстве.

27 Мая. Таинственно и внятно поет соловей, пока еще не померкли звезды, а как взялась заря, тут маленькая птичка так настойчиво твердит славу утру, что соловья и не слушаешь. Опять, как вчера в это время, по мостику — тук-тук-тук — два кота мчатся друг за другом, и топот их по сухой земле слышен далеко. Только раннее утро и тихо, потом стучат, гремят, ругаются, вечером пение с лодок: «Комиссар ты будешь с виду и подлец душой». Начинает фельдшер со стороны больницы, а потом мотив охватывает все озеро, и, пока не уснешь, все слышишь один мотив и одну фразу: «Ничего подобного!» Легион голосов повторяет: «Ничего подобного!»

Как давно мы «покорили» природу, загубили леса, распугали, разогнали, перебили птиц и зверей — куда все девалось! Только в ранние утренние часы еще можно подслушать жизнь ее. Как малое дитя, мы должны бы теперь оберегать ее, охранять. В эти часы можно понять то прекрасное, что осталось еще вне человека, а потом весь день бываешь свидетелем той природы непокоренной, которая осталась внутри человека. В природе нет того, что мы называем «зверское»: зверь в природе не судим, он может быть и хорош, и плох, как взглянется. Но убитый в природе, он как будто переселяется в душу человека,

и тут только он становится тем «зверем», который действительно страшен и непокорим. Ты, человек, покоряешь природу и воспитываешь в себе небывалого зверя, имя которому Легион.

Разработать:

Замечаю, что самую прочную добрую минуту в жизни имеешь, когда собираешься с духом устранить что-нибудь мелкое, раздражающее, напр., вычистить комнату, особенно хорошо бывает, когда возьмешься, наконец, поучить детей. Люди порядка этим и существуют.

28 Мая. Вот когда настоящая густая зелень, вот когда роскошно и так мило, и так велик, сложен майский день, что описать его невозможно.

На солнце находят спеющую землянику. Скоро липа зацветет.

Легион — название покидаемой духом, низвергающейся, рассыпанной материи. Падая всей массой, Легион встречает на пути своем сопротивление в других организованных существах, обреченных на гибель, в единицах, противопоставленных падающей в бездну массе. Движение лавинного Легиона шумно, весело — сдвинутая материя возвращается назад в свою первозданную Косность. А сопротивление ей в духе мрачно, ужасно — в этом трагедия. Ужас нашего времени состоит в том, что имена духов, стремящихся поднять вперед с собою материю, даны падающему Легиону и, наоборот, Легионом называют сопротивление стремящегося вперед Духа.

30 Мая. Утро обмывалось теплым дождичком, солнце взошло и над лесом, только в одном месте, как дымом, туманилась низина: похоже, будто леший себе там баню топил.

Символ значит объединение, символизировать значит сводить к одному, но не одним умом по общим признакам, а посредством особой интуиции, дающей начало религиозно-художественному творчеству. Ум в этом деле играет роль простого работника, носящего кирпичи для здания (какой это хороший и самый возможно-свободный работник!). Так называемая чисто «интеллектуальная» работа без посвящения в начале сердца есть воровское творчество. Всякое истинное творчество было и будет всегда символично, и потребность в новейшее время выделить такое понятие явилась ввиду господства чисто интеллектуального (механического) творчества, напр., школы натуралистической и всеобщей фальсификации искусства и культуры.

2 Июня. Жара. Васильки встретились с ландышами.

4 Июня. В четверг и пятницу мы были на этнографической экскурсии в районе Пузынина. Залиняли петухи, убит 〈*1 нрзб.*〉 1-й. На Кавказ за коровой.

Афанасьевы уезжают на Кавказ. Выхлопотали место для своей коровы и сами едут с ней как проводники.

6 Июня. Мишины именины. Наконец хлынул дождь и моросил целые сутки. Температура с +25 Р упала до +5 Р. И все как осенью.

Моя ⟨*1 нрзб.*⟩ разделится на два цикла: 1) Зимний и 2) Летний солнцевороты.

Разговаривали о прошлом и настоящем: вот важный момент, когда пришлось увериться, что на этом фронте еще хуже. Теперь мы установили, что стало лучше, народ одумался — это похоже на солнцеворот.

Москва летом 1919 г.

Профессор:

— С тех пор, как увидел я, что памятники чугунные и медные падают, как домики из карт, я пришел к выводу, что лучше делать их из гипса.

Настроение общества: будто ходишь босою ногой по битому стеклу.

Родные

Укоры совести, что не пишу родным, исчезли: писал, хотя насилуя себя, письма и не получил ответа. Теперь спокойно считаю всех мертвыми, и все они со мною мертвые лучше, чем живые. Ласточка вылетает из гнезда и видит вокруг себя все ласточек, хотя они и не были с ней в гнезде. Так и я встречаю везде родных под другими именами, и они все так же добры ко мне, как первоначальные родные. Сегодня мне снилось, будто я еду в снежных волнистых полях и за мною с длинными палками в руках идут и мать моя, и сестра, и Дуничка, и братья, а снежные суметы такие большие, что как в горах; я иду впереди и вижу высокий гребень субоя, мне легко перебраться через него, но вижу, что трудно для женщин, я им указываю правее, сам перехожу. Вот и железная дорога и поезд дожидается, вхожу в вагон, но где же мои родные? Или они вошли тем путем раньше меня, спрашиваю, ищу по вагонам — нет и нет! Как будто они исчезли в снегах, слились с голубыми тенями суметов. Я еду один и без шапки — где моя шапка? Осталась в снегах? Нет! я забыл ее, шел без шапки, еду без шапки один на гремящем поезде по засыпанной снегом России.

9 Июня. Вознесенье. К 14—27 Мая добавление: К. Леонтьев передает мысль Милля о том, что, истребляя последние убежища диких зверей в природе, мы иссушаем источники самых глубоких мыслей человека. (Нельзя осушать болота, из которых берут начало великие реки; нельзя истреблять заповедные уголки природы, потому что с ними таинственно связаны самые глубокие потоки человеческой мысли.)

О народе. К. Павлова

Всегда, в его тревоге страстной,
Являлся вслед за мыслью ясной
Слепой и дикий произвол;
Всегда любовь его бесплодна,
Всегда он был, поочередно,
Иль лютый тигр, иль смирный вол.

О труде. К. Павлова

Труд ежедневный, труд упорный!
Ты дух смиряешь непокорный,
Ты гонишь нежные мечты;
Неумолимо и сурово
По сердца области все снова,
Как тяжкий плуг, проходишь ты,
Ее от края и до края
В простор невзрачный превращая,
Где пестрый блеск цветов исчез...
Но на нее в ночное время
В бразды — святые сеять семя
Нисходят ангелы с небес.

А. Блок

Грешить бесстыдно, непробудно,
Счет потерять ночам и дням
И с головой от хмеля трудной
Пройти сторонкой в Божий храм.

В моей писательской карьере слишком много отнялось времени на установление себя в этой области, с чем неизбежно связано развитие таких инстинктов, которые противоречат свободе творчества. После некоторых достижений извне я поставил, однако, стража на охрану сокровища смиренных, который и стоит по сей час на своем посту.

— Что это? проповедь рабства?

— Мы все рабы, только те, кто знает своего господина и любит, называются свободными, а кто не знает и ненавидит, настоящими рабами, я — люблю своего господина.

«Идиот» Достоевского, кн. Мышкин, соединяет небесное и земное, видит далеко в близком, он проницательный и не может ошибиться — ветряная мельница перед ним или человек.

10 Июня. Темрюково поле. После 2—3 дней дождя установилась прежняя роскошная погода. Был в Пузынине — пустыня в цветах. Обедал в лесу — хлеб с земляникой. Убил тетерева-черныша.

14 Июня. До восхода небо обложило ровно и пошел мелкий дождь.

17 Июня. Так и продолжается: пасмурно, мелкий дождь и временем холодно, как осенью.

19 Июня. Троица. Проглянуло солнышко к завтраку. Через две недели жатва. Решил поступить в агрономы. Встает во всей силе Левин вопрос. Ходим в Пузынино — лесная пустошь, по краям деревни: Плоское, Колычево, Макеево, участок Томаш, Мильда, Плешавцево, Лочатино, Починок, Верховье, Чамово; названия урочищ: Турлесица, Березовый мох. Земляника на лугах кончается, в лесу очень сочная и крупная. Черника вполне поспела.

Провожал нас Ваня Вавилинков, мальчик 19 л., я ему советовал поступить к нам в школу 2-й ст. «А то,— говорил я,— пройдет года два, женят, так и останешься».— «Да я женат,— ответил он,— и еще в другой раз». Диво! 18 лет женился, ей было 16, полгода прожили — разошлись. Сегодня помин шестинедельный матери, а неделю тому назад он женился на другой девице 19 лет. Мать будто бы сама, умирая, невесту указала и не велела дожидаться 6-ти недель: «А то подходит навозница и жатва, без женщин дома нельзя».

Вот как перестраивается жизнь быстро, и как удивительно легко люди старого завета уступают жизни. Кажется, будто все эти семейные драмы написаны не о русском народе. В ответ на мои размышления у Севериковых мне сказали, что, как ни плохо все, а много революция дала и хорошего: прежде жили прохладно, много бы можно лучше жить — не хотели, не стремились, теперь же каждый думает, как бы ему лучше пожить.

Новое тоже явление, всеобщее стремление выйти на участки, в этом такая жажда, что даже свои землемеры явились: по закону, нельзя выходить на участки, так они промеж себя разделятся, а домашний землемер вымерит, и деревня расселяется без начальства. Так в недрах деревни вопреки коммуне осуществляется закон Столыпина. Азар Григорьевич (из Громова), когда я сказал ему, что хочу поступить в агрономы в Совхоз или в Колхоз, сказал: «Брось ты и Совхозы, и Колхозы, поступай к нам в землемеры, в темноту, вали в темную — сыт будешь, по пяти пуд. за раздел давать будут».

Удалось, наконец, повидать, как изготовляют самогон. Дм. Ив. этим занимается для добывания хлеба: «Так, говорят, не достанешь, а за самогон сколько хочешь». Винокурение было в лесу, прятались не от начальства (начальству все известно), а от своих, свои налетят и много надо угощать. В лесу стояла бочка с закваской, по случаю холода квасилась три дня, в бочке было растворено 3 пуда хлеба, из каждого пуда выходит четверти 2—3 самогона. Выкопали яму для котла вместимостью в 1 п. хлеба, под котлом развели легкий огонь, на котел надели бочонок, пазы и дырочки замазали глиной, в донное отверстие вставили змеевик и его опустили в бочку с водой для охлаждения паров, и у выходного отверстия для собирания драгоценных капель чайник. Огонь должен быть легкий, а то может взорвать аппарат. Разговор шепотом и напряженное ожидание первых капель. Кто-то рубил вблизи, ближе, ближе, вот он и виден —

рубит жерди. Мы видим, а он не хочет нас видеть, он все ближеет, дожидается приглашенья. «Ну, иди, иди, ой, не видишь!» Чайник наполнился — ах! забыли кружку! Пока чайник сливают в четверть, драгоценные капли поят землю. Гость берет поганое ведро, подставляет, и промежутки достаются ему. Тут же сидит, носит воду, работает Азар Григорьевич, для которого и делается самогон по случаю крещения младенца. Совершенно исключительный случай изготовления днем — всегда ночью, в тишине, когда только совы летают. Начальство, однако, может нагрянуть только «по злобе». Так один позвал по злобе милиционера. Конечно, милиционер пожелал выпить и стал мирить хозяина и врага его, долго враг упрямился и все грозил милиционеру, но в конце концов сам выпил, и, «когда уже мы подошли»,— повествует рассказчик,— все сидели, целовались, обнимались, пели песни, на шум собрались многие, все пели — пили и даже плясали. Так, сливая чайник за чайником, слушали мы рассказ про Турлесицу, где жили когда-то туры и теперь, верно, живет много зверя. «Что как это все звери и птицы подсмотрят, подслушают и себе примутся работать самогон!»

Не дождавшись окончания дела, мы пошли на охоту. В деревне не знали, что мы уже были в лесу, и таинственно говорили: «Вы бы шли к Дм. Ив. в лес, он угостит, хотите, проведу». Словом, все было известно, и народ не валил в лес только «по совести». Когда вернулись с охоты, то Азар Григорьевич уже с самогоном и в сопровождении музыкантов выходил с Громова на крестины и звал нас к себе «на музыку». Девушки играли в горелки.

22 Июня. Был агроном Андреев, подтвердил мои наблюдения о расселении крестьян за спиной власти, говорил, что это все российское явление и что это должно быть скоро легализовано, потому что единственный выход. Несколько раз я слышал от крестьян, что они готовы отдавать много государству, лишь бы дали им право собственности, причем тон этих слов выражал готовность работать до самозабвения и тем отделаться от ненавистной политики. Так теперь за спиною коммуны по всей русской земле над каждым мельчайшим куском ее завязывается узел личного обладания ею в поте лица и так создаются те крепкие земле люди, которых хотел насадить Столыпин.

Любопытно еще наблюдать, как легко расстаются крестьяне со всеми заветами прошлого, если это только требует хозяйство, причина этому материальная скудость, вечная угроза голода.— Откуда же берутся «принципы»? — От удобрения! «В ночное время — в бразды святое сеять семя нисходят ангелы с небес». «Ангелы» — это существа личные, личность может независимо от голода нести святое семя, но общество, народ, государство несомненно живут только в пределах железного закона двух глаголов — есть и съесть. А личность выходит тонким стеблем из удобренной земли, цветок свободы.

Завтра еду в город. Дела: Виноградскому о школе. Керосин у Сем. Демьян. Щенок у Афанасьева и чучела. Политпросвет для разрешения книг. Центр. библиотека. Комтруд: о плотнике. Библиотека музея. Мыло и табак в потреб. Комиссарово дело. Зубы. Учит.-свояченица.

Vivere momento [1].

Тов. Корнюшин, Михалкин с Шарапина, Иван Иваныч, участник с Вязмичей, крючок или хранцуз (что задирает всех, а Михаил, кот. все примиряет), какой-то Дмитрий Иванович.

Ив. Ив.:

— Дайте газету покурить.— Взяв газету: — Блаженны милостивые.

Корн.:

— И в карман! вот церковь! все учреждения под отчетом, только церковь не учитывают.

Ив. Ив.:

— Церковь отделена, потому что церковь наша и вам не подлежит.

— На что же тогда отделение от государства?

— Церковь наша, мы ее и учтем: она не подлежит.

— Далеко заглянул! вот у нас полено с печи упало, баба ревет, полено могло бы ребенка убить! а у вас и ребенка нет и не будет: стары.

Против коммуны: сын с отцом не могут жить. А когда скажешь о настоящей коммуне, то говорят, что это нужно — детей воспитать, чтобы дети не видели, не знали нашей жизни.

Михалкин признает две «вещи» в свободе: одна, что можно выходить на участки, и другая — разводиться с женой.

Словом, время стало новое, все поняли, что разом через узкие ворота в Царство Божие не войдешь, а нужно идти поодиночке.

Решение земельного вопроса: собственности не надо, собственность моя одна: яма на Едраши, а земля, пока я работаю, моя.

— Земля государственная!

— А я чей? я тоже государственный и земля моя, бросим работать землю, и переходит другому.

Конторщик положил на счетах мой паек:

— 36 ф. + 2 ф. на жену + 10 ф. на детей = 1 п. 30 ф., хорошо?

— Очень хорошо!

Мужик засмеялся: хорошо ли так, этакому человеку положили пуд хлеба, и он доволен!

Как ни грозит нам рок суровый,
Но снова вспаханы поля
И всходы вновь дает земля.
Как ни грозит нам рок суровый,

---

[1] Жить мгновением (*лат.*).

Но всюду знаки жизни новой
И взлет свободный без руля.
Как ни грозит нам рок суровый,
Но снова вспаханы поля.
Сологуб

26 Июня. Каждодневные дожди. Рожь налила, местами желтеет. Овес колосится и гречиха цветет.

С четверга был в городе. По пути видел, как целые деревни исчезают на участках. «Губернское запрещение».— «Губернское? тьфу! — если бы из центра!» Огромное значение этого факта. Разговаривали о схоластике сов. вл-и и чернобожии. Подобрать черты: напр., запрещение танцев, вычисления о безлошадных (сколько ангелов на булавоч. головке). Воспоминания: о докторе в Берлине и «Сикс. Мадонне».

На каком гвозде все это держится? — Чем черт не шутит, когда Бог спит.— Князя Оболенского разводишь — Обломанство.

27 Июня. Раннее утро. Солнце изнутри тучи. Теплый слепой дождь. Зяблик поет — только зяблик. Кукушки больше не слышно. День на убыль. Зелень на березах сереет.

День пошел на убыль. Липа цветет. Начинается вторая половина года.

Симфония зяблика в золотой дождик. Гад ползет и сверлит душу такими мыслями: «С февраля не получаю мыла, а все Уткина! вот поеду в Смоленск, упеку эту Уткину. Подам заявление...», подробно сочиняется заявление и жалоба, что меня не ввели в план снабжения.

Часто я и прежде ловил мысли этого гада, когда слышал хорошую музыку. Может быть, потому и гад теперь, что душа слушает музыку.

«Все тяжелое мира вещественного и все злое мира нравственного». (Письма об изучении природы. Герцен.)

«Сильная натура умеет выпутаться из затруднительных обстоятельств, умеет похоронить милое себе и, оставаясь верною ему, идти на новое действование и на новые труды; а слабые натуры теряются в своем плаче об утрате, хотят невозможного, хотят прошедшего, не умеют найтись в действительности и, как этрурийские жрецы, поют одни похоронные песни, не имея силы разглядеть новой жизни и брачных гимнов ее». (Письма об из. природы. Герцен.)

«Света не было бы, если б не было тьмы, или, если б он и был, то, беспрепятственно рассеиваясь, что освещал бы он? Но свет сам собою ставит тьму, тоска безразличности стремится к различению; на этом основана вечная потребность быть чем-нибудь; в этой потребности раздвоения проявляется Я, то есть субъективность природы». (Яков Бёме.)

«То, что было страданием во тьме, расцветает наслаждением в свете; все, что было страхом, ужасом, трепетом, станет криком радости, звоном и пением... Зло — необходимый момент в жизни и необходимо-переходимый... без зла все было бы так же бесцветно, как бесцветен был бы человек, лишенный страсти; страсть, становясь самобытною,— зло, но она же инстинкт энергии, огненный двигатель... Зло враг самого себя, начало беспокойства, беспрерывно стремящееся к успокоению, то есть к снятию самого себя...»

«Положительные науки имеют свои маленькие привиденьица: это силы, отвлеченные от действий, свойства, принятые за самый предмет, и вообще разные кумиры, сотворенные из всякого понятия, которое еще не понято: exempli gratia [1]— жизненная сила, эфир, теплотвор, электрическая материя и проч.». (Пис. об изуч. прир.)

Последние русские символисты, даже те, которые брали материалы из русской этнографии и археологии (Ремизов), лишились восприятия действительной жизни и страшно мучились этим (В. Иванов, Ремизов). Непосредственное чувство жизни своего (страстно любимого) народа совершенно их покинуло. И всегда символисты меня этим раздражали, и был я с ними потому, что натуралисты-народники были мне еще дальше. Мне всегда казалось, что для художественного творчества нужно, во-первых, заблудиться в себе до того, чтобы, вдруг нечаянно выглянув из себя, увидеть нечто вне себя и, временно поверив этому внешнему миру, отдаться ему, и потом, во-вторых, путем художественной работы передать другим, рассказать, как сон. Итак, в основе должна быть находка, предполагающая искание с верой в существование действительной жизни (реализм). Основание находки в вере своей, что это не я. Так что «блуждание» есть как бы процесс бессознательного творчества, и сила находки заключается в бессознательности: куда-то, зачем-то влечет... я называю с и л о й — уверенность в существовании находки; сила ее бывает так велика, что довольно продолжительное время можно без вреда для нее осознавать, вычитывать о ней книги, выписывать находящиеся выдержки, изображать; но можно и переосмыслить до того, что находка раздвоится: останется на одной стороне остов (т. е. вещь, ничего особенного из себя не представляющая и всеми видимая, обыкновенная), а на другой свое представление о ней, т. е., как это мне показалось, в таком случае пропадает творческий жар, который кажется теперь наивным пережитым состоянием. Так некоторые и всю свою жизнь засмысливают и остаются ни с чем. И вообще процесс творчества совершенно подобен жизненному процессу в его напряжении, в «жажде жить» и «ловить мгновения».

Сила бессознательности (втемную — пари) заключается

---

[1] Например (*лат.*).

в том, что на время «я» делается не «я», а часть мира вне меня, т. е. природы и общества, в это время через мое отсутствующее «я» и показывается нечто реальное, которое потом возрожденное «я» встречает «находкой». Вопрос в том, как и откуда вновь обретается «я» (хлыст: бросьтесь в чан и воскреснете вождями народа), и еще вопрос: как отрешиться от «я» и броситься в темную. Оба вопроса решаются при уверенности... т. е. так это должно происходить: Я высшее, имеющее с Мы и Мир равенство, отличное от них только малым, разумным «я», отдает это малое «я» в полной уверенности, что оно возродится; ведь в большом Я существует малое, и там оно все понятно, а трагедия заключается в невозможности малым «я» постигнуть большое. Так выходит, что Я возрожденное есть Мы.

Я стихийное (большое), из него выходит Я сознательное (малое), и, в конце концов, Я стихийное переходит в Мы.

Сознательное «я» для того и существует, чтобы перетворить стихийное Я в Мы. Так что гибель Я сознательного (малого разумного) предопределена, и у Христа она возводится в сознание (смертию смерть): сознательная смерть для спасения души и воскресения. Эта смерть (страдание) и есть единств. путь выхода сознат. из себя, другой путь: страсть.

Если бы художественное творчество захватило весь дух и всю плоть человека, то оно бы стало религиозным, и все отличие худ. тв-а состоит в том, что оно целиком не захватывает человека («как художник и как человек»), но в своем кругу, в своей частице плоть и дух художника имеет судьбу, одинаковую с религиозным творчеством, т. е. с творчеством жизни.

Истинное худож, творчество должно знать свое место и не становиться на место действия жизни, не становиться тем, что делает одна религия (дело жизни) (как у Ничше, Гоголя, Толстого).

Художник должен быть скромен, потому что свет его, как лунный, только исходит от солнца, но сам он не солнце.

Черт творчества — такое существо, которое берется не за свое дело (Черт Гоголя).

Черти бывают разные, начиная от маленьких попрыгунчиков, кончая демонами, вполне симулирующими дело жизни. Но, в конце концов, те и другие и третьи, все они делают не свое дело.

Сознание, что делаешь с в о е дело,— вот счастье и награда художника, и это есть добро, а не свое дело — несчастие, зло. Большие художники часто берутся за религию, а малые за публицистику. Толстой хорошо сделал, что отрекся от себя как художника, а Гоголь влип, как дурень, со всем своим художеством в религию.

В деле жизни многие берутся не за свое дело, и так порождается индивидуализм как начало, враждебное личности.

Личность может быть очень маленькая, но она всегда цельная и представительная, а индивидуальность всегда — дробь.

Истинный человеческий коллектив имеет одно лицо — это есть личность, тогда как коллектив Легиона не имеет лица. Безличный коллектив есть Легион индивидуальностей (бесы).

Так ясно подхожу я к критике нашего коммунизма: принудительный коллектив есть Легион. Но я ставлю себе вопрос — мое отвращение к этому коммунизму исходит от высшего Я, т. е. от сознания истинного коллектива, или же вся критика исходит от моего неудачного жизненного положения. Ведь я чувствую, что если бы наш коммунизм победил весь свет и создались бы прекрасные формы существования,— я бы все равно не мог бы стать этим коммунистом.

Что же мешает?

1) отвращение к Октябрю (убийство, ложь, грабежи, демагогия, мелкота и проч.).

Разбираю это первое, т. е. отвращение к Октябрю.

— Разве эта мерзость не существовала раньше? — Да, но она была привычная: на место этой привычной мерзости стала непривычная, и это вышло отвратительно.— Значит, ты был в «счастливом» состоянии, что привык к мерзости, однако это не аргумент ⟨*1 нрзб.*⟩ Октября.— Пожалуй, да.— Нельзя ли найти аргумент более веский, иначе все твои разумные построения чертова Легиона могут показаться продолжением твоего аристократического отвращения к массам.— Кроме личного отвращения, у меня было еще нежелание страдания, нового креста для русских людей, я думал, что у нас так много было горя, что теперь можно будет пожить наконец хорошо, а Октябрь для всех нес новую муку, насильную Голгофу. Я бы хотел еще немного повоевать, после чего стало бы, наверно, бедным людям на Руси жить сносно.— А общий враг, капитализм, остался бы, и потом, после отдыха, опять бы началась война, гнев Октября был против этого начала капитализма, неизбежно порождающего мировые войны.— Войны всегда были и всегда будут, их уничтожить невозможно принципиально, а только посредством хорошего ухода за ранеными смягчить их пришествие, ведь умирать не страшно, а очень страшно смотреть, когда умирают, и особенно без ухода, как теперь.— Вижу я, что ты не революционер, потому что так может теперь назваться лишь человек, имеющий универсальную идею обновления мира, а не только отечества своего.— Да, в отношении этой революции я не имею в душе того пламени, который соответствовал бы идее универсального обновления, и оттого я вижу только преступления; между тем я жажду истинной революции, я — чающий евангелия революции, но разве Маркс — евангелие? Я пережил Маркса в юности. И я наверно знаю, что все, верящие теперь в Маркса, как только соприкоснутся с личным творчеством в жизни, оставят это мрачное учение. Будет такое же возрождение общества, какое было со мной лично, когда сердце мое освободилось для любви к миру в его подробностях, ко всякой малой вещи в нем; эти восторги освобожденного

сердца никогда не позволят мне заковать его снова схемами разума. Мне кажется, так — я на пути к своему делу, хотя оно такое до смешного маленькое, как мое писательство, между тем как революционеры все делают не свое дело — в этом, кажется, источник всех наших разногласий (не свое делают — «не знают, что творят»).

— Но не все же должны быть христами, кто-нибудь непременно должен его предать и распять, иначе как бы Ему проявить свой свет на земле. Этим темным силам ведь можно и приписать явление света. Так, видно, русский народ до своего возрождения должен был испить еще чашу страдания и те, кто причиняли ему это страдание, вели его по пути возрождения. Итак, хвала вам, все излюбленные эмигранты и уголовные преступники! И тебе, Иуда Искариотский.

Какая простая формула общественной жизни в словах мужика: «Добро перемогает зло». Так это надо понять: преступники, обманщики, воры, расточители, пьяницы, составляющие зло общества, живут на средства трудящихся, отнимая у них часть их труда, но трудящихся всегда больше, и рано или поздно эти призовут к ответу «злых». У нас в эти годы коммуны чаши весов бездельников и трудящихся как бы колебались, «злые» одно время, казалось, готовы были совсем пожрать «добрых», но им самим стало нечего есть, и пришлось отпустить немного трудящихся. Теперь, видимо, добро начинает зло перемогать.

Злые почти все таланты, добрые не хитры, не изобретательны, любят меру жизни, покой и застаиваются. Так, добрые русские люди застоялись, их вышибли из рутины, и они, сознав весь ужас застоя, бросились с удесятеренной силой работать. Пробужденные, они скоро увидят (если уже не увидели) в своих пробудителях дармоедов и спихнут их в яму. Уж сейчас почти в каждой деревне прозябают презрение и насмешки всех — отставные комиссары, «бывшие люди». Горячка кончается, начинается выздоровление. Оно уже и началось.

В сущности говоря, моя психология хӯд. творчества есть психология всякого дела, вернее, начало дела, у брачного периода дела, когда оно еще в девушках и называется действием.

Действие — брак жизни.

Влетел в открытое окно шершень, гудел, жундел, бился, бился о потолок, пока не спустился побитый пониже и вылетел в окно. Так, может быть, и с философией нашей есть выход где-то пониже, в простом деле: простое дело есть окошко нашей философской тюрьмы.

Что может быть роскошней вида павлиньего хвоста! когда весной первый раз старуха выпустила его на двор, все любова-

лись, восхищались, останавливались и разговаривали о красоте тропических стран, откуда принес к нам павлин свои радужные цвета. Теперь все привыкли, мальчишки плюют на хвост, бросают в хвост щепки, обливают водой, а у взрослых у всех решительно одно с трудом сдерживаемое желание, проходя мимо, наступить на хвост. Вот лебеди, те живут на озере, редко подплывают, и к ним сохранилось у всех благоговейное отношение, если бы они жили на дворе или мы бы жили на озере, то непременно бы их тоже заплевали. Видно, красота должна только иногда показываться. Только хлеб никогда не наскучит: хлеб и хлеб.

Закраснелись ягоды бузины, зажелтели на березах листики, видно, что уже глубокое лето. Как хороша наша природа, как она умна тем, что показывается разно и проходит... Если бы она остановилась на весне или на лете, то была бы, как павлиний хвост.

2 Июля. На горках рожь подняли, местами жнут.

Наш крестьянин противится техническому новшеству в земледелии, как всякий практик сопротивляется вооружению теорией в его деле. Не прав он: его ум должен быть открыт знанию. Но и наши пересмысленные теоретики, лишенные практической осмотрительности, тоже не правы. Нужна культура здравого смысла или уменье пользоваться знанием, обязательные и для теоретика и для практика. Главный смысл трудовой школы и есть эта культура здравого смысла, воспитание осмысленного действия. Не надо этим, однако, чересчур увлекаться, как Джемс, и говорить, что воспитание «сводится в конечном счете к организации в человеке таких средств и сил для действия, которые дадут ему возможность приспособляться к окружающей социальной и физической среде».

Разве приспособление к среде может быть поставлено всепоглощающей целью воспитания?

И сам Джемс потом говорит, что обновление жизни народа исходит от мыслящих людей, распространяясь сверху книзу. Значит, не приспособление, а действенная мысль у самого Джемса стоит в углу воспитания.

3 Июля. Первое утро после периода дождей и холода — совершенно ясное, тихое, но уже заметна как бы легкая усталость в природе, задумчивость. Ай, дни-то уменьшаются!

У писателя символ должен быть в сердце и чувствуется, как «самое главное», о чем нужно писать; если это самое главное сознается головой и потом к нему подгоняются материалы, то получается «символизм» — литературная школа или теория писательства, которой не воспользуется ни одни настоящий писатель. Символ живет у писателя в сердце, а у читателя в голове, читатель рассуждает и создает школу.

Символизация (соединение) значит духовная деятельность человека, сводящая мир к единству (Богу).

— «Изобретение... и подражание — вот... те две ноги, на которых человеческий род шагал по своему историческому пути». (Джемс.)

Прекрасен освещенный лучами восходящего над озером солнца верхний белый угол моего открытого окна! Живот мой варит черный хлеб и картошку отлично, был бы хлеб, была бы картошка! Прекрасен восход. Красавец павлин, задрав хвост до невозможности, стал в воротах усадьбы всей своей синевой и радугой к солнцу.

Проезжий с возом, закрытым брезентом, увидал меня в окне неожиданно, засуетился:

— Здравствуйте, товарищ!

Догадываюсь: под брезентом у него запрещенное, провозит зарей, пока спят.

— Все буржуи из дома выехали? — спрашивает.

А уж сам, вижу, всем буржуям буржуй, догадываюсь окончательно: под брезентом запрещенное.

— Буржуи,— говорю,— известно, из всех усадеб выехали, а вон последний.

Указал на павлина.

Спекулянт обрадовался: раз уж товарищ перевел разговор на павлина,— воза не коснется.

— Вы сами кто будете?

— Здешний шкраб!

Совсем успокоился: шкрабы все равно, что нищие, силы никакой не имеют, одно слово шкраб.

— Красота! — указал на павлина. — Ну, счастливо оставаться.

— Счастливый путь!

Поспешай, поспешай, вон выходит Василий Иванович, заведующий ссыпным пунктом, он тебе не шкраб, содрал бы с тебя не одну бутыль самогонки!

— Ай, ай, ай! — сказал Вас. Ив.

— Что?

— Да хвост-то, хвост-то! Красота! Происхождение птицы вам, Мих. Мих., известно?

— Райская птица.

— Райская, я понимаю, а из каких стран?

— Из райских, конечно.

— Из райских, Господи, есть же такие страны, хвост-то, хвост-то.

— Пав, пав, пав! — крикнула старуха.

Павлин сложил хвост и побежал к старухе клевать.

Кузнец подошел, злой человек, желчный, недоволен пайком своим.

— Зерно выдают? — спросил старик.

— Выдают.

— И тебе паек?

— Паек.

— Советская Русь! люди голодные, а они птицу... и старуху для птицы содержат.

— Что поделаешь, красота! — сказал Вас. Ив.

— Красота, а польза какая, и при птице старуха, ох, советская, советская! — ворчал, уходя, кузнец.

— Вот крючок! — сказал Вас. Ив. ему вслед,— ко всему придирается, крючок!

— Хранцуз! — ответила павлин. старуха.— Пав, пав, пав! хранцуз.

4 Июля. Дождички продолжают перепадать. Косцы пошли на луга. Предполагаю.

11 Июля. Мы (Лева и Ник. Ив.) вернулись из своего похода, обошли следующ. деревни и в таком порядке: Алексино, Пискарево, Секорино, Теплянка, Волочок, Хошеево, Новоселье, Фролово, Кудиново, Крушинники, Веригино, Заборье, Буда, Осеевка, Баканово, Подопхай, Кряквы, Марково.

14 Июля. 28-го вечером пошли в Плоское, ночь провели в лесу на «заводе», в среду — в Лопатине, в четверг — в Алексине.

Почти каждый день набираются облака, налетают тучи, обкладывают небо и дождь льет. Последняя ночь была очень холодная. Березы все сереют и желтых листьев все прибавляется. Чаще и чаще, слышу, называют меня просто «старик».

Меня уговаривают не быть идеальным.

Люди: Карл (Кирилл) Герасимович Власенков — дер. Баканово, около Буды, военнопленный, превратившийся в немца, западник из мужиков.

Герасим, его отец, умирающий пан.

Дм. Ив. Дедков — будущий фермер.

Мельник Гавриил Вас. Холенков — фермер и мельник, жена, как ферма.

Старички Кузьма Конов с женой — участок в лесу, заклятие на 9 лет, колос тощий, волчий заговор.

2 Августа. Предполагаю ехать в Смоленск: 1) подогреть паек, 2) фотопластинки, 3) ориентироваться в агрономии.

2-го в Починке, 3-го в Починке-Дорогобуже, 4-го Дорогобуж, 5-го Кулево, 6-го Смоленск, 7-го, 8-го, 9-го Дорогобуж, 10-го Алексино.

3 Августа. Вчера возвратился в Алексино, попав вместо Смоленска в Батищево, где и определился на службу.

Итак, целый месяц странствования из-за того, что дома нечего есть. Целый месяц — все дожди и холод, теперь, кажется, установилась погода, но холодные ночи, сильные росы.

Встреча с Энгельгардтами. Петербург: жизнь эмиграции на

пайках. Газетное известие о комитете Красного Креста, вспышка надежд Мар. Мих.: «Это спуск курка». Викт. Петр.: «Нет! слишком много крови... нет!»

Хуторяне (мужики).— Спецы интеллигенты. Прагматизм.

Спор о: кончилась ли революция в октябре и началась с тех пор реакция или революция продолжается и будет состояние революции, пока все население не усвоит новой жизни («революция произошла, а ум человеческий не произошел»).

Краеведение

I. Природа верхнего Приднепровья
 1) Формы поверхности и строение земной коры.
 2) Климат.
 3) Растительный и животный мир.

II. Население
 1) История края.
 2) Этнография.
 3) Промыслы.
 4) Пути сообщения.

Практические занятия: фотография, этнографические записи, музейное дело, раскопка кургана.

Технорук сказал: «Если бы я захотел, то не отдал бы вас опытной станции»,— и тон был такой, будто дело шло не о мне, а о какой-то собаке или рабе крепостном. Так я объективировался в виде высшего специалиста по агрономии.

Жаркие дни и холодные строгие зори. В болотах молчание. Ржаные поля давно пусты. Начинают овес. И луга косят. 6 больш. кроншнепов летели с одним маленьким.

Душа сдвинулась...

Стая окаянных мальчишек колонии бросает камни в церковный крест и называет крест — чертов рог.

Коростель и перепелка

Коростель посватался за перепелку, обещался корову привесть. Поженились, а коровы нет, обманул.

— Я,— говорит,— приведу. И пошел за коровой.— Тпрусь, тпрусь! — кричит коростель.

— Вот идет,— кричит перепелка,— вот ведет!

— Тпрусь, тпрусь! — кричит коростель, а перепелка:

— Хлеба нет!

Так и по сие время на мокрых лугах слышится всю ночь: «Тпрусь, тпрусь!», а на хлебных полях: «Вот идет! вот идет! хлеба нет! негде деть!»

Почему наш крестьянин не сажает деревьев — он боролся с лесом и сейчас борется: лес бес.

Перерождение пшеницы в рожь (потому что не полют, но по генетике возможна помесь (гибрид) пшеницы и ржи).

Как волчица тащила за морду теленка к волчатам и подгоняла его хвостом.

Облоги — зарастающие лесом поля.

«Сахара» — песочные поля возле Буды.

По поводу декрета о восстановлении частных предприятий.

Правда ли, что всякая ценность создается трудом? Неправда, потому что и лень играет большую роль в производстве ценностей. Только имеющий возможность ничего не делать может иметь свободу взглянуть на прошлое с новой точки зрения и тем двинуть все дело вперед, потому что новое или будущее есть лишь новый взгляд на старое, вечное... Даже такой бездельник, как сын, проматывающий ценности, накопленные отцом, является фактором производства ценностей, он осуществляет собой свободу действия, желанную цель всякого работника. Рабочий, требующий 8-мичасового дня, требует его, чтобы полениться, и труд поленившегося человека считается более производительным. То отдых, а то лень: отдых только восстанавливает истраченные силы, после отдыха работник не понижает производительность, но лень, или сверх-отдых, дает сверх-производительность, делает работника изобретательным и капиталистом. Так что не только избыточный труд, но и избыточный отдых создают прибавочную ценность.

Значит, социалист бунтующий, потому что все хотят быть капиталистами, все хотят лениться, учиться, изобретать. Следовательно, это неправда, что один труд создает ценности, эта теория выгоднее, с одной стороны, лентяям для того, чтобы понудить дураков к работе, с другой стороны, и дуракам, претендующим на творчество. Так что мораль труда ошибочна в своей основе. Секрет истинного творчества только художники выражают вслух: труд создает ценности в известном сочетании с ленью. Теория трудовой ценности не верна.

Под лозунгом трудовой ценности наши рабочие восстали и, свергнув лентяев, перестали сами работать.

Истинный лозунг движения — лень и чтобы всем быть, как один (т. е. как ленивый). Но это неверно: все не могут лениться, все должны работать, а лениться может только один, если все будут лениться, то будут голодными. Основная же ошибка социалистов в том, что они насильно хотят добиться полного тождества личности и общества. Они не могут понять, что нельзя отрезать нос у собаки и приставить к носу человека — дать последнему собачье чутье, что нельзя вкроить мозги человека в собачьи — дать последней человеческий разум, что нельзя сделать из женщины мужчину и наоборот и нельзя законы личной души механически сочетать с законами души общественной, потому что личность и общество существуют раздельно, как два пола, соединить которые можно только в любви.

Классовая вражда (трудящихся и лентяев), однако, существует, как половая вражда, как национальная.

Религиозное сознание и есть тот путь к сочетанию, в котором все эти вражды исчезают, это есть сочетание внутреннее, полное двух начал, производящих третье, новое.

Социализм — явление отрицательное, он говорит, что нельзя так жить, а как жить, может научить только религия.

9 Августа. «Страшно то, что нет ничего страшного, что самая суть жизни мелконеинтересна — нищенски плоска. Проникнувшись этим сознанием, отведав э т о й полыни, никакой уже мед не покажется сладким...» (Тургенев «Довольно»).

Осень. Хмурое небо. Дожди. Еще ласточки вьются возле старых гнезд у окон. Березы желтеют. Все и з б ы т к и жизни кончаются. В голоде рождаются привычки новой жизни, которые после долго-долго темной рекой будут течь под всеми избытками. Вся моя жизнь со всеми мечтами ее кажется теперь мне избытком.

10 Августа. На Польне сено скошено и убрано. Такая тишина, такая пустыня.

В Дорогобуже оперные певцы не нашли публики: весь город сено убирал.

11 Августа. Все, что было избытком во мне, что бросало меня в разные стороны, теперь собралось в одну точку зрения на себя обыкновенного, как все. Правда, это духовное зрение на себя, как на всех, бывает только моментами, но что это за «счастливое» существо — обыкновенный человек.

12 Августа. Вова сказал, что нужно приспособиться, а как приспособишься, если для этого не хватает терпения и не должно хватать, если только хочешь сохранить свое «я»...

Столинский — вполне Молчалин, хотя всегда говорит социалистическими фразами Жореса и пишет в день по фельетону... Можно себе представить и наоборот, с виду это будет Молчалин, все поступки его будут Молчалинские, приспособляться будет он до неотличимости от среды, а внутри будет сам и будет человек современный, двойная личность, внешняя, как выражение внешней общественно-принудительной неправды и внутренней пленной правды... Господи! но когда же на Руси было иначе?

В моем существовании есть признаки возвращения к исходному пункту 15-летней жизни: я опять агроном, не имеющий понятия о своем деле, опять время от времени ласкается сердце к неподвижной мысли о насильном конце с облегченными средствами...

Радость, бодрость и все свои силы я получаю от моментов сосредоточенности в себе в тишине, когда рождается какая-нибудь мысль, которую можно записать.

13 Августа. При первом свете падали звезды. Чистый восход. Жгуче-холодная роса. Первое осеннее токование тетерева.

Слышно в глушь, как бегут большевики и наступает армия

«дельных» людей, разных кооператоров, торговцев, специалистов и т. п.

Служить — значит доказывать свою любовь.

14 Августа. Осень. Ярко. Молчаливые тени в лесу.

В Плоском нас угощали сливами красными. Захотелось желтых. Хозяин подошел к чужому саду и натряс желтых слив целую шапку.

— Мы украли?

— Нет, у них можно, у каждого есть свои сливы, и их не жалеют.

— И не воруют?

— Зачем воровать, когда у каждого есть свое.

— Значит, чтобы не воровали, нужно каждому иметь свое, каждый должен быть насыщен своим.

Сон. Кто-то сказал, что у Семашки длинная седая борода. Я стал спорить, и вдруг сам Семашко, а я ему рассказываю спор. В ответ он вынимает свой портрет и показывает, на портрете порядочная седая борода и лицо совсем не Семашкино, а жандармского ротмистра, притом умиленное, в лице сохранилось все типично жандармское и пробивалось умиление, просветление. Спрашиваю: «Как же так из Семашки вышел жандарм?» Ответ: это вышло по закону среднеарифметического правда + долг = просветленному жандарму.

18 Августа. Спал на клюквенной кочке в Чистике. Ящерица маленькая, в наперсток, рядом спала. На воду ходили журавли...

...Вот это странно: она отдавалась, а ему нужна была недоступная, нужна была трагедия, и он сделал ее неприступной девой. Пример: дают денег, нет! я хочу быть бедным и тосковать о богатстве... какая нелепость!

19 Августа. Каждый день в лесу на охоте, очень тепло, иногда брызнет теплый дождик и смочит траву. Застилаю ветвями ольхи место зольное, где курили самогон, и возле самогонной ямы, как у могилы, отдыхал, положив голову на кочку. Мальчишки хмель собирают (за 1 ф. хмеля — бутылка самогона — или 25 тыс.) и все время ругаются по-матерному. Бабы в клюкве. Кто тащит веники, кто лозу. Собираются жать овес, ячмень и сеять озимое.

Продолжаю думать о ненужном (о романтизме), вспоминаю белокурую девочку в Черной Слободе.

Еще: вера во всемирную катастрофу.

Дуничка прислала письмо, что 12 Апреля умер Илья Николаевич.

Бороться с паразитами в голове без мыла и частого гребешка невозможно, овладевает отчаяние, и вот утешение: все они пусть победят, но отдельного из них я луплю каждое утро

целыми сотнями; им приходится сражаться со мной, презирая отдельного, они бессмертны, как все, но отдельный в лице моем видит смерть; из мельчайших, которые я не вычесываю, вырастают новые, но каждая, достигшая величиной промежутка зубцов гребешка, должна погибнуть; я существую для них как смерть, и они смертны в лице моем, каждая из всех дождется конца: я раздавлю ее ногтем. Так человечество, паразит природы, побеждает ее, но природа поражает человека смертью...

Всемирная катастрофа — вера в эту катастрофу некоторое время держалась в Германском социализме, потом перешла в виде большевизма в Россию — (из моей жизни)... тогда среди студенчества занятие специальностью презиралось, в самом деле, к чему все эти маленькие дела, если мы находимся накануне всемирной катастрофы. В то время катастрофа эта окрашивалась только верой, теперь эта вера выродилась в международно социалистическую авантюру.

...Понятно, почему теперь молодежь ищет специализацию и оправдывает себя прагматизмом, потому что молодежь пошла в большевики из-за деятельности (для юноши сидеть без дела невозможно, как невозможно котенку весь день спать); вот в прагматизме есть оправдание философскому делу, будь это дело осуществления мировой катастрофы или же дело специализации.

21 Августа. Ночь бушевал ветер и днем продолжалось с мелким дупелиным дождиком. К вечеру дождя не было, и холодные облака цвели цветом осенних антоновских яблок — осень, осень идет!

Не забыть, как меня выручил «Картофель» на Опытной станции: лучшая книга! если бы они знали, в каком безумном состоянии и как писалась эта книга, жизнь моя цеплялась за нее, как теперь за кружку молока.

22 Августа. Бодрые облака осени, когда день серый, кажется, вот-вот пойдет дождь, а посмотришь на облака — нет! Крепко и надежно синеет на небе.

Пусть молодежь охватывает стремление к специализации, это утопающий хватается за соломинку, как я, когда-то писавший книгу о картофеле. Специализация — это как-никак, а все-таки личное дело, как выход крестьянина на хутор есть тоже индивидуальный почин.

27 Августа. Дорога поднимается в гору пыльная, на ней следы прошедших людей и домашних животных.

Где они, прошедшие, теперь? Лист обрывается неслышно и желтый слетает к моим ногам. Лист окончился в своей жизни, поспел. Но ведь люди, которых я знал, многие из них оборва-

лись на половине затеянного, кто с протянутой для дружбы рукой, кто с оружием, кто с идеей, кто с желанием; их идеи, желания — я понимаю, между нами, мы их наследники, но...

«Да! я живой наследник их, они все во мне, и я за них отвечаю!»

А дорога все выше и следы продолжаются.

Шли они в гору и думали, может быть, что за горою что-то откроется, с интересом шли, думали, что куда-то придут. Вот лес расступился, хутор, оседлое место, тут отставшие осели, и жизнь им стала повторяться одинаковыми кругами из года в год. И видят они, что мимо них все идут, идут.

Если не идти вперед, то остается жить, чтобы быть сытым, и они работают, воруют, чтобы только быть сытыми, больше нет ничего в их жизни, разве дети, но дети их скоро покинут и тоже пойдут по дороге в неизвестное.

Старики...

...это память о прошлом, верстовые столбы на дороге, люди, обращенные, как жена Лота, в соляные столбы за то, что оглянулись назад. Нельзя назад оглядываться, назади по дороге только следы прошедших, а решение впереди за горою...

28 Августа. Успенье. На днях, числа 12-го, вероятно, был первый мороз: ботва картофеля и многие болотные растения убиты. Надо обдумать поскорее план продовольствия и учения для семьи и работы для себя.

Прежде всего устанавливаю, что духовная прострация происходит оттого, что я совершенно оторвался от жизни: прошлое можно воссоздать, если как-нибудь прикасаться к действительности, т. е. к настоящему; с другой стороны, является такое гордое сознание — неужели необходимо потолкаться в столице, чтобы начать какое-нибудь серьезное дело, с третьей стороны,— кто из ссыльных в Сибирь привозил с собою научные или литературные работы?

31 Августа.

Неожиданность

Мы утрепывали из города в Алексино босые с мешками продовольствия. Из встречного стада коров вывернулся оборвыш с веревочной сумкой через плечо и длинной палкой. Увидав мою зажженную папиросу, пастух остановил меня, попросил закурить, а сам вынул кисет — дело долгое, товарищи утрепывали дальше.

— Пастуху надо иметь,— сказал я,— кремень и огниво.

— Как пастуху,— закричал он,— я не пастух, я солдат, еб. твою мать! Я солдат! — закричал он, дико вращая глазами.

— Ну, если ты такой сердитый,— сказал я,— то нет тебе огня,— и пошел дальше.

А он орал, пока слышно было, орал во все горло, что он не пастух, а солдат, слышно перестало быть совсем, когда мы вошли в лес — «мать, мать!» и стихло.

Кто он был? Может быть, солдат с Георгием, расстроенный здоровьем, попавший в атмосферу столкновения народов и классов, как стрелочник между буферами вагонов, уцелевший с одной идеей солдатской чести?

Русская работа

С. В. все лето корчевал, косил, возил, лето прошло, как сон больного, и только хотелось спать и спать. «Понимаю теперь,— сказал он,— что после такой работы можно всю зиму проспать».

Ласточки.

С неделю уже не вижу ласточек, улетели. Говорят, будто журавли и гуси улетели, но я не верю.

Узнал, что ласточки здесь, только собрались стаями и сидят где-нибудь мокрые на телеграфных проволоках.

1 Сентября. Пасмурно... сыро. Домашняя медицина.

Дурные (мелкие) мысли связаны с дурным состоянием желудка, но неизвестно, что служит причиною — дурные мысли или дурной желудок, бывают, напр., случаи, когда при внезапном известии о расстройстве дел у дельца внезапно расстраивается желудок. Хорошие мысли и намерения тоже, несомненно, связаны с хорошим состоянием желудка, доказательством чему служит деятельность множества человеколюбивых обществ и даже обществ покровительства животным, словом, при хорошем состоянии желудка постоянно бывают хорошие намерения, но я не слыхал никогда, чтобы человеколюбивые намерения исправляли дурной желудок. Итак, дурные мысли могут испортить желудок, но хорошие мысли на испорченный желудок не действуют и, вернее всего, являются прямым следствием роскошно удовлетворенного здорового пищеварительного аппарата. Из этого прямо выходит, что людей надо кормить, и они будут добрыми. После этого можно направить деятельность в область духовную, чтобы бороться с теми дурными мыслями, которые не имеют, как мы видели, желудочного происхождения, а напротив того, внезапным своим появлением могут расстроить совершенно здоровый желудок.

Странно и жалко, что благороднейшие люди теперь выпаливают свой душевный заряд, в сущности говоря, по поводу мелочей (большевизма). Выходит так, будто они готовились в бой с большим врагом, а выходит маленький, миллионы маленьких, и на каждого нужно готовить заряд, как на большого, ну, разве так хватит зарядов! хлоп, хлоп! и никакого действия. За этим всем нужно не стрелять, а не обращать внимания в ожидании настоящего врага, нужно уметь отличать серьезное от мелочей, бороться же с мелочами — значит приспособляться или отступать, но в приспособлении (отступлении) нужно знать предел, а то как раз отступишь в нужник и там тебя запрут.

Раньше беспокоил пристав, теперь рабочком.

5 Сентября. Пустые поля. Ветер несет желтые листья. Ястреб-конюк конючит над лесом, и с ним учится конючить его молодой наследник. Синица. Сойка. Сороки. Скрипит дерево.

Бельский технорук уступил Василия Федоровича технорука дорогобужскому за 5 возов сена. А Вас. Фед. когда-то был владельцем 1000 дес. земли, теперь его, специалиста, меняют, как меняли когда-то предки Вас. Фед. своих крепостных на сено, на собак...

Одно, только одно дерево на берегу озера стоит уже совсем золотое и светится у воды своим светом, даже когда потухает заря. Сегодня один посетитель Музея, осмотрев колонную гостиную, сказал, что похоже, будто он был у постели смертельно больного. Правда, усадьба наша вся труп, и чуть только тлеет искорка жизни у озера и у нас в комнатах, засыпанных умирающими мухами. А может быть, это и я такой: мои заметочки в эту книжку — последние признаки жизни. Но все кажется, пока не кончился, что еще увидишь жизнь. Так дерево на берегу озера наверно скоро осыплется, а перед концом зацветет золотом осени.

Тут взял я хорошую уручину.

Заповедь: признай самого себя.

Первый свет: луны сейчас не может быть, я ее видел вечером, тонкая, как проволока, сейчас рождение месяца; это не луна, это первое начало дня, день лунеет.

Залунело. Побежали облака. Стало светлеть. Осенние тяжелые облака расходились, как мои сны, и я вспомнил их, они все имели значение, как моя жизнь... да, сны могут быть понятны только самому себе; я знаю, что сны мои сегодня были укором за то, что я когда-то побоялся признать самого себя... да, вот великий грех: себя не признаешь.

Признай самого себя!

Бывает, человек разыгрывает какую-нибудь поэму, представляет свой идеал, изображает себя.

Не изображать, а быть самим собой.

Будь сам собой.

Сын мой, первая тебе моя заповедь: будь сам собой. Старайся быть сам собой как можно скорее, потому что к этому неизбежно приходит каждый рано или поздно, и кто поздно приходит, жалеет пропавшее время. Не быть самим собой, изображать что-то из себя — это все равно, что стрелять мимо цели.

Давно ли на липах пели зяблики, а теперь такое уныние — что же поделаешь, земля движется вокруг солнца, это неизбеж-

ное, необходимое, это сознание того, что и после себя что-то на свете совершается, да, конечно же, свобода — это Я, за пределом Я — необходимость, причинность; и раз я это сознаю, то сознаю, что после меня будут другие...

Смерть моя — долг мой.

Смерть моя — уплата счета.

Итак, земля, и солнце, и что за солнцем, вся вселенная движется несвободно, только Я свободно во всей вселенной...

Видел ее во сне, мы не знали, чем кончится наша связь, достигнем ли мы когда-нибудь полного соединения; и вдруг я тихонько, воровски подсмотрел в Судьбу, что через два года мы соединимся; тогда я говорю ей уверенно и даже с бахвальством: «Непременно мы достигнем, я достигну! я уверен!» Как жаль тех несчастных, которые живут, не зная, что с ними будет.

Крот больше всех нас хотел света, но за работой к свету зарылся, ослеп, хотя и слепой, все швыряет из-под себя землю. Может быть, крот тоже за светом в землю пошел, закопался, ослеп и слепой все швыряет землю из-под себя. Так мы, русские люди, закопались, ослепли и, будучи диким разбойничьим обществом, все еще повторяем: Р.С.Ф.С.Р.

8 Сентября. Был страх восстания черного люда (детство мое: мужики придут с топорами, черный бог; Блок о вулканах и проч.), этот страх миновал, мы пережили его, теперь возникает страх Европейский, что придут культурные варвары...

Окончилась осенняя политическая волна, большевики ее пристукнули разгоном комитета.

Прагматическое образование — вот, кажется, смысл смутного понятия трудовой школы.

Прежнее классическое образование предполагало известную норму знаний, которую должен вместить каждый ученик, нужно это ему будет в жизни или не нужно. Прочим образование дает только нужное в пределах интересов и способностей ученика. Такое образование, практическое, смутно выраженное понятием «реальной школы» или школы здравого смысла, было всегда, разные талантливые самоучки (вероятно, и сам Наполеон) шли именно этим путем. Совсем не нужно, напр., Льву Толстому уметь читать в подлиннике Аристотеля. Необходимо, однако, чтобы в обществе был человек, умеющий читать в подлиннике Аристотеля, но эта специальность вполне совместима с понятием практической школы. Прагматические школы дают толчок к образованию и, в конце концов, приводят к специализации. Импульс к личной инициативе и самодеятельности в области образования — вот что должен дать преподаватель школы ученикам в первую очередь, а во вторую очередь он должен удовлетворить искателя знаний справками, указанием, где что найти и как разобраться в источниках.

От классической школы нам остается идеал бесконечного

совершенствования в образовании, мы очищаем этот идеал, устраняя застывшие нормы его, в которых создавались лишь чиновники просвещения и касты образованных людей.

Русские самоучки, Толстой, Суворин, Максим Горький, все были люди, совестливые к знанию, может быть, именно потому, что они ничего не «кончили», они до конца дней своих чему-нибудь учились, я это и называю совестливостью в противность окончившим дипломированным и бессовестным к знанию: они кончили и все знают достаточно.

Есть, однако, та же опасность слепоты к знанию и в прагматической школе, потому что она приводит к специализации, заглушающей чувство смежности других знаний. Эту опасность должно устранить народное преподавание религии и философии в церквах и других общественных зданиях. (Попробуй-ка теперь в церквах устроить религиозный диспут, как раз будет митинг!)

11 Сентября. Светло-прозрачные дни. В глухом лесу ⟨*1 нрзб.*⟩ на лугу множество витютней.

12 Сентября. ⟨Одна строка нрзб.⟩. Вышел при звездах, чуть белело на востоке, двенадцать часов ходил, потом двенадцать спал и съел на ходу фунта три черного хлеба. Дер. Васюки. Убил зайца. Из кустов, окруженный овцами, вышел настоящий гном: короткий, голова огромная, бородища рыжая, глаза ясные.

— Ты за что,— говорит,— моего зайца убил?

— Как твоего?

— Да я же все лето им любовался, с овцами ходил.— Осмотрел зайца.— Да, мой, он самый, а какой хитрый был! Их тут три таких, два ходили к Ивану, а этот всегда у меня...

Дер. Васюки. Участок Ивана Князева. Каждый день волк по лощине проходит.

Дер. Громово. Озверелый мальчик у Азара Григорьевича часами трясет люльку и приговаривает: «Опять тебя забирает, у! ⟨*1 нрзб.*⟩».

Лиха беда начало. Не везет мне на рябчиков, сколько раз ни начинал эту охоту, никогда ничего не выходило. Теперь нашел выводок, пришел к нему за 6 верст, уселся, устроился — пищик испортился. Говорится еще: «Терпение и труд все перетрут», но все-таки при этом должен быть начальный порыв достаточно сильный и в начале благословенная удача. Бывают у цыплят такие три дня, когда, кто ни явись к ним, курица, утка, человек, за всяким они будут идти, а потом дичают, если не удастся им найти такого руководителя. Вот при начальной удаче похоже, будто кто-то пришел, за кем идти хочется, а при неудаче — пусто, идти не за кем.

Речка «немудрая»: перешагнуть можно, извилистая, заросшая кустами ольшаника, по обоим берегам темный лес, у поля

на углу леса стояла береза очень высокая — на этой березе сидели витютни огромной стаей, одни слетали попить у реки, другие покормиться на лугу у речки, третьи в поле... Деревня возле называется Ивашково.

14 Сентября. Дупелиная высыпка.

Вот когда понятно стало, что индивидуальность есть только частица кряжа, выступающая на вид, на свет из-под земли,— иначе как же понять теперь свое литературное бессилие...

...Родные выступают в своей обыкновенности, родные — это плазма, заполняющая среду; как только кто-либо потерял связь со своим родом, непременно чувствует пустоту. Я видел этой ночью всех моих близких родных в родном доме, лицо видно было только матери, остальные были в тенях ночи, хотя тут же возле; ночь была пасхальная, мать собиралась к заутрени, а я все ее отговаривал, потому что она нездорова: «И какая твоя, мама, служба, ведь ты бываешь только в заутрени, после заутрени ты любишь разговеться — заутреня теперь кончается, оставайся, не ходи». Я стал копаться в тех заветных местечках нашего дома, откуда, бывало, в детстве няня нам нет-нет да и вытащит какую-нибудь диковинку.... И вот чудо! мне попадается там под руку почти целая шоколадная пасха, кулич, лепешки наши сдобные, пшеничные, как пекла их одна только няня, и много всего такого съедобного пасхального — какая радость! и тут же рядом лежит открытка, посланная рукою моей матери; я читаю эту открытку, в ней мама пишет, что Коля кончил земледельческую школу, а я поступил в техническое училище и год стоит 1881-й. Лида высчитывает (лица ее не видно, только дух ее), сколько же лет эта пасха, пышка и куличи пролежали, оказывается, 20 лет и ничуть, ничуть не испортились. Кто-то приходит к нам в гости, мы угощаем пасхой, куличами, объясняем, что им 20 лет. «И ничуть, ничуть не испортились!» — говорит гостья...

Отвык от чая, турецкого табаку и от жареного, вообще от мяса совершенно. Не могу отвыкнуть от чтения новых книг, и неиспользованная духовная энергия часто выходит ночью кошмарными снами.

Снилось мне сегодня, что в животе у меня 300 пар голубей и я спугнул их на какой-то зеленой долине.

17 Сентября. Вчера была у меня Мар. Мих. Энгельгардт, и вот что узнал я:

Умер Блок. Ремизов опасно болен. За 1920 год умерло 42 академика, работавших по гуманитарным наукам.

На Опытной станции в Батищеве получили из Германии молотилку, и в ней оказалась записочка по-русски из Штенина: «Товарищи, я жил в Петрограде, теперь живу в Штенине, пишите мне». Прилагается адрес. Очевидно, советский эмигрант. Как в тюрьме письмо с воли в камеру,— наша Россия тюремная камера.

Говорят приехавшие из Америки, что там никто не верит худому в России и слова худого о России нельзя сказать при рабочих. Одна дама поехала оттуда в Россию, у границы ей сказали, что ее обворуют, рассердилась, но через несколько часов ее всю обворовали. А потом и все другие сюрпризы. Теперь думает утопиться.

Генерал Гурский, судивший Стесселя, поступает к нам в конторщики, говорит, что умрет с буквой ѣ.

Все почти посетители Музея, осмотрев дом, говорят: «И две старые девы жили в таком доме, пользовались таким богатством!» Почти все находятся в трансе демократической злобы и зависти. Выход из этого безнадежного душевного состояния только — сделаться самому богатым или найти в себе какой-нибудь духовный талант. Так мужики выходят на хутора и, богатея, перестают злиться на буржуев. Хорошо, если русские интеллигенты будут добиваться собственного, индивидуального мнения,— собственное мнение и есть выход на хутор, на «собинку».

Генерал сказал уверенно, что царь Николай жив, еще немного, и будет лже-Николай. Способность русского народа создавать легенду, обманываться — заменять Христа Антихристом.

Два разных мира: европейские рабочие, верящие в русскую легенду, и мы, жертвы, от которых, дымясь, расходятся на весь мир легенды.

По поводу смерти Блока.

Дух как безликое начало такая же реальность, как и материя, удивительно, что некоторые слепы на это. **Я** — это момент встречи духа с материей, это **Я** могучее, радостное и себе довлеющее. Это же **Я** в момент расставания с материей теряет правоту свою исключительного утверждения, все материальное наводит на него тоску, и радость тут может быть только духовная: утверждения **Я** в духе (или может быть потеря Себя в духе). Говорят, что Блок расстался с жизнью с злобной радостью.

Мар. Мих. сказала: «Вокруг меня эта грандиозная усадьба так прекрасна, что, пожалуй, это все самое большее, что при соврем. условиях можно взять от жизни».

18 Сентября. В Пятницу ночью была страшная гроза и ливень. Природа напрягала последние силы в последней любви; на другой день стало много печальнее и так осталось — пасмурно, сыро.

На рассвете каждый день я опрокидываю над помойным ведром самовар, вытрясаю угли, при этом получается характерный, точно одинаковый звук; если бы это делала моя няня, а я мальчиком лежал в кровати, то, представляю себе, каким бы

уютом веяло мне от этого звука; няня, конечно, не испытывала бы это чувство, это было бы мое, только мое чувство, рожденное все-таки от любви этой старушки к нам, выполнявшей до конца дней свой долг. Так любовь, долг и труд создавали раньше в нас это чувство уюта и привязанности к родине. И чувство уюта, вероятно, основная ценность — достижение всех «мещанских» добродетелей.

Слышал, что акад. Шахматов, умирая, радовался, что расстается с такой жизнью, и пел даже псалом. Говорят, что и многие ученые так покидают наш свет. Сколько мучеников! Имена всех их останутся, но не тех, кто в эмиграции (?). Говорят, что там потеряли всякий смысл русской действительности, в особенности Милюков.

Продов. налог все поступает и наступает. Фиск и Чрезвычайка — две единственные области советского творчества.

Все-таки был такой класс рабочих-простаков, идеалистов, которые всерьез принимали коммуну. Вообще же этот лозунг означал понятие государственности, исключающей (временно) совершенно всякий личный интерес. В военное время слово война имеет такое же значение (и тоже всегда разводится множество мародеров, спекулянтов, которые не хотят подчиняться). Война, рабочая пора, коммуна.

19 Сентября. Вчера летели массой журавли, нормальный пролет 14-го Сент. ст. ст.

Наши убирают картошку.

Генерал твердо верит, что жив царь Николай, и клянется, что не будет писать по-жидовски и умрет с буквой ѣ. Служит конторщиком, очень доволен, что его никто не трогает. (Гурский.)

Вернулся из Москвы Сергей Васильев Кириков, ему отказали в Петровском. «Как вас раньше приняли?» — спросили. «По конкурсу аттестатов».— «Ну, теперь конкурс командировок». Предпочитаются командировки от ком. партии.

Задумал написать для Батищевской оп. станции книгу о культуре с.-х. растений по материалам научным Станции в связи с народной мудростью.

Читал «Чертову Ступу» каким-то идиотам, причем выяснил для себя, что «Ч. С.» хороша.

Вот адский вопрос литературы: что же, художественное слово есть только последнее, самое вкусное блюдо обеденного стола мирной жизни или оно и в голодное время может быть так же убедительно, как пуды черного хлеба? Вот сильное слово, как хлеб: «Женщина, тебе говорю, встань!» — и мертвая встает; тут слово и дело сливаются. Еще слово: «Ура!» Только в этих словах только дело, а искусства нет. Искусство есть безделие, бесполезность.

Если мне не удастся написать продолжение «Чертовой Ступы», то придется написать книгу в форме дневника, где различные худ. произведения мои будут вкраплены в страницы моей жизни.

20 Сентября. Ясно. Улетают гуси.

Разразился скандал, причем я получил удар в грудь ржаной лепешкой, Лева побледнел и сказал: «Это ад». Флейта съела лепешку. Копия отношений матери и Лиды.

⟨*Зачеркнуто*⟩*:* бродил в лесу.

Видны источники пролетарской злобы. Практическая политика: улучшать их положение и отдаляться. Так будет и с социализмом: масса будет тупо богатеть, а личность окутываться еще большей тайной.

После этого нельзя так жить, решил Леву отправить в Москву.

23 Сентября. Свежо. Прозрачно — ясно. Кружась, слетают желтые листья в озеро. Показалась ⟨*1 нрзб.*⟩ сторона за озером.

Лева уехал в Москву.

24 Сентября. Семашко пишет, что нам нужно быть богатыми,— хорошее признание, кто богат, тот уж не злится.

Женщина — разделяющее, избирающее начало, сито индивидуальностей, начало войны, огненная печь сознания.

Женщина — разделяющее, избирающее начало жизни, источник разделения, войны.

Женщина — сито индивидуальностей.

Женщина — печь нашего сознания.

Эгоизм может быть и такого рода: вы слишком жизнерадостно себя чувствуете сравнительно со среднею нормой, отведенною человеку на земле, счастья, вы прекрасный, добрый, умный человек, но у вас нет достаточного внимания к несчастным и вы эгоист и непременно встретите в жизни обстоятельство, которое заставит вас страдать. Таким обстоятельством было для матери моей — Лидия, а для меня — Ефросинья. Так чаще всего и бывает, что обстоятельство это находится в самой близи, потому что близкому бедному видно все ваше богатство, он завидует, худеет от зависти и злится.

25 Сентября. Погода стоит не холодная, но ветреная, небо в тяжелых, быстро бегущих облаках, между которыми просвечивает солнцем залитое небо. Тетерева вдруг стали очень строгими. Видел гаршнепа.

Примета: если журавли и гуси полетели, то через месяц будет зима. Узнают зиму и по зверям, лисенка убили — ноги уже серые, белка вылиняла — старая, вовсе сивая.

Лен постлан уже недели две, через две недели его будут

подымать, ставить в гужевки, потом садят на овин. Принято мять лен ночью. Обтрепывают.

Сперва прядут волну и ткут сукно. Филипповским постом прядут (лен), Великим постом ткут. Ранней весною, когда еще снег не совсем вышел, белят.

Гадают на посев в масленицу: если хороший день в понед., то в понед., и т. д.

Посев конопли — в постный день, после посева топят баню и отдыхают, одеваются чисто — чистая конопля.

Во время сева ржи — крыш не кроют.

Сообщил все Георг. Север... Вязьмич.

26 Сентября. Земля холодная насквозь, сыростью прохватывает и дышит могила. Листья летят, как птицы, по ветру, иногда всмотришься — правда, не листья, а стая маленьких птичек мчится в теплые страны. Ласточки все еще здесь, не улетели и грачи.

Новый покойник: Ив. Серг. Кожухов. И ни малейшего движения в душе. Умирают люди, облетают листья — осень, глубокая осень!

Большевики додумались, наконец, до признания принципа личной собственности как основного начала, на чем они уже строят свою площадку коммуны фабричных рабочих, управляющих всеми этими личными интересами на общее благо. Понятие коммуны теперь уже лишается своего морально-социального значения и совпадает с понятием вообще государства. Форма государства, впрочем, иная, чем, напр., в древнем Египте, там оно имело форму пирамиды, а у нас форму усеченного конуса, причем тело конуса — собственники, а на верхнем малом кругу сечения — коммунисты. Пока эти части управляющие и управляемые соединяются чисто механически, силой захваченной власти, а потом, когда коммуна рабочих научится производить машины, то соединение будет посредством выгод: собственнику земледельцу будет выгодно отдавать часть своего имущества за продукты фабрик.

Но, может быть, дальше для общей выгоды признают принцип личного интереса в крупной промышленности (частью это признано уже и теперь: аренда предприятий), и на площадке останутся только управляющие общим благом коммунисты, или чиновники, которые ничего не производят, кроме декретов, подобно, напр., городовому на прежнем Невском: все, бывало, там движется, шумит, смеется, бесится, ругается, а городовой стоит и молчит, существуя исключительно для общего блага. Но городовой уйдет с поста и будет человеком, останется столб, возле которого он стоял — вот будущие коммунисты, вернее, будут, как столбы.

Характерно, что во всей советской прессе нет смеха, иронии, никто даже не подмигнет, не перекинется значительным взглядом. Словом, у нас не шутят!

Часто приходит в голову, что почему я не приемлю эту власть, ведь я вполне допускаю, что она, такая и никакая другая, сдвинет Русь со своей мертвой точки, я понимаю ее как необходимость. Да, это все так, но все-таки я не приемлю.

28 Сентября. Жилы скручиваются от тоски, мысль вертится о конце своем, «ибо нельзя жить только для еды».

29 Сентября. Когда спросишь, будет ли когда-нибудь опять могучая Русь, все начинают плести такую же ахинею, как если спросить: верят ли в Бога и загробную жизнь. Живут в молчании, слово оскорбительно.

И ты, друг, живи в молчании, переноси. Помнишь время малодушия, когда цеплялся за советы врачей, чтобы только прожить еще немного, и потом сколько было вольно-хорошего.

Раньше писалось мне в предположении, что я живу среди народа с великим будущим, но теперь как писать... и не пишется.

1 Октября. Вчера небо просветлилось и голубое обнимало золотые осенние леса. И тихо, только синичка пищит, и кажется, от нее пахнет ароматом тлеющих листьев. В тишине пролетает, свистя крылом, над золотым лесом черный ворон,— Ворон! сколько ты жил, 100, или 200, или 300 лет? И как тебе это время прошло? Так ли, как мне теперь проходит время, иногда минута за год, а год кажется минутой, как в тюрьме. Видел основание Петербурга? Или жил тут около усадьбы, дожидался, когда упадет скотина в имении, и хозяйствовал над падалью вместе с волками, и все время так прошло, как мгновение...

Было бы чувство времени, если бы все вóроны были одинаковы? Время — замена случая, а случаи бывают лишь в личном сознании. Если нет личности, нет и случая и времени нет. И так это рождается в индивидуальности.

Женатый Дон Кихот.

Большевики с идеалом, как с женой, живут.

2 Октября. Уговор и сила. (Договор.) Общество и государство — государство есть организованная сила.

Общество держится уговором, а государство держится силой.

3 Октября. Тепло. Ясно. Тихо. Бабье лето.

Известие: Ремизов убежал за границу.

Робинзон подумывает начать долбить лодочку и плыть на ней через океан.

Слышал, что в связи с весенним заговором расстреляли 16-летнюю.

4 Октября. Ефрос. Павл. дальше курника никуда не ходит, дальше ее останавливает страх к человеку и его делу... Для того,

чтобы женщиной быть сколько-нибудь значительной в современных условиях, нужно иметь в себе кое-что мужское, вероятно, это и создало феминизм.

5 Октября. Вчера через Полом ходил в Б. Починок смотреть гончую собаку. Елочки хороши только молоденькие, старые ели, серые, мохнатые, со множеством суши на стволах, некрасивы. Зато сосны, чем старше, тем лучше, в такую погоду стоят, как свечи, в ветре важно раскачиваются, и хочется, глядя на эти мачты, плыть куда-то по океану, в сторону неизвестную... Вот ляда, на которой посеяли рожь между черными пнями. Странно, что на лядах всегда забывают срубить несколько деревьев, и так они всегда стоят на вырубке, как последние волосы на плешивой голове. Наша Россия теперь вся, как вырубка, от интеллигенции остались только черные пни да еще те немногие забытые на плеши волосики... Но озимь всходит, я ее чувствую, холодная, строгая озимь, зеленеющая, несмотря на зиму. (Коля Дедков поступил в Москву учиться и вырвался на неделю сюда, гонит самогон, чтобы заработать себе на зиму хлеба в Москву, может долго не есть, не спать, читать Достоевского во время отдыха на поле. Он стремится куда-то к высшему, в люди, холодный, расчетливый, практичный, крепкий, как озимь. Еще пример: Митрофанов выбился в лесничие, любит лес, и много других — все озимь.)

Кто-то, кто?

Хозяйственный мужик Дмитрий Павлов. Дмитрок смутной душой чувствует так, будто кто-то, кто? стоит на дороге хозяйства и портит всякий хозяйский замысел. Это ощущение знакомо и всякому культурному работнику, если я «партийный», то называю врага контрреволюцией, или беспартийный — большевиками, жидами и т. д.; ни то, ни другое, ни третье неверно, лицо врага остается нам неизвестным, Дмитрок более прав в своем неясном стремлении.

Еще про озимь:

Хорошо, но что, если это только на два-три урожая, и потом становится обло... и пустошью (картина пустоши с редким березняком и едва заметными следами борозд, разделяющих полосы).

Первое впечатление.

Почему неинтересно проходить второй раз по тому же месту? Вчера, проходя по лесу, я увидел вырубку, на ней были все черные пни и два-три дерева очень тонких. Меня что-то остановило при взгляде на вырубку, и я подумал: «Как плешивая голова, два-три волосика осталось, так вот и Россия наша без интеллигенции». Сегодня я проходил по этой вырубке и не испытал никакого волнения, я только вспоминал уже готовую мысль о плешивой голове и прошел дальше: чаша пуста, вино выпито. Потому и неинтересно, что пережито, кончено, теперь я живу по другому поводу: меня занимает озимая зелень между пнями, и я думаю о молодежи, стремящейся к учению.

Что значит существовать (по Бергсону).

Наиболее достоверное есть наше собственное существование. Существовать — значит меняться во внутренних своих состояниях, причем само состояние так же меняется, словом, психологическая жизнь непрерывна. Прерывность получается, потому что наше внимание схватывает лишь наиболее освещенные точки всего нашего состояния и так разделяет на отдельные состояния. Искусственно разделив, наше внимание так же искусственно их связывает, придумывая для этого неизменное Я. Таким образом, исключая реальное время (длительность), получается искусственное подражание внутренней жизни. На самом деле прошлое накапливается на прошлое, беспрерывно. Мозговой механизм создан, чтобы отстранять в бессознательное почти всю совокупность прошлого и вводить в сознание только то, что приводит к полезному труду. Мы мыслим незначительной частью нашего прошлого, пожелать, стремиться, действовать заставляет нас все наше прошлое. Из этого сохранения прошлого вытекает невозвратимость, каждый из нас есть род творческого акта, и никто не может предвидеть ту простую неделимую форму, которая выходит из этого творчества. Так, художник не может предсказать, чем будет его картина (тогда бы не нужно было создавать). Следовательно, существовать — значит изменяться, а изменяться — значит созревать, созревать же — значит бесконечно созидать самого себя.

6 Октября. Летом слишком рано солнце встает, а чтобы насладиться предрассветным мраком, нужно ночь не спать. Зато осенью утро наше. Я не знаю, может быть, из-за этого наслаждения и живу я тут в глуши. Встаешь не по свету, а по предчувствию света, и потом у окна, пока желтеет холодная строгая заря, постепенно сам просыпаешься, сны проходят, как утренние облака перед солнцем... Вот сегодня таким сонным облаком предстал А. А. Стахович, кругом всё памятники обыкновенным людям.

— Необыкновенный человек у них бунтарь? — спросил я.

— Бунтарь,— сказал Стахович.

Я думал при этом, сколько у нашего высшего дворянства было чего-то детского, забавы много было в них, а в демократии новой все напряженно-серьезно.

Вчера с утра летели белые мухи. Сегодня мороз лежит на крышах, на дровах, на огороде. На досках-кладях к колодезю тоже лежало белое, и нога моя коснулась этого, и зима пахнула...

Почему чувство природы не проживается, как всё, и каждый год возвращается и переживается вновь?..

Биографическое.

Русский дикарь бросается на книжку и самую трудную для понимания: потребность интеллекта. Переворот: проклятие интеллекту, религия. А нужно бы просто взять самый интеллект под контроль чувства жизни...

7 Октября. Был в городе за пайком. Решение Афанасьевых уехать. Первое письмо Левы. Дело о краже у меня кольца комиссаром по здравоохранению передано в Полит. бюро. Семен Демьяныч очищает партию и хочет ехать в Москву «душу чистить», ненавидит примаз. интеллигенцию, верит в Луначарских, как в богов,— прозелит. «Советская смерть» Лебедева — наказание за измену: исключение из партии. Курсанов-второй, исключенный интеллигент, одичалый нераздавимый клоп. Поиски Уездлескома: бык рогатый. Посылка письма по почте, заклеивание отрубями.

8 Октября. Ночь на воскресенье с охотниками Зориным и Масленниковым, охотничьи рассказы. Дождь. Тихое памятное сырое утро — хорошо! а зайцы не вставали. Под дождем в Поломе, почти босой. Сострадательный Ефим Иванович увидел, проезжая в город, и привез мне калоши.

9 Октября. Второй зазимок, более прочный, в тени снег держался до полудня.

10 Октября. Мороз, ясно.

Вчера вечером получена из волости бумага, что если шкрабы не явятся наутро к 10 часам (за 15 верст), то будут сурово наказаны. А у нас экзамены.

Надо вести дневники школьного учителя. В пятницу прихожу в отдел, сидит новый заведующий Ильенков, стоят Курсанов, интеллигент, исключенный из партии, волостной заведующий отделом нар. образ., солдат с мутными глазами, говорят, что он недавно приехал из германского плена и был спартаковец. Курсанов говорит: «Арестовать их всех на пять дней». Спартаковец: «Да, нужно арестовать».— «Кого?» — спрашиваю. «Шкрабов».— «За что?» — «Не представили личные карточки в трехдневный срок».— «Кто же будет учить, если арестовать?» Курсанов: «Ничего, учительница посидит дней пять, освежится и опять заучит».— «Ну, если вы арестуете,— говорю,— то я постараюсь вас арестовать, всех, кто сидит в городе по народному образованию». Ильенков: «?!» — «Извольте,— говорю,— вот за что, вот ваши преступления: за весь год ни один представитель отдела не был ни в одной школе и т. д. ...».

И вот опять бумага почти военная. Лютова хочет идти, я остаюсь для экзамена. Находится учительница Татьяна Михайловна Базина, но нет помещения, комнатки во всем огромном доме, все испорчено.

Искал в городе Уездлеском, никто не мог указать и нигде не было вывески, в одном доме двери были открыты, на внутренних дверях висела бумажка с надписью: «Двери за собой затворять» и под этой бумажкой было еще написано мелом: «Бык рогатый». Я подумал: «Наверно, это общественное учреждение,

потому что никто частный не потерпел бы надписи «Бык рогатый». Отворяю дверь, в комнате сидят шесть пожилых женщин на детских ученических партах и очень серьезно и быстро пишут. «Это Уездлеском?» — «Нет!» — «А что это?» Ответа не последовало. «Что же это за учреждение?» — думал я, выходя и еще раз оглядываясь на странную надпись «Бык рогатый».

Лебедев, умирающий от чахотки человек, когда-то хороший оратор, теперь не может громко говорить. Он исключен из партии. Когда спросили Уткину: «За что исключен из партии Лебедев?» — она ответила: «Раз он говорить не может, то на что же он нужен партии».

Утираюсь грязным полотенцем с петушками и вспоминаю, что когда-то у сестры это было красивое полотенце, которое так висело, и она никогда им не утиралась.— Почему же теперь я не думаю, что это красивое полотенце, и не смотрю на петушков? Потому что я им утираюсь. Значит, в полезности исчезает искусство. Вещь, которой пользуешься, не может быть предметом искусства. Искусство и польза, как ветер и солнце.

Ветер веет, потому что солнце греет землю или оставляет ее холодную. Дело делается, и веет искусство, как благодать исходит от святости. Искусство — это милость, это что даром дается, прилагается.

Все ссорюсь с Е. П. и думаю: «Куда девалось то хорошее, что, бывало, я в ней любил?» Конечно, в Леве. Жизнь прожита, и жизнь сохранилась в Леве. Значит, ребенок есть сохраненная жизнь. Семья есть организация для сохранения жизни. А индивидуум — конец.

— Вы нападаете на обывателя — почему? Обыватель обыкновенно человек семейный, семья — организация для сохранения жизни. Значит, обыватель по существу своему должен охранять жизнь от разрушения, и вы, нападая на обывателя, нападаете на существо жизни.

Хозяйство сердца моего расхищается и скудеет, деревенеет душа. Капитал сердца нашего — любовь к людям, но не люди являются источниками нашей любви, она исходит из природы всего мира, и туда надо направить внимание желающему увеличить свой капитал. Богом называют это высшее солнце вселенной, связью с этим Существом живет человечество.

Ученики, окончившие 5-классную школу, экзаменовались во II-ю ступень, многие не знали, что в России главная река Волга, не знали крещения Руси, никто не назвал главный город Франции и Англии, никто не мог сказать, при каком царе учреждена Государственная Дума,— одичание! А когда ответили, что Русь была крещена в Иордане, что народы, населявшие Российскую Империю, назывались русские и жиды, то среди этих русских мальчиков я почувствовал вдруг то

жуткое одиночество, которое охватывает не в пустыне,— в пустыне Бог! а в большом городе, где-нибудь в Питере на Невском в первое время литературной карьеры, когда выходишь из ужасной газетной редакции, наполненной политическими спекулянтами, с отвергнутым рассказом — выходишь с физической точкой тоски у сердца... Боже! как я не знал, просто не догадывался, что это черное пламя начинающейся тоски можно бы залить водкой, сын алкоголика, и я не знал, как пользоваться алкоголем! Вот бы тогда как радостно шел бы я через Невский — трын-трава! а тут иду через Невский, инстинкт самосохранения несет меня, как парус, через лавину экипажей, людей, вот когда я знал одиночество.

Но и теперь мелькнуло это самое страшное чувство, когда я очутился среди учеников, не знающих Волги и Днепра...

Утешение

По поводу срама, испытанного Левой от приема Семашки. Остается утешение такое: можно испытывать 〈*1 нрзб.*〉 унижение, срам, но не унижаться и не срамиться, если только сохраняется при этом **Я** высшее, которое дает полный отчет о событии срама с малым «я» житейского опыта и решает по этой открытой книге, что в другой раз так поступать нельзя.

Лебедев — он той же природы, что и Семашко, умный, добрый, хороший человек, а в грязное дело они замешиваются только потому, что, рассуждая книжно, принципиально, они пропускают то малое живое, природное, без чего жизнь не в жизнь. Их ругают изменниками, подлецами, потому что обыватели не могут понять их рассудочной природы. И вот нужна чахотка, измена жене, исключение из партии, ужасающая бедность, смерть — тогда они начинают, как Лебедев, понимать, что они пропустили, жизнь пропустили в рассуждениях.

14 Октября. Покров.

На хуторе у мельника Гаврилы Васильевича: пир, завод в бане.

Звезда утренняя и чувство острой влюбленности в мир. Тихо. Чуть брезжит. В лесу пахнет осенним листом. В желтом свете деревьев при восходящем солнце и бодрые озими.

Рассказ Степаныча про медведя. В такую ночь ночевали в лесу мужики. Бежит медведь, и за ним гонятся два волка. Медведь забрался на стог сена и ну швырять лапами сено в волков, перешвырял весь стог, потом шарк на пруд по скользкому льду и уселся посередке. Волк разбежится, чтобы хватить и увильнуть, да на скользком не рассчитает и прямо на медведя, тот раз! лапой, и волк лежит, другой так, а волков уж и два, и четыре! и другой лежит. Потом медведь убежал и волки убежали, только на льду осталось два.

15 Октября. Ветер бушевал всю ночь. Утро теплое, дождь

идет. Второе Левино письмо и тоска отчего-то. Лева такой практический, умный, дельный, всем сначала очень нравится, но мне кажется, что все это он разыгрывает и ученье свое разыгрывает, не соединяясь натурой ни с чем. Может быть, он мал еще или я в нем вижу себя и ошибаюсь.

Тоска моя всегда соединялась с чувством смерти, которая в случае чего в моих руках. Теперь я отвергаю это сознательно: нельзя; раньше в порыве страсти к жизни еще можно было это допустить, но теперь невозможно и просто невыгодно, кроме инстинктивного чувства неправоты этого действия, есть еще и чисто рассудочные невыгоды, потому что судьба Я — неизвестна... а почему неизвестна? Если я что-нибудь люблю, кроме себя, то «я» мое непременно будет в любимом...

16 Октября. Вас. Фед., помещик, завед. Совхозом, разыскал своего сына-коммуниста в помещении Ревтрибунала, в квартире председателя латыша Кронберга, известного своими беспощадными расстрелами. Обстановка: чисто, паркет, хорошая мебель, судебные дела, револьверы, винтовки по углам, в пепельнице окурки от хороших папирос... Встретились холодно и вышли.

Сын:

— Хорошо, что вышли, а то при очистке партии я должен был отречься от своих родных.

— Но как ты среди этих кровопийцев?

— Кто кровопиец, Кронберг? — это чистая душа. Отец, оставим разговор о политике, я твои убеждения знаю, ты знаешь или не знаешь — все равно ты их не примешь...

Помолчали.

Отец:

— А у вас чисто, верно, хорошая прислуга.

Сын:

— У нас прислуг нет.

— Кто же эта женщина, мне дверь открывала?

— Это жена Кронберга.

— А...

— Что же ты в такой легенькой накидочке?

— Нельзя, неловко, пальто мое, ты знаешь, с бобровым воротником, променять хочу.

— Ну, где же мы еще встретимся...

Похоже на встречу Веры Алекс. Хрущевой в Оптине с дочерью, которая убежала и постриглась в монастыре. С отчаянья мать, светская дама, постриглась тоже... Она отказалась от личной жизни, как бы убила себя, тут же приходится еще убивать других и физически убивать.

Продолжение этих дум в доме Станкевича у Афанасьевых в понедельник 17 Октября.

Грязь Дорогобужская, среди пошлых домиков — церковь и там м о л я т с я.

...возможно и такое положение, что сын будет участником

расстрела отца и среди кровопийцев будет верить в «чистейшую» душу. Инквизиция была и в христианстве.

...грязь какая в городе, какая грязь! кажется, и деревья, и домики, серые лачуги, все в грязи, на людей смотреть тошно, и там где-то, за мутной рекой, стоит церковь и в ней,— так это страшно думать,— молятся, занимаются только тем, что молятся эти самые люди! молятся Богу, трудятся все вместе, чтобы оторваться от грязи.

А мы разговаривали вечером с доктором о всеобщей теперь болезни Furor cucharicum (бешенство кухарок), что все, решительно все женщины теперь ворчат. Мы вывели это как социальную болезнь, следствие устремления духа только на материальное. Это раздробление, размельчание материи в чертовой ступе.

25 Октября. Каждый день мелкий дождь. Тепло. Озими поправляются. По серым голым сучьям в лесу свистит зимний ветер. Все серо, только горсточками рассыпано последнее золото берез. Ворон каркает, сорока беспокоится, синица жалобно пищит.

Ум на то дан человеку, чтобы он у м е л, ум — способность учиться, изобретать, торговать и обходиться с людьми.

26 Октября. Говорится «излюбленная идея», как будто идею можно любить.

28 Октября.— 6 Р. Ветер. Снег идет.

Ключевский говорит, что вместе с расширением территории в России все более и более стеснялась свобода наиболее трудящейся части населения. Следствием этого являлись народные волнения, и если бы их не было, то не оставалось бы никаких надежд на будущность русского государства.

Значит, состояние смуты у нас органически необходимо, а настоящее время есть высшее напряжение смуты. Периодический голод и смута — вот что неизбежно вытекало из русской истории.

Газетные известия: Карл прилетел из Швейцарии и сел на свой престол в Венгрии. По свидетельству самого Троцкого, в Европе наступает период реакции, и надежда на мировую революцию откладывается на неопределенное время.

Мое главное обвинение вождям российской революции: будучи частью разрушительной, они выдают себя за целое творческое начало жизни (самозванство).

Чувствую, однако, что философия моя как-то краешком и очень неудачно прицепляется к моему личному раздражению: словами не опровергнешь зла, хорошо слово при деле, но раз дела нет, то всегда будет только стон и вопль.

29 Октября. По поводу болезни Елены Сергеевны Лютовой. Она работница не за страх, а за совесть. Всякий, кто работает за

совесть, создает себе свободу, во всяком обществе (кроме нашего) таким работником дорожат. Может быть, этими-то работниками и создается та «прибавочная ценность», о которой говорится у Маркса. Все настоящие творцы культуры работают за совесть, потому они особенно почитаются. Стало быть, условие производительности труда — совесть. Во всяком труде, кроме барского, есть моральные его условия, и лозунг нашей республики «Кто не работает, тот не ест» является наиболее бессовестным, потому что в основу труда ставят не совесть, а страх остаться голодным.

В Дорогобужский Отнароб.

Вследствие того что работа моя по этнографической командировке в настоящее время требует много времени, равно как потому, что я взял на себя труд редактирования научно-литер. трудов Батищевской Опыт. станц., куда я должен теперь отлучиться, я складываю с себя обязанности преподавания словесности, взятые мною на себя в прошлом году по случаю недостатка такового в Алексинской школе II-й ступени. В настоящее время школа может быть удовлетворена преподаван. слов. тов. Лютовой, которой я рекомендую выдавать назначенный мне бронированный паек, как не имеющей своего хозяйства.

Эстетический индивидуализм видит пошлость всей середины человеческой жизни и только ценит ту часть человечества, которая соприкасается с природой. Эти два конца: Я и Природа — для эстета несоединимы, потому так часто в повестях выводится пошлость героя на лоне природы («Казаки» Толстого). Наши попы возятся всегда с серединой, в этом среднем из обывателей они находят точку применения своей религиозной идиллии. Замечательно, что попы почти всегда лишены всяких признаков эстетических чувств, красота для них существует не в личном творчестве, а как данное, объектив: им личное творчество и непонятно, и враждебно, как попытка быть по-своему.

Есть чувство сострадания, которое, кажется, одно может примирить эстета с жизнью, в конце концов, страдают все, и каждый человек может быть предметом сострадания. Это сострадание и является выходом из порочного круга эстетизма (так выходят Шопенгауэр, Ничше, Мережковский и др.): оно приводит к религии, жалко цветов, убиваемых морозом, детей голодных, крестьян, рабочих, невинных существ, погибающих в сетях политиков, жалко! и отсюда религия. Жалость к людям позволяет сочувствовать и их радостям, которые ведь и бывают только на одну минуту.

30 Октября. В ночь под воскресенье налетела глубокая хорошая пороша. До света капало, а потом подморозило и с ветром стало очень холодно. Зайцы, чуя мороз, вероятно, и по первой пороше, старые и молодые, вставали, много ходили и вскакивали довольно далеко.

31 Октября. Сильный мороз (—6), ночью засыпало следы, напрасно ходил.

1 Ноября. Все растаяло, и слякоть невообразимая. Живу с глазу на глаз с чертом.

2 Ноября. Бездна грязи и мрака. Черт неотлучен. А впереди еще Ноябрь-старость. Черти, верно, готовят новые подарки к старости.

Горькая мысль: прежде она мне ставила утром самовар, а я лежал и дожидался чаю в постели, теперь я ставлю, а она лежит и дожидается. И это я принял бы охотно, если бы она была моей прислугой, но я искренно ставил ее женой. Видно, тут действует «природа вещей», а как обидно, если свое лучшее видишь в природе вещей.

Отмена крепостного права не спасла Россию, в сущности, даже нет черты, за которой можно бы считать начало новой формы русской истории.

7 Ноября. Октябрьская революция, в пятницу явился Лева из Москвы: начало возрождения, едем в Америку!

В ночь под воскресенье растаял зазимок, пролежавший два дня при —6 Р. Примета: если зайцы встали и много ходили, то это не зима и снег скоро стает, если же ляжет, то зима. (Быть может, длинные и короткие следы объясняются морозом и теплом, в мороз — длинные, в тепло — короткие.)

Снился сон: богатый дом, парки, сады. В доме родители Ее живут, т. е. весь строй жизни их такой, как если бы один был стороной одной прямоугольника и другой — другой стороной, чуть одна сторона шевельнется, сейчас же и другая шевельнется на столько же, и такова вся их жизнь и всех в доме, словом, какой-то фиксированный дом, категорический императив в геометрических линиях, хотя все выражается больше в обиходе жизни, в расстановке тарелочек на столе и т. д. Я ухаживаю за ней, но почти безнадежно, потому что не имею «категорич. императива» и в то же время не в состоянии ему что-либо противопоставить, робею перед ним. Другой претендент, напротив, имеет успех, потому что он простак, он как-то умеет просто с ней говорить и шутить и жить, скрывая где-то глубоко в душе все возможности категорического императива.

Лева сказал:

— Ты, папа, очень наивен, тебя может обмануть каждый мальчик, если ему захочется, но эта черточка в тебе мне очень нравится.

Сборы в Москву: очки, ножницы, пер. ножик, два каранда-

ша, прол. чернильница, ручка, перья, бумага, нож свиной, щетка, портянки.

19 Ноября. Непокрытая снегом злая колючая земля, дороги непроезжие. Во вторник выпал зазимок (третий), но дорога не исправилась.

Идеи — это вывески на магазинах скопленных чувств.

У большинства людей их идеи — только вывески на пустых магазинах.

(После рассказа о пустых Московских магазинах с вывесками и витринами.)

Как слепые не видят света, глухие не слышат музыки, так слепы и глухи бесчисленные люди к высшему закону бытия: их доля — мышиная беготня в вечном страхе перед чем-то, чего они не понимают, они живут, как рабы под кнутом. Но кто же Совершенный из людей, управляющий жизнью? Нет его! И свобода есть лишь сознание необходимости идти по пути высшего закона. И свободны невинные дети...

20 Ноября. Читал фельетон Ленина о новой экономической политике — длинная, бесконечная речь! Читаешь, будто едешь по этой теперь мерзлой, колючей земле на серой кляче в телеге, и, кажется, конца нет, пока вытянет кляча и доедешь до города,— так бездарен его стиль, так убога, низменна эта мещанская мысль, видящая избавление человечества в зависимости только от материальных (внешних) отношений.

21 Ноября. Михайлов день. Морозно. Ярко светит утренний остаток луны. На востоке белеет — восходит звезда утренняя. Неподвижно смотрю на нее — сколько раз я смотрел так на нее и все вижу разное, да, по-разному каждый раз приходит и зима, и весна, и лето, и осень, и звезды и луна восходят всегда по-разному, а когда будет все одинаково, то все и кончится. Пробую молиться по-детски: читаю «Отче» и «Богородица» — хорошо! Только все-таки лучше молиться по-своему, без слов, неясными туманами, как во сне: Боже, не угаси искорку души моей, зажженную Тобою во мне...

Новый лозунг Ленина «государственный капитализм» совершенно в духе всего учения Маркса: государство, как фабрика, и гражданин homo faber.

24 Ноября. Письмо даме, возмущенной социализмом (В. Е. Беклемишевой).

Если Вы хотите серьезно бороться с социализмом, то Вам нужно бороться с капитализмом и понять социализм как продолжение процесса механизирования жизни, внесенного в историю капиталом. А первая причина всякой механики есть математика, и выходит, что бороться надо с математикой как с исключительной деятельностью человеческого духа, с рационализмом или интеллектуализмом.

С некоторого времени человечество стало на путь моллюсков, выпускающих из себя сок для раковины,— таким соком была для человечества его односторонняя интеллектуальная деятельность, которая привела к механизации жизни, создавая для нее броню, как у моллюсков раковина. Говорят, что был момент страшной опасности для животного — оцепенеть, как растение, весь животный мир мог закрыться от жизни вселенной раковинами и оцепенеть. Такой же опасностью для жизни представляется мне капитализм и его продолжение социализм, создающее из homo — homo faber, т. е. существо, делающее орудия производства.

Перед животным миром, который начал было уже закрываться раковинами, стояла альтернатива: или закрыться, или вступить со всею жизнью в борьбу. Животный мир в лице человека избрал последнее и объявил всему живому борьбу, он стал изготовлять орудия войны, орудия производства и отделился от всего мира живых существ своим интеллектом, т. е. способностью делать орудия, подчиняющие себе весь живой мир. Дух человечества разделился на две половины: одна половина человечества (консервативная) до сих пор протестует против войны миру и скорее готова уйти в раковину моллюска, чем воевать, другая половина (прогрессивная) неудержимо стремится подчинить себе все живое, растворить в механике живую индивидуальность и превратить мир в громадную фабрику.

Вся трагедия происходит, однако, на земле, т. е. на маленькой песчинке вселенной, и со стороны, где-нибудь далеко за пределами солнечной системы, дело представляется совершенно иначе. Мне думается, что там не видно такой противоположности между деятельностью моллюска, укрывающегося раковиной, и деятельностью человеческого интеллекта, создающего железную броню на весь человеческий мир.

Социалисты как высшие представители homo faber'а отличаются от моллюсков тем, что создают не индивидуальную, как те, раковину, а общую или коллективную. Человечество вновь станет перед страшной опасностью оцепенения, как стоял когда-то весь животный мир. Но дело, повторяю, происходит опять-таки на земле. Создавая коллективную раковину, homo faber сам уходит в свою постройку, и со стороны видно, что этот homo faber вовсе не есть homo, скорее, тот сок, выделяемый моллюском, который уходит на раковину. Сам моллюск остается сидеть внутри ее: консервативная и прогрессивная партии делают, в сущности, одно и то же дело громадного оцепенения мира жизни под раковиной.

Чем же это кончится?

Победой войны или мира?

Скорее всего, кончится так, как раньше кончалось: растения, бывшие когда-то со всем живым миром одним существом, оцепенели и остановились, отделившись от всего живого мира, как отделится когда-нибудь и homo faber в своем механическом оцепенении. Только его приберут к рукам, и существа высокосвободные будут употреблять его только на пользу, оставив себе в удел одно только бесполезное.

5 Декабря. Собираемся переезжать. Нет более неинтересных людей, как собирающиеся, потому что они думают только о мелочах.

Р. В. Иванову.— Не верю я в Ваши «крепкие» и «сильные» поэтические вещи, о которых Вы так восторженно пишете — нет! Скажите, какая птица поет на лету? всякой птице, чтобы запеть, нужен сучок, так и поэту непременно нужен сучок или вообще что-нибудь твердое; а теперь все жидкое, все переходит и расплывается.

Левые эсеры — это ⟨*1 нрзб.*⟩ народники.

Скоробогатов палит свинью и конфузится меня: думает, что я очень ему завидую.

— Салом мясо! — приветствую я богатого.

— Спасибо! — отвечает.

— Не завидую вам.

— А что?

— Да много вы труда положили на выкормку, целый год кормили, и всего вышла одна свинья, а я и не трудился, а вокруг меня все свиньи.

Действующие лица: Я. Тут немножко философии, извольте.

Я случайный человек, как бы странник среди этих оседлых, местных людей, мне кажется (эта теория мне очень помогает), что это Я находится и в каждом из оседлых, только в постоянных заботах о существовании они забывают это Я и подменяют его другим, противоположным существом, которое мне представляется, как Не-Я. И если бы эти «не-я» говорили бы от лица своего истинного Я, то, вероятно, и Я говорил бы Мы... Главное, что нас разъединяет, это отношение к полезному: они все живут пользой и куют себе из пользы свое другое, всем видимое «я». Напротив, Я живу только бесполезным, хотя это тщательно скрываю от всех, потому что если это узнают все, то меня будут считать за сумасшедшего. Положим, и все имеют это бесполезное Я, в острые моменты жизни оно показывается, это страшное для пользы Я, начинается борьба с ним не на живот, а на смерть, и обыкновенно побеждает Я полезное настолько сильно, что то Я совсем забывается, исчезает из круга зрения, и такие люди ровно ничего не видят, польза им заслоняет совершенно жизнь, и так они умные люди и ничего не видящие. Это они говорят, что с человеком, чтобы узнать его, нужно съесть пуд соли, узнать — это значит у них понять, можно ли с ним делать какое-нибудь полезное дело, но увидеть они не могут, вот почему они так часто обманываются, съели много пудов и вдруг обманулись,— произошло это потому, что польза позволяет увидеть человека всегда только с одной стороны.

Конечно, и Я соприкасаюсь с миром полезностей, иначе Я не мог бы существовать материально, но Я это сознаю, а они

Рассказ со сцены: Поставьте декорации: усадьба 18-го века

Действующие лица:

Я

Старухи { Соколова, Птичница, Экономка

Шульгин — лесной объездчик

Дуры: Толоки — лошадь
Хруза

Василь Палыч

Галатин — помещик

Гурский — генерал

Бесы: Лебедев и
Кирсанов

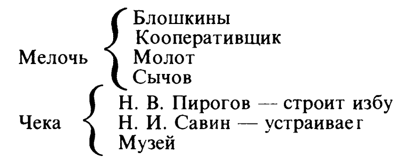
Шкраб Василий Семенович

Ион: собирается,
думает только
о себе

Поповичи по искусству:
Анисимов,
Булычов,
Виноградский

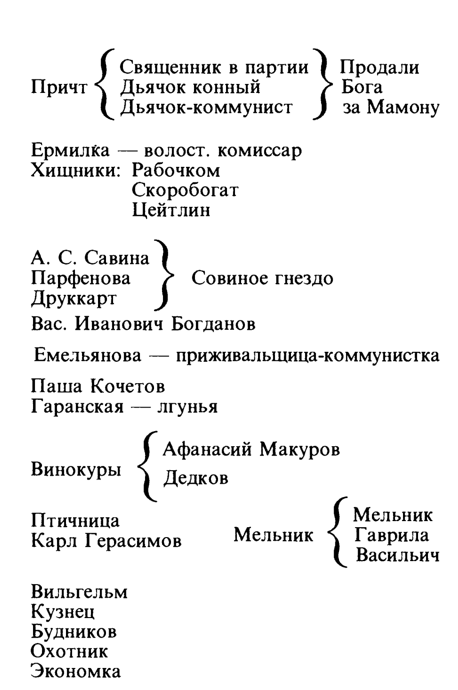
Ком. Петров

	Церковь	
Сыроварня Школа Больница		Лесопилка Сенной пункт 〈*1 нрзб.*〉 Колония
	Совхоз	
2-я ступень		Музей
	Алексино	
Просв. кружок		Союз комм. молодежи
	Озеро	
Цапли		Совхоз
	Спуск	
рыбу ловят		рыбу ловят
	Озеро уходит	
Кооператив Парк: лыку дерут, пасут скот Костры внутри дупла		

Мелочь { Блошкины, Кооперативщик, Молот, Сычов

Чека { Н. В. Пирогов — строит избу
Н. И. Савин — устраивает
Музей

Причт { Священник в партии, Дьячок конный, Дьячок-коммунист } Продали Бога за Мамону

Ермилка — волост. комиссар

Хищники: Рабочком
Скоробогат
Цейтлин

А. С. Савина, Парфенова, Друккарт } Совиное гнездо

Вас. Иванович Богданов

Емельянова — приживальщица-коммунистка

Паша Кочетов

Гаранская — лгунья

Винокуры { Афанасий Макуров, Дедков

Птичница

Карл Герасимов

Мельник { Мельник, Гаврила, Васильич

Вильгельм

Кузнец

Будников

Охотник

Экономка

не сознают и даже презирают и ненавидят свое бесполезное (духовное) Я.

В этом рассказе Я изображаю, показываюсь в образе хранителя Музея усадебного быта, помещенного в пяти уцелевших от разгрома комнатах большого Алексинского дома.

8 Декабря. Снегу мало, ехать трудно, и мы все собираемся, время проходит праздно.

Кириков решился строить избу, потому что считает, что свободу в этих условиях можно добыть себе только земледельческим трудом. Для устройства ему надо сойтись со всеми местными заправилами, так что против них ему теперь нельзя и пикнуть, он пропал как общественный деятель.

9 Декабря. Снежок все подсыпает. Мягко и ветрено.

Продолжаю думать о Я — итак, Я не есть постоянное и присущее духу вечно, Я — это изменчивый момент соединения духа с телом; это жизнь духа в теле сопровождается явлением Я, как химический процесс сопровождается явлением света. После смерти тело выпадает из сферы духа и рассыпается и Я исчезает (в Духе).

Мы потому выделяем духовное Я из общего чувства «я» (эмпирического), что думает о таком Я, которое вполне осознало дух, слилось с ним так, что как бы предает себя Духу. Но и это состояние есть лишь (высшее?) выражение чувства жизни, т. е. соприкосновения духа с телом. В чистом духе нет вовсе Я и нет Мы... словом... вопрос лишь остается в том, остается или нет какой-либо след в Духе после исчезновения Я, словом, раскроется ли тайна... (Она может раскрыться усилием Я при жизни...) Нет, нет! Это в жизни и жизнью решается, и ничего не дождемся в раздумьи, ничего... Творческим порывом жизни Я сливается с Духом.

Вероятно, Я (чувство части) происходит от материи, стремящейся рассыпаться, а духовная сила собирает Я в Мы: в духе нет Я и с телом Я умирает. Поэтому при жизни следует отказаться от Я.

11 Декабря. Второй день зима: мороз 18 °, глубокий хрустящий белый снег, засыпанные ели и утром на восходе живые дымы, столбом восходящие к небу.

Шевелятся воспоминания о сочельнике и Рождестве, о таинственной могучей русской зиме, и встает вопрос: «Ну почему же я, проживший жизнь среди таких великих событий, в какой-то бессильной дреме пропускаю время, пропускаю уходящее в неизвестное свое Я?»

Литературно объясняется это так: вести мемуары может только не литератор, а человек наивного реализма, который, описывая события, не помнит себя. Писать же художественные вещи не дает сутолока мелочей.

Глядишь в свою жизнь и поражаешься: какой я невосприимчивый мальчик и юноша, как это чувство природы, составившее

мне известность в литературе, эта поездка в Сибирь — ничего, ровно ничего не оставили во мне. И так было до 28 лет, до встречи в Париже, тогда вдруг как бы открываются ворота жизни. Думаешь об этом, и вот приходит в голову, что и сейчас, может быть, есть огромная неизвестная мне область жизни, полная тайн...

В моей жизни были следующие острые моменты: 1) Бегство в Америку, 2) Марксизм, 3) Встреча в Париже и 4) Занятие литературой с путешествиями по России.

Если исключить первое как детство, то остальные все моменты связаны между собою и, в сущности, есть одно переживание.

— Мысль о смерти — второстепенная мысль, она почти не играет никакой роли в массе живущих людей и свойственна, как постоянное настроение, отдельным, исключительным людям,— эти люди обыкновенно односторонне развиты, духовно, в ущерб своей природе. Мы воспитались на идеалах трагедии, между тем трагедия свойственна опять-таки отдельным людям и законы ее вовсе не касаются жизни большинства людей, которые все смертны, но не придают этому факту особенного (трагического) значения. Самой лучшей иллюстрацией сказанному является соотношение исторической церкви к идеям Христа: по мере того, как церковь приближалась к жизни масс, она все более и более удалялась от Христовой трагедии. Возьмите в примеры современное искусство, литературу: как мало пишется и как мало читается о трагическом и, напротив, все читают и все пишут просто о жизни. Еще пример наша (и всякая) революция, как даже такое редкое явление, в сущности своей проходило не как трагическое, а просто как жизненное явление, исполненное забот о пропитании (мысли доктора N).

Как физическое страдание чувствуется только до известного предела, после которого теряется сознание, так и в наших общественных муках давно уже мы перешли предел самосознания и находимся во власти обыденного процесса, мы теперь больше не можем оценивать свое состояние. Сегодня ночью я представил себе лучший момент своей жизни и ту женщину, с которой я делил эти дни. Она теперь в Англии. «Что, если,— подумал я,— написать ей письмо о себе теперешнем». Какая бездна падения представилась мне: это я живу теперь в холодной комнате обгрызанной усадьбы, жмусь от холода, вечно думаю, как прокормиться на сегодня и завтра и т. д.

А в общем ничего нового, ведь я же всегда чувствовал неестественное положение нас, свободных людей, среди моря рабов, и жизнерадостность, о которой я писал, была явно трагического происхождения: это была радость человека со считанными днями жизни. И я не замечаю в себе теперь того, что испытывают все эсеры,— разочарования в простом народе (мужике), я никогда их не оценивал с человеческой точки зрения и восторгался ими, лишь когда находил в них продолжение природы...

М.М.ПРИШВИН

ДНЕВНИКИ

1922

15 Января. Чудесны зимой встречи светил утром и вечером, в снежной пустыне светила воистину царят, сходятся, расходятся... а ночи до того светлы, воздух так прозрачен, что луна видится не диском, а шаром.

Семя марксизма находило теплую влагу в русском студенчестве и прорастало: во главе нашего кружка был эпилептический баран, который нам, мальчишкам, проповедовал не-ученье — «Выучитесь инженерами,— говорил он,— и сядете на шею пролетариата». Слова эти падали нам, как на фронте солдатам не-воевать, рабочим не-работать и т. д. Значит, свойства марксизма находятся в самом зерне его и существуют объективно.

Истинный вождь верою своей в нечто высшее обрекает себя без колебания на жертву ему и потому он принимает жертвы других. Так что всякий, кто хочет быть вождем, с о з н а т е л ь н о должен обречь себя на жертву. Христов жертвенный путь есть путь вождей. Тоже и анархисты хотят, чтобы все были вождями. Разница вождя от прозелита не в способности, а в том, что вождь жертвует собой Богу (или идее) непосредственно, а прозелит обоготворяет самого вождя (кумир). Марксизм разрушает всякое идолопоклонство («сознательный» пролетарий «не верит»), но каким же образом (это надо рассмотреть особо) создает тут же из-под рук и величайшие кумиры (но и христианство шло тем же путем).

Способность быть вождем заключается в вере («научно» вождем не сделаешься), и все вожди люди верующие.

Публика считает, напр., Пушкина большим, а Фета малым, публика судит в ширину, а в глубину Пушкин и Фет равные, потому что тот и другой стоят перед одним Богом. По этому маленькому примеру видно, что масса органически нуждается в кумире. Вот почему из Маркса в Ельце сделана саженная гипсовая голова и на Сенной площади там ей особые жрецы-инквизиторы приносят жертвы и музыка играет «Марсельезу».

Революция, социализм вскрывают всю мерзость кумиротворчества и вот почему ненавидят попов, религию, но почему-то сами сейчас же и создают то же, в горшем виде — почему?

Первое: масса не может долго жить повышенно-напряженной жизнью, как личность, она должна отдохнуть, и ее «передышка» есть кумир. Потому понимание массой вождя может быть только временное.

И еще просто, что масса и не может стать непосредственно к Богу и ей непременно нужен вождь — образ Божий сначала, пока она действует, и поп-вождь — сам Бог, когда она отдыхает (видеть образ Божий легче, чем Бога, а кумир уж совсем не обязывает к действию: поставлю свечку, а он сделает).

Происходит как бы вечный обман вождей, обещающих нечто чающим, и взаимные обвинения: Маркс будет обвинять своих подданных в искажении его учения, а те его в обмане. «Научный» социализм предусмотрел это явление и потому уничтожает Бога и личность как посредника между Богом и толпой, единственный фактор истории — масса, живущая по законам экономической необходимости.

Интересно, что в строгих чертах этой теории, оставшейся на страницах советских газет, русская жизнь во время коммуны шла точно по закону верующих вождей и обманутой массы. (Гипсовая голова Маркса в Ельце.)

В деревню Селецкое явилась лесная комиссия для проверки построек с 17-го года и сбора денег с тех, кто строил из ворованного леса, какой бы огромный доход мог получиться от этого казне! Но деревня благополучно отделалась самогоном и жареным салом. И так во всем и везде, потому что во всех этих комиссиях собираются представители беспорядка. Неизбежно придется перейти к представительству по цензу собственности, а не по партийному цензу, как теперь. Надо подождать, пока крестьяне расселятся на хутора, потом будет признана мелкая собственность, а потом и ценз.

Революция отодвинула осуществление представительного строя много назад, потому что настоящего труженика, вообще у нас человека молчаливого, рабочего, остерегающегося высовываться, запугала еще более. Без этих собственников управлять государством невозможно, а прогнать их — что же останется от социализма?

Итак, ценз по собственности и ценз партийный (чистка партии — проверка ценза) — вот основа прошлого и нового строя. Но ценз партийный есть уже позднейшее наслоение, вначале в основе строя был «беднейший» (комитет бедноты); этот строй рушился, потому что в массе (в бедноте) не оказалось социализма. Была введена, как ценз, степень убежденности, которая доказывалась, во-первых, давностью принадлежности к партии, во-вторых, активностью. Этим путем был создан чрезвычайно деятельный («чрезвычайка») аппарат управления.

Но самый факт активности в жизни каким-то образом оказался враждебным социализму, актив наш оказался кто? кто может убить, кто может реквизировать (разорить), кто может

пытками взыскать чрезвычайный налог, кто может повоевать с «бандой» и т. д. Дело в том, что в понятие собственности входит понятие творческой производительности — вот эта творческая производительность и не входит в ценз партийный. Сложилось так, что при партийном человеке состоит еще «спец», который и восполняет отсутствие знания и таланта, в большинстве враждебный партийному, работающий под кнутом, тайно саботирующий — это земский «третий элемент», но уже совершенно забитый («выжатый лимон»). Такое положение допущено временно, пока не явятся ученые из большевиков (в университет принимают почти только партийных), и таким образом образовательный ценз прибавится к цензу по убеждениям. Но это дело будущего далекого... (школы стоят).

Собственно говоря, следовало бы ввести ценз по социалистической производительности, т. е. кто больше бы произвел продуктов при социалистической организации производства, взять представителей от коллективных хозяйств, артелей и т. д., но таким путем ничего не производится, и если есть деятельные люди, то их деятельность проявляется не в том, чтобы произвести, а в том, чтобы раздобыть для коммуны.

Словом, социалистический строй не удается, потому что к нему нельзя перейти, если бы перешли, тогда бы все пошло, напр., если бы существовало социалистическое производство, то можно было бы установить ценз. «Переворот», оказывается, должен быть гораздо сложнее: он должен быть, когда у рабочих есть определенное сознание, техника нового и т. д., словом, дело тут в духе самом, а не в факте завладения орудиями производства.

Возвращаемся к основному вопросу: основной вопрос социализма есть вопрос об изменении отношения массы к вождям (общества и личности), о что всякие попытки осуществления социального заказа разбиваются, и под флагом социализма складывается обыкновенная конструкция общества, т. е. личность, превращенная массой в кумир.

Значит, не разгадана еще тайна явления личности, и все таинственное обоготворяется, и потому надо расшифровать эту тайну и превратить личность в «спеца». Теперь это сознается и подчеркивается, напр., введение понятия «спеца» или «шкраба»: каждый из нас, образованных людей, получив ярлык спеца или шкраба, в свое время был подавлен, потому что чувствовал себя обезличенным в спеце или в шкрабе. С другой стороны, массовое, человеческое начало входило в понятие «беднейший из крестьян», то и другое подчеркивает стремление превратить личность в механизм (спеца), в homo faber.

Индивидуальные отличия между людьми, поскольку они интересуют социалиста, сводятся к специальности, если остается что-либо сверх специальности, то это остается общественно неактивно, это жизнь «про себя», которая уже не социализуется, которая бесполезна, как сновидение. Мы можем теперь перевернуть всю систему и, признав истинно-важной стороной «жить

про себя»,— отнести деятельность homo faber, как будущий рабочий механизм, полезным для себя.

28 Января. Мистерия семьи: отец и мать — актеры, а дети — публика.

Лева заболел (психостения). Он лежит целую неделю в полусне со стоном и бредом: так я когда-то вернулся из «Америки». Ефр. Павл. отказалась везти его к доктору, а у меня температура, трясет. Повез его... После с 4-х до 10 веч. в шубе сидел перед печью.

Сады и особенно парки — то же, что благоустроенные кладбища: кладбища —воспоминание по жившим тут людям, парки — воспоминание о бывшем тут когда-то и срубленном лесе.

29 Января. Миша из дома ушел, пусть это останется для детей тайной, и для всех. Пока Лева не выздоровеет совершенно, каждый день я буду начинать дневник этой таинственной фразой: «Миша из дома ушел».

Каким несчастным я видел себя в эту ночь, как близко было то черное существо, неминучее, около которого мы живем,— как черви на колесе телеги, тронется колесо — и нет нас!

30 Января. Миша! будь тверд, слюни не распускай, но не выходи из себя. Представь себе эту женщину объективно со всеми ее достоинствами и недостатками и всегда следи за ней: трудно это, но делать нечего. «Пусть дети погибнут — дети мои!» — «Какие же твои обязанности?» — «Никаких, найми прислуг, я буду распоряжаться и больше ничего: хочу быть барыней!» Ее можно попросить, и она будет, как собака, загонять зайцев и уток на болото, мужик может ее выгнать на работу: «Хрузка, иди молотить!» — побежит, но принципиально подчиняться она не может и никогда (органически) не может перемолчать, и спорить об этом — значит доводить ее до белого каления.

Леве вчера было лучше: улыбнулся на Ярика, крикнул посвоему властно во время игры в короли. Сегодня лицо его начало входить в свои очертания.

1 Февраля. Лева заболел в Крещенье 6 Янв. 3 дня бессонница и после сон.

В среду я ходил к ст. Д. за сахаром, Лева ходил в Дурово с письмом. В пятницу возил его к доктору. Во вторник ходил в Д. и в среду привез доктора.

2 Февраля. Над гробом Отто Ивановича.

Отто Иванович был сын рабочего, и сам он как землемер — скромный, никому не известный труженик. Он простудился при

обмере земли в Ставковкове при исполнении своих служебных обязанностей. Сам он говорил мне, умирая, что он жертва времени. Бедный Отто Иванович, он, умирая, не верил в то дело, из-за которого в наше время приносится столько жертв. Хорошо тому умирать, кто знает, за что он умирает. Но Отто Иван., обмеряя землю, не верил даже в пользу своей работы. Свою солидарность с трудящимся населением Отто Ив. выражал не громкими воплями о грядущем счастье всего человечества. Не знаю предыдущей его жизни, но месяц тому назад, когда он уже хорошо знал, что скоро умрет, он занимался изучением глинобитных построек, жилищ для тружеников. По одному этому интересу накануне смерти можно видеть, куда направлена была любовь О. И-ча: к трудящемуся человеку.

Этот скромный труженик проявил себя настоящим героем в борьбе со смертью. Я был у него за неделю до смерти, он мне сказал, что умирает. «Боитесь?» — спросил я. Он замялся. «Страх смерти,— сказал я,— охватывает, когда теряются силы». Ему очень понравилась моя мысль, он живо сказал: «Меня мучит, что придет день, и я не в состоянии буду подняться и убрать за собой». Вот какой был сильный человек, он боялся лишь стать в зависимость от других. Он думал о постройке жилищ другим, но других для себя стеснять не хотел.

Знаете, мы рано или поздно все умрем, и каждый из нас, если только не имеет твердой веры в Бога, непременно станет одинокой душой перед смертью. Родные, близкие тут не помогут: их дело жить, а умирать будешь непременно один. Дай Бог, чтобы каждый из нас мог так твердо стать перед лицом смерти и перенести все мучения с достоинством человека. Мир праху его. Со святыми упокой.

Левина болезнь. 5-го Января, в крещ. сочельник Лева ездил в Батищево... и, вернувшись, жаловался на боль около сердца. На другой день боль перешла в плечо (под мышку), мы опять поехали в Батищево. Боль продолжалась и перешла в правый бок. 7-го мы вернулись в Иванихи, Лева продолжал чувствовать боль и ночь не спал. 8-го то же самое, 9-го тоже. 10-го в понед. фельдшер дал ему какую-то микстуру, и ночью Лева потихоньку от нас выпил ее очень много. 11-го спал долго днем и проснулся с бредом, лицо серое и сказал: «Папа, мама, вы здесь, как хорошо, что вы здесь». После этого началась спячка. 14-го в пятницу возили его на ст. Дорогобуж к врачу Смирновой, после чего ему стали давать капли (?), яйца, молоко, сахар. Улучшение питания не улучшило здоровья, сон увеличился, дрожание рук усилилось. В среду 19-го привез доктора, после чего перестали Леву вызывать на прогулки и к столу, он лежит. С вечера 19-го стали класть ему на голову пузырь со льдом. 20-го с утра положение улучшилось: улыбался, шутил с Яриком, читал больше часа Кольцова, в течение дня много беседовал с нами и днем спал мало. Самочувствие: говорит, что через две недели встанет. 21-го — как вчера, разве чуть-чуть хуже: заснул

днем и только вечером проснулся с восклицанием: «Разве это не утро?» Ночь спал тревожно, с бредом, вероятно, потому, что переспал днем. 22-го почти весь день не спал и читал, лежа, книжку. Ночь спал глубоко.

5 Февраля. Лева просыпался медленно, но когда проснулся, быстро встал и вышел к чаю. Появились обычные резкие движения руки, улыбался, рассказывал про охоту, глаза приобрели обычное осмысленное выражение и вообще был утром за чаем похож на мальчика, на прежнего Леву. Полная надежда, что ужасная советская болезнь миновала — подарок мне в день рождения моего: 49 лет. И сам я видел в эту ночь сон хороший, будто бы в нашем старом доме я с мамой перехожу из комнаты в комнату, и так мне хорошо, будто становлюсь на свое место, как-то очень ладно прихожусь ко всему, и все вокруг детское: и звук веялки, и распоряжения Ивана Мих. Особенно понравилось в комнате Лиды — тут жить! Мать сказала: «Вот мы все думали, как велик для нас дом и как он теперь уменьшился; дома от времени всегда уменьшаются, вот посмотри, какой он будет маленький лет через двадцать пять».

О «Мише» все больше выясняется, что все иллюзии изжиты, и, если устроить ее, то одной ей будет много лучше, что я ей в тягость.

7 Февраля. Пишет Разумник с торжеством, что Ремизов раскаивается, что убежал за границу.

Дорогой Р. В.

6-го Января (Крещение) мы с Левой собрались уезжать, он в Москву продолжать ученье, я в Питер к Вам, и вот вдруг Леву задергало, и он уснул и спал непробудно две недели. Теперь он встал, жизнь его, кажется, вне опасности, но совершенно разбит, и лечить его придется очень долго. Это болезнь на почве голодания в Москве 〈*1нрзб.*〉 — неизвестная в медицине, новая советская болезнь «спячка». Не знаю уж теперь, когда мне удастся выбраться. Ехать вообще риск — по нашей дороге свирепствует тиф. Но я бы ни на что не посмотрел, если бы имел в виду большее, чем издание «Чертовой Ступы» (ведь когда-нибудь все равно издадут) и драгоценного свидания с Вами и Питером. Что же это большее? Это очень трудно объяснить после 5-тилетнего перерыва в наших беседах, но я попробую. Видите что: земля наша лежит без связи (недаром же и крестьяне стали индивидуалистами и разбегаются на хутора); есть в нашей жизни какое-то чудище, перед которым всякая попытка связать что-нибудь, соединить кажется мне, человеку на границе старости,— наивной. Отчего у меня и перо выпадает из рук, отчего и Ваши Вольфилы и проч. (вся Ваша Петербургско-эмигрантская жизнь) кажется дымом. Вообще вас всех, ученых, образованных и истинных людей в Петербурге, я считаю людьми заграничными, и вы меня маните, как заграница, как бегство от чудища. (Что Вы спорите с Ремизовым, где быть,

в Питере или за границей, мне кажется делом вашим семейным.) Много раз я пытался уехать за границу (или в Питер), и каждый раз меня останавливала не мысль, а чувство, которого я выразить не могу и которого стыжусь: оно похоже на лень, которую Гончаров внешне порицает в Обломове и тайно прославляет как животворящее начало, однако, и больше «лени» этой: Чудище имеет в себе змеиную притягательную силу, всматриваешься в него, и тянет, а там, за границей — шоколад, чай с сахаром, сигары, Вольфилы, издания, щекот свободы и самолюбия и главное, что при госуд. пайке возможность соединять мыслью миры, подумаешь о загранице, и как будто трудно пасьянс сложить. Вы не думайте, что в этом состоянии я погиб окончательно, нет! я надеюсь найти выход в опыте, вот, думаю, поеду к Вам и найду там то «бо́льшее», чего я не вижу здесь, потому что, в конце концов, с головы же мысль идет, а не с брюха. Ничего не значит, что все, кто приезжает от вас к нам (например, я видел летом Б. М. Энгельгардта), только подтверждают бессвязность и оторванность вас,— мои глаза совсем другие, я могу увидеть такое, что вы сами не видите (т. е. это такие мои мечты, а не гордость). Другое утешение мое чисто обывательское, я думаю, что рано или поздно Чудище «кончится» и мы все свяжемся. Почему же, спросите, я не думаю, чтобы кончить Чудище? видите, это нельзя сделать одному, я все пробовал, нельзя писать,— я говорил так, что дети бежали учиться в Москву, как мы, дети, бежали в Америку,— и возвращались разбитые, в 70 лет старики, как мой Лева говорил, на могилах — все плакали, а возвратясь домой, напивались самогону и опять смеялись, я все пробовал — не соединяются. А если в этом житейско-тайном и обыкновенном деле люди не соединяются, то как я могу говорить о соединении на поверхности (разные там партии и т. п.). Вот почему я не пробую Чудище кончить и мечтаю, что оно само кончится. В этом смысле только я и ценю, напр., слухи об изданиях и что можно продать пьесу и т. д. Получишь от Вас письмо, обрадуешься — еду, еду, еду! потом раздумаешь о Вашей двойственной природе (Андрей Белый и курсистки) — нет! подумаешь, Вольфил, издания — это у него курсистки, а внутри — темно для меня; потом я знаю, что Вы человек практический, пчелиного свойства, и я нужен для Вашего улья, это хорошо и метко и я тут могу: Ваш улей я вижу, но не вижу пасеки. Что, если бы Вы хоть два слова написали о пасеке, как бы Вы меня обрадовали.

С переездом в Иваники создалось так, что у меня нет ни одной книги (кроме Ключевского и детских учебников), нет ни одной газеты (даже «Известий», даже сельскохозяйственной), нет ни одного человека, мало-мальски меня понимающего (кроме больного Левы),— можете себе представить, как я радуюсь письму. А еще, если бы книжки прислали от какого-нибудь автора в подарок, как раньше делалось?

Задумал я, было, составить книгу под общим заглавием «Чертова Ступа» — первой поместил бы сцену (пьесу), потом

показал бы все пережитое (многое написано в отрывках), да поработаю, поработаю и оборвусь — нецензурно выходит (напр., как опускают в прорубь мужика при взыскании чрезв. налога), скажут, что это я против существующей власти выхожу, а не против Чудища. Между тем я против существующей власти не иду, потому что мне мешает чувство моей причастности к ней. В творчестве Чудища, конечно, участие было самое маленькое, бессознательное и состояло скорее в попустительстве, легкомыслии и пр., но все-таки... власть эта уже, так сказать, последствие, нагар, пустяковый шлак, всплывающий наверх (кто не засыпал, читая экономические фельетоны Ленина, кто не смеялся над Луначарским и над селянским министром), не в этом, конечно, дело.

Итак, я жду, что Чудище кончится, и жду от Вас узнать, во-первых, отличаетесь ли в этом ожидании, по существу, от меня, а если не отличаетесь, то, во-вторых, нет ли каких признаков нового времени. Чрезвычайно интересует меня затея Ремизова, не могу понять,— что его гонит из-за границы и что его туда погнало, кажется, человек умный и с бухты-барахты ничего не делает. Микитов нам писал, что там очень хорошо зарабатывать и жить можно,— а разве это мало? Если тоска по родине, так Петербург современный та же эмиграция и отвлеченность (Вольфил). Если Вы мне ответите, то я напишу Вам следующее письмо в защиту социализма, потому что я уверен, что в Вашем улье многие считают провал советский — провалом идеи социализма.

Знаете, меня так подмывает, что я, может быть, и не дотерплю Вашего ответа и примчу.

Второй присест

8 Февраля. Метель занесла пути, так что даже нельзя за $1^1/_2$ версты дойти снести письмо, делать нечего, продолжаю о пасеке Вашей. Когда Вы пишете, что вот такой-то писатель написал замечательную книгу (Есенин, Белый и др.), то я не придаю этому, как раньше, большого значения, потому что зима, пчелы не летают и все происходит в Вашем улье при подкормке сахаром. Во всей огромной стране, кроме Вашего Петербургского омшаника, снежное кладбище, в больницах нет лекарств и дров, школы не учат, фабрики не работают, крестьяне пердят на печках, чиновники воруют и лгут, ни одного честного человека вокруг себя я не вижу (кроме докторши Смирновой,— но она стонет).

Третий присест

Вся интеллигенция страны собралась в два гнезда — за границей и в Питере, одно эмигрантское, другое академическое, и спор идет между этими двумя обществами, вся остальная страна живет про себя. Попасть туда, наговориться, начитаться — как хорошо! и если при этом не забыть себя со своей пустыней, то может быть и очень даже полезно. Непременно надо поехать... почему непременно? а если заняться этой агрономией и остаться навсегда, как Энгельгардт?

10 Февраля. После многих дней метелей сегодня глянуло солнце, и в час-два все деревья покрылись густым инеем. Был сверкающий полдень, и тепло от солнца было очень приятно, мы долго грелись на солнце. Отгоняю мысль о необходимости ехать — очень опасно ехать, свирепствует тиф, умерших раздевают и голых выбрасывают из окон, ну, как тут ехать!

12 Февраля. Газеты выписаны, но не получаются, потому что говорят, что по дороге выкуриваются. Ничего не знаем, но без газет известно, что в Генуе будет продаваться Россия. Чудовищно звучит, но есть утешение, что и мы бы, став теперь во власть, делали бы то же. Еще мы знаем, что прошлый год управляющий Совхоза получал паек 2-й категории, а рабочий 1-й, теперь управляющий получает ровно вдвое против рабочего.

15 Февраля. Сретенье. Дня три уже стоит оттепель, ворона кричит, скоро весна.

Продолжение «Мать земля»:

«Перебили меня писать, оторвался, посмотрел со стороны и оторопь нашла: ну, что я описываю, какие это «герои», из обыкновенных обыкновеннейшие люди, дети моей милой старушки Ник. Мих. и Лид. Мих. Алпатовы...»

Конец статьи об Энгельгардте.

— Он был предтечей будущего строительства той обыкновенной жизни земли, которая бывает землей героев, чем сильнее эта земля, тем сильнее и герой, так или иначе, прямо или косвенно, только всякий герой, всякая личность нуждается в этих питательных соках земли. Нужно быть снисходительным к этим миллионам людей, которые размножаются и хотят непременно быть счастливыми на земле, нельзя называть это обыкновенное чувство жизни буржуазностью или мещанством, подменяющим Бога кумиром, но если все привыкают к этим словам и они дают вам понятие о силе жизни земли, росте ее населения растительного, животного и человеческого, то пусть будет по-вашему, и я скажу, что Энгельгардт был предтечей идеи буржуазной революции в России.

16 Февраля. Во вторник, третьего дня, Лева пришел весь мокрый — много бегал на лыжах, на другой день я заметил в нем перемену к худшему: нервность, затемненный взгляд и сосредоточенность, сегодня утром появился характерный признак его болезни — руки с опущенными ладонями и спех: хватил чаю и на улицу и т. д.

История купеческой шубы.

Смерть Лиди: тиф, больница, кладбище и город.

18 Февраля. Н. М. был человек очень хороший, но, как все хорошие люди, он не знал, что хорош, и всю жизнь свою

мучился, что он не такой, как настоящие люди. Где эти настоящие люди, кто они такие? в жизни он едва ли видел, но настоящий человек был ореолом его личного существования; после в самые тяжелые минуты своей жизни он недоуменно меня спрашивал: если все кругом так безобразно, то откуда же пришло к нему, что есть какой-то светлый человек?

Из жизни его в это тяжелое время, когда преступление стало на место закона, у нас с ним был такой разговор:

— А как же Бог?

— При чем тут Бог,— сказал я,— как это у тебя Бог вспомнился, ты же Богу никогда не молился.

— Как не молился,— ответил он,— я всю жизнь свою постоянно молился, только и занимался этим, что Богу молился.

— Ты не веровал.

— Да кто тебе сказал, что не веровал? Неужели веруют и молятся только в церкви.

— Хорошо, но ты это в себе не сознавал.

— А зачем это нужно сознавать, это и нехорошо сознавать.

Мы сидели на лавочке. Я поднял с земли пуговку штамповочную с тонким рисунком на ней, я думал, сколько тут было лишней работы, и над чем, над пуговкой, тут и художник трудился, и литейщик, и фабрика, и конторщица, кто-кто только ни работал, и над чем, над пуговкой!

— Совершенно лишняя работа! — сказал я.

— А я разве не понимал всегда, что это все лишнее, и разве я за это сержусь, за то, что они против этого идут? и против попов и дворян.

Еще из его жизни: теперь, когда я привожу в порядок свои записки, приходится мне упомянуть и про четверть спирту, зарытую нами на огороде, как она росла в цене, и Н. М. время от времени высчитывал: до 1000 р. дойдет! Бедный! теперь он в земле, и четверть его в земле, и цена ее по последнему моему подсчету уже 4 миллиона. Он копал в подвале яму в макинтоше и в нем же встречал на дворе комиссаров с улыбкой и любезностью мужика к барину. В последние дни носил на себе шесть пар белья.

Как подумаешь иногда, усталый, каких маленьких людей собираюсь я описывать,— оторопь берет: зачем, кому это нужно, и бросишь. А потом соберешься и думаешь, и опять за свое: большие люди, думаешь, сами расписываются на страницах истории и у них имеется множество слуг, которые не дадут им исчезнуть. Но тихий, скромный человек так-таки и сходит на нет, такой хороший, милый мне человек — и вот нет никому до него дела. Досада вызывает новые силы и думаешь: а вот нет же, не дам я тебе от нас исчезнуть. Живи, любимый человек, живи!

Мы расставались с Левой на перекрестке, он шел в училище, а я на базар, расставаясь, целовались, и он мне говорил:

— Ну, папочка, смотри, не продешеви.

Я шел на базар и вдруг, смотрю, он бежит ко мне.

— Что ты?

— Давай еще раз поцелуемся (мальчик возвращает отца своей матери).

Сегодня ночью я проснулся с мыслью о возрождении, и долго-долго думал об этом в связи с прошлым России, и вспомнил Мережковского. Слышу, Лева бредит во сне: «Возрождение, возрождение». Бредил ли я раньше пробуждения и так он подхватил это слово? Не знаю, как объяснить иначе?

Богатство правительства заключается в свободе граждан и свободе мнений — это мера общего запаса свободы. Наше правительство теперь самое бедное в мире.

20 Февраля. Февраль — Весна света, март — воды, апрель — земных покровов, май — деревья.

Газеты не получаются, потому что по пути выкуриваются, ничего не знаем. Сын кузнеца, Миша, рассказывал, что англичане представителей Ленина не приняли, а пожелали иметь дело с самим Лениным, и Ленин согласился было, но конференцию отложили до марта. А Вл. Сем., семинарист, учитель, другое рассказывал, будто мужики ездили в Смоленск на собрание, и там вышел какой-то седой и спрашивал мужиков: довольны ли они нынешним правительством?

— Как же быть нам довольными,— отвечали мужики... (перечисление болезней и пр. бед).

— А желали бы царя?

— Как же нам не желать...

— А будете платить подати?

— Будем.

— И будете...

— Будем... и т. д.

— Ну, так будет вам царем великий князь Константин Константинович.

На письмо Семашки:

Благодарю Вас за милое письмо, Ник. Алекс., только что-то Вы ничего не пишете о лекарстве (Phitin), которое я просил. Впрочем, теперь не беспокойтесь, я узнал, что Phitin продается на рынке в Москве, и с оказией заказал. Что это вздумалось Вам называть меня саботажником и еще несчастным — я, во-первых, служу агрономом на знаменитой Батищевск. Опытной станции, во-вторых, и пописываю, а что не печатают, то это не по моей вине, мои произведения, с одной стороны, считаются контрреволюционными, а другой стороной, их за свои сочтут лишь враги. Для образца и памяти посылаю Вам свое последнее произведение. А что касается «Шиповника» и пр., то друзья по

перу давно уже зовут меня и вот как стараются, что я сделал было весною глупость, собрался было недавно и выехать и ездил в Дурово целую неделю и не мог попасть на поезд: ну, битком, битком и драка какая. Так ничего не добился и плюнул. Тут еще знакомая врачиха про тиф наговорила (у нас все возвратный). Трудно это. И чем жить в Москве, даже остановиться негде, больной любимый мальчик на руках, жена больная, ну невозможно! Конечно, если Вас хорошенько бы использовать, то можно бы все сказать, да ведь Вы догадываетесь, какой я насчет помощи капризный (порошку, лекарств — это можно, ну, а о водке — ни полслова). Пишете, что я «несчастный». Как все, дорогой мой, порядочные люди, часто по глупой честности. Вот и Вы тоже, как подумаю про Вас другой раз ночью, какой Вы, должно быть, несчастный, так и твержу до утра: счастлив твой Бог, Пришвин, вот как счастлив! ⟨*Далее зачеркн. 8 строк*⟩.

Ну, привет мой, позвольте еще раз назвать ⟨*3 нрзб.*⟩, вот потеплеет, поубавится зараза, прицеплюсь на поезде к буферу, и в утренние часы мы с Вами побеседуем,— просто беда! токи подходят, а порох весь.

22 Февраля. Все эти письма к Семашке кончились следующим деловым:

Пользуюсь Вашим предложением устроить моего сына Леву в санаторий: после «спячки» у него осталась психостения, и его необходимо показать врачам в Москве, потому что здешние не знают этой болезни. Вместе с тем я охотно прекращу свой литературный «саботаж», если Вы дадите мне возможность побывать в Москве: в Дурове я две недели не мог сесть на поезд и получил притом ушиб в нос. Итак, вот что мне нужно от Вас: пришлите мне удостоверение, адресованное в Дорогобужский жел. дор. приемный покой, что сын мой, Лев Михайлович Пришвин, назначен для излечения от психостении в такой-то санаторий и Вы просите оказать содействие отцу его, М. М. Пришвину, доставить его по назначению.

Еще надо сказать, но как, это я не знаю, чтобы я мог на несколько дней приткнуться и кормиться, напр., вместе с сыном в том же санатории, так как у меня до продажи моей литературы нет никаких средств существования. Через три дня пребывания в санатории я поеду в Петербург, где удобно при ⟨*1 нрзб.*⟩ мою пьесу, и через две недели вернусь и захвачу назад в Дурово своего сына. Следовательно, кроме удостоверения в Дор. приемный покой, нужна еще какая-то записка от Вас, открывающая двери в Москве. Или я в этом поезде захвачу непременно тиф, от которого вымрет вся моя семья.

Ни в учительстве, которым я занимался, пока не замерла школа, $1^1/_2$ года, ни в агрономии (теперь), ни в литературе субъективного саботажа («злостного») у меня не было, и его вообще нет: дайте возможность работать, и никакого саботажа не будет.

Жду Вашего срочного ответа, frater vitae communis [1] (по-русски: товарищ по несчастью) и усердно жму Вашу руку.

24 Февраля. Vita communis. Не раз врачи и учителя мне говорили, что общественное дело не выходит всегда из-за мелочей, за что ни возьмись — ничего не получается, то в больницу дров не представят, все лечение идет насмарку, то нет питания, а в школе стекол нет или учебников. Напротив, лично, частно займешься чем-нибудь, то еще ничего, частные уроки, частная практика — все это имеет некоторый смысл и приносит некоторую пользу.

27 Февраля. Журнал «Наука и ее работники» № 2, ст. Яхонтова:

«Обнажение всей жизни и резкое выделение на общем фоне серого переживания всех неровностей, недостатков и уродств,— с одной стороны, и истинной красоты, ранее незамеченной, с другой,— вот одна из черт настоящего времени».

Прочитав эту фразу, я всю ночь думал, в чем и где можно увидеть теперь истинную красоту, и, в конце концов, решил, что это, вероятно, порождается тем чувством «связи», без которой не может жить ученый, что это вне жизни («представление») и, однако, очень ценно. Вообще дело ученых теперь представляется совсем в другом виде, чем раньше 〈*3 нрзб.*〉.

28 Февраля. Пришел мужик:

— Нельзя ли расширить хозяйство?

— Сколько десятин?

— Шесть.

— Шире шести не расширишь.

— Нет, я в глубину хочу.

— Надо клевер, десять пудов ржи стоит пуд.

— А на капитале нельзя?

— Нет, деньги не дают, да у тебя же мука — капитал.

— Нет, мука не капитал: капитал не рыжик, он и зимой ро́дится, а рожь зимой не ро́дится.

1 Марта. С неделю стоит оттепель, в полдень солнце по-настоящему греет, но это еще не весна, а первая, единственная за всю снежную зиму осадка снега. Заметно на дороге, как снег осел: дорога поднялась вверх. Весна не весна, а дорога испортилась и ее больше не будет, потому что просовы уже больше не заделаются, да и все равно, как ни подмерзло, в полдень будет разогревать.

Ездил в Бураково к Войтенковым, видел картину нового расселения крестьян, все деревни в этом углу, за исключением Люстова, рассыпались. Но каждый двор, ставший самостоятельным, является семенем новой деревни, потому что семья,

[1] Брат по общественной жизни (*лат.*).

разделившись, землю оставляет в общинном пользовании, переделяя ее по-прежнему полосками.

6 Марта. Черт-баба, извела.

Дуничка была такая весталка, нет, не весталка, она зажигала не перед богиней Девственности огонь, а перед мужем, настоящим мужчиной, которого в жизни ей не удалось встретить. Она жаловалась на женщин, сторонилась их, как она говорила, «узкого круга», и мужская воля, мужские широкие горизонты были предметом ее поклонения. И в то же время, презирая все женское, стремясь к мужскому миру, она была хранительницей истинной женственности, целомудренной до того, что нельзя было это и назвать своим именем. Другие на таком пути сбиваются на крикливую дорогу феминизма, с подражанием мужчине в одежде, в наружности или с вызовом в области общественной. Дуничка этого одалялась и ушла под конец совершенно в свою чистую келью. Сколько ума в мелочах, какая выдержка перед обыденностью, поистине она претворяла своего героя в себя и страдала только тем, что герой ее действует в таком маленьком женском кругу. Часто, вздыхая, говорила она: «Как я хотела бы родиться мужчиною». Это был ее язык, но сознавала ли она сама, что этим говорила: «Как я хотела бы найти себе того, которому бы могла я служить всею своею душою».

7 Марта. Всю ночь дождь и сильный ветер. Утром до восхода солнца все дождь. Деревья качаются до корня. В полдень солнце, ветер качает только макушки. Вечером облачно и небо открыто только на западе кольцом. В логах начинается напор воды. Сортируют овес на посев.

8 Марта. Капель была всю ночь и стихла перед рассветом. После рассвета теплый дождь. Облачность полная, но с обещанием разъяснеть. Ветер качает полдерева. Сильно токуют вороны. Дороги испорчены, не знаем, как вернутся рабочие из Дорогобужа с мукой.

К полудню показалось солнце и было переменно до вечера: то солнце, то дождь при $+5\,^{\circ}$. Синица токует. Кошка токует. Прилетели грачи.

9 Марта. Ночь — дождь. Утро, как вчера,— облака дождевые с обещанием солнца. На крышах снег сошел. У стволов деревьев кружки.

Умер рабочий Смоляков, коммунист. Завещал похороны свои предоставить партии, чем очень всех удивил, потому что семья большая, дочери невесты и на всю семью ляжет тень, что отец был безбожник, еще дочь замуж не возьмут. У всех было убеждение, что он и в партии состоял из выгоды, а вот умер, и люди думают. Пономариха сказала такой случай:

— Тоже умирал так коммунист и захотел вернуться назад

в православную веру, позвали священника. «Перекрестись!» — велел священник. Коммунист перекрестился, и вдруг у него отнялись руки.

10 Марта. Погода точно такая же. Кружки под яблонями увеличиваются.

Все яснее вырисовывается фигура моего брата, которого я буду представлять в образах революции. Он неудачник, падал в жизни и оставил при себе: 1) Веру в светлого человека (человеко-обезьян и обезьяно-человек, сюда же и Левина новость интересная, что человек происходит от обезьяны), 2) Задушевность, 3) Детскость, т. е. способность удивляться всяким невиданным пустякам (сказка). Вся Россия такая, как мать моя, детская, легковерная, веселая (в конце концов), анархическая.

13 Марта. Добыли вагон у Над. Яков. Смирновой и в воскресенье 19 Марта выезжаем в Москву.

Читал письмо Игнатьева к Чайковскому, в котором устанавливается необходимость для русского человека признать сов. власть как единственно возможную, так что или интервенция, или советская власть. Получается так, что советская власть сама себя признает за дело пролетариата, а народ признает ее за охрану национальной самостоятельности.

«Понять революцию в ее возвышении, так и в ее мрачных чертах может только тот, кто берет ее в ее внутренней неизбежности, в борьбе ее живых сил, в логической последовательности ее этапов» (Троцкий).

С субботы на воскресенье хватил мороз, ручьи замерзли, наст «скипелся», и по снегу можно без лыж идти, как по полу.

Попробуй сейчас переменить жизнь — и придется опять начинать с костра: там, в новом месте, будет холодно...

17 Марта. Мороз, метель, вода вдруг замерзла, наст («стержень») скипелся так, что лошади не проваливаются.

Приехавшие из Москвы рассказывали, что Ленин болен, у него будто бы прогрессивный паралич, что конференция едва ли состоится, это видно по внезапному падению денег: в три дня золотой (10 р.) с 8 млн. дошел до 10 $^1/_2$. Слышал, что Германия накануне революции. А еще, что в Америке топят котлы немолоченной кукурузой, что она может избытком урожая прокормить Россию два с половиной раза.

Сборы в дорогу.

Устроить Надежду Юл. Иловлеву, Марию Дм. Энгельгардт, Надежду Яковлевну Смирнову. Достать для Мар. Дм.— тиокол, для Авг. Дав.— порошки и 12 шт. медных гильз 16 кол., для кузнеца 12—12-го кол.

В Москве посетить Серг. Дм. Масловского (Антоневский пер., д. 4, Вольфил).

В Москве — издательство «Сеятель»: Мясницкая, Гусятиков пер., д. 11, кв. 1, Александр Николаевич Волков.

В Питере поездка в Царское 9.05 д. и 5.35 веч. Разумник живет в Царском со среды до воскресенья. Вольфил — Фонтанка, д. 50, кв. 22. Воскрес. 3 ч. дня Демидов, 8-а, понед. 8 ч. в. (Вольфил), вторник 8 ч. в. (Вольфил).

22 Марта. Сóроки. Мороз в Москве, говорят,— 15 °.

Вчера встал в вагоне в Москве. Вечером поселился в здравнице. ⟨*16 строк нрзб.*⟩

	Нансен	
	Истоки Днепра	
	Леса и урожай	
Брак	Счастливый уголок	Школа — шкраб
Вавил-ная	Энгельгардт	(Капуста)
Лучина	Самость	Церковь
	Шкаф в избе	Государство
	Самогон Азар. Григ.	
	Мельник (Гризетка)	

12 Апреля. Сегодня вечером в 9 ч. пытаюсь выехать из Москвы.

Не выбрался.

В воскресенье у Карасевых состоялось чтение моего «Детства», присутствовали Семашко, Новиков.

— Нужно же написать такую мрачную вещь! — сказал Семашко.

Смутился не я, а Новиков: он выплатил мне гонорар, уверенный, что вещь цензурна, а если большевик говорит, что «мрачно», то едва ли пройдет. Семашко стал прощаться, я сказал ему:

— Все сделано, пьеса написана, продана, остается цензура.

— Слава Богу, цензуры у нас нет! — сказал Семашко на ходу и скрылся.

Новиков и рот разинул:

— Неужели он не знает, что у нас цензура, и какая цензура, небывалая!

— Знает,— сказал я,— но, вероятно, цензура у нас теперь называется как-нибудь иначе?

— Нет, она так и называется.

— Но может быть, он хотел сказать, что цензура наша советская не есть цензура в смысле прежней?

— Нет,— ответила Карасева,— он просто не знает, ему жизнь некогда знать. Недавно ему сказали: «Это стоит $^{1}/_{2}$ лимона».— «У меня на окне есть целый лимон, могу отдать целый». Объяснили, что лимон значит миллион. Сконфузился.

14 Апреля. У Гершензона. Он рассказывал, что Розанов незадолго до смерти сказал ему: «С великим обманщиком (Христом) я теперь совершенно покончил». Еще говорил Гершензон, что основное в натуре Розанова было — трусость и что

понимать его слова про обманщика нужно так: «Покончил, а может быть, и все неправда»,— и тут же перекрестился. И что вся гениальность Розанова в этом, верно, и заключается, в этом «может быть».

Розановский «быт» исходит от его безбытности.

Еще мы говорили на мою тему, про удельный вес пуда муки в деревне, где он производится, и в городе — легкость отношения к этому пуду в городе. Гершензон перевел это на литературу, науку: напр., открытие Коперника и пользование им теперь. Вспоминаю Устьинского, разговор о людях «рождающих». Про Андрея Белого говорил, что он единственный у нас теперь писатель, он захватил Русь от Дорогобужск. мужика до Вячесл. Иванова, а сам весь изуродован, и прет, и прет это ввысь.

У Игнатовых говорили про Косиньку, что ей были навязаны формы (Некрасов, Дейч) и как она из них выбралась нутром, сама совершенно не сознавая (как Некрасов отпал, Дейч отпал).

Про Толстого и Соф. Андр. рассказывала Софья Яковлевна, и о назначении подруги, когда у мужа рана неприкосновенная (вещи женщину влекут, женщину-хозяйку, как мать моя, и вот надо тут вникнуть и, оставаясь верным вещам, оберегать уходящего). Рассказ Софьи Яковлевны, живой, образный и реальный, надо воспроизвести — это смерть Ильи Николаевича, который должен был умереть, он не мог перенести этой власти: нужно было ему устроить Музей, нельзя было слов произносить. Это надо рассказывать, вглядываясь в Софью Андреевну. Не забыть «процесс» Соф. Яков., в котором она может только помогать.

Сила вещей сов. власти: на шестой неделе вздумали ободрать церкви, обыскать книжные магазины с изъятием словаря Брокгауза. Какие болвашки, автомобиль и человек со Смоленского рынка...

Рассказ Ан. Александр. Рюрикова, как он доставал себе место в библиотеке, и оказалось, что библиотеки нет, а там роды (тайну раскрыть со всем своим брюхом).

16 Апреля. Пасха.

Во вторник 18-го выехали (в 5 ¼) и прибыли в Дорогоб. ½-го ночи, пешком домой. Скворец и воробьиный пух. Крик зайца на разливе.

20 Апреля. Московское.

Первое слово, прочитанное мною после перерыва литературы в России, было слово Андрея Белого: само-сознание. И первое, что я написал из деревенского быта, было о самости. Так опять, как в 1905 году, мое деревенское пустынное жительство приводит к тем же словам, которые говорятся в столице, и немудрено: деревенская и городская курица несет одинаковые яйца.

После крушения моей самости встретился мне краснорядец (приказчик из Ельца), который отлично объяснил мне

происхождение наших альтруистических идей (и Льва Толстого) из эгоистических. Теперь это объясняет Андрей Белый русскому обществу.

В начале Мая (ночью) запрос Новикову о «Чертовой Ступе». Числа 15-го Мая запрос Семашке о пайке и Лидину о комнате.

27 Апреля. Средоточие нашей чувственно-нравственной природы мы относим к сердцу, которое расположено около кишок и вываливается из разрезанного живота вместе со всей требухой?

Сердце общественной жизни тоже расположено где-то в брюхе провинции, а не в столице же? (Москва слезам не верит.)

Из Москвы я привез настроение бодрое и странно встретился этим с провинциальной интеллигенцией: откуда им-то взять бодрости среди всеобщей разрухи. Я им говорю, что разруха пройдет, нельзя связывать свою судьбу с преходящим, а вернее будет отыскивать следы возрождения, которое, несомненно же, есть в народе. Это умственно верное заключение они обходят молчанием, упираясь в стену мрачной действительности...

Разгадка Семашки: он живет тем же чувством, как и раньше,— голодным студентом, воюет с теми же врагами, упуская из виду, что в сознании огромной части народа он тот же самый враг, на его месте сидит и его представляет.

30 Апреля. За все время большевистской революции он высказал одно: назвал большевиков динамистами.

П. П. (Не... ин), педагог, расстался со своим Левой безропотно: мальчику нельзя быть без дела, пусть уж лучше будет большевиком.

И. Н. Игнатов (профессор) с момента Октябрьской революции стал «отходить», и жена его, поняв, что рана смертельная, взяла на себя все компромиссы. Она скрывала хозяйственную сторону жизни, тогда как С. А. Толстая, сливаясь с хозяйством в одно, тыкала им Толстому в глаза.

Мельница (Павлиха, Мать моя) — закон хозяйственного приспособления: на мельнице может сходиться все.

	Павлиха
Страх	Фомкин брат
Человек-обезьяна	Крыскин
Солнце	Учит. Марья Мих.
	Поворот солнца
	(Ефим Иван.)

Да, они (запад) создали Париж, и там есть много зданий, книг, картин, так что кажется это уж вечной опорой,— что ни случись, а это ценность. Но раз молодой человек, испытавший большое несчастье, подошел к Сене, подумал немного и бросился. Почему же он, зная, что за его спиною Париж,— не остановился?

Душа весталки, как у фиалки, поцветет немного особенно свято и потом ку-ку! на всю жизнь одинокой и чистой среди рожающих баб. Ку-ку, ку-ку, ку-ку? сколько лет еще жить, и выходит все много, лет пятьдесят.

13 Мая. Вчера утром за кофеем она по обыкновению с недовольным лицом беспрерывно ворчит и точит. Сил нет терпеть и нельзя терпеть: если не остановишь, она больше и больше будет устанавливать свою дикую волю неправедную.

— Молчи, молчи!

— Нет, не будут молчать.

— Я заставлю тебя замолчать!

— Попробуй, нахал!

— Дура! молчи!

Лева вмешивается:

— Перестаньте, перестаньте, папа, мама!

Это только масло в огонь.

— Если ты не можешь подчиняться, оставь меня.

— И уйду!

— С Богом! возьму прислугу и буду спокойно работать.

— Аа-а! так? Ну так, будь же ты проклят, подлец окаянный, подлец, подлец, выпил кровь мою и выгоняешь, подлец!

И бух! весь кувшин с молоком, полный, единственная пища на день, вдребезги, чашку свою вдребезги. Пока спохватились, все перебито. Бежит в кладовую, вытаскивает свои узлы, складывает. Лева кричит:

— Мама, мама, что ты делаешь? — и бросается мне в объятия: — Несчастный папа!

Она уходит в кусты, Лева за ней, и там Лева ее уговаривает, а она причитывает: «Проклятый, проклятый!» — далеко слышно. Через час Лева провожает ее наверх, и там она ему целый день вяжет погон для ружья. Лева оттуда приносит ружья, а то она ему грозится меня застрелить. Лева затапливает печь, варит обед без приправ. Едим голую картошку с хлебом и пьем чай поочередно из одного уцелевшего молочника.

Посрамленная разбитой посудой, завести которую 〈*1 нрзб.*〉 нет, убитая, она несколько дней будет тенью ходить, но когда отживет,— не простит мне эту побитую посуду, и сложится у ней, что это я виноват, и при случае с новой силой взбесится, можно предсказать, что это будет через месяц-два, когда и я забуду беду за писанием и стану вести себя просто, жить шутя, а она позволит себе ворчание и точение с утра до вечера.

И кажется дело ее нетрудное: ни малейшей заботы

о продовольствии, все доставляю я, дрова, вода, все доставляется, самовары почти всегда ставлю я, кроликов кормят дети, комнату свою убираю я всегда. Ее обязанность приготовить нам скудный обед, щи с кусочком сала и картошку на молоке, иногда постирать белье (иногда стирает женщина), иногда вымыть полы. Я занимаюсь литературой, учу детей, добываю продовольствие, кажется, я должен иметь первый голос? И я почти всегда веселый, нахожу время и для охоты, и для прогулок, и болтовни с детьми, а она, как будто перегруженная работой, весь день мотается, как мочалка на ветре, и не находит времени даже погулять в лесу. Еще у ней есть поросенок, она кормит его сама, вот и все.

Очевидно, дело не в труде, а в бессмыслице существования, дети у меня, вся жизнь у меня, а она причем? что она? Если бы она думала, то, может быть, что-нибудь и надумала, но она не думает и отдается только этому ощущению пустоты и ненужности, и злоба за это на меня, что я не сделаю ее такой, как я, ученой, развитой (я сошелся с ней после второго ее мужа, научил с трудом грамоте и бросил это, когда увидел, что ее невозможно отучить выговаривать «в городе», но не «у городе»). Вина моя вся в том, что я с нею сошелся и не бросил ее до появления детей, вообще поставил ее на положение жены, познакомил с родными, ввел в круг высший и дал ей почувствовать свой низ. Вина моя в легкомыслии к браку и в эгоизме, не внешнем, а глубоком: иметь тихий угол, уединяться, творить, печатать, все это мое, а не ее. Внешне я делал много для нее, прислуг нанимал, ввязался в трудное дело о наследстве, чтобы обеспечить ее, и т. д., но это все внешнее, все для себя. И что даже много занимался с ней собиранием сказок и песен и читал ей все написанное — все это для себя. Для нее я, собственно для нее, не мог ничего сделать, потому что всю жизнь желал другую, и это желанное отдавал в печать: ее я обманывал. Но это очень тонкий обман, и я не думал, что когда-нибудь и за это придется отвечать. Был, впрочем, один опыт любви, ей известный и ликвидированный. Часто думаю, что хочется ей, чтобы я побил ее и так утвердился хозяином, и она была бы верной, вернейшей рабой, и что это не больше, как рабыня на воле. С обыкновенной точки зрения ее все осудят, и дети наши осуждают, но вина основная во мне, что я эгоист и заварил брак в похоти, в состоянии двойственности, в грубейшем действии соединить уже во мне разъединенное: плоть и дух, в самообмане, в присоединении к естественному чувству (которое и надо было удовлетворить, как все?), идеологии брака. Но вот в этом-то и трагедия моя, что я не мог к этому акту отнестись как к чему-то священному и обязывающему, что я безумно страдал при каждом акте с проституткой, а без акта, на монашеском положении — пробовал, но физически не мог вынести и доходил до психиатра.

Точь-в-точь отношения те же, как у матери с Лидей, та была, как солнышко, и эта, как земля, всегда недовольная, пока солнышко не оплодотворит ее. Если бы Ефр. Павл. могла по-

стоянно рожать, то как бы и довольна была, на это у солнца сил не хватает, ему нужен отдых и свое дело света в беспредельном пространстве, его, солнышка, игра для всех и для многого, кроме земли.

Толстой все сделал для удовлетворения женщины, но в конце концов, не удовлетворил же ее, тут путь: или побить, или бросить, или самому раствориться в роде, чтобы внуки потом разбитого возили в кресле на колесиках. В основе же лежит свой грех изначальный, что, будучи сам уже раздвоенным, хотел заключить себя в простейшее.

Она сидела целые сутки одна наверху без пищи, другие сутки лежала в кровати, наконец, у нее начался жар и бред. Позвала детей, обняла, поцеловала, вспомнила о Боге. Дети вышли ко мне и плачут: «Мама умирает!» Такие славные детишки, особенно Лева,— как они ее любят, и что значит мать в доме. Как представить только, что ее нет,— ужасно. Я пошел к ней с сердцем, открытым для жалости, и она говорила со мной так хорошо, как будто ничего не было. А наутро принялась вязать мне погон для ружья.

Между тем за эти два дня завелась у меня в доме беженка — старуха из людоедных мест — и все в доме перечистила, вымыла, наконец, мою комнату, повторяла: «Ах, как вы засрали!» — и стало в доме небывало чисто и мило. Просил ⟨*2 нрзб.*⟩ дать мне паек на прислугу, но мне отказали. И я теперь в ужасе ожидаю развития следующего кольца: начнет вязать мне погон и кончит... чем? каждый раз все сильней и сильней кончается — или застрелит меня, или удавится. Нужно принять меры...

Думаю иногда, что все основано...

История эта — в большинстве случаев форма проявления половой жизни, удовлетворить иногда женщину можно только беременностью. Ефр. Павл. боится этого больше всего и хочет этого больше всего. Неудовлетворенная женщина.

На вечерней заре за гомоном птиц соловья не узнаешь — трещит какая-то птичья трещотка, хуже всех. Нужно дождаться звезд, когда все птицы смолкнут, разгорятся звезды и одни соловьи останутся.

Наш петух был самый сильный из всех и своих кур не давал другим петухам, но и не трогал их кур — исключительный по благородству петух. Корма у нас не было, поэтому рано утром он уводил своих восемь куриц далеко в лес и возвращался с ними только к вечеру. Прошло время — одна черная курица заквохтала, мы ее взяли к себе в кладовую и посадили на яйца. На другой день петух не повел кур в лес и весь день бегал по чужим курицам: искал пропавшую. На третий день он кур своих бросил и переселился в курник к соседям. Аннушка объяснила, что у каждого петуха есть одна любимая курица, без которой он жить не может, без нее свои куры ему противны.

— Почему же он к чужим-то ушел?

— Чужое все-таки лучше — на чужом огороде своя же баба и то слаще.

Кошки

У кошки нашей отобрали котенка, и затворница кошка осталась одинокой. А у соседей как раз в это время окотилась кошка. Вот наша кошка подстерегла отлучку соседней кошки и перетащила котят к себе. Та это заметила и тоже подстерегла и перетащила назад, а одного котенка не успела, и наша кошка стала с приемышем.

Ежик. Скворец-художник. Минай и лягушки. Ручей.

21 Мая. По наследству в семье Алпатов получил веру в прогресс, в постепенное совершенствование, эта вера его в процесс улучшения жизни однажды как бы нашла свой день осуществления: он внезапно поверил, что в наши дни и сразу это должно осуществиться. Учение Маркса было им приспособлено для толкования идейного своего общего душевного состояния, после чего он как бы слился с процессом установления на земле общего счастья.

...Она уехала.

Он едет к своему делу, но дело его, будто большой громыхающий поезд, тоже как будто от него поехало вперед, конечно, вперед! но виновато он подумал про себя, что этот великий поезд идет, а он его не может догнать. И вот из туманной дали, как черная птица с железным клювом, обозначилось что-то совершенно для него новое, приближалось и как бы влетело в него и стало клевать в сердце, и каждый клев этого железного клюва вызывал мысль о «я», и это «я» было с ней, это «я» он сознавал как что-то чрезвычайно маленькое и в малости своей совершенно не подлежащее оправданию и даже вниманию, оно появилось, это «я», как в дурную осеннюю погоду появляется капля с крыши и капает ежеминутно, мерно на камень внизу, и на камне от многолетнего капанья заметное углубление. Так и это «я» начало капать, и за что бы он ни брался, никак он не мог заглушить это капанье. Бывали минуты просветления, когда кто-нибудь из его товарищей внезапно появлялся у него в комнате, не обращая на него никакого внимания, начинал рассказывать о их деле. Тогда он внезапно загорался и спешно обрекал себя этому делу и тут же говорил о своих планах товарищу, и тот (доктор) уходил, ничего не замечая. Но скоро после ухода, сначала вовсе не больно и как бы даже сладко, являлось откуда-то предложение на минуту остановиться и подумать о своем, а именно вот о ее странных словах: «Поймите, что для нашего брака у вас должно быть хоть какое-нибудь положение, создайте его».— «Это долго, почему же нельзя без... положения?» — «Можно, но... я, конечно, не посмотрю ни на что и готова идти за вами, но почему же я сказала: положение».— «Значит, вы не уверены, что меня любите». Она смутилась и вдруг бросилась к нему, заметив его страдание; целовала

его и вдруг как бы вся ослабла и откинулась на спинку кресла с пылающим лицом и полузакрытыми глазами, она отдавалась. Но ему это было рано, он встал, зашел с другой стороны кресла, поцеловал ее в лоб и, весь сжавшись, отошел к окну, стоял долго, прислонившись лбом к холодному окну... «Нет! — сказала она,— все кончено»,— и она уехала.

И если бы я в этот миг воспользовался,— она была бы моей женой, а положение? Если жена, то положение, а если так самим жениться, то положение не нужно. «Я сама себя не понимаю»,— тоже созналась она ему. И вдруг они разошлись, и навсегда. Выйти замуж она не может без положения и пойти с ним, как подруга, и забыть про это положение она не может. Многие говорят, что он может ее взять, сама же она не пойдет.

Капля, падая на камень, четко выговаривала: «Я!» Камень большой и крепкий, ему лежать еще тысячу лет, но капля одна и существует одно мгновение, и это мгновение — боль о том, что я мала и бессильна. «Я — маленькая!» — выговаривала каждая капля, расставаясь с жизнью своей навсегда. За нею падала другая капля, и другая точно так же выговаривала: «Я — маленькая». И «я» этого человека с каждою каплей повторяло: «Я — маленькая». Никуда нельзя уйти от этих падающих капель, пусть будут люди вокруг, вот кабак, пилят скрипки, поют и смеются, а рядом сидит человек пожилой и, выпив глоток пива, почему-то сам с собой чуть-чуть слышно подвывает, очевидно, стесняется и в обществе выработал себе приличный вой, если бы не общество, он выл бы, как пес под забором. А человек пожилой, ему за сорок, и лицо пожилое, значит, было и «положение». Алпатов знает хорошо все: его бросила жена, и теперь он ходит в пивную и тихонечко на людях воет. Если идти по улице, двигаясь, можно пропустить множество народу мимо себя, как рыба пропускает множество воды через жабры, незаметно для себя, хватая себе только пузырьки воздуха. Так Алпатов пропускает тысячи людей, но непременно встречается глазом с тем, кто ему нужен: вот заунывно в тумане раздался рожок, и будто по этому рожку выходит молодая женщина, ее глаза широко открыты и не видят никого, ничего, в глазах безумное счастье и свет... но счастье нездешнее: это тот свет. «Сумасшедшая!» — послышалось среди рыб, 〈*1 нрзб.*〉 вздрогнул и бежать скорее, добежать бы до дому, скорее в дом, с крыши все падает капля и выговаривает свое и показывает ему на себя: «Я — маленький».

Сосед по вагону смотрит на него, не спуская глаз, какое-то очень знакомое лицо: рябое, желтое, в косоворотке, сверх пиджачишко — человек! так, мельчайшая капля, приказчик из красных рядов, аршином отмеривал ситец весь день и больше ничего, и смотрит на него любопытно, разглядывает — по какому же праву? Маленький маленького? Леденящий ужас его охватывает; краснорядец хитро улыбается, прехитренько, и бли-

же, все ближе к нему наклоняется и вот у самого его лица и выговаривает:

— Осмелюсь вас спросить, вы, впрочем, меня извините, я не то, чтобы вас побеспокоить, и собственно из любопытства спрашиваю: вы не племянник будете Марии Ивановны Алпатовой? Ну, так и есть! вы, вы: Михаил... Михайлович? ну, конечно, Михайлович! бывало, все под ручку тетушку водил к нам в красные ряды и посадит на стульчик, а я раскидывал ситец для вас. Слышал, слышал, в Германии изволили учиться? и потом все дальнейшее — все знаю. Вы ученый человек, я очень хорошо понимаю, и встречи с вами искал из-за чего, собственно? а я тоже читатель и ответы искал в разных книгах, ну, как вы думаете, есть ли ответ? Я ведь не про общее спрашиваю, а на каждый случай жизни. Вот, извольте видеть, солнце садится на крышу, будто кровь, вы мне можете ответить, почему оно именно вот сегодня красное, может быть, оттого, что вчера было желтое?

Алпатов с изумлением смотрел на краснорядца и с ужасом чувствовал, что ответ он дать не может, кроме как «преломление лучей в атмосфере», он хорошо понимал, что краснорядцу это не ответ и что он совсем о другом спрашивает: как именно такой случай вышел, не почему, а как...

Можно объяснить разложением луча в ⟨*1 нрзб.*⟩, краснорядца это не удовлетворит, и он будет почтительно таращить глаза, но про себя будет готовить новое «почему?» и ⟨*2 нрзб.*⟩: «Причина, так сказать, окончательная». Впрочем, Алпатов и ближние причины знал поверхностно, он молчал, а краснорядец все ожидал и ехидно улыбался Алпатову, ясно было, что краснорядец просто издевается над его образованием.

— Как же так? вот вы учились, и очень долго, я не учился, и мы одинаково не знаем.

— Да, не знаем,— сказал Алпатов.

— Но для просвещения ⟨*1 нрзб.*⟩ вы нашли какой-нибудь вывод, я слышал про вас многое, тетушка ваша по всему городу ⟨*1 нрзб.*⟩ рассказывала, как вы страдали в тюрьме, из-за чего, собственно. Вот, хотя бы Л. Н. Толстой, я его умнее не считаю ответ: он это для себя, своим руководством, а вот чтобы не своим, есть такое мнение.

Алпатов отвечал, что у них в партии своего нет ничего.

— Как же без своего, а не есть ли это ваше заблуждение...

Ехидно улыбнулся он, простился почтительно и оставил одного, поезд долго стоял, и капли опять падали с крыши, Алпатов ⟨*2 нрзб.*⟩ обобраны и кем? ⟨*2 нрзб.*⟩ ответа не дал — и сколько лет? ⟨*3 нрзб.*⟩ ответа не дал: поезд уходил огромный, громыхающий и там все свое, а я? Капля виновато, падая, отвечала: «Я — маленький».

(Доктор-разрушитель и Алпатов-созидатель — психология разрушителя и созидателя.)

В семейной драме Толстого — он виноват тем началом

брака (идиллия) и что не ушел раньше. Чем виноват маленький человек (Соф. Андр.), что он маленький.

Революция делает то же, что делает ветер в природе: рожденный неравенством распределения тепла по земле, ветер равняет тепло и всюду разносит семена, но растут семена сами, пользуясь теплом и светом солнца и питаясь от земли и воздуха.

О. Иван на ночь сказал матушке:

— Я вчера видел во сне, что ты ко мне ночью пришла и просила меня, чтобы я с тобой обошелся по-супружески.

На другой день матушка ему на ночь говорила:

— О. Иван, ты правда видел такой сон?

— Да, матушка, видел.

— А я видела, будто Бог дал нам дочку.

После этого разговора о. Иван вдруг понял, отчего его матушка такая стала лютая. Вспомнил он, как матушка любила телушку и звала ее «дочкою», и купил ей хорошую симментальскую телушку.

На Руси есть две партии, одна: мужик, бык и черт, другая — мещанин, купец и поп, а еще есть интеллигенция, которая враг и себе и всему народу.

Жоров (журавль) — коммунист в штанах Галифе.

— А будет вот как: легли спать — была милиция, встанем — будет полиция.

— Откуда она возьмется?

— Откуда! да она вся сейчас тут и все видит, кто прав, кто виноват. Утром проснулись: пожалуйте на суд. Где, говорите, полиция? — а вот где. Едет по дороге Жоров, я иду. «Отец,— говорит Жоров,— садись подвезу. Скажи,— говорит,— откровенно и без боязни, как тебе эта жизнь кажется?» — «Как кажется? а вот пень стоит, обряди его, и пень будет красив».— «Нет, ты эти притчи брось, а прямо скажи».— «Прямо,— говорю,— провал».— «Ну, и я так думал». Ночью милиция, а завтра встанем — полиция.

— Как же это будет?

— А то знаешь, как? «Я — комиссар». Понимаете, вот какая тут тайна, а вы говорите, откуда возьмется полиция. «Я,— говорит,— комиссар».

«Нравится вам это или не нравится, а ежели назвался осью, терпи деготь, назвался колесом — терпи грязь. И что мне стрелы в камень пущать, я лучше приберегу стрелу на серую утицу, камень же я возьму и обойду».

Временами бывает у меня, и часто бывает, что кажется, я никого, ничего не люблю, но и в такие дни я чувствую, что может прийти полоса, и я залюблю, я не понимаю, когда

говорят про любовь, как процесс какой-то ровный и постоянный, и это, должно быть, неверно, этого нет, даже телега скрипит, если ее не помажешь дегтем, но разве сердце человеческое всегда ровно подмазано, и особенно в наши-то дни.

Заметки к работе: 1) На площади речь оратора понимается, как связать советское время с земледелием; 2) Совокупление с мельничихой; 3) Воровство не касается Азара Григорьевича. Высоко на холме в лучах заходящего солнца женщина стояла, как церковь. Около того дня, когда солнце повертывает на тьму, перестают петь птицы.

23 Мая. Михаил.

Я могу слиться с революцией, и она станет для меня все, но если выйдет спор, то «Я», конечно, больше революции.

И вот...

Тогда все добро, сделанное мною людям, вдруг становится против меня востряком (у добра изнанка вострая), но луч утренний вливает в сердце такую доброту, такую любовь, сияющий выхожу я к тем, на кого имел зло, и они мне кажутся такими милыми, и я изумляюсь, как мог я вчера презирать их; тогда говоришь: бесконечно добро солнце, прощает оно решительно все — это великодушие.

Нет, я должен в знак благодарности непременно написать свою вещь.

То, что было вчера, пришло, казалось, как счастье, сегодня вошло в колею и там где-то живет, а у себя опять пусто.

В Следове сгорела половина, другая половина теперь имущество свое выбрала в соседнюю церковь, оттого, что погорельцы хотят сжечь несгоревших. Единственная причина этому, чтобы всех поравнять: пожар произошел по случайности.

Любовь различающая.

Всякое животное, имеющее особое имя,— отличается от всех своего рода: в него перешла любовь человека, его бога.

Класс кажется муравейником, и учитель ⟨*1 нрзб.*⟩ до того, что вызывает муравья из муравейника. И может быть такой человек вызывающий — и названный муравей прибежит.

Зло есть образ нашего плена, Добро — образ нашей свободы.

22 Июня. «Мирская чаша» — повесть в 2 ½ листа (100...) написана с 15 Апреля по 9 Июня.

Социализм едва ли есть новая вера, это пустое место, по которому мчится ветер злобы от пролетария к буржуазии. Но по развитию социализма можно судить о глубине бездны неверия, в которое впал современный человек.

Не сомневаюсь, что рукою вашей владеет Бог, но язык ваш лепечет на того же Бога хулу, и потому дело Божие останется, а ваши имена будут вспоминаться с отвращением и ими пугать будут детей, как именем Атиллы и Робеспьера.

Потому что и Христос, чтобы привести нас к Богу, однажды

пострадал за грехи (наши), праведник за неправедных, быв умерщвлен по плоти, но ожив духом (От Петра, 1, гл. 3, 18).

Иначе, разорви сердце и разломай голову,— не поймешь воскресение Христа, но если так понимать, мало утешения тем бесчисленным детям природы, влюбленным в плоть, в которую заложена идея бессмертия, сначала просто как чувство жизни и потом любовью к детям. Вот если в теле смертельный удар или жил только для детей и дети погибли,— тогда и нужен Христос — конец. Так что Христово учение есть спасение для смертельно раненных, а вся безмысленная масса здоровых людей и детей ждет от воскресения Христа воскресения тела, жизни. Постигнув тайну Христа, я должен жить надвое, разделив поведение свое к равным мне и младшим (детям), и потом между духовными отцами надо установить лестницу, во главе которой Христос и ниже его по ступенькам архиереи, попы, дьяконы, дьяки, и конец лестницы упирается в подсолнечную ликующую тварь.

Итак, Христос — это смерть.

Есть два основных фактора человеческих союзов: пол (родовой союз) и смерть (духовный союз). Чтобы образовалась духовная связь, нужно умереть для пола, рода, собственности. И если хочешь проповедовать коммуну, то нужно Христа проповедовать.

Рассказать вам сон? да разве сон можно рассказать! Тайна есть в каждом сне такая, что самому до нее не додуматься, и только со стороны ведунья еще может сказать, что это значит и что ожидает. Все пути деревенские ведут к бабушке, у нее есть вода с двенадцати колодцев, и бабушка сидит и шепчет в бутылку молитвы, те же самые наши молитвы, для всего эти молитвы действуют. Свинья не огуливается, на нее надевают рубашку беременной бабы, задом стоит к ней баба и дает через свой зад колобок.

16 Июля. Над нашим домом летает из Москвы в Берлин аэроплан, заслышав его, Ярик бросается из комнаты на балкон и ожидает, как вальдшнепа, потом провожает глазами, пока не скроется.

Жизнь, как солнце, без-человечна вокруг меня, а тем, куда летит аэроплан, за границу, там многие с восторгом смотрят на Россию, как на распятого Бога.

Не только за границу, довольно в Москву поехать, чтобы чуть-чуть душа отошла, и сам начинаешь подумывать о миссии.

Но миссия предполагает сознание и добрую волю,— где же сознание в 149 миллионах (предполагаю, что 1 мил. из 150 сознает миссию),— не вижу этого сознания.

Может быть, Россию надо представить себе как организм, и 149 — тело, а миллион — дух, и распятыми является партия коммунистов? нет,— не понимаю, и невозможно понять без какого-то существенного пропуска.

9 Августа. Читаю Пильняка. Это не быт революции, а картинки, связанные литер. приемом, взятым напрокат из Андрея Белого. Автор не смеет стать лицом к лицу к факту революции и, описывая гадость, ссылается на великие революции.

Деревня — мешок злобно стукающих друг о друга костей. Конец июля. Месяц, туманы, крепкие росы. Отавы растут. Везде жнут рожь. Еврей в Дурове сказал мужику с пудом муки: «Проходи, проходи, не нужно, ты думал, за пуд муки можешь весь город купить, отошло время: хлеб дешевый».

В глуши мы все еще считаем ценности пудами муки, но в городах считают деньгами. И ясно видно теперь, что время труда земледельческого бесхитростного и простого, как мерителя ценностей, отошло. Пуды — ломовая работа, деньги — хитрость. Теперь можно жить хитростью, и разные интеллигенты, адвокаты, инженеры возвращаются в города.

Бывало, мужик с пудом муки вламывался в город и накупал себе всякий господский хлам (шкаф в пол-избы). Теперь иллюзии все исчезли, и он возвращается к своему корыту, и городские товары возвращаются назад в сундуки (история енотовой шубы).

В Иваниках все машины, искусственные удобрения, клевера, хороший управляющий (латыш), и все-таки имение не может свести концы с концами, а мужик работает все горбом и не только себя кормит, но и других. Оттого, что он привык работать при легенде,— работа для себя: тут он работает и не ест. А мужик-рабочий ест и не работает.

Исчезли иллюзии интеллигента о сверхличном деле, служении и проч.,— теперь каждому жить хочется, потому что он испытал, что значит быть голодным не по доброй воле, а по неволе.

Ведь мы же в России живем и по необходимости должны мерить жизнь свою русскою меркою, пусть где-то на свете есть машинно-легкий пуд хлеба, в России он добывается при условии существования человека в аду: условия деревенской работы — адские, живет человек без грамоты, без всяких радостей, в дикой неволе, в муках, вшах и болезнях, и тут рождается пуд муки (отсюда и вшивые поезда коммуны и все прелести).

У кого есть совесть, кто это знает, чувствует,— какой мед своей хитрости (таланта, удачи, творчества, изобретательности) может дать сознание своей правоты, довольства без вкуса полыни во рту: в России всякий мед пахнет полынью и горчит.

Какой удельный вес, напр., слова, должен быть, чтобы оно дало удовлетворение творцу его, это слово должно быть пророческим и никак не служить только забавой и развлечением,— такое слово мы ждем от искусства.

А дело — оно, кажется, должно быть таким всеобщим, что свое в нем бы исчезало: о себе думать — маленькое. Но мы непременно должны быть большими, мы — большевики. И тут я ловлю себя: это прошлое, теперь хочется просто жить после

голода. Характерно, что средний интеллигент сводит счет с народом: он говорит, что больше ему не должен.

Очерк литературных встреч.

Блок, прочитав «Колобок», сказал:

— Это не поэзия, то есть не одна только поэзия, тут есть еще что-то.

— Что?

— Я не знаю.

— В дальнейшем нужно освободиться от поэзии или от этого чего-то.

— Ни от того, ни от другого не нужно освобождаться (вот как Морозов)...

Розанов схватил на лету Блока: «Хлысты, все они хлысты, вот тоже и он...»

В литературную среду я вступил с чувством собственника — совершенно новое для меня состояние. Что-то завелось во мне самом, и я почувствовал себя свободным в отношении «политики». На свете едва ли есть человек, более неспособный к политике, чем я, но это не была политика, таким словом называлось особое состояние хаотической личности в стремлении к реализации себя жертвенно или властно. Но как только завелось в себе нечто свое, такое же реальное, как дом, земля, семья,— интерес к этой «политике» пропал и это состояние представилось даже почти как враждебное. С тех пор как я написал первую книгу, я стал собственником, и, будучи извне величайшим пролетарием, внутри себя стал собственником, враждебным пролетариям, которые в себе ничего не имели: такою представилась мне вся русская интеллигенция, и с этого момента я сказал себе, что я — не интеллигент.

Другие по своему воспитанию и образованию входят в литературную среду естественно, и им это, как дар свыше или как наследство, для меня же переход от политической невежественной интеллигенции в среду людей культурных сопровождался как бы крещением и таким чувством свободы, что я до сих пор считаю свое дело святым делом, не имеющим ничего общего со всякими другими делами.

После Ильи утренняя роса поседела и даже в солнечный день долго оставалась седой и бриллиантами сверкала только к обеду. Рожь собралась в снопы, снопы в бабку, как цыплята под наседку. Ситчики гречихи потускнели. Зазеленели крепкие седо-росяные отавы.

После революции род Стаховичей совершенно прекратился в России, но в районе их имений часто встречаешь среди мужиков вылитые типы Стаховичей, это все их незаконные дети, и думаешь, встречая незаконных Стаховичей, как теперь считать — прекратился их род или продолжается? Конечно, прекратился, потому что род составляет и дух, а тут осталась

только кровь. И род, и народ то же, от него остается лишь кровь, если разрушились культурные классы.

Мария Михайловна Энгельгардт, эсерка, оставила политику и притихла, зарылась в деревню для охраны здоровья своей матери. Досиделась в деревне до того, что хотела швырнуть в своего начальника чернильницей, как бомбой, но, подняв чернильницу, облилась чернилами и не швырнула. Когда в конторе повесили противоэсеровские прокламации, она их сорвала и дала подписку коммунисту Лосеву, что всегда их будет срывать. За это ее посадили в тюрьму. (История 30-тилет. девицы.)

Председатель Ячейки Лосев ничего не работает: пьянствует, ежедневно доносит все подробности о жизни интеллигентов в Чрезвычайку. Он, пожалуй, принципиален: ненавидит господскую природу, чует ее, как собака, и вы можете ничего не сказать, ничего не касаться, он только увидит вас и возненавидит, скажет: «Природа его такая».

Мужицкая политическая экономия простая: единственный измеритель ценностей — труд, важный в добывании хлеба и только хлеба, потому что скот, напр., держится в общем не для молока, а для навоза,— навоз для хлеба,— все же остальное на свете добывается хитростью.

Коммуна бытовая есть целиком детище общинной деревни, и вошь поползла из деревни и всё. Интеллигенция виновата лишь в том, что расшевелила деревню.

Вторая половина мирской чаши: Весна (сон: деревья кланяются, зовут на родину). Алпатов идет в родной город (Елец), вокруг него легенды: что вся земля подымается на какого-то врага. Город в осаде. У стенки.

Нить: национальное чувство, прекрасное, как световой пейзаж голубой весны по мере хода весны (запахи, цветы), все крепнет и доводит до желания победы белых, а это к тому, что белые, приняв героя 〈*1 нрзб.*〉 за еврея, хотели его расстрелять, друзья родины (Кожухов) и рожи родины (Голиаф).

Родина в голубых снегах

Иван Сергеевич: час улицу проходит	На колесах Евреи: Софьи Давыдовны двоюр. брат Чека чекит Чувство родины — Родной город — граница Моск. госуд. у степи (Дикое поле) Казаки — Илья Муромец Сон: деревья кланяются

Коммуна? — кому на́.— Да, кому — на́, а кому — бя. Тень загробная.

Гражданская тоска: неужели, в конце концов, Семашко, когда жил в деревне доктором, «все презирал в ней и ненавидел» и был прав, для жизни — тут нет ничего. Похороны — красивейший обряд русского народа, и славен русский народ только тем, что умеет умирать.

Жена сапожника сказала, что в деревне живет человек для скота, для свинок, коровы, лошади, а в городе человек живет для себя: надо в город ехать (т. е. пользоваться тем, что наготовлено в деревне «не для себя»).

Истории русского народа нет: народ русский остается в своем быту неизменным,— но есть история власти над русским народом и тоже есть история страдания сознательной личности.

Мужик готов служить корове, лошади, овце, свинье, только бы не служить государству, потому что корова своя, а государство чужое (казна).

18 Августа. Милая Варя живет со мною по-прежнему, та самая Смольнянка с шифром, прозванная подругами «помидоркою». (А говорят, романтизм — это средние века!) Странное сумасшествие, когда живешь и получаешь за него почет.

Повесть про Ивана Сергеевича Кожухова

Милый Иван Сергеевич! и не выдумываю ли я его недостатки, правда, не я ли это в том, что мне кажется его недостатком? Вот что меня раздражало всегда: сидите вы с ним в комнате вдвоем, беседуете задушевно, и такая радость вас охватывает, что нашли вы себе друга такого умного, такого верного и такого р у с с к о г о; в простоте душевной говорю русского, знаю, что такое русские люди, и готов среднего русского сию же минуту променять на обыкновенного немца, но в редких встречах вся моя горечь, злость покидает меня,— я сам русский! — и тогда в простоте говорю себе: ну, что же может быть лучше русского человека, такого, например, как наш Иван Сергеевич. Никакого национализма и даже славянофильства я из этого не вывожу, повторяю, что в простоте это у меня выходит и никакой критики разума это чувство не выдерживает. Когда я сижу с ним и беседую — чудесно, а вышли с ним на улицу, и начинается раздражение. По Торговой улице от Поповской гостиницы и до конторы Нотариуса Витебского всего 10 минут ходьбы, а с ним нужно идти два часа, не меньше. Только вышли на улицу, сейчас же кто-нибудь: «Иван Сергеевич, на два слова»,— и тянет его за рукав. Вы дожидаетесь у магазина, разглядывая миллион раз виденные вещи, а он шепчется, и эта драма чувств его на лице точь-в-точь такие же, как в интимнейшей с вами беседе, кончилось перешептывание, а уж тут возле ⟨*1 нрзб.*⟩ другой кандидат, и опять у Ивана Сергеевича точь-в-точь, как с первым собеседником, и так часа на два вы совершенно забыты. Иван Сергеевич принадлежит всем. Вот недостаток, или это достоинство?

1) Если для одной работы про Елец во время революции, то привезти дневники, перевязанные зеленым шнуром, с пачкой бумаг, не сшитых (во второй пачке нет бумаг и зашнурованы они накрест).

2) Если для издания книги, то, кроме того, две папки, одну коленкоровую, другую простую (только не синюю, с красной полосой внутри).

19 Августа. Преображение. Выехал из Дурова во вторник 2/15 Авг.

В среду Цекубу, Лежнев, Союз писателей, в четверг чтение у Кричинского, в пятницу вечер т. Осинского.

Любовь раз-личающая есть свет солнца, преломленный в душе человека-художника.

Раб обезьяний. 19 г. XX в.

Мирская чаша. Историческая повесть эпохи 19 года XX в. Луч солнца преломляется в душе человека светом любви различающей.

(Мысль неизвестного прохожего.)

23 Августа. За неделю «раб обезьяний» устроился: паек, комната, «Ватага». Троцкий сказал Пильняку: что для него Россия всегда была путь и что, если в Италии будет революция, то он поедет в Италию. Пильняк ответил, что ему ехать некуда. Для одного Россия — средство (путь), для другого — цель.

24 Августа. Читаю в «Звене».

В Москве и Петербурге арестовано и высылается за границу около 200 литераторов, профессоров, инженеров. И все наркомы занимаются литературой. Даются громадные средства на литературу. Время садического совокупления власти с литературой.

Выяснилось из беседы с Воронским, что нечего думать посылать обезьяньего раба в цензуру, и потому решаюсь написать письмо Троцкому.

Письмо к Троцкому

Уважаемый Лев Давыдович, обращаюсь к Вам с большой просьбой прочитать посылаемую Вам при этом письме мою повесть «Раб Обезьяний». Я хотел ее поместить в альманахе «Круг», но из беседы с т. Воронским выяснилось, что едва ли цензура ее разрешит, т. к. повесть выходит за пределы данных им обычных инструкций. За границей я ее печатать не хочу, так как в той обстановке она будет неверно понята, и весь смысл моего упорного безвыездного тяжкого бытия среди русского народа пропадет. Словом, вещь художественно-правдивая попадет в политику и контрреволюцию. Откладывать и сидеть мышью в ожидании лучших настроений — не могу больше. Вот я и выдумал обратиться к Вашему мужеству, да, советская

власть должна иметь мужество дать существование целомудренно-эстетической повести, хотя бы она и колола глаза.

⟨*Зачеркн.*⟩: А я лично чувствовал бы свои руки развязанными и, освобожденный, может быть, написал бы и не такие горькие и тяжкие вещи. Впрочем, мне кажется, я ломлюсь в открытую дверь. Подумайте, сколько картин русской жизни, изображенных за границей, потеряют свой политический аромат, если здесь у нас, в госуд. издательстве скажут моей повести: «Да, так было в 19-м году».

Сознаю, что индивидуальность есть дом личности, верю, что будет на земле (или на другой планете) время, когда все эти особняки личности будут сломаны, и она будет едино проявляться (как говорят, «в коллективе»), но сейчас без этого домика проявиться невозможно художнику, и весь мой грех в том, что я в этой повести выступаю индивидуально.

Ну, да это Вы сами увидите и поймете. Не смею просить Вас о скором ответе, но сейчас меня задерживает в Москве только судьба моей повести.

Примите привет моей блуждающей души.

Михаил Пришвин

Москва. Тверской бульвар, 25, Общежитие Союза Писателей, Михаилу Михайловичу Пришвину.

⟨*Зачеркн.*⟩: Я, написав это письмо, читал повесть в одном кружке, где много партийных людей, и повесть мою там бранили ужасно во всех отношениях. Ничего не жду хорошего для себя от напечатания, но мне кажется, она сыграет большую роль среди молодых писателей, которые пишут о революции, затвердив на зубах себе платформу приятия, она их научит танцевать не от печки. Боюсь я, что процесс революции русскую некультурную интеллигенцию отучает воспринимать.

Боюсь, что Вам, государственному деятелю, будет слишком чужда моя повесть, и подчас мне кажется дико даже посылать Вам ее.

Предисловие к «Черному арабу»

Обегав пол-Москвы в поисках своей книги, встретился я, наконец, с Степаном Ильичом Синебрюховым (издат. «Колос», угол б. Чернышева и Никитской), и он разыскал где-то с большим трудом кое-что. Признаюсь, с удовольствием я прочитал их и отдохнул душой над «Черным арабом», потому что он вывел меня из тупика человечины, куда упирался мой дух в эти годы. И вот я решился издать «Черного араба» вновь, в расчете посильно удовлетворить то чувство согласия, к которому стремятся сейчас и без которого невозможна, по-моему (хотя бы в минимальном количестве), культурная работа. Поэтому не осудите меня, читатели, что сначала я даю не свое новое, а свое старое, бывалое, которое помимо воли-сознания живет с нами.

Это одно, к читателям, а другое к молодым писателям,

в которых вся наша надежда. Я предлагаю им для будущей огромной синтетической работы художественного осознания воспользоваться и моим «этнографическим» методом художественного изображения действительности. Сущность его состоит в той вере, заложенной в меня, что вещь существует и оправдана в своем существовании, а если выходит так, что вещь становится моим «представлением», то это мой грех, и она в этом не виновата. Поэтому вещь нужно описать точно (этнографически) и тут же описать себя в момент интимнейшего соприкосновения с вещью (свое представление). Попробуйте это сделать, и у вас непременно получится не безвкусное произведение для читателей и чрезвычайно неудовлетворяющее себя самого, а это-то и нужно, чтобы открыть путь. Он мне открывается в работе искания момента слияния себя самого с вещью, когда видимый мир оказывается моим собственным миром.

Так смотрят на мир наши неграмотные крестьяне, и так все мы, образованные и утонченные люди, искренне будем смотреть, когда освободимся от философской заумности нынешнего века. Не в ⟨*1 нрзб.*⟩ и экономике (как ⟨*1 нрзб.*⟩ нам народники) нужно нам учиться у простого народа, а глазу его, как он смотрит на мир. Вот почему я и толкусь всю жизнь среди наших крестьян. Этим я не зову писателей «в мужики», зачем это нужно, когда стихи ⟨*1 нрзб.*⟩ в революции перед нашими глазами. Но теперь, когда для поисков стихов не нужно ездить в Средн. Азию, а только выглянуть в окно своей комнаты, ⟨*1 нрзб.*⟩ ставится вопрос о раздвоении себя и вещи. И тут я предлагаю точные записи факта и своего интимнейшего к нему отношения.

Гению, конечно, не стоит считаться ни с каким этнографическим методом, а просто написать то, что увидит, но ведь это мы своей сложной работой подготовили путь к его простоте.

К сожалению, задача моя дать для читателей определенного настроения книгу не позволяет мне представить для писателей весь мой тележный путь искания простоты и достижения, но все-таки рассказы «Черный араб», «У горелого пня», «Любовь Османа» мне кажутся довольно просты, по крайней мере, мне они сейчас после долгой разлуки с ними доставили удовольствие. А в следующей книге я вам с очевидностью докажу, что для изображения народных масс в их движении мой метод «этнографический» (то есть точного описания с поправкой на субъект) незаменим и дает нам настоящую историю, а не ту научную отсебятину, которую называют обыкновенно научной историей.

«Зима прощается яркими звездами, весна приходит сухими тропинками. Хочется взять посошок и пойти по тропинке весенней, догнать другого, поздороваться, поговорить, попеть где-нибудь вместе в деревне и расстаться потом так, чтобы дети деревенские долго помнили веселого странника.

Голубем встрепенулась радость в груди: зима прощается яркими звездами, весна приходит сухими тропинками.

Нет, еще рано, это так показалось. Зима!»

30 Августа. Талант в душе его трепетал, как у созревшей девушки под летней кофточкой на быстром ходу трепещут молодые груди.

Возле Кремля. Казалось, я пролетарий, у которого нет ничего, и вдруг представилось, что не добровольно, а насильно я должен покинуть родину, и оказалось, что родина — дом мой и мне предстоит новое разорение.

О прозе

Из нового в художественной прозе я читал кое-что, и говорить утвердительно ничего не могу, но мне кажется характерным явлением в прозе нашего времени усвоение манеры письма А. Ремизова, исходящей от Лескова. Из старых учеников Ремизова всплыл Замятин, завтра, наверно, всплывут другие, еще мало известные. Крепкий мастер школы Соколов-Микитов, юный Никитин, вероятно, совершенно не зная Микитова, написал яркий рассказ «Пес», так что очень похоже на Микитова. Меня это, с одной стороны, очень радует: еще лет десять тому назад я говорил Алексею Михайловичу Ремизову, что он будет основателем школы, и настанет время, когда он, не читаемый и поругаемый, будет усвоен и широко признан. И так мне кажется, что в прозе сейчас происходит усвоение и переваривание мастеров революционной эпохи русской литературы, несправедливо окрещенной словом «декадентство». К сожалению, я вступил в литературу уже во второй период ее революции, когда декадентство стало называться модернизмом и было в таком же соотношении, как теперь большевизм к коммунизму, в то время в кружке родоначальников декадентства был издан декрет по всему литературному фронту: долой лирику в прозе, давайте эпос, большой роман. В короткое время от бесчисленных имен литературной революции осталось очень немного, но эти имена зато твердо осели памятником замечательной эпохи русской литературы. В сущности, эта революция декадентов была началом ⟨*2 нрзб.*⟩, это была литература Европы, всех ее эпох, опрокинутая в чан русского варварства. Правда, очень похоже на революцию большевизма с ее идеологией европеизации. И вот тут, все усваивая, все замечая, сидел с неизменной своей святой Русью Алексей Михайлович Ремизов. Бывало, прежде на Руси можно ли было сказать просто: «Я люблю свою родину». Понятия «родина» и «отечество» усваивались по Иловайскому в детстве и потом у интеллигенции оставались надолго вопросом. Как просто сказать — полтораста миллионов неграмотных дикарей, организованных в целое царской властью,— родина? А тут еще святая Русь, где она? есть! но как это вслух сказать? А вот как: нужно ввести поправку в виде черта. Вот почему у Ремизова везде черт,

и портреты его были в «Огоньке», «Сатириконе» всегда с чертом. Такая динамика прозы Ремизова, и на ней вычурный стиль, словечко к словечку *⟨4 нрзб.⟩* XVII века.

Когда я говорю, что Ремизов войдет в *⟨1 нрзб.⟩*, я думаю о динамике, но не о стиле. Я думаю, что настанет время, когда мы будем все смотреть на Русь без черта и Ремизов будет мощами страдальца за родину.

И вот шевельнулись огромные массы народа, показались во всей своей наготе: настало время, когда Русь можно сознать.

Анкета о самоопределении мыслящих людей нашего времени:

1) Шмелев. Ненавидит пролетариат как силу числа дрянных людей; дворянство, напр.,— то имеет кусок благородного человека, а что имеет в себе пролетариат?

2) Пит. Сорокин. Пролетариат как соц. класс во всех отношениях ниже других, напр., в физическом отношении, грудь его и т. д.

3) Тан. Некоторый минимум мира необходим для творчества, и потому надо находить пути сближения с большевиками.

4) Мандельштам. Это их дело, оно нам всегда ненавистно, и мы им ненавистны, но мы не можем с ними бороться,— бороться с ними все равно, что бороться с поездом, напротив, нам нужно чувствовать так, что они нам служат.

5) Орешин. С этой силой нам незачем бороться, потому что она существует временно, ее скоро победит трудящийся человек (мужик).

6) Лежнев. Мужик, мелкий буржуа — вот всему основа, и он, формируясь, овладеет процессом.

Поэт Клычков, сын деревенского кулака Тверской губ., говорит на *о,* великолепный сильный парень на вид, и с первых же слов жалуется на свою жену, что она точит его весь день.

— Точит женщина,— говорю я,— потому что у нее нет детей.

— Сама виновата.

— Чем виновата?

— Ско́блится.

С виду бульвар такой же, как прежде, но, всматриваясь, видишь то, да не то — какая-то легкая толпа, неоседлая, тыл гражданской войны...

6 Сентября. Сумасшедшие идеи приходят в голову — мокрицы ползают по стенам, двухвостницы: свергнуть Маркса и поставить царем Ленина, тогда провал и левых социалистов.

Не люблю нищих, ненавижу принцип милостыни, но если случайно приходится подать и особенно раздать, то испытываю большое наслаждение.

Правительство окопалось на войну с миром.

Лежнев со своей «Россией» правы были бы, если бы выставили лозунг: «Помирать собирайся, а рожь сей»,— мудрейшее правило русского народа, забытое интеллигенцией, оно составляет поле для жизни, узаконивает «злобу дня» и вообще дает возможность людям жить. Иначе как бы нам теперь жить, в наше время, когда наше правительство окопалось на войну со всем миром и непременно все должно кончиться катастрофой. Но Лежнев не прав тем, что в этом хочет разрешить великое столкновение двух сил: рационалистического интернационализма и мистического национализма.

Письмо Пильняку

Позвольте мне зафиксировать в этом письме сказанное между нами и дополнить для вывода. Главный пункт нашего разногласия в оценке Персюка. Персюк мой вовсе не дурной человек, он высоко чтит образование («Лектор, может быть?» — «Да, и лектор — его!»), он ценит «гуманность» и человек долга (окунает в прорубь, чтобы извлечь налог, другого способа нет), кроме того, он человек воли и дела («похож на Петра Великого» — что подчеркнуто). Я беру своего Персюка на чашу весов и кладу Вашего на другую: вот отбор из корявой народности (физическая сторона и под вопросом?!), у него алгебра, словарь иностранных слов и чувство долга. Чаши весов не колеблются, а пожалуй, тот и перевесит, если я поделюсь вариантом моей повести (оставляемом доме), где прямо сказано, что «Персюк в своих пьяных руках удержал нашу Русь от распада» (я не поместил эту смелую фразу, боясь, с одной стороны, враждебной мне ее рассудочности, а с другой — из «не сотвори себе кумира»). Есть и объективные данные в пользу Персюка: в моей аудитории некоторые лица заявили, что я открыл им глаза на хорошие стороны Персюка. Итак, объективно мой и Ваш Персюки стоят друг друга, но субъективно скрытое авторское отношение разное. Это субъективное отношение выходит из соотношения Персюка с другими стихиями: у Вас всей мерзости противопоставляется Персюк, у меня он едва отличим от мерзости и противопоставляется идеальной личности, пытающейся идти по пути Христа и распятого с лишением имени на похоронах «товарища покойника». Правда, я не посмел довести своего героя до Христа, но частицу его вложил и представил 19-й год XX века мрачной картиной распятия Христа. Получился, как Вы говорите, тупик для России. И я это признаю, потому что не весь свет в России. Скажу больше, не только Россия у меня в тупике, но и весь христианский мир у меня, выходит, у тупике («Голодные не могут быть христианами»). И так оно есть: наш социализм, будучи отрицательной, разрушительной силой, врывается в христианское сознание современного человечества. Вероятно, мы находимся накануне второго пришествия, когда Он явится во всей славе и разрешит наше ужасное недо-

умение или же совсем не явится и будет сдан совершенно в архив. Человечество сейчас находится в тупике, и самый искренний (несахарный беллетрист) художник может изображать только тупик. Не понимаю, почему нельзя изображать тупик, почему улица в жизни часто оканчивается тупиком, а художественное произведение непременно должно быть с выходом? Вот Вы сочиняете, что Россия спасет мир, и в то же время представляете ее лучшее в виде Персюков — Архиповых с карманным словарем иностранных слов и алгеброй. А чувство долга и энергии — разве это чувство долга и энергии не было у наших прежних городовых (вспомните Февральские дни), и солдат, и крестьян? Вы отметаете совершенно Карла Маркса из сознания Персюков, отметаете «Помазание Божие», но если ни царя, ни Маркса, то каким же сознанием подарит Россия мир? Остается национальное могущество, которое проповедует Лежнев в своей «России», мужицко-солдатское, и больше ничего.

Так, дорогой мой, я, как словесник, большой ценитель игривости и эфирности Вашего таланта, в этом отношении я не сравнюсь с Вами, я этнограф, тележный человек, но раз уж Вы затронули тупики, то позвольте Вам сказать окончательно: в своей телеге я приезжаю в тупик и задумываюсь: как быть? а вы на своей верховой лошади просто повертываете в сквозную улицу — что же из этого? тупик с телегой остается как факт. И этот факт людям не нравится.

Едва ли пошлю.

8 Сентября. Какой-то Устинов в «Известиях» накатал статью, что беленький Пришвин получает паек, а пролетарских поэтов исключают, и еще, что разные Пришвины, не успевшие сменить своих «вех»... Вероятно, это отклики на чтение новой повести. Написать про писателя в газете «белый» — значит донести на него, поставить под надзор и даже ссылку... ну, вот: какая подлость! а человек он очень, может быть, хороший, вроде Орешина, и еще, может быть, больше: при таком «обществе» жизнь всех в отношении друг к другу меняется к лучшему. Вчера сидел на бульваре и наслаждался лицами молодых людей, смелыми, гордыми, прямо викинги какие-то взялись, куда девалась прежняя сонливость, как будто новая порода людей вывелась.

Шапирштейн — какой-то неуловимый дух, которого нужно искать по всему городу, чтобы получить гонорар. Мы с Мандельштамом (сверхчеловек) шли к трамваю ехать в «Красную Новь» ловить Шапирштейна, и вдруг Мандельштам с криком «Шапирштейн!» бросился бежать по бульвару и долго, не сгибая своего позвоночника (аршин проглотил), подхватив ручкой ручку, бежал. Я не мог за ним угнаться, и оказалось, не Шапирштейн, а Лежнев (Альтшуллер). В редакции «Красная Новь» Шапирштейна тоже не оказалось, служит здесь Мариэтта Шагинян, полуслепая, полуглухая, с очень добрыми армянскими

бровями. Рассказывала про свое прежнее божество Гиппиус, какой она написала плохой дневник о революции, и что это вышло, верно, оттого, что они (Мережковские) люди властные, привыкли к комфорту, и революция всего этого их лишила. У нее в руках был журнал «Биокосмист», орган анархо-... кажется, спиритов, куда вошло и воскрешение отцов Федорова.

Вошел Воронский и, взяв меня за руку, провел в пустую комнату и там передал ответ Троцкого по телефону о моей повести «Раб обезьяний»: «Признаю за вещью крупные художественные достоинства, но с политической точки зрения она сплошь контрреволюционна». Я ответил на это Воронскому: «Вот и паспорт мне дал». Между прочим, Пильняк — единственный, кто предвидел ответ, сказав мне: «Нечего ждать от Троцкого чего-нибудь, он ограниченный человек, спец в своем деле, но в литературе неумный».

Паспорт, во всяком случае, дан, и тут мне с необыкновенной ясностью наконец стало видно, что нэп вовсе не реальная сила и вовсе нет у большевиков декаданса, что большевики международная сила, и пока там, где-то в межнародстве, не будет согласия, они останутся при всей своей кажущейся фантастичности единственной реальной силой у нас.

Еще я понял, что я в России при моем ограниченном круге наблюдений никогда не напишу легальной вещи, потому что мне видны только страдания бедных людей и еще теперь — торжество богатых и властных, что я под игом никогда не обрету себе в душе точки зрения, с которой революция наша, страдания наши покажутся звеном в цепи событий, перерождающих мир. В лучшем случае, если даже мне удастся совершенно очистить свою душу от эгоизма, у меня останется одна тема: Евгений из «Медного Всадника».

Между прочим, Мариэтта Шагинян мне рассказывала о Блоке ужасные вещи, будто бы Блок умер не от физических, а от духовных причин, что в последнее время его все вокруг убивало и никто из окружающих не понимал, что его убивало.

Все время, пока я вот уже месяц в Москве бегаю, мне кажется, что это не я бегает и устраивает, что это существо живучее, проворное, жадное старается, как все, приспособиться, это какой-то действительно цинический сменовеховец или барон Кыш, все время я чувствую себя не только в обезьяньем мире, но и порождающим обезьяну.

Душа раздвоена: по самому искреннему хочется проклясть всю эту мерзость, которую называют революцией, а станешь думать, выходит из нее хорошо, да хорошо: сонная, отвратительная Россия исчезает, появляются вокруг на улице бодрые, энергичные молодые люди. Встает ужасный вопрос: не я ли это умираю, как умирал Блок со своею Прекрасной Дамой? и тут непоправимо: если я не умираю, а живу и радуюсь, то чувствую в себе рождение обезьяны. Но не будь этого умирающего (уходящего) «я», то это вновь рождающееся существо и не казалось бы обезьяною. Проживу-то я еще, может быть, до 70 лет, но проживу непременно с обезьяною.

Чувство масс

Чувство природы, которым обладают в большей или малой степени почти все художники слова, легко может развиться в чувство народа (и не надо это даже объяснять, почему), а чувство народа, если хорошенько поработать над собой, можно не «милостью Божьей», а вполне сознательно использовать для изображения масс.

А как это нам теперь нужно!

Выдвинулась на сцену истории огромная масса, и вчера мы были свидетелями этого события воочию, так что можно было вложить персты в язвы, и все-таки «Лагерь Валленштейна» и «Ткачи», пришедшие из чужеземной литературы, почти единственная (и, надо сказать, малоудачная) попытка изображения масс.

Вот почему неудачны все попытки изобразить массу: художник чувствует индивидуум (тип), потом складывает это с чувством другого типа, третьего, и тип у него получается только соединенный арифметически плюсами.

А нужно чувствовать вперед не отдельные существа масс, а всю ее, как лицо, и это лицо чтобы стало героем, и из этого лица после выделились сами собой отдельные лица.

Я писал всегда так свои «этнографические» книги, в свое время их очень хвалили, критики вскрывали художественное содержание из-под их этнографической оболочки, но все уговаривали меня перейти к личному началу и даже называли бесчеловечным писателем.

Упорствуя в своем и оглядываясь теперь на сделанное, я очень хотел заразить своим примером молодых писателей, но как это сделать — вот большой вопрос для меня. Я однажды уговорил одного молодого человека уехать с собой на север, поделил весь север на две половины,— Карелию отдал ему, Лапландию взял себе, у меня вышла книга «Колобок», а он завяз где-то в болоте и не только ничего не написал, а дал слово никогда больше не ездить в глухие места.

С тех пор я никого не учил, но сейчас я нахожу необходимым это сделать, потому что силы мои в одиночестве теряются, и, главное, не силы, а чудовищная бездна выдвинувшихся материалов давит меня, и сотрудничество стало необходимым.

Два секрета мои раскрываю: первое, надо научиться не думать, вернее, не искать в новом ничего от себя, забыть совершенно себя и отдаться.

У поэтов это выходит само собой, но я не могу достигнуть этого иначе, как не уехав в новое место. И по-моему, это можно рекомендовать всем, кто начинает писать: новое место есть новый факт, новая данность, новая уверенность, и признаки ее выступают отчетливо.

Я ловлю эти признаки слухом (ритм) и глазом (пейзаж), мускульное чувство (когда много ходишь) странным образом выводит (хотя версты считаешь) из пространственных измере-

ний, пространство становится эфирным, и время без газет, без правил дня идет только по солнышку, тогда без времени и пространства мне видно: земля пахнула своим запахом, и все вокруг становится так, будто слушаешь сказку мира: в некотором царстве, в некотором государстве, при царе Горохе и так далее. Одним словом, человек заблудился, а ведь это-то и нужно художнику для восприятия реальности мира.

Так я записываю былины и вдруг начинаю чувствовать по отдельным словам сказителей какую-то неловкость, в речах их попадаются городские слова,— что это такое? Оказывается, приблизился к району действия какой-то народной школы: началась ломка языка, памяти народной, слова пошли обыкновенные, и то чувство народной массы глохнет. Я не против школ и города, но у меня от близости их чувство массы теряется, совершенно ясно представляю, что если бы я взял предметом своего чувства город, то оно потерялось бы при соприкосновении с лесами.

Недаром сказка начинается смешением времен и пространства: в некотором царстве, при царе Горохе, она выводит нас из категории времени и пространства для того, чтобы представить нам вещь, как она существует без этого, или, как говорят философы, в себе.

Иначе говоря, нужно посмотреть на вещь своим глазом и как будто встретиться с нею в первый раз, пробил скорлупу интеллекта и просунул свой носик в мир. Это делает художник, и первые слова его — сказка.

История русской литературы отведет много страниц жизни и творчеству писателя, который в смутное время русской литературы устраивал себе окопы из археологии и этнографии, доставая из родных глубин чистое народное слово, и цеплял его, как жемчужину, на шелковую нить своей русской души, создавая ожерелья и уборы на ризы родной земли.

Это, конечно, Ремизов, никто, как он такой. Замятин, Соколов-Микитов и, в последнее время, молодой Никитин — это все его ученики, а таких учеников, которые у него научились и грамоте и пошли своей природной кондовой дорогой (Шишков, напр.), и не перечесть. У Ремизова была любовно открыта дверь для всех, и валил валом к нему народ литературный, для всех тут была безвозмездная студия.

Немудрено, что теперь пошла Ремизовская школа, и когда скажешь так — всякий понимает. Каждый удивится, если сказать: школа Леонида Андреева, Мережковского, а Ремизовская школа — всякий поймет, есть такая школа Лескова — Ремизова.

И очень хорошо, что так: слово сохраняется, слово открывается. Но все ли это?

10 Сентября. В Госанонсе, где печатается «Понедельник», спешил уехать на дачу вылощенный брюнет, к нему приставали

просители, и один интеллигент в серой поношенной одежде сидел с женой.

— Сегодня денег не будет,— сказал ему вылощенный,— вам сколько?

— 21 миллион.

— За двадцать одним миллионом вы ходите двадцать один раз!

— Что же делать!

— Приходите завтра.

И ускакал в автомобиле.

Познакомился с Лебедевым-Полянским вот по какому случаю: завед. изд. Френкеля сказал мне, что договор об издании «Колобка» он подпишет, если только я проведу его через цензуру, потому что есть сомнительные места, напр., в одном месте сказано: «С Божьей помощью». Я прямо так и сказал Лебедеву-Полянскому, что книга моя — путешествие на север, совершенно невинная, но в одном месте сказано: «С Божьей милостью». Лебедев ответил: «Ничего, мы вычеркиваем о Боге, только если он бывает предметом агитации». В рукописи он обратил внимание на фразу: «Старуха похристосовалась с коровой», поморщился и сказал: «Суеверие».

Из деревни приехал К. и рассказывал про злобу в связи с продналогом (в 6—7 раз больше, чем раньше) при истощении деревенской жизни и разорении.

— Я,— сказал он,— из-за одного этого держусь большевиков, ежели мужики прорвутся, то все перекрушат.

— Ну, а не жалко вам их?

— Жалко, да я устал от войны, мне самому жить хочется.

11 Сентября. Вчера мы ездили в Бутырки к Влад. Ив.— коммунисту. Разговоры наши вертелись около революции, о тех элементах ее, которые можно взять и культивировать, можно сцепиться с ними, как с чем-то бесспорно прекрасным, где эти элементы? Нет их, но надо попробовать смотреть на детей. Только не ищи разрешения этих вопросов в партии. Там никто не действует сознательно и не верит дельно. Это со стороны кажется, что партия — это сплоченная сила, окопалась на войну со всем миром, может быть, это и так выходит, но только не из сознания партии,— партия была всегда глупее стихии, и всегда для нее все выходило, как бы приходя со стороны. И смотреть нужно в сторону, а не в центр. Партия ведь всего насчитывает 600 тыс. членов, причем из них огромное большинство недобросовестных (евреи губят коммунистов). Если пресса ежедневно забивает голову обывателя грядущей мировой катастрофой, то это не значит, что катастрофа близка. Коммунистом быть теперь так же трудно, как при царе: поступи в коммунисты — все некоммунисты отвернутся, а $^{7}/_{8}$ партии пойдут на тебя, чтобы выжать тебя из партии. В партию может

завлечь только желание «быть», воздействовать на массы. Роковой вопрос, который открыто не становится в партии, но существует: обладание властью государственной или подпольное существование — что лучше для сохранения идеи коммуны: крестьянин потому идет против коммуны, что он идет против власти.

Комсомол — коммунистический союз молодежи, школа правоведения для иерусалимского дворянства.

Мариэтта Шагинян угощала меня пирожными и говорила: «Мне особенно трудно работать с большевиками (в «Правде»), что я христианка, я все думаю соединить это свое с ними, как соединяется Новый завет с Ветхим. Меня выгоняют отовсюду, но я не обижаюсь, у меня большой запас любви. Я христианка, но сознаю, что христианство не могло удержать людей от катастрофы, значит, надо как-то искать других путей, вот я ищу...»

Она просто очаровательна, умна, полна ласки для встреч по сердцу,— хорошая, но почти глухая, почти слепая.

Василий Сергеевич рассказывал, что их Алешка, умирая, попросил посошок, выпил чашку и сейчас же умер. Мы долго говорили о мужиках и решили, что рано или поздно засилье евреев кончится (напряжение национального чувства мало-помалу подводит нас всех к вражде к евреям).

Проводя целые недели в беготне за Шапирштейном в обществе Мандельштама, Альтшуллера, все время как бы ищу светлый тон, куда бы смотрел я так, что все происходящее казалось необходимым звеном. Сейчас думаю о молодежи,— не сюда ли надо смотреть?

Зайцев Петр Никанорович заказал для своего издательства рассказ листа в два с условием, что оплата будет после установления цензурности.

— Так очень трудно писать,— сказал я,— едва ли возможно.

— Возможно: писатель теперь должен быть дипломатом, возьмите в пример Пильняка.

14 Сентября. Третьего дня с «федоровцем» был у Серг. Тим. Коненкова, и очень он мне полюбился. Это настоящий художник, с религиозной философией, когда говорил об этом, то совсем как религиозные люди из народа, и чувствуешь, что народ наш религиозен. О воскрешении отцов Федорова он сказал, что это очень хорошо, но по Христу все-таки должно быть, что не мы, а Он сам, в конце концов, их воскресит.

Отчего у Коненкова в скульптуре нет человека, а только лес и стихия? Ищите женщину (не собрал себя в любви к одной —

да! но отчего же он не собрал?). Его статуя женщины «Кривополенница» заросла грибами-поганками.

«Раб обезьяний» оказался не повестью, а частью повести из середины. Нужно ее написать так, что герой ее, Алпатов, исповедует веру в пролетариат, но вдруг в душе его происходит катастрофа на почве любви к женщине, и он как бы против себя бежит с пролетарского фронта: революция идет вперед, контрреволюция стоит на месте (она во имя застоя, но никогда во имя прошлого), а его тянет в прошлое.

В Маркса поверил Алпатов когда-то до того сильно, что знал будущее, и если кто-нибудь говорил о своей вере, то он боролся с этой верой и вообще с верой и на ее место ставил знание.

Он знал, что пролетариат непременно разрушит этот мир, совершенно прогнивший, а после того все будет новое (и жил так, как на станции в ожидании поезда), главное, женщина: сладковлекущее чувство, какое вспыхивает теперь иногда к женщине,— теперь оно враждебно, и этому нельзя теперь отдаваться, это надо отсечь: а тогда это будет святое чувство, и женщина будущего станет царицей мира, а не проституткой, в угоду которой работает весь капиталистический строй.

Потому Алпатов избегал и таился общения с женщинами: мужчина — брат, друг, товарищ, отец — старый дедушка, хозяин и мать, как у крестьян богородица со скорбью, жалостью к бедным людям, вот куда смотрел Алпатов. Но женщины смотрели на него часто, в детские глаза его, в детские губы, а над детскими глазами прекрасный лоб, под детскими губами крепкие челюсти, заглянут и отпугнутся: нет! нет! — было печатно написано на лбу.

(Так, бывает, ток бежит по кабелю, и никто не видит, как он бежит, но бывает, разорвется кабель, и свет блеснет, и все видят глазами, что ток бежит по проволоке.)

И до двадцати пяти лет не было встреч. И так жил этот детски наивный Алпатов с мужчинами и Марксом в ожидании мировой катастрофы.

Вот и весь портрет — достаточно? Я сам был немного такой, но два мои друга юности были именно такими, один сохранился в этом виде до сих пор, по-прежнему твердый марксист, народный комиссар, встречу с женщиной умел обойти, женился на вдове убитого в революцию 1905 года товарища из жалости к детям, потом полюбил ее девственной своей душой навек, свои пошли дети,— человек очень добрый, неглупый, но книга у него одна — Маркс во всех видах, и терпеть он не может никакого искусства. Другой мой друг сорвался и пошел не по шири житейской, как корабль, рассекая волну, а в глубину, завороженный морскою царевной.

Я хочу вам описать этого моего друга с морской царевной, и в событиях новых, и в душевной правде этого человека, мне

хорошо известно, я отражу события нашего времени. Чем проще писать, тем, конечно, труднее, но я всех богов прошу помочь мне прийти на помощь и быть как можно проще. Раскрываю вперед вам свои материалы.

Алпатов, главный герой, вы его уже знаете, и другой похож на него, но с иною судьбой, доктор, не знаю еще, как его назову. Множество людей других войдут сами, когда условимся о месте и времени. Морская царевна останется, верно, за сценой, как рок в древней трагедии, ее описать и невозможно, потому что в той действительности, которую мы мерим и считаем, едва ли есть она. Но я знаю ту женщину, которую любил Алпатов, для меня она самая обыкновенная девушка, каких множество, и если бы Алпатов смотрел проще, был бы, как все, то она стала бы, наверно, его женой. Но ведь Алпатов, как мы уже говорили, ждал женщину будущего, и если бы такая женщина явилась, то с нею, как приданое, должно бы явиться и все будущее. Он хотел от нее всей шири земной, а она хотела быть единственной и влекла его от шири земной в глубину морскую — морского царства!

(У бабушки завелись в животе лягушки, она пила от них ссачки с Боговым маслом.)

21 Сентября. Жизнь проходит в погоне за Шапирштейном. В субботу и воскресенье был в с. Талдом (гор. Ленинск), снял там у Клычкова квартиру за 300 милл. на $2^1/_2$ года. В понедельник приехал Лева. Вчера, слава Богу, хоть паек получил. Жизнь отвратительная, не лучше, чем в глуши, даже газеты невнимательно читаю и все думаю, как бы поймать Шапирштейна. На днях поэт Орешин напился пьян, ругал жидов так, что собрался бульвар к нам на двор, ругал блядью свою тихую жену.

Видел сон, будто нас где-то уплотнили до такой степени, что из нашей плотности выдавилось существо, почти стальное по плотности, и это был Наполеон нашего времени. Этот сон соответствует жизненному соприкосновению с тупой жестокой силой.

Орешина портрет нужно сделать штампом на меди, и то, что отдавится наизнанку,— будет Орешин. Итак, Орешин взбунтовался на весь Тверской бульвар, шум, что долой жидов. Клычков сказал: «Если бы это кричал не революционный поэт, а мы с вами, так едва ли бы мы уцелели». Орешин вселился в квартиру коменданта с угрозой жида, ⟨*1 нрзб.*⟩ шел против начальства. Тот позвал милицию, и, когда милицейский вошел, Орешин стих. «Партийный?» — спросил милицейский. Орешин не ответил, но поцеловал его и сунул ему свою революционную книгу. Утром он просил извинения у Свирского и целый день «ловил рыбу» в Госиздате: так он сидит там часами в ожидании какого-нибудь нужного человечка (наверно, тоже какого-нибудь Шапирштейна).

25 Сентября. В субботу явился в Москву Иван Сергеевич, рассказал мне горькие вещи о Ремизове, что он заблудился,

и напомнил мне о брате Николае. В воскресенье приехал в Иваниху.

Письмо Ященке

Дорогой кум! Иван Сергеевич Соколов-Микитов передал мне Ваше предложение — написать что-нибудь в Ваш журнал, и прежде всего автобиографию. Выполняю Ваше желание и прошу Вас прислать вместо гонорара трубку и английского трубочного табаку, если же английский и у Вас очень дорог, то, наверно, теперь немцы научились хорошо его подделывать,— пришлите немецкий.

Так что автобиография... ну, хорошо: родился я в том самом уезде, про который много писал Бунин, мой земляк,— Елецкий уезд Орловской губернии. Родители мои, отец — коренного купеческого рода из города Ельца, а такая весьма странная фамилия Пришвин происходит от слова п р и ш в а, часть ткацкого станка, верно, думаю, деды мои были токари или торговали этими пришвами. Отец мой хозяйство вел в небольшом имении, доставшемся ему по разделу в селе Хрущево («Хрущевские помещики»), был человек жизнерадостный, увлекался лошадьми, садоводством, цветоводством, охотой, поигрывал в карты, проиграл имение и оставил его матери заложенным по двойной закладной, да и нас пятеро: мне было восемь лет, когда он скончался.

Мать моя была тоже коренного староверческого купеческого рода Игнатовых из Белёва (литерат. критик из «Русских Ведомостей» Илья Николаевич Игнатов мой двоюродный брат). Вот она-то, могучая женщина, оставшись вдовой в 35—40 лет, и вывела нас всех в люди, и, замечательная хозяйка! выкупила имение. Скончалась она семидесяти пяти лет в 1914 году и оставила мне на гóре 30 десятин.

Собрался я с силами, выстроил себе дом на своем клоке, завел хозяйство, но тут подошла революция, пришлось все бросить, говорят, теперь на моем клоке новая деревня сидит. Но я не горюю, оттого что любил я у себя только сад, и жить хотелось отчего-то в лесах таких вот, как на родине моей жены в Смоленской губернии, откуда я Вам и пишу сейчас это письмо.

Эта жена моя, Ефросинья Павловна, странствует со мною уже давно, скоро будет двадцать лет, она крестьянка, и от нее узнал я столько всего про деревенскую жизнь.

Учиться я начал в Елецкой гимназии, и такой она мне на первых порах показалась ужасной, что из первого же класса я попытался с тремя товарищами убежать на лодке по реке Сосне в какую-то Азию (не в Америку). Розанов Василий Васильевич (писатель) был тогда у нас учителем географии и спас меня от исключения, но сам же потом из четвертого класса меня исключил за пустяковину. Нанес он мне этим исключением рану такую, что носил я ее незажитой и не зашитой до тех пор, пока

Василий Васильевич, прочитав мою одну книгу, признал во мне талант и при многих свидетелях каялся и просил у меня прощения («Впрочем,— сказал,— это Вам, голубчик Пришвин, на пользу пошло»).

Плодовитый был все-таки наш Елецкий чернозем: я был в первом классе, а из четвертого тогда выгоняли Бунина, в восьмом кончал С. Н. Булгаков — это писатели, а по-другому занятых людей и не перечесть, напр., народ. комиссар Семашко был моим одноклассником, первейшим другом (и посейчас из всякой беды выручает он, чуть что — к нему, очень хороший человек, честнейший до ниточки).

Вас. Роз. ухитрился выгнать меня с волчьим билетом, так что кончать уже пришлось в Сибири в Тюмени реальное училище на иждивении дяди моего Игнатова, богатого человека, пароходовладельца на реках западносибирских.

Потом я учился в Риге в Политехникуме химиком четыре года, и тут я уверовал через книгу Бельтова (Плеханов) в марксизм, состоял в организации подготовки пролетарских вождей, переводил (Меринга — ?), шесть раз прочел с рабочими «Капитал». Я был рядовым, верующим марксистом-максималистом (как почти большевик), просидел год в одиночке, был выслан на родину, сюда же, в Елец, одновременно был выслан Семашко, мы соединились и, кажется, за два года еще раз по шесть прочли «Капитал».

После окончания срока высылки я уехал в Германию, изучал здесь все и кончил курс агрономии в Лейпциге. По окончании курса попал в Париж и встретился с н е й (как у всех бывает),— отсюда все и пошло (но это непередаваемая история). Мой фанатический Марксизм владел мною все-таки лет десять всего, начал он рассасываться бессознательно при встрече с многообразием европейской жизни (философия, искусство, танцевальные кабачки и проч.), сильнейшую брешь ему нанесла встреча с н е й и окончательную то чувство самости, которое охватило меня, когда я после нескольких лет агрономической деятельности в России нашел в 30 лет свое призвание в литературе. Только тут впервые я понял, что значит жить самому и самому за себя отвечать. Я вернулся к своему детству, когда меня дразнили, что я бежал в Азию и приехал в гимназию, стал путешествовать, и родная Россия мне стала той самой заповедной Азией, в которую я когда-то хотел убежать. Встретился опять с В. В. Розановым, гениальным писателем, с Мережковским, Ремизовым, Блоком, так и пошло, и пошло. Встреча со своим призванием была мне, как вот теперь в России, после большевизма (у нас теперь не большевизм, а коммунизм — разные вещи) у огромного большинства встреча со своей самостью (каждый занялся чем-то своим). Не пройди я путь максималистского большевизма ранее, я стал бы в Октябрьскую революцию непременно большевиком, но я в то время уже окончательно устроился в себе и не мог примкнуть психологически к Октябрьской революции и хотел для России

революции просто буржуазной. Никак я не мог себе представить, что мой индивидуальный путь станет общим путем и какой-нибудь Елецкий телеграфист тоже будет временно веровать в «Капитал», как в Евангелие. Теперь я вижу ясно, что, как и я после своего марксизма, все встречаются, в конце концов, со своей самостью, и это приведет к буйному возрождению страны, се буде, буде!

Дорогой кум! как видите из этой биографии, тем для писания у меня непочатый край, и я Вам еще много напишу, если Вы мне ответите,— что больше всего нужно для Вашего журнала. Не забудьте одновременно с письмом прислать трубку и четверку табаку «Capoton».

1 Октября. Гусиный перелет. Ночью темной летел, изредка покрикивая, дикий гусь, потерявший свою стаю...

Скворцы вернулись из лесов перед отлетом в скворешники и поют.

Грачи вечерней зарей огромными стаями совершали свои стратегические упражнения.

Старичок маленький, нужненький медведя убил. (Чудовище сидит на дереве, пустил заряд и бежать, а когда пришли: под елкой медведь лежит.)

Небо то закроется, то откроется, то солнце над горящим золотом лесов, то дождик. С подсолнухом в руке хожу по саду и думаю: как я ушел от себя с тех пор, как весь кричал от боли, когда меня в дороге обыскивали негодяи, и все сваливал на советскую власть. Теперь герой моих дум — идеальный большевик, распятый во власти, которому нужно принять на себя весь грех и лжи и убийства: «Что же вы думаете, дурак я, и когда брал из рук Смердякова власть, и я действительно считал его «пролетарием»? Я ему лгал, чтобы захватить его в свои руки для работы на действительного пролетария, человека будущего. Но и ложь моя, и убийства мои все легли бы на вас, все это я взял на себя, и вы остаетесь чистыми и проклинаете меня за то, что я взял неизбежное зло на себя». Словом, я хочу теперь стать на точку зрения большевика (идеального — и такие есть, ими и держится власть), чтобы ясно увидеть ошибки.

Бывает, когда после гипноза дела, намеченной цели все выполнено, все вещи собраны в корзине и зашиты сверху и перевязаны веревками,— все кончено, я двигаюсь, еду, вдруг из себя против этого становится сила вроде пораженческой в войне: а возьму и не поеду, и ничего не буду делать, и день будет мой. И не еду. Тогда необычайный покой охватывает душу, как будто лежишь в гробу в незасыпанной могиле и видишь березки золотые, и ветерок их мирно шелестит, чуть-чуть покачивая ветви,— это весь мир, и сам думаешь, думаешь свободно... Вот истинный отдых.

Почему с-зм, порожденный пафосом протеста живой личности обезличивающему началу капитализма, сам душит личность в своем технически цивилизаторском коллективе?

После перелета гусей 18-го сентября вернулись из лесов скворцы в свои скворешники и распевают себе, прощаясь, на золотых березках. Но и скворцы улетели.

Ранним серым утром частенький дождик идет, серый дятел сидит на березе возле скворечника и прислушивается и поджидает, час, два проходит, пока осмелился: юркнул в скворечник. И оттуда, чуть стукнет, нос свой длинный выкажет, так он долго привыкал и теперь смело сидит, выходит на березу и стучит по ней морозным утром, будто гроб кому-то колотит.

Чуть полегчает в столице, паек дадут академический, или торговлю объявят, или разрешат журнал, сейчас же начинают писать, что Россия воскресла. Сидя в глуши, так странно читать о воскресении, и задумываешься над этим: почему это, откуда берется? Другие откровенно пишут, что их радость происходит из трагедии, раньше, мол, было скучно, а теперь трагично. Ну и что же хорошего? Разве можно смаковать трагедию? Вот Степун пишет: «Только в эпохи, подобные т о й, что дарована нам благосклонной судьбой, возможна настоящая чеканка жизни и душ, возможна установка всех чувств и мыслей на незыблемых метафизических основаниях» («Шиповник»).

Хороша — душа наша, а где отцы, умершие вчера? достойно ли нам на вчерашних могилах радоваться тому человеку, через смерть отцов получающему наследство?

Конечно, я как писатель очень обогатился за революцию, я, свидетель такой жизни, теперь могу просто фактически писать о ней, и всем будет интересно, потому что все пережили подобное, я теперь богач, наследник богатый. Но вокруг меня все так обеднело материально, мне жаль этих миллионов обманувшихся людей, и как я буду на этом фоне бедноты радоваться исполнившейся трагедии. В молчании показывается трагическое лицо. «Помолчим, братие»,— говорил Добролюбов болтунам литераторам.

5 Октября. Вчера приехал в Москву. Грязь, дождь. Перед самым моим приездом в общежитии писателей была драка. Как будто и не уезжал.

Лева все больше и больше погружается в беспорядок, заимствуя стиль моих несчастных приятелей-бродяг — Савина, Соколова, Клычкова, начал потягивать носом и в сторону женского пола. Линяет.

Когда ссорятся, бесятся, даже дерутся двое-трое русских людей — то это вовсе не значит, что кто-нибудь из них дурной человек, нет, если смотреть на них как на одно существо в разных лицах, а так вообще нужно смотреть на человека, то это не

злоба, не война, это скорбь одного существа так проявляется: человек скорбит.

Завтра еду в Талдом устраивать Леву, закупить на зиму: 1) хлеб, 2) дрова, 3) керосин, 4) картошку, 5) капусту.

хлеб	— 200 милл.	= 20 пуд.
картошка	— 100 —»—	= 100 пуд.
бурак, капуста	— 100 —»—	= —»—

Лева: отправить письмо, купить стекло лампе. В Госиздат. Взять в Талдом.

На улице в темноте встретил кто-то, назвал меня по имени и поцеловал меня, я узнал голос, но чей голос, не знал.

— Узнаете?

— Да, я знаю, но как вас зовут?

— Петр Ник. Прокопов.

Приехал с Кавказа, нашел меня, чтобы спросить с Ремизова какой-то должок (!), рассказывал, что и там, на юге, точно так же, как здесь, в провинции. В городах сидят шайки головорезов, пьяниц, мошенников и точно так же, как у нас, обдирают продналогом мужиков, точь-в-точь везде одинаково.

Занимаюсь тем, что пытаюсь стать на точку зрения маниака, представить себе мир совершенно, как он, и потом, зная, в чем дело, не споря с ним, изобрести какую-нибудь фикцию и отманить его в сторону, чтобы он не вредил.

14 Октября. Покров. Сегодня ровно неделя, как я приехал с Левой на свое новое место жительства в Талдом Савел. ж. д., хутор Солдатова сеча.

Неудремная минута. Литиматýм. «Сережина сука».

К. рассказывал, что в редакцию «Красной Нови» пришел оборванный поэт-коммунист, грязный, и видно было, как по рубашке его ползают вши. К. сказал редактору Аросифу, что хотя стихи и неважны, но «Красная Новь» может дать ему немного денег: он такой несчастный, во вшах. Тогда Аросиф, возмущенный, сказал: «Разве «Красная Новь» богадельня? — И резко ответил поэту: — Уйдите из редакции, по вас ползают вши!»

К. вышел за поэтом из редакции, успокоил его словами и, кажется, дал ему денег из своих. Притом К. об Аросифе отзывался хорошо, видел в его ответе силу, идею, а не просто бесчувственность. Аросиф при другом случае ему говорил: что, разделяя себя в чувстве жалости к отдельным людям, нельзя сделать ничего большого, никакого дела, что это он отсек от себя.

Вопрос: кто из этих людей поступил более достойно, К. или А.?

Жалость к несчастному побуждает одного просто помочь ему, а другого опоясаться мечом на борьбу с тем, кто обидел этих людей. Одни утоляют свою любовь к человеку в настоящем, другие откладывают свою действительную помощь до победы над самим источником зла, по пути теряя, может быть,

и память о реально несчастном человеке и превращая его в принцип «пролетария всех стран».

Кто из них достойнее?

Я думаю, что помощь человеку есть дар, особая способность так поступать, чтобы правая рука не ведала, что делает левая. Принципиальная милостыня — низший сорт милости: филантропия, а принципиальная филантропия — социализм, в котором освободителю несчастного совсем уже и нет дела до несчастного в настоящем времени, и он гонит его даже вон.

Ясно, кто достойнее, К. или А., но почему же К. не возмущается изуверством А., рассказывая, а, напротив, чувствует даже к нему почтение. Почему К. не хочет видеть в А. злодея, поработителя человека, а просто пропускает его идти вперед? Не потому ли, что вообще добрый человек личен и не может быть принципиальным, что, может быть, в деле любви к человеку всякий принцип, всякое обобщение, как обезличение, есть путь зла. Такое толкование согласно с душой К., русско-буддийской, не христианской, но Алпатов при разговоре с мещанином увидел, во-первых, что он ничего не знает, хотя учился в университете, во-вторых, что он ни одному человеку не сделал добра, хотя страдал целый год в одиночке за человечество. Мещанин так ему прямо и сказал: «Вы все это делали для себя».

18 Октября. Микитов рассказывал много интересного о Ремизове: драма Ивана Сергеевича (это драма начинается со времен Адама), у Ремизова человек ушел в писатели, и когда он проявляется в этой области — хорош человек! а в жизни остается дрянь. Очарование Микитова кончилось, и вопрос ему стал: писатель вообще хуже человека. Но так все просто: специализация всякая поглощает человека, ограничивает его, гениальный человек есть всегда ограниченный человек (гибельное состояние для Микитова-писателя).

Микитов громадной силы медведь и выработал себе манеру держаться, как сильный, твердый и храбрый, между тем я никак не могу отделаться от мысли, что он трус и даже его нынешняя философия «не простить» — философия труса.

Для юношей. Перепела. Орел. Леди. Волчки ⟨*2 нрзб.*⟩. Первые земледельцы. В краю непуганых птиц. ⟨*1 нрзб.*⟩.

Талдом, брюхо

— Нет ли у вас чистого деготьку?
— Что тебе надо?
— Что надо?
— Куда ты прешь?
— Куда я пру? К вашей милости, товарищ.
— Какой тебе милости?
— Чистого деготьку?

На дроф охотился в степях вот как: ⟨*не допис.*⟩...

24 Октября. Раньше купец сам на резиновых шинах едет, а поджилки трясутся, и как не трястись! его нажива на большом поле, а на фунтах какая-нибудь четверть копейки, теперь на фунт норовят пять нажить, и риску нет никакого: день пролежит, не торгует и выгадал — чего ему бояться, его сама судьба богатит.

Новые купцы, кто новые купцы? Щучка — был трактирный слуга, теперь торгует колониальным товаром и налога платит 1½ миллиарда. Лихобор кто был? Кто был Лихобор — последний человек, прощелыга, осколепок, подзаборная рвань, а теперь свой ларек держит — миллиардом ворочает, оно конечно, подсчитать его миллиард — на прежние деньги восемьдесят рублей всем товарам цена, а все-таки стоит человек на своих ногах, и самый последний человек, а первый человек сидит, картошку жует и все робеет, вот тут-то и весь гвоздь: прежний первый человек запуган, трус.

Но вот что удивительно: тот прежний последний-то человек, он, кажется, и должен бы благодарить правительство, как не благодарить: два фунта конфет продал, пусть ему даром дают, и нет, тоже не согласен, и все кричит и ругается, не согласен! Настоящая сказка о золотой рыбке.

Русь.

— Ну как же так: выходит, что если правильных людей нет, правильной жизни, то кто же установит ее и будет хорошо?

— У нас тут, по нашей местности, а Россия велика: я про ⟨*1 нрзб.*⟩ наши дела говорю, а вся Россия из этого не выходит и не складывается. Нельзя и про нашу местность.

Никола Сидящий.

В лесу срезали елку. При ударе о землю дерева из дупла вылетело несколько пчел: поняли ⟨*1 нрзб.*⟩, что это улей. Дупло заткнули, вырезали колоду. Проходил Михайло Никанорыч и купил себе пчел на развод за три рубля. Наутро он прислал за ульем на лошади свою девочку Ксюшу. Полесники навалили колоду на телегу и наказали девочке, чтобы она затычку, Боже сохрани, не трогала. А девочка, как только отъехала, и вынь затычку, вылетела одна пчела и щелк девочку в щеку, пока она оправилась, другая вылетела, и третья и тоже на девочку. Бежать скорей, а пчелы и ну выбираться и всем роем выбрались и прямо на потную лошадь. Как хвать Буланка — колеса во все стороны, и от телеги на дороге одни щепки остались. Лошадь не нашли, и только уже, когда выпал зазимок и замерзла вода, увидели, из омута торчит лошадиная нога: оказалось, Буланка забежала в омут от пчел и утонула.

Отец все попрекал девочку, что через глупое свое любопытство погубила его лошадь, а соседи попрекали отца, что он девочку несмышленую послал за ульем. Кто виноват?

Показался опять на моем горизонте Пяст, теперь в рыжем пальто, широком, как халат, оттого что выдрана подкладка

и вата для детей его. Дети у Пяста! И Пяст был государственным подрядчиком по доставке картофеля, возил картошку в Москву, пил самогон. Пяст — романтик.

Что такое романтик? Это поэт, принимающий поэтическое слово как дело, как жизнь. Поэтому романтик всегда стоит у порога трагедии. Это детство, продленное в юность, и юность, сохраненная в мужестве. Это вера в достижение невозможного. Множество людей, коснувшись этой стихии, потом вздыхают всю жизнь, другие злобятся на обман — скептики, сатирики, третьи (обезьяны) иной природы и, не зная никогда этого чувства, делают свое дело.

В богатырях земли бессознательно живет это чувство, как невскрытый подземный пласт плодородия лежит под цветами луга...

27 Октября. Если будет на земле правда и красота, то будет ли существовать искусство?

И если Бог сойдет на землю и люди будут жить просто по Божьи, то зачем нужна будет религия?

Понятно, почему диктатура пролетариата преследует религию, душит искусство,— потому что социализм (в теории) вмещает в себя и Бога, и красоту, и правду.

Я один из тех странных русских писателей, которые искусство свое 〈*пропущ.*〉 самой жизнью.

Страх создает крайнее возмущение: страх, воспитанный с детства. Нельзя же человеку с детства самого раннего чувствовать, что за ним кто-то следит, кто-то присутствует угрожающе во всей святыне его самости. Приходит пора выпрямиться и послать все к черту, и Бога, и царя, и родину,— все, разом решительно все. Да почему иной тихий, робкий на все и застенчивый человек, когда вскипает, вдруг на дыбы подымается и рушит вокруг себя дом свой, жену и детей выгоняет на улицу: так он мстит, так естественный в нем человек пробуждается, вольный и могучий в своей дикой самости, как река судоходная, нет, неправда, что слаб, так тебе и всю жизнь суждено прожить в слабости: всякий слабый может метнуться, и даже больше самого сильного.

Так раннее детство, как ручеек, началом большой реки представляется: хочет вода бежать по-своему, а нет! вот он на пути стоит черный бог — не туда, не так! и повертывай, а там другой устроился и тот — заворачивай! там третий — повертывай! и вот коленами, дугами, как змея, вертится ручей, с другим встречается — вместе пошли, с третьим — вместе пошли, и вот не ручей, а река прямо бежит, хороня под собой 〈камнями?〉 все, что раньше богами казалось.

Сколько баранку ни верти — колеса не сделаешь. Козла на крышу! Расшивай, Ванька! Сухая ложка везде рот дерет (о взятке).

2 Ноября. Без всяких зазимков вдруг, небывало, сразу напал глубокий снег, его осадило дождем и мороз сильно сковал, так что стало, как в Рождество, в Октябре.

С. Р. говорила, что ей жутко за людей, как их захватила зима, и предчувствия ей говорят, что в эту зиму быть беде. А так разумом раскинешь, так все укрепляется власть.

Деньги, однако, быстро, катастрофически падают.

Трагедия Стаховичей: уехали из Ельца в Париж, сын поступил в ресторан, дочь раздавило метро, Ольга Ивановна пишет, что готова каждый камень в Ельце целовать. Трагедия этих людей, что они «порядочные» и не могут выйти из круга своих условностей, но главное, что эти условности (хорошие) считают чем-то абсолютным, т. е. беда не в том, что они не бросают этих условностей (и не надо бросать), а что считают это за абсолют.

6 Ноября. Завтра будет праздник Октябрьской революции. Сегодня молочно-туманно, бульвары и улицы — сплошной каток, и глупейшие в голову мысли приходят, глядя на неумеющего ходить по льду неловкого, книжного Чулкова, что завтра будет издан декрет, по которому вся русская интеллигенция под страхом высылки за границу обязана выехать на бульвар на коньках...

Говорят, что для большевиков это самый трудный год, потому что всего две росстани, по одной идти — закрепить торговлю и вернуться к старому, по другой — сдавать позиции, признавать собственность, иностранцев и т. д.

Есть разница — увидеть Джоконду в музее среди великих произведений искусства или же в своей хижине убогой остаться с нею с глазу на глаз и думать, что там она музейная, а тут она моя.

Вот что значит она моя: там, в Музее, она просто красота, и ее все признают, и она для всех одинакова, а когда моя, то не только я ее, а и она меня признает, и любовь моя к своему дому и родине моей бедной соединяются чудесно с красотой мира: мое и лучшее мира соединяются.

Но не только Джоконда, а самая маленькая, красивая вещица одно, когда смотреть на нее, чужую, через витрину магазина, и другое, когда принесешь домой и скажешь: моя, совсем другая вещица, как будто там она была только невестой, а тут стала женой. В этом брачном самоутверждении и рождается чувство собственности,— отсюда все и пошло. Весь вопрос лишь, как притащить вещицу в свою хижину (не за деньги же все покупать?). Вот для чего существуют подарки: любящий человек вам ее дарит. Дети самые большие, цепкие собственники, и на этом основаны все наши им подарочки, нужно только, пользуясь этим естественным чувством, дарить им предметы, чтобы собственность не обманывала их, как мещан

и дикарей, а уводила их от себя в мир широкий, как океан, где нет уже мещанской собственности. Так что чувство собственности есть исток в универсальное.

У Чулкова собрались пожилые люди и говорили, может быть, весь вечер про эрос и... αγαπε [1].

Национальность? вот что такое: вчера встретился Цейтлин с Павлом Николаевичем, поговорив с ними, я сказал Цейтлину: «До свидания, Аарон Исаич» и, отойдя, подумал: «А ведь он, кажется, не Аарон Исаич, а Исай Ааронович». Попробовал повертывать: Исай Аароныч, Аарон Исаич — все равно! но Павел Николаевич и Николай Павлович — совершенно разные люди,— вот что значит национальность.

7 Ноября. Погода наконец улыбнулась и большевикам. Какое пышно-красное торжество, а всмотришься в лица — все люди в рядах равнодушные: эроса нет в Октябре, как ни рядись в красное. И невозможен эрос, потому что в Октябре был порыв, окончившийся браком совсем не с желанною.

Материалы: Путь творчества. 1) Женщина будущего (1-я фигура мещанина (лучше приказчик), 2) Распятие (эпиграф: если ты Сам Бог, спаси себя и нас), 3) Воскресение (отдав, воскрес).

11 Ноября. Сюжет для «Городов и весей»:

Черная биржа. Доллар. Мандельштам: как пойти. Рынок без товара.

— Покупаете?

— Продаю. Покупаем доллары.

— Вашингтон? Смесь! Канада. Доллар в деревне. Взял у попа деньги, а он в суд. Я ему говорю: мало я тебе ⟨*1 нрзб.*⟩ передавал. Заехал меду попить.

В любви, эросе возможны все виды тончайших ощущений любви, но разобраться — все их можно назвать эгоизмом (даже из огня ребенка вытащить и проч.), поэтому человек, во всем с виду живущий для других, может быть приведен к эгоизму, но αγαπε есть совершенно другой природы.

Правда — страшная — лежит на дне моря людского, как в могиле, правда лежит, и весь мир устроен так, чтобы люди встречались и лгали, боясь назвать правду, потому что как назвал ее, так будет непременно война.

Говорят, будто где-то ⟨*3 нрзб.*⟩ в лесах есть люди ⟨*1 нрзб.*⟩, ласковые, и у них-то по правде живут. Но ⟨*1 нрзб.*⟩, где леса обрываются.

Разве можно людям правду в глаза сказать? За семью

---

[1] Агапе — жертвенная и снисходящая любовь, любовь к ближнему (*греч.*).

печатями правда лежит, и в молчании охраняют ее сторожа, но если вслух сказать — будет война.

Нужно, чтобы Христа распинали на улице, как человека, а не устраивали Ему божеские литургии в храмах, поселяя иллюзию сентиментальной любви для откорма попов.

Изнежились даже и палачи, но мы берем на себя это страшное дело и Христа распнем, если Он к нам покажется. Хотели вы богатств, славы, силы в вашем Христе? Нет, вы хотели страдания, и мы даем вам страдание, страдайте, копите Христа в себе, чтобы слово его было не уговором, а огнем, испепеляющим палачей.

Почему Он ничего не ответил разбойнику, который просил его доказать силу свою и сойти с креста? Нужен ему был позор, унижение. Пусть! но ведь и то говорится, что Он в Славе придет. Так что же — копите Его в себе такого, а мы будем копить другое, над чем Он силу свою и Славу окажет.

Сюжет для рассказа: человек какой-то свободной профессии (писатель, художник), стесненный голодом и укорами жены, бросает свое дело, кое-как служит, достает пайки, корову, сено, сам доит, кормит, учит детей и потом достает мандат на перевоз коровы на юг и уезжает проводником коровы.

Почему Алпатову нельзя было пойти в коммунисты? Потому что они у власти, потому что это равняется тому, как бы для защиты себя взять оружие — значит изменить своей духовной природе. Тут главное в том, что нужно уступить свое первенство.

Натертая нога болела, ныла, и, когда сон, спутав, как видно, время и место боли в ноге,— охватило больное место в душе, и душевная боль заслонила телесную, развернула картину прошлого (к появлению женщины «в Алпатове» — по голосу узнал ее).

Мещане (ремесленники) — пустое место в душе, куда все проваливается (и Бог),— только Бог и может заполнить эту ужасную пустоту. Максим Горький — изобразитель этого мира (какой тут рыбак, какой тут крестьянин).

26 Ноября. Оголтелые дети, не имеющие ни страха, ни внимания даже к тайнам старших, герои однодневного действия, поденками вылетевшие в мир бесконечного творчества.

Поэт Клычков, приобщенный к иному миру, не доделавши там свое дело, приходит в обыкновенный мир бытия и своей небесной полуправдой отравляет все основы земного бытия (как и Толстой когда-то п а х а л). Затворись, мой друг, и ожидай указания веры, сильной, как знание, после чего приди и учи, иначе ты отымаешь у людей их простую земную веру в небесные тайны (ни Богу свечка, ни черту кочерга).

Художник должен совершенно захватить человека так, чтобы тот остался, как распятая плоть, со своим последним вопросом ко всему делу художества в крайних глубинных счетах духа и материи.

В лесу идешь, и одна веточка тихим гостем явится, шепнет на ухо: «Я здесь! милый друг» — и ляжет на плечо или шею обнимет,— милая веточка! за что ты меня полюбила, как доверилась! сердце раскрывается и готово обнять весь мир, а другая в ту же минуту рогулькой стоит и метит в глаза, стукнет туда, и света не взвидишь. Тогда встревожились все разные большие деревья, обступили со всех сторон ильмы высокие и ⟨*1 нрзб.*⟩, дубы, береза, клен и ясень, все сошлись густелью и ветвями своими махают, кланяются, кланяются.

1 Декабря. Серафима Михайловна оказалась не Сер. Мих., а Софья Павловна (открылось во время революции),— отвратительно! как будто обманывала женщина, говорила, что любит, а сама по ночам ходила к другому,— вот что значит имя.

В магазине «Мясо и дичь» барыня, та самая барыня, которую недавно туряли торговки: «Йшь фуфыря, расфуфырилась! жрать нечего, а тоже барыня!» — теперь спрашивает дичь. Приказчик предлагает:

— Есть рябчики, есть тетерева, мадам.

— Тéтерева!

— Мадам,— говорит приказчик,— вам, мадам, тетерев или мусье?

Честность значит согласие слова и дела, если же слово становится универсальной идеей, осуществление которой и невозможно, а требование согласия слова и дел в честной натуре продолжается, то это уже фанатизм.

— Я сказал — и сделаю.

— Да, я знаю: вы будете делать, вы человек честный, но будет ли хорошо от того, что вы честность свою окажете?

— Кому хорошо?

— То есть нам.

— А мне-то какое дело до вас?

— Вот и я тоже думаю, что вы это, собственно, для себя стараетесь и высоты своей достигаете, как вы человек образованный, то вы поднимаетесь вверх, а мы находимся в темном подчинении и должны преклоняться перед вами.

— Как перед вождем.

— Конечно, и перед вождем, но как вождя-то понимать: вы же, собственно, себя самого ведете.

— Ну, а вы не ведете себя?

— Конечно, веду, но там мои вещи мертвые, ситец там, мануфактура.

— Понимаю, с ситцем вы согласились, но как же с людьми?

— Мария Ивановна, ваша матушка всегда была очень довольна мной.

— Не с Марией Ивановной, а вообще с людьми.

— Вообще с людьми, я считаю, это по преимуществу с собой, как вы сами ⟨*1 нрзб.*⟩, что честность ваша и достижения, а так человек каждый имеет свое имя, и я с этими людьми установлен.

— Вы обыватель и ничего не понимаете в общем ⟨*1 нрзб.*⟩.

— А я что же вам говорю: я разве что-нибудь понимаю, я необразованный человек и любопытствую от вас поучиться. Вот сейчас, извольте видеть, солнце садится такое красное,— отчего это?

— Оттого, что лучи проходят через разрежение атмосферы.

— Извольте, я таких слов не понимаю. Вот человек стыдится и покраснел, я и объясняю краску его стыдливостью, мне понятно, а про солнце я ничего не могу сказать, потому что я необразованный, и человек мне знакомый, но я родился в этом городе, то его и понимаю, а солнце очень далеко, и я не понимаю, вы же должны это объяснить.

— Я же и объяснил вам: разрежение атмосферы.

— Ну, нет, все это от ума, но я же ума такого не имею и не понимаю: атмосфера... ⟨*5 строк нрзб.*⟩.

Краснорядец посмотрел в глаза Коле и подмигнул так, будто весь этот разговор нарочно ведет и сам очень хорошо все понимает и даже про атмосферу...

— Вы наверно все это сами знаете.

— Читал очень много и про атмосферу, все читал, но вывод сделал, что образованный человек знает не больше необразованного.

— И ну что еще?

— ⟨*2 строки нрзб.*⟩.

— Один человек сам берет, другому дают, я из тех, кто сам берет, а не дожидается, пока ему подадут милостыню.

— По безумию каждый берет, только он и знает, что берет по безумию, ну а ежели это в закон дать для всех, то что же из этого будет?

— Самостоятельность.

— На каких же ногах?

— На своих.

— А поскользнешься?

— Так тому и быть.

— Какая же самостоятельность выходит?..

8 Декабря. Я раздосадовался на Клычкова, что он, виновник моего ужасного существования в Дубровках, приехал, не ударив пальцем для спасения семьи моей от холода, сырости и объявив, что дров нет, печи не поставлены, прямо начал читать свое новое стихотворение «Лисица». И это, вероятно, хорошее

стихотворение, я не слыхал, сам он мне казался противным, едва удержался не сказать ему дерзость. Вот так и я ношусь в семье своей с писательством, а не вникаю сердцем в их жизнь. Поэтому я виноват по существу, как семьянин.

Отношения семейные, как и государственные, реализуют наши слова, наши мечты...

9 Декабря. Вчера Мандельштам сказал, что всего лучше, когда молодой поэт, прочитав стихи, просит сейчас же ответа, сказать: «Это для вас характерно». Тут я вспомнил Блока — вот кто единственный отвечал всем без лукавства и по правде, вот был истинный рыцарь. Наконец, я понял теперь, почему в «12-ти» впереди идет Христос,— это он, только Блок, имел право так сказать: это он сам, Блок, принимал на себя весь грех дела и тем, сливаясь с Христом, мог послать Его вперед убийц: это есть Голгофа — стать впереди и принять их грех на себя. Только верно ли, что это Христос, а не сам Блок, в вихре чувств закруженный, взлетевший до Бога (Розанов: «Это все хлысты», «бросайтесь в чан»).

В мечтах беседуя со своим героем, переходил я Страстную площадь среди автомобилей и повозок, вдруг я вижу, ко мне кинулся солдат с ружьем наперевес и диким голосом кричит: «Пошел, пошел!» — я увидел себя среди ведомых под конвоем попов: солдат и попы.

Монах юркнул в Совет раб. депутатов.

10 Декабря. Мне 10 лет, я в 1-м классе, а в 5-м классе учатся старшие ученики, они знают что-то, мне еще не доступное, у них своя тайна от нас, и тоже они большие, а учителя-то боги, от них все зависит, старше их нет.

Но вот мне 15 лет, и я в пятом классе, и вокруг меня те самые старшие, которые казались мне такими большими и недоступными, но разве эти мои ровесники похожи на тех старших, какая-то мелюзга, вот когда я был в первом классе, все были пятиклассники какие-то гиганты!

Мне 30 лет, я учитель, но разве это те учителя, какие были в наше время,— мы мальчишки перед ними.

И вот мы отцы, но разве это мы те отцы нашего времени, разве мы те,— да ведь нас разобрать можно по всем пружинам и колесикам, и не сыщешь тайны, которая была в тех стариках, куда делась тайна их? Или ее не было в них, и я наделил их тем, чего в них не было, но почему же до сих пор я чувствую где-то старшего и совершенного и как будто от него получаю в дар свои мысли и лучшие чувства — это теперь, а потом, когда я и с ним сравнюсь по возрасту, то разве в духовном-то возрасте когда-нибудь можно сравниться, ведь ему десятки тысяч лет, и он сложился из миллиардов умерших отцов, 〈*2 нрзб.*〉.

Это не то, что я догоняю и тайну старших, она упала в могилу.

17 Декабря. На заметку М. Шагинян в «России» о Форш: дело совершенно безнадежное для художника — ставить на разрешение проблемы разного морально-общественного характера, потому что все они разрешаются только жизнью, а жизнь есть некая тайна, стоящая в иной плоскости, чем искусство. Конечно, должно быть в душе художника стремление дать нечто новое в своем произведении, но это состоит лишь в художественном восчувствовании новых наработанных жизнью материалов: внимание к ним и есть полное удовлетворение тому стремлению художника дать нечто новое. Жизнь есть прежде всего личное действие, но художник потому и взялся за свое художество, что отказался от личного ⟨*1 нрзб.*⟩ участия в жизни.

18 Декабря. Кризис гуманизма — почему? Потому что он н е м о ж е т.

Выход из всякой беды — дело, которое себя самого делает самим собой и в то же время функцией для других.

20 Декабря. Учение Федорова — «философия общего дела» — есть тот же наш коммунизм, только устремленный не в будущее, а в прошлое: там мы работали для счастья наших детей, здесь для блаженства наших отцов. Одно движется ненавистью к прошлому, другое любовью и чувством утраты. Одно основано на идее прогресса (стремление молодости к лучшему: движение вперед, варварство), другое — на любовной связи с отцами (отец воскресает в сыне: культура, дело связи).

Ник. Алпатов — представляет одно движение, Мих. Алпатов — связь. Один говорит: наше лучшее находится в прошлом. Другой: наше лучшее в будущем. И это верно, потому что наше лучшее мы воскресим в своих детях.

21 Декабря. ⟨*Зачеркн.*⟩: В защиту Маркса.

С в а д ь б а
(Из дневника)

Недавно я слышал чтение одним автором своего нового романа и был очарован мастерством, так увлекся «вещностью» романа, что и не заметил, какое действие он производит на публику, и когда потом я услышал разговоры, замечания, то вдруг понял, какую страшнейшую ошибку сделал автор: он построил свой роман на обывательском чувстве протеста карточной системе учета жизни будущего социалистического строя и, взяв на карту эротическое чувство (розовые талоны на сексуальную ночь), привел идею социализма к абсурду. Разумеется, социализм от этого ничуть не пострадал, но мне стало очень досадно, что столько ума, знания, таланта, мастерства было истрачено исключительно на памфлет, в сущности говоря, безобидный и обывательский.

Еще я читал в каком-то романе другого автора ⟨*зачеркн.:*

Б. Пильняка⟩, что Маркс не понял самого главного и ошибся, построив свою систему на одной еде, потому что инстинкт размножения — фактор не менее важный, чем голод. Вспомнив еще несколько современных произведений, напр., Никитина, описывающего подробно процесс рукоблудия, я решаюсь сказать, что у молодых авторов эротическое чувство упало до небывалых в русской литературе низов, и вспомнилась мне большая дорога нашей печальной страны, и по дороге едет обоз, впереди на солнце блестят кресты церквей, звонят к обедне; не пропустили мужики звона, перекрестились, но и заметили, что из города навстречу им бежит собачья свадьба, и один сказал: «Вот кобели за сукой, а мы, братцы, за какою сукой бежим?»

Правда, я спрашиваю вас, братья писатели, за какою мы сукой бежим?

Посмотрите на человека, он срывает с земли ароматный простой цветок и подает его своей возлюбленной, царь Давид пляшет, Соломон поет Песню песней, и страницы Вечной книги наполнены благоговейной связью умноженного, как песок, поколений семени Авраама.

Почему же вы, молодые русские писатели, дети революции, вчера носившие на своей спине мешки с картошкой и ржаной мукой, бежите, уткнув носы в зад, как животные в своих свадьбах.

И вы, положившие свою душу на проповедь учения Маркса в России, почему вы только грозитесь закрепить, а не войдете внутрь дела и оттуда не разъясните невеждам, что Маркс вовсе не был так глуп, как думает Б. Пильняк, и не одним только половым ⟨*2 нрзб.*⟩ русская революция, если взять ее ⟨*1 нрзб.*⟩.

Вот что я думаю: конечно, жизнь наша движется по волнам эроса, но сила этого эроса тем больше, чем меньше мы о нем думаем. Едва ли много похоть своей жизни отдают в дань эросу, но кто размножается, ⟨*6 нрзб.*⟩ не разукрасил его поля и луга.

Попробуйте сам не смотреть в зад эросу, выбросьте даже совсем из романа женщину — и увидите, какой напряженной силой целомудренного эроса будут дышать ваши страницы романов без женщин. Вот так вы и на «Капитал» посмотрите с этой точки зрения, прочитайте его еще раз внимательно — и увидите, в какие священные чугунные стопудовые гири тут собрано семя Авраамово.

Не знаю только, можно ли это видеть без практики? Я видел это в юности, когда увлекался марксизмом до полного самопожертвования. Замечательно, что все мои товарищи, читавшие с рабочими по десяти раз «Капитал»,— люди страстные по натуре, все как бы молчаливо дали обет целомудрия, и, если сходились с женщинами, то тут же и женились, топя эрос в чувстве семейности. И еще замечательно, что наша пропаганда среди рабочих «Капитала» кончилась разгромом рабочими в Риге всех публичных домов. Вспоминаю, разбираю и думаю, что, значит, в этом видимом на поверхности интеллектуализме

«Капитала» были и сексуальные проблемы внутри с культом женщины будущего.

Я знаю, что то же ⟨*не допис.*⟩... погрузитесь, и вы найдете себя в пустыне, где нет ни жизни, ни цветов, но зато с неба смотрят на вас звезды, налитые кровью, и где-то в чугунные стопудовые гири собралось семя Авраамово.

Мутный едет Дон-Кихот на коне за своею Прекрасною Дамой, он стар, и никогда ему к ней не доехать.

Прыгает от женщины к женщине Дон-Жуан, прекрасный тем, что он то умирает, то воскресает, неустанно стремясь к погибели и презирая ее. Прекрасная Дама и ему не достанется.

Но Прекрасная Дама приходит неузнанной, неведомой никому подругой в таинственной чудесной жизни, и о ней поет, как о прошлом, поэт в минуту утраты, воскрешая ее истинный образ в наших сердцах.

Так вот этот мир молчания напряженного пола, неведомой тишины обрывают лишь стуки молотка и крики погоняльщика в те стены, на которых написано: «Посторонним вход воспрещается». А за стеной этого девственно-напряженного мира все уже кончено: там в золотую куколку обращается все: и любовь, и дружба, и поэзия, и Прекрасная Дама там продается за деньги.

Так мы, юноши эпохи появления в России первой марксистской книги Плеханова, приняли «Капитал», почему же иначе его понимают в обществе, где в каждом городишке отлита из гипса голова Маркса? Вот странный вопрос, уводящий, если хорошенько подумать, в бездну сомнений.

Есть еще, как я считаю, гениальный и остроумнейший писатель, за которого я хочу заступиться: он мог писать и о рукоблудии, и подробно описывать свои отношения к женщине, к жене, не пропуская малейшего извива похоти, выходя на улицу вполне голым,— он мог!

И вот этот-то писатель, бывший моим учителем в гимназии, В. В. Розанов, больше чем автор «Капитала», научил, вдохнул в меня священное благоговение к тайнам человеческого рода.

Человек, отдавший всю свою жизнь на посмешище толпе, сам себя публично распявший, пронес через всю свою мучительную жизнь святость пола неприкосновенной — такой человек мог о всем говорить.

Вот и Б. Пильняк ⟨*2 нрзб.*⟩ хочет сказать, как Розанов, но, как обезьяна, он говорит, и так только у Розанова ⟨*1 нрзб.*⟩ пол, все так благоухает ароматом цветов, а у Пильняка наше отечество и наша надежда (революция) «воняет половым органом».

Почему это так? вот второй странный вопрос.

Странный?

Очень, потому что это беспутные наследники расточают богатство отцов, а у меня все сердце об отцах изболелось.

Земля наша вся растрескалась, покрылась оврагами, рождая великих людей, наших отцов, земля устала, мы, наследники величайших творцов духа, должны вернуть земле ее утраченное, а мы об этом не думаем и сами все метим в великие люди.

А что получается?

Вижу большую дорогу нашей печальной страны, и по ней едет обоз, впереди на солнце блестят кресты церквей, звонят к обедне; мужики звон не пропустили, перекрестились, но и заметили, что из города навстречу им бежит собачья свадьба, и один, подумав, сказал: «Кобели за сукой бегут, а мы, братцы, за какою сукой бежим?»

И я тоже спрашиваю вас об этом, братья писатели, за какою сукой бежим?

24 Декабря. Христос как данное из пережитого, церкви, родины, культуры, семьи — что это? Слова матери: «Не знаю, а мне кажется, Христос был очень хороший». Клавд. Вас. сказала: «А мне кажется, что нет лучше... что может быть лучше русского человека? ха-ар-рроший человек». В этом Христе все, что привыкло, смирилось, помирилось, сошлось в чем-то, тут много жалости, сострадания, милостыни и «по человечеству».

Импровизатор Зубакин Борис Михайлович:

А там, на севере, олени
Бегут по лунному следу,
И небеса в своих коленях
Качают нежную звезду.

25 Декабря. Именины Разумника — читал ему «Раба».

Зеркало — все погубило: какая-то надмирная женщина (звезда) — одна, она родная, но она и надмирная, это не просто женщина, женщина с кривыми чертами лица, и только глаза прекрасные — женщина, товарищ и друг, а если просто женщина, за которой ухаживаешь и которая достается на счастье этой жизни,— тут зеркало и губит: ты не такой, как все, и она тебе не достанется!

26 Декабря. Читали изумительную пьесу В. Гиппиуса. Мысль ее: путь человеческого рода, начиная от семени Авраамова, движется жертвою: человек жертвует и тем продолжается. Самое близкое человеку, его любовь, приносится в жертву Богу, и за то род продолжается по пути создания существа, которое в состоянии всем пожертвовать и соединить в духе с Богом весь род человека и тем кончить путь. От времени Авраама автор пересматривает материалы жизни в двух образах: св. Девы и жены. Так он подходит к Иосифу Прекрасному, который поддается соблазну, обрывает жертвенное излияние семени, насыщает народ хлебом и становится не рабом Божиим, а вождем материальных вожделений народа. Это произведение — первая (единственная) попытка стать на вершину пирамиды современности и так посмотреть sub specie aeternitātis [1].

Мистерия была прочитана в обществе людей, бесконечно

---

[1] С точки зрения вечности (*лат.*, выражение из «Этики» Спинозы).

потерявших всякое религиозное чувство, совершенно растерявшихся, заблудившихся своей эмпирической индивидуальностью, разбитой, разорванной на клочки жизнью. Были такие, что дико рычали, как собаки, воющие на луну от тоски, рычат, когда слышат приближение шагов человека. Были ученые, смиренно ломавшие голову над решением какой-нибудь трудной шарады. Были самодовольные московские, которым нужно, чтобы вынь да в рот подай.

В этой вещи все изумительная, сила чувства, интеллект, талант, мастерство, и только нет чуда такого, чтобы мы, мертвые, пробуждались. Рев этих мертвых был так силен, что и меня заразил, и негодование кипело у меня в душе — на кого, на что? Я не знаю.

Любовь к девушке длинно-томительная окончилась совокуплением, и девушки больше не стало. А любовь к женщине, случайная, короткая, превратилась в настоящую любовь на всю жизнь, потому что понравилась, захотелось еще к ней прийти, привязалось, и стало жалко бросить друга.

Разумник любит в Мстиславском перманентного революционера, то есть человека, который сегодня говорит «нет», и завтра «нет», и послезавтра «нет», и никогда не складывает это «нет» в сумму. «Нет!» — чтобы на нем отдохнуть и повластвовать.

Я влюбляюсь, Разумник любит, Мстиславский не любит, поэтому: я — художник, Разумник — моралист, Мстиславский — революционер (редакция «Основ»).

А Ольга Форш — чумичка и кривляка.

Власть является у людей, когда они делают не свое дело (заключение по поводу председательства Мстиславского на чтении пьесы Гиппиуса),— а свое дело есть и Божие дело, не свое дело — не Божие. Человек власти — всегда ограничен. Если люди понимают друг друга, то исчезает и то, что отличает власть — насилие одного над другим. Понимание дается вниманием, внимание — любовью.

В эту ночь мне хотелось устроить остальную свою жизнь где-то в столичной келье, в ней отказаться навсегда от всякой мечты о своем счастьи (чтобы и мысль не приходила в голову) и открывать сокровища любви, скрытые в разных незаметных личностях.

Хорошая тема: люди возле книги, те святые слуги культуры, перенесшие свое религиозное чувство в дело культуры (вот почему человек-убийца пошел теперь вместо монастыря в университет).

1-й пример: Степан Ильич Синебрюхов из «Колоса».

(Анкета: прошу вас вдуматься поглубже в те жизненные обстоятельства, которые привели вас к занятию по книжному делу, и дать ответ автобиографически.)

КОММЕНТАРИЙ

Начало 1920 г. застает Михаила Пришвина на родине в Ельце, где он работает вначале библиотекарем, а затем преподавателем словесности в бывшей Елецкой мужской гимназии (из которой был исключен в детстве). В июне он уезжает в Смоленскую губернию, на родину жены, где снова учительствует и занимается организацией музея усадебного быта в бывшей усадьбе купцов Барышниковых в селе Алексино Дорогобужского уезда. Бытовая жизнь писателя в это время исключительно трудна. Дневник не только остается единственной формой его литературной работы, но и тем единственным, что связывает его с жизнью («Мои записочки в эту книжку — последние признаки жизни»).

В 1920 г. изменяется масштаб осмысления Пришвиным революционной действительности. Если в 1918 г. революция обсуждается в дневнике как социальная катастрофа, которая ведет к уничтожению всех форм материальной и духовной жизни, а дневник следующего, 1919 г. представляет собой, может быть, уникальную попытку художника найти выход — творческий и экзистенциальный, актуализируя традиционные принципы старой культуры, то в конце 1919 г. становится очевидным, что преодолеть трагедию реальной жизни ему не удается.

В дневнике 1920 г. Пришвин выявляет глобальные процессы, которые охватили весь мир и получили в России после революции небывалое ускорение: уничтожение девственной природы, гибель культуры, распадение человека. Он рассматривает теперь революцию с точки зрения судьбы культуры, в контексте кризиса гуманизма в целом («весь христианский мир в тупике»).

В дневнике продолжается диалог с Александром Блоком, начатый в 1918 г. полемикой по поводу статьи Блока «Интеллигенция и революция». В 1919 г. в докладе Блока «Крушение гуманизма» (опубликован в 1921 г.) получает дальнейшее развитие органическая концепция культуры, отождествляющая природу и культуру («Культуру... несет на своем хребте разрушительный поток»). Пришвин, выключенный из столичной литературной жизни, касается того же круга проблем.

Так же, как и Блок, Пришвин рассматривает революцию как следствие нарушения равновесия между природой и культурой, однако соотношение природы и культуры у них различно. Для Блока важен пафос могущества природных стихий, природа для него — источник творчества и мощная творческая сила. Понимание природы у Пришвина более дифференцировано: природа может обернуться и оборачивается своей деструктивной стороной, ее победа становится началом космического разрушения. Революция связывается с идеей уничтожения культурного начала и победой стихийного, разрушительного. Эта идея выражена в дневнике в образе зверя: революционная стихия не только несет в себе

принципиально внекультурное начало, но и приводит к обнажению страшной внутренней природы человека («революция — освобождение зверя от пут сознания»).

В поисках истоков захлестнувшего жизнь «стихийного зверского начала» Пришвин обращается к глубинам народного сознания. Надо сказать, что в разные годы в дневнике, начиная с раннего (1905—1913), Пришвин отмечает характерное обращение народной души к идее самобытной автономной жизни: сознание, претендующее на самодостаточность, не только в определенной степени агрессивное всякому культурному построению (науке, книге), но и принципиально независимое от традиции, культуры, веры. Тема возвращения к «давно забытому старому древнему», «к вопросам первобытных времен» появляется и в дневнике 1914—1917 гг. Революция обнажила это начало, лежащее под культурной оболочкой и сдерживаемое культурой. Пришвин видит в борьбе с культурой соблазн русского сознания идти своим путем, обойти культуру, пренебречь ею, видит неизбывную мечту о самобытном пути России. Теперь, в начале 20-х гг., он записывает: «Существующее положение: организация воров и разбойников, отстаивающих самобытность России».

Писатель обнаруживает в современности воспроизведение мифологического сюжета, связанного с представлением о табу на убийство зверя («зверь, убитый в природе... переселяется в душу человека»). Он понимает, что зверь был хорош как оппозиция культуре («культура вопросы ставила, и мы к зверю шли за ответом — зверь все знает»), однако в контексте русской революционной действительности образ зверя указывает скорее на недостаточность прежней культуры, которая оформляла внешнюю жизнь, забыв о внутренней природе человека. Происходит выплеск животных сил, уничтоживших весь культурный слой — в дневнике возникает целый ряд образов: свинья, бесы, обезьяна как проекция человека в природу («Горилла вырвалась из клетки»). Сама логика развития культуры приводит писателя к необходимости понять и объяснить причины нарушения гармонии между человеком и природой. По Пришвину, развитие культуры не внесло принципиальных изменений в первобытный характер связи человека с природой («Почему наш крестьянин не сажает деревьев — он боролся с лесом и сейчас борется: лес — бес»). Человек продолжает видеть в природе «могучего, страшного противника», что с неизбежностью ведет к уничтожению природы («как давно мы покорили природу, загубили леса, распугали, разогнали птиц и зверей»). Революция стала мощным катализатором этого процесса («в один-два года эта могучая пустыня покрылась паутиной исполкомов «организованного пролетариата», лес, вода, земля — все изгажено»).

Пришвин видит, что происходит не только «поглощение» природы человеком («только в ранние утренние часы еще можно подслушать ее... понять то прекрасное, что осталось еще вне человека»), он обнаруживает параллельный процесс нарастания зла в самой человеческой природе («ты, человек, покоряешь природу и воспитываешь в себе небывалого зверя, имя которому Легион»).

Новый статус природы («теперь природа умоляет о защите», «она как малое дитя») требует глобального изменения в отношении к ней

человека — требует культуры. В современной России история идет вразрез с этим требованием («разрыв с общемировой культурой и остановка»), и на этом фоне «европейская мещанская культура» оказывается единственной культурной традицией, противостоящей разрушению.

В 1920 г. Пришвин большое внимание уделяет анализу государственной власти, характер которой определяется природой революции («кто взялся за государственную власть, должен действовать и как животное, и как зверь»). Новая власть, провозгласившая идею служения человеку и построения прекрасного, гармонического общества, на деле лишь бесконечно углубляет кризис гуманизма и отдаляет «мечту поставить человеческое дело над государственным» («гуманизм... остается в воздухе как апокалиптическое пророчество»).

Надо сказать, что Пришвин далек и от идеализации монархии. Он отмечает преемственность между старой и новой властью в России («насилие над обществом совершается в одинаковой мере»), между крестьянской общиной и коммуной («коммуна есть детище общинной деревни»). Этому писатель противопоставляет не укладывающееся ни в какое государственное устройство «отличие... каждого Ивана от другого», неисчерпаемость и богатство личности, которая, «отдавая Кесарю должное», принадлежит иной силе — «Бога истинного мира». Пришвин полагает, что принципом организации государства должно быть не насилие, а охрана собственности, в которой выражается индивидуальность («чувство страха за свое и потребность оберегать его создает государство»). Новая власть, аккумулирующая все хаотическое, деструктивное, становится преступной, и мотив преступления связывается с Достоевским: Пришвин в это время читает роман за романом («Пересмотреть всего Достоевского для уяснения Ленина»).

Хотя новая власть для Пришвина абсолютно неприемлема и враждебна ему («Коммунизм — это система полнейшего слияния человека с обезьяной»), он не может не видеть, что идеи коммуны глубоко проникли в народную душу («Существует представление о настоящем большевике», «дали хороший идеал коммуны, только не выполнили»). Одну из причин этого Пришвин видит в склонности русской души «создавать легенду, обманываться — заменять Христа Антихристом». В дневнике 1914 г. творчество легенды связывается с категорией женского, со стихией бессознательного. Теперь легенда относится к сфере мужского творчества и оборачивается утопией («Сказка о голоде — это сытая коммуна», «создадим теперь новую величайшую сказку о голоде»).

В результате культурной катастрофы утрачивается идентичность личности («я — не я»), происходит распад субъекта культуры и тем самым уничтожается сама возможность существования культуры, основанной на свободной личности («свободная личность получила отставку без пенсии»). Пришвин не умозрительно постигает результаты разложения человеческой личности на всех ее уровнях, а чувствует и переживает это лично («почему нет дела и все стоит... я не может быть не я ни одного мгновения, если оно не я, то и спросу быть не может»). Писатель более не чувствует себя деятелем культуры («я — вполне краснорядец, возвратился в лоно отчее») — возвращение «к отцам», как и любая регрессия в прошлое, невозможна, так как приводит к утрате культурного статуса.

Распадение личности становится звеном в глобальном процессе распада целого, который писатель наблюдает в России начала века и о котором пишет и в раннем дневнике, и в своей книге «У стен града невидимого. Светлое озеро» (1909). Этот процесс, связанный с ростом индивидуальной свободы, не компенсировался в России ростом общественных связей, приводил к освобождению глубинных природных инстинктов человеческой души и возвращению к мифологическим схемам поведения, к архаическим, примитивным формам жизни.

Народное и сектантское сознание начала века поражало Пришвина разделением на плоть и дух, жизнь земную и небесную, так, что одно не мешало другому. После революции этот же процесс дальнейшего дробления («разделение в самом человеческом») приводит к полному умалению личности: трансформация человеческой души становится условием возможности жить («у них души нет, и оттого они действуют», «души давно умерли», «душа, как холодная печь»). Речь идет о гибели фундаментальных ценностей христианской культуры; размываются и опровергаются самой жизнью ее основные принципы, повсеместно побеждает сознание левого разбойника — сомнение или неверие («если ты Сын Божий, спаси себя и нас», «неверие — состояние души», «Храм забит»). Революция становится вехой в процессе «крушения гуманизма», и в дневнике 1922 г. писатель уже подводит этому некоторые итоги: «Кризис гуманизма? — почему? Потому что он не может. Выход из всякой беды — дело».

Жизнь становится тем критерием, с точки зрения которого подвергаются сомнению основы культуры, выявляется ее внешний, формальный характер («жизнь существует вопреки логике»). Введение критерия жизни, формально не определяемого, указывает на разочарование в рациональном характере старой культуры: она сдалась под напором жизни, и результат не замедлил явиться («В наше время царит обезьяна, осуществляющая идеалы Христа»), а на месте личности обнаруживается «социальная вошь с теорией классовой борьбы».

В этой связи в дневнике воскрешается дух Розанова с его «страшными» вопросами к христианству и христианской культуре («Может быть, Евангелие — самый страшный губитель жизни»). Пришвин развивает розановскую традицию в литературе, ориентирующуюся не на уход от действительности, а на реальность разлагающегося бытия и поиск современным сознанием ответов на вопросы, поставленные жизнью («не задумываясь, я дал бы пощечину тому, кто сказал бы мне, что «не единым хлебом жив человек»).

В свете совершившейся трагедии переосмысляется как классическая русская литература («ну, Толстой, Достоевский? Ну, Пушкин? вставайте же, великие покойники, какие вы в свете нашего пожара, и что есть у вас против него»), так и литература начала века («Символисты утратили чувство жизни»).

В это же время Пришвин обращает внимание на два основных мотива русской жизни, которые также подвергаются трансформации. Первый из них традиционно связывается со странничеством («постранствовать... Богу помолиться.... попытать счастья на новых местах»), второй — с возвращением в отчий дом («вернуться в дом родной, к родному уюту и сесть на доброе дело» — ср.: Г. П. Федотов «Русский

человек»). Судьба России и русского человека, как уже не раз в дневниках Пришвина, соотносится с евангельской притчей о блудном сыне.

Пришвин понимает, что революция не просто разрушила жизнь — произошло уничтожение географического пространства России («будто частая сеть накинута на все это пространство... окна выбиты, двери растащили... один прохожий остановился на углу, помочился, другой за ним остановился... поганое место»).

Один из важнейших символов дома — наполненность бытием — меняет знак на противоположный: наполненность небытием («мой флигель стоит в глубине двора по-прежнему... ничего ему не будет, и он есть ничто»). Оппозиция бытия и небытия выявляет метафизический характер происходящего.

Тем не менее именно в эти годы Пришвин, лишенный дома в прямом смысле слова — в Хрущеве и дома в России, приходит к ясному для себя выводу, что родина — такая, какая она теперь есть, — все равно его дом. Несколько необычно для себя, скорее по-розановски, отмечает он в дневнике, где пришла ему в голову эта мысль: «Возле Кремля. Казалось, я пролетарий, у которого нет ничего, и вдруг представилось, что не добровольно, а насильно я должен покинуть родину, и оказалось, что родина — дом мой, и мне предстоит новое разорение».

Задача поиска и обретения дома связывается с исторической судьбой России; речь идет теперь не о доме, данном человеку в обжитых пространствах своей родины, как было прежде, а о доме соз-данном — жизнь поставила задачу обретения, а в конечном счете, может быть, спасения дома, природы, родины.

Анализ категорий дома, пространства и времени связан с попыткой осознать новое положение человека в мире. Рушится вселенная как нечто родственное и понятное человеку: понятие дома лишается содержания («пустое межпланетное пространство, пустое время, пустые дома»). Разрушение пространства и времени, так же как и распад личности, разрушает творческое основание жизни и саму возможность творчества («Наша жизнь безобра́зна — безо́бразна»).

В форме революции шел в России процесс распада традиционного общества — до уничтожения не только последних основ жизни, но и самого мира как целого («падают на землю старые небеса»). В этом контексте очень важным оказывается архетипический образ материродины, возникающий в дневнике. Сначала это сновидение, в котором в некоем мистическом единстве появляется мать, географическая карта и «внутренность чрева земли», а затем весь род преобразуется в равнину («И мать моя, и родня вся лежит как равнина»). Спустя некоторое время мотив родства, возникший во сне, развивается, и Россия, тоже умершая, оказывается в одном ряду с умершими родными («мои покойники родные начинают связываться со всей покойной Россией»). И под историческим развитием России подводится какая-то незримая черта («Россия-Эллада»), она становится идеалом далекого, невозвратного прошлого, то есть осмысляется как утраченная родина («Россия кончилась действительно, и не осталось камня на камне», «мы холостые граждане, у которых нет больше отечества»).

В дневнике этих лет подспудно развивается тема реабилитации понятия интеллигенции, обозначенная уже в предыдущие годы.

Пришвин, который пережил в молодости духовный переворот, связанный, в частности, с осознанием роли интеллигенции в русской истории и отделением от интеллигенции себя («я не интеллигент»), видит, что теперь, в обстановке складывающейся диктатуры атеистического государства, объективно возникает необходимость оппозиции власти: срабатывает некий закон духовной жизни, по коему именно русская интеллигенция, которая на протяжении своей истории всегда находилась в духовной оппозиции к власти, снова оказывается в своей исконной роли.

Еще в первые послереволюционные годы Пришвин отмечает расслоение в среде интеллигенции. Теперь оно оказывается принципиальным: интеллигенция, борющаяся за власть, соединилась с низшими слоями общества («нужны были особые условия для отвлеченной мысли, чтобы русский интеллигент подал руку уголовному»), а творческая интеллигенция причем она становится качественно иной («Теперь больше нет интеллигенции: она превращается в специалистов») — компенсирует явление зверя в новом обществе. Даже пресловутый атеизм интеллигентного человека перестает быть абсолютным («и вдруг у неверующего интеллигента православный порыв — откуда это?»). К этому он сам тоже причастен («В утренней молитве скрыта вся сила грядущего дня»).

В тексте дневника 1919 г. важную роль играет мотив молчания, с которым связан образ сфинкса («народ сфинкс»). В России традиционно носителем молчания, таящим в себе Слово, был народ. Теперь народ заговорил, причем заговорил варварским, первобытным языком («взяли верх самые дерзкие и заставили молчать всех других»), а интеллигенция замолчала («ни одной песенки не спето»). Революция оказывается гибелью природы, родины и народа — органической целостности, тождественной понятию России. Народ как носитель материального начала погибает, то есть оказывается втянутым в разрушительный поток революции. И этому писатель находит причину в недостаточности старой культуры («ему [народу — *комм.*] не хватает чувства вечности (небо)»). Хранителем духовных основ жизни становится интеллигенция («новый сфинкс», «сфинкс интеллигенции, может быть, что-то есть в ее молчании»).

В начале 20-х гг. Пришвин выступает в дневнике как историк культуры, отражая объективно ситуацию, в которой культурная история определяет жизнь каждого человека и России в целом.

Историческому процессу Пришвин находит аналогию в фундаментальных законах бытия. Он соотносит происходящее с онтологическим законом космической жизни: за революцией стоит нарастание хаоса, энтропии, и этому противостоит космос как явление личности, нарастание отличия, сложный порядок. Космос для человека утрачен — все внешнее разрушено, и мир теперь не пространство, где человек жил, мир становится более субъективным. На пустом месте начинает писатель поиск пути — для «морального человека», которому в революции «нельзя участвовать», для художника, для жизни в целом («начать что-то совсем новое, как будто нет и не было прошлого и только вечно новое начало жизни»). Это чувство жизни связывается у Пришвина с весной — вечно новым началом года.

Но речь идет не только о поиске пути в этом мире, но и о самом человеке. Роль человека во вселенной, весь смысл его существования заключается в противостоянии хаосу. Между тем выплеск мощных хтонических сил — выявление страшной внутренней природы человека — приводит к небывалому усложнению личности, смешению двух разнородных начал («обезы и челозы»), нарушению гармонии внутри человека. Вопрос о новом человеке, о сознании новой сложной личности стоял объективно («крушение гуманизма»), новая культура требовала нового идеала человека, реальной была потребность в новой концепции личности, которая у Пришвина вытекала из принципа ее органического роста. Из-за разрушения всех связей («Россия — клубок оборванных нитей») и враждебности окружающей среды личность уходит в себя и поиск человека обращается к глубинам собственного «я» («иногда пытаешься уйти в такие слои своего Ego, где действительность не властна»). Речь идет о новом типе человека, являющем собой образец строительства культуры внутри себя.

В этом свете понятен тот интерес, который испытывает Пришвин к философии Бергсона и Джемса, с их обращенностью к внутренней жизни человека и деятельному, прагматическому началу в нем («думал о прочитанном вчера у Джемса, о потоке сознания, и параллельно этому мне пришло в голову, что в сущности наш XIX в. был всецело занят исследованием внешнего мира, можно предполагать в результате этого нагромождения материальных ценностей пожар их (война), страшный духовный бунт (внутренняя сущность социализма) — все это в XX в. обратит ум человека внутрь себя», «Чтение Бергсона и Джемса... научные открытия путем интуиции. Не знаю, верно ли учение прагматизма, но я, не зная этого учения, именно им пользовался», «почему... повседневное называется низшим? не вся ли это тема революции»). В дневнике идет переосмысление интуитивизма и прагматизма, которые в первую очередь привлекают Пришвина тем, что вводят в философию понятие жизни как первоначальной реальности, некой органической целостности. Для Пришвина в это время жизнь — тоже единственная реальность: утрачена личность, но не утрачена радость жизни («Кто отымет у меня эти часы? какая власть, какой труд, какие заботы, голод — нет ничего на свете такого, чтобы лишить меня этой единственной радости»), не утрачено чувство ее абсолютной значимости.

В дневнике возникает целая гамма первичных интуиций о жизни — утрате и возрождении («может быть, идея бессмертия возникла как обобщение чувства жизни — рода, что один умирает, другой рождается», «Весна — вечно новое начало жизни»), об утре как рождении дня, о свете как рождении весны. Отношение к метафизическим глубинам бытия определяется переживаниями, связанными с понятиями жизни и природы («С природой возвращаются в жизнь краски и свет»).

Пришвин полагает, что новая культура должна строиться на иных принципах отношения к природе нового сложного субъекта. Культурная традиция, в которой природа была образом человеческих страстей, не смогла преобразовать их, и они отразились на природе и на душе человека. У Пришвина начинается разоблачение этого реликта мифологического сознания. Культура склонялась к внешнему нормированию

жизни и вела к разделению на плоть и дух. В ней самой таился обман, который позволил человеку в конце концов уничтожить эту невинную природу и вырастить зверя в себе. Писатель отказывается от понимания природы как носителя низкого, зла, небытие оказывается не вовне, а внутри человека. В понимании Пришвина происходит отделение человека от природы. Мир человека и мир природы в дневнике противостоят друг другу, причем вину за это, вину за кризис культуры Пришвин возлагает на человека («мир здоров — я болен»).

В связи с понятием жизни возникает в дневнике и вопрос о бессмертии («Бессмертие есть самочувствие жизни», «жизнь есть горение, во время которого показывается бессмертие и Бог»). Проблема бессмертия рассматривается как фундаментальная проблема, первичная составляющая новой картины мира. Для культуры важно не то, как решает ее религиозное сознание — в религиозном сознании она решена, важно, как решается она в конкретной культурной ситуации. Пришвин обращается к такому качеству жизни, где смерти нет («один умирает, другой рождается; так юноша живет как частица бессмертной жизни, и вдруг его укололо, и он разорвался с чувством бессмертия жизни, и тут возникло «Я — смертен» и после переделалось: «все смертно — я бессмертен»). Встает вопрос о дискретности и непрерывности мира. Жизнь непрерывна, ее суть не время, а длительность — трансформация идей Бергсона в осмыслении культурной и исторической ситуации в России очевидна. Смерть существует с точки зрения сознания, а с точки зрения самого жизненного процесса смерти не существует («Мать, заготовляющая сундук для приданого дочери,— бессмертна, а сын, сказавший «я — есмь!», смертен»). Эта непрерывность возможна в природе и в душе человека. Природу Пришвин осмысляет теперь как Божий мир и обнаруживает в природе процесс, также осуществляющий борьбу за бессмертие, совпадающий с культурным («опушки старых лесов покрыты, как щеткою, молодою порослью: старые передали молодым дело борьбы за жизнь, и молодые так живут, будто они родились совершенно бессмертными»). Это соединение происходит в сознании личности («Идея бессмертия — это личное сознание мировой борьбы за существование, это сознание личности»).

На новой глубине сознания писатель ищет такое равновесие между природой и культурой, в котором природная составляющая будет реабилитирована — в этой точке и произошел «бунт обезьяны». Речь идет не о смене мировоззрения, а об изменении всей картины мира и поведения человека в нем. Пришвин осознал, что природа, которая внутри человека,— это не та природа, которая вокруг нас, что нельзя нагружать ее грехами человеческими. Теперь он увидел природу в родстве и саму по себе, природа становится для него равным партнером, а отношения человека с природой — более бескорыстными, из них уходит борьба и «взять от нее...». «Никогда не был так близок к природе» в этом контексте означает скорее, что так он ее никогда не видел — без человека («Как хорошо уехать из города и не видеть, и не слышать человечишка», «И так он противен, человечишка», «Чистик прекрасен тем, что недоступен вторжению человеческих хищников»).

Хотя ситуация в России в значительной степени осложняется тем, что кризис гуманизма разрешился здесь в крайней форме революции,

которая безжалостно смела культуру в целом, Пришвин полагает, что смысл культурной истории искажается не только гибелью культуры, которую в начале века все предчувствовали, и даже не столько формой этой гибели, сколько идеологией, ложью революции («Если бы говорить правду, то гибель назвать гибелью, распад распадом, то этот путь бы привел к Богу»). Однако происходит противоположное: «правда становится виноватой» («Почему вы молчите, когда слышите, что лгут и ложью вызывают на кровь, и затыкаете себе уши и вовсе уходите прочь со сборища, или правда может быть виноватою? Виноватая правда»).

В начале 20-х гг. обозначается сосуществование двух культур в России, причем пути строительства подлинной культуры и официальной советской, которая создается новым государством, расходятся принципиально. В частности, советская культура опирается на старый принцип отношения к природе («взять все у нее наша задача»), который становится основополагающим и осуществляется в рамках варварского, бескультурного мира. Советская культура усваивает не только прежнее отношение к природе, но и к культурному наследию — к «отцам» («это беспутные наследники расточают богатство отцов»). Противоположная советской подлинная новая культура, по Пришвину, требует переосмысления всего, связанного с идеей «разрыва с отцами» («у меня все сердце об отцах изболелось»). Однако у Пришвина не возникает тоски по прошлому, он думает о каком-то новом синтезе культуры, опираясь все на тот же принцип оправдания жизни («прекрасная дама приходит неузнанной, неведомой никому подругой в таинственной чудесной жизни», «это мир молчания напряженного пола, неведомой тишины»). Задача современной литературы, по Пришвину, вновь вытекает из понимания писателя как «наследника величайших творцов духа», однако поворачивает его к земле («мы... должны вернуть земле ею утраченное»). В этом контексте вновь актуализируется розановская традиция в литературе начала века, значение его «священного благоговения к тайнам человеческого рода», к «святости пола неприкосновенной» — к жизни. А утрата чувства жизни, которую Пришвин отмечает у символистов, получает неожиданное парадоксальное развитие в советской литературе («у молодых авторов эротическое чувство упало до небывалых в русской литературе низов»).

Потребность создания нового человека была задействована большевиками, но не путем созидания и творчества, а путем насильственной экспансии в человеческую природу с целью ее тотальной переделки («Диктатура уничтожает в России все следы гуманизма и демократии»). Такая установка сокращала богатство человеческой натуры, уничтожала жизненное начало в человеке. Мощное желание жить, жизненная активность, накопленные в народе, были максимально использованы большевиками во время революции и потом в разные периоды методически уничтожены. Пришвин осознает сосуществование двух моделей мира в послереволюционной России.

В 1922 г. в дневнике появляется традиционная для русской литературы тема «маленького человека», но разрешается она также в рамках новой картины мира в связи с процессом жизни. Пришвин имеет в виду не того «маленького человека», которому противостоит человек общественный и величина которого определяется ролью в обществе.

В центре внимания писателя человек жизни, до которого «нет никому дела»,— он становится героем писателя («не дам я тебе от нас исчезнуть, живи, любимый человек!»).

Гибель России создает новую ситуацию для русского человека: идет свертывание большого чувства родины, оно уходит вовнутрь, превращается в точку в душе человека, в ту точку земли, где он живет, в точку приложения его труда, через которую «можно провести его личный меридиан и его личную параллель по всему земному шару» («надо работать в исходной своей точке», «изба — лаборатория жизни»). В дневнике появляются мысли о краеведении («Каждый может заниматься краеведением, тот каждый, кто любит свой край...»), краеведение рассматривается как наука, направленная «на улучшение породы самого человека», осознавшего, что место его жизни и труда лежит на пересечении «меридианов и параллелей всего земного шара».

Пришвин не только философски осмысляет ситуацию и умозрительно нащупывает выход из нее. В этом пустом пространстве, в стране погибшей, где царят беззаконие и ложь, писатель начинает различать жизнь («Россия пустыня, покрытая оазисами», «приходит в голову, что и сейчас, может быть, есть огромная неизвестная мне область жизни, полная тайн»). В России, где «от интеллигенции остались только черные пни», он обнаруживает, что «озимь всходит... холодная, строгая озимь, зеленеющая, несмотря на зиму»,— без сомнения имеется в виду та «зима истории», которую он увидел в России 1919 г. И один из его учеников, поступивший в Москве учиться, «может долго не есть, не спать, читать Достоевского... крепкий, как озимь»,— изменения связываются с образом озими, прорастающей благодаря силе жизни, заключенной в зерне. Жизнь пробивает себе дорогу по-разному («эта глупая беременная баба пошла в Укомпарт, там только взглянули на Пузо и удовлетворили ее даже несправедливую претензию (выгнали меня из флигеля и посадили Пузо рожать)»), но пробивает неуклонно. В дневнике начала 20-х гг. в пришвинской оценке жизни уже нет безысходности, а есть трагедия и человек, стоящий перед изменением своей судьбы («тайна жизни связана с индивидуальностью», «Я больше революции», «Сегодня я проснулся с мыслью о возрождении»). Мысли «о возрождении» не вызывают у писателя ни успокоенности, ни надежды на кардинальное изменение окружающей действительности или приятие ее («Часто приходит в голову, что почему я не приемлю эту власть, ведь я вполне допускаю, что она, такая и никакая другая, сдвинет Русь со своей мертвой точки, я понимаю ее как необходимость. Да, это все так, но все-таки я не приемлю»). Отныне история власти и страдающей личности становится главной темой его творчества до конца жизни («если даже мне удастся совершенно очистить свою душу от эгоизма, у меня останется одна тема: Евгений из «Медного Всадника»). Отказ от жизни — вот принцип большевизма, не приемлемый для Пришвина («рассуждая книжно, принципиально, они пропускают то малое, живое, природное, без чего жизнь не в жизнь»).

Как происшедшая катастрофа, так и выход из нее обсуждаются Пришвиным в контексте судьбы культуры. Культура разрушена, но культурная память сохранилась в отдельных личностях. Жизнь ориентирована на отдельную личность, которая автономна и содержит в себе

все — в ней собирается воедино все богатство, созданное мировой культурой («Культура — это мировая кладовая прошлого всех народов и того именно прошлого, которое входит в будущее и не забывается»).

С этой точки зрения понятна и эклектичность дневника писателя. Это не оттого, что мировоззрение не продуманно — напротив; дело в том, что в дневнике актуализируется целый ряд образов мировой культуры, используются противоположные по идейному содержанию философские системы, на страницах дневника идет диалог с Блоком, Розановым, Достоевским, Джемсом, Бергсоном, Герценом, Бёме. Их произведения Пришвин не только читает, но и делает выписки, соглашается или полемизирует с их идеями, включает их в живой процесс собственной мысли. Кроме того, для характеристики мировоззрения Пришвина очень важно, что он не был нигилистом, ниточка связи с традицией (культурная память) сохраняется у него даже в самых крайних и резких суждениях («культура — это дело связи народов и каждого народа в отдельности с самим собою», «я деятель связи»).

В новом мире существенно изменяется и роль литературы. Русская литература была отражением целого — органической жизни народа, претендовала на то, чтобы быть носителем духовного сознания, и была им. Пришвин чувствует, что творческая жизнь больше не может развиваться в русле этой традиции («Раньше писалось мне в предположении, что я живу среди народа с великим будущим, но теперь как писать... и не пишется»). Весь ареал существования художника, в котором он может жить по законам свободы, уничтожен («никогда не напишу легальной вещи... я под игом никогда не обрету себе в душе точки зрения, с которой революция наша, страдания наши покажутся звеном в цепи событий, перерождающих мир»).

В дневнике идет умаление литературы («бедный Пушкин») посредством возвеличивания жизни; литература становится дополнением жизни — отражением ее избытка («Литература занимается избытками жизни»). В новом соотношении подчеркивается самоценность жизни и роль личности художника, который осмысляется как творец, законодатель своего мира, организующий мир вокруг себя («Я и Отец одно — почему и как одно — законник и художник одно»). Новое соотношение творца и творения пробуждает небывалый интерес к самой творческой личности.

Творческая жизнь подошла к настоящему концу, но жить без писательства Пришвин не может и начинает все сначала: ходить ногами — жизнь и писательство организуются вокруг охоты, ежедневно записывать погоду — появляются отметки температуры, будущая пришвинская фенология. Охотничья жизнь в природе становится формой, синтезирующей творчество его бытовой и духовной жизни.

В то же время власть начинает преследовать все противостоящее ей — с 1917 по 1922 г. из России уезжает целая плеяда лучших представителей русской культуры. Рассеиваются надежды на контрреволюцию, социализм в своей претензии на абсолютную самодостаточность охватывает все сферы жизни («Почему социализм преследует искусство и религию?.. потому что социализм (в теории) вмещает в себя и Бога, и красоту, и правду»). Одновременно в дневнике определяется и роль литературы, утверждающей новую идеологию («Время садического совокупления власти с литературой»).

К этому времени относится стремление Пришвина избавиться от несвойственного ему «траурного писания», которое навязывает ему современность,— путь к этому он видит в обращении к детской литературе («связать писательство с детьми»). Это случится, однако, позднее, а в эти годы «освобождение от современности» происходит у писателя иным образом. В 1916—1922 гг. Пришвин пишет пьесу «Базар» (см.: **Пришвин М. М.** Собр. соч.: В 4 т. М.: Художественная литература, 1939. Т. 4. С. 295—315), включенную им в цикл «Слепая Голгофа». Действие пьесы разворачивается на огромной рыночной площади, вмещающей «разнопоставленные классы купцов и мещан». Чертова Ступа — «носитель духа злобы», овладевающего простонародьем. В ее пророчестве соединяется идея социального возмездия («все будут в огне гореть, проклятые, всех вас истолчет Чертова Ступа, всех господ, всех купцов, всех попов») с мрачным религиозным фанатизмом («Сказано в писании, что сцепится черный орел с красным... Близок час: едет черт на дикой козе... Сын на отца, дочь на мать, брат на брата»). Чертова Ступа «с поднятой рукой, в двух пальцах которой, как в двуперстии, цигарка»,— пародия на боярыню Морозову и ее речи — пародия на старообрядческий пафос возмездия за неправедную жизнь на земле. Улетел белый перепел, некогда спасавший купца от злобы «голытьбы», гаснет неугасимая лампада над купеческой лавкой, и силами человеческими заставить гореть ее уже не удается («Потухла. Что же это такое, сию минуту сам налил, сам зажег»), парадоксальным преступным путем приходит к Богу ростовщик, которого все вокруг ненавидят («я морил свою жену, измором в могилу загнал... и тут меня так стукнуло, и такое произошло, что смерть эту я как любовь принял... принял Христа не по умству, а как заразу... И существо, бывшее во мне в затемнении, вдруг воссияло»). Страшно бессловесное действие «дюжего парня из толпы», который одним ударом прекращает спор («удар его страшен тем, что выходит из молчания, из скалы, из бессмыслицы»).

Чужесть Странника этому миру подчеркивается не только его именем, выявляется его принадлежность к иному миру, причем не человеческому, а природному («Ты сам откуда? Где живешь? — В поле живу, я заяц.— А родня твоя? — И родные все зайцы»). Его слова тонут в разноголосице безысходного спора («Два у тебя, старая, глаза, а видишь одним, разуй глаза... и увидишь зерно»). Злу, которое видит и страстно обличает Чертова Ступа, он противопоставляет не добро (где оно?), а идею самоценности личности и органической жизни. Эту же идею развивает купец Герасим («я зернышко, расту в тайне, пробиваю себе дорогу, как мне назначено... мы, зернышки, рано или поздно должны попасть на священные жернова, а не попадем, измелет нас Чертова Ступа»). Разрушительному возмездию противостоит созидательная сила духа, которая должна отдельные зернышки «измолоть в один хлеб», жизнь сама по себе признается «ценностью и радостью». Эту же идею органической жизни противопоставляет торговец чижами попыткам «пойти ко всеобщему объединению» путем отвлеченных теорий («Начать с какого-нибудь вывода»).

Роль Странника в пьесе пассивная, он свидетельствует об ином мире, но бездействует. Возможно, Пришвин это чувствует; по крайней мере, записывает в дневнике: «Странник из «Чертовой Ступы» пусть

придет в этот город во второй раз и покажет им хорошее». Этого, однако, не происходит. В финале пьесы (под названием «Суд») сбывается пророчество Чертовой Ступы: начинается пожар, в котором горят не все, а каждый в отдельности («кто горит? Ты горишь, окаянный! Ты горишь, Абрамыч, ты, Петрович!»). А в последней авторской ремарке в молчаливом равновесии стоят перед зрителем два главных персонажа — Чертова Ступа и Странник.

В пьесе «Базар» писатель строит новый художественный мир, в котором хотя и побеждает идея возмездия — огнем горит внешняя жизнь, но обнаруживается и невидимый рост личности, выявляется идея ценности жизни. Антиномии добра и зла в такой модели мира явно недостаточно.

В 1922 г. Пришвин пишет «Мирскую чашу» — повесть о судьбе культуры и русской интеллигенции. В повесть перекочевали из дневника многие реалии повседневной жизни и целый ряд персонажей, от Павлинихи до Павлина. Бытовой план повести — это мир, окружающий писателя, знакомый ему до мельчайших подробностей: повесть автобиографична. Второй план повести создается событиями, связанными с происходящим в России в целом — становлением нового образа жизни, появлением новых власть имущих. В «Мирской чаше» пародируется и доводится до абсурда складывающаяся советская действительность, разрушается официальная картина мира, ставится под сомнение его серьезность. Гротескно-комический образ Персюка, «самого страшного из всех комиссаров», не только выявляет идейную несостоятельность новой власти («высадишь бутылку враз и ну Маркса читать... и думаешь при этом, как бы достигнуть»), ее варварскую, дикую сущность («в каждом кармане, кажется, сидит по эсеру, меньшевику, кооператору, купцу, схваченных где-нибудь на ходу под пьяную руку, давно забытых, еле живых там в махорке, с оторванными пуговицами и всякой дрянью»), но и принципиально относит складывающуюся действительность к прошлому, первобытному, «музейному» — лишает ее культурной актуальности («Такого бы непременно надо в скифскую комнату»).

Писатель строит такую модель мира, в которой нет «черты, отделяющей небо и землю», в которой утрачивается имя («товарищ покойник»), исчезает противоположность жизни и смерти — смерть не происходит, а длится («десять лет расстрела»), смерти и воскресения («умер — не удивятся, жив — скажут: объявился. И даже если он воскресший явится, опять ничего, опять: объявился»), и граница личности (Алпатов — Савин) какая-то зыбкая, не сразу заметная. Это Скифия, «мир древних заветов», в котором «волхвы идут по своим следам в прошлое», а народ терпит крестную муку и вновь ожидает спасительного слова, в нем само солнце распято — космос вовлечен в процесс страдания и спасения.

Сквозь всю повесть проходит мотив уничтожения: дворец разоряется вселившейся туда детской колонией, святые мощи оборачиваются костью, вместо креста является черный рог, и человек превращается в обезьяну. В зачине повести символом уничтожения становится погибающая от рук человеческих природа — чистик или моховое болото — «мать великой русской реки» и «славного водного пути из

варяг в греки». Под тем же углом зрения, что и в дневнике, в повести художественно исследуется проблема взаимоотношений человека и природы, господства над природой и овладения человеческой природой. В зачине повести природа и история объединяются в некую систему, образующую единство природы, страны, родины: уничтожение рек и лесов обращает «страну в пустыню». Образ родины несет на себе печать трагического разделения на плоть и дух («она мне изменяет, душу свою чистую отдает мне, а тело другому, не любя, презирая его, и эта блудница — раба со святою душой — моя родина»); и в повести актуализируется принцип жизни («Я живой человек и хочу жить с ней, видеть ее простыми глазами»), причем метафизический характер трагедии пренебрежения жизнью и ее значимость подчеркиваются акцентом на первую часть евангельского моления о чаше («и сам Распятый просил, чтобы миновать ему эту чашу, и ему даже хотелось побыть»).

Немота лирического героя повести разрешается молитвой о сохранении самого простого, без чего, однако, невозможна истинная свобода («В день грядущий, просветли, Господи, наше прошлое и сохрани в новом все, что было прежде хорошего, леса наши заповедные, истоки могучих рек, птиц сохрани, рыб умножь на много, верни всех зверей в леса и освободи от них душу нашу»).

В «Мирской чаше» человек и «обезьяна» (и «идейная», и «родная русская лесная обезьяна») противопоставляются как представители культуры и цивилизации. Цивилизованной «обезьяне», которая «тащит себе в гнездо творения культурные себе на пользу», противостоит человек «иной жизни», человек культуры, который едет «спасти несколько книг и картин, больше ему ничего не нужно, и за это дело он готов зябнуть, голодать и даже вовсе погибнуть; есть такой на Руси человек, влюбленный в ту сторону прошлого, где открыты ворота для будущего». Это его душа — мирская чаша, в которой есть пища для всех вокруг. Появляется в повести и знакомый по дневнику образ: «свежие всходы озими», а также неожиданно высокие деревья на вырубке, которые оставляют «для обсеменения запущенной земли».

Смысл революции и гибель гуманистической культуры осмысляются в дневнике онтологически. Решается вопрос о способе бытия: быть в Слове, в Духе или просто быть — в процессе жизни. Само явление Слова (Логос) вносит в природу смерть как отрицание принципа жизни. По этому вопросу Пришвин вступает в полемику с идеями Розанова, выраженными им в книге «У стен града невидимого» (1906) («Сущность... христианства определилась как поклонение смерти, как трепет и ужас, а вместе и тайное влечение к Смерти-Богу»). По Пришвину, человек, сказавший «Я есмь», выпал из родовой жизни; явление христианской личности неприродного порядка, изменяющее саму природу. Этот новый неприродный порядок, создающий новое качество мира, прорастает сквозь «родовые оковы», «в сердце женщины избирающей». Свобода выбора того, кто «по душе», становится условием свободы творчества нового человека — индивидуальности. А целомудрие, стыдливость, девственность обнаруживают свое новое назначение — «выгадывание времени для выбора того, кто «по душе» («пришел человек

и сказал: «Я выхожу не от мира сего... Я есть то, что отделяет вас от обезьяны, которая создает себе подобных путем подражания, а Я создаю путем изменения самой природы»).

Отныне Пришвин включает природу в борьбу за бессмертие и за личность, то есть смотрит на нее с позиции ее новой онтологической роли в бытии. Именно в начале 20-х гг. Пришвин обращается к охоте как способу жизни, связанному с его главным делом — писательством; в опыте Пришвина охота становится узлом, вновь связывающим жизнь со словом, природу с культурой. В 1921 г. на охоте он записывает: «Прислушаешься, и долетает иногда колокольный звон жизни», «Религиозное чувство есть продолжение чувства природы». С интуицией жизни связано возрождение религиозного чувства («Творческим порывом жизни Я сливается с духом», «Вера есть сила жизнетворчества»).

В новой картине мира меняется парадигма поведения человека, качественно иным становится его духовный путь: теперь человек сам в процессе жизни должен ответить на вопрос о Боге; подчеркивается значимость личного пути к Богу — богоискательства («Скажу... есть Бог! ты мне не поверишь, скажу нет, будет неправда. Учись и узнаешь сам»). Не спасает прошлое страдание, нарушена привычная связь человека с Богом («Бог спит»). В это время ощущение Бога у Пришвина лишено каких бы то ни было конфессиональных признаков («нет в церкви тебя»), это сложное, иррациональное «Ты», присутствие которого явлено только в чувстве свободы и радости. Это Бог, который находится в вечном движении, не дает человеку никакого рационального пути для его достижения, требует абсолютного духовного искания. Строка из стихотворения З. Гиппиус «Ты в моем сердце единственный» восстанавливает связь между богоискательством нового человека послереволюционной эпохи и богоискательством русской интеллигенции начала века.

Пришвин в это время не церковный человек, однако в дневнике множество прямых рассуждений типично богословского толка в духе высокой православной мысли («Человек свободен только в своей жертве»). Пришвин никогда не сможет отказаться от традиции христианства и гуманизма, но в его мировоззрение мощно вклинивается жизненная составляющая, он нагружает Евангелие жизнью («Евангелие нужно дополнить жизнью Христа»). В дневнике подчеркивается важность в религиозной вере общечеловеческого культурного начала, связи всех народов друг с другом («Величайшим деятелем связи был Христос»). Возможный для нового сознания выход человека к религии Пришвин видит в примирении эстетики (культуры) с жизнью (природой). Это путь, указанный в культуре и требующий реализации («Сострадание и является выходом из порочного круга эстетизма (так выходят Шопенгауэр, Ничше, Мережковский др.), оно приводит к религии»). Речь идет о сострадании к жизни как таковой («жалко цветов, убиваемых морозом, детей голодных, крестьян, рабочих, невинных существ, погибающих в сетях политиков, жалко! и отсюда религия»).

Очень важным оказывается и сам стиль жизни Пришвина. В основе самосознания писателя лежит тоже жизненный инстинкт («чувство самосохранения»), его сознание очень близко к существу жизни, простому,

животному, и он не скрывает это от себя самого («жизнь моя теперь — медведя в берлоге»). На самом деле за ним стоит попытка новой культурной практики, то есть собственное творческое и культурное поведение. Пришвин осуществляет попытку жить полной жизнью — не идейной, но отрефлектированной. И дневник оказывается той универсальной литературной формой, которая соответствует такому поведению и такому типу творческой личности.

Такие тексты обычно печатаются позже: жизнь боится осознания, она подавляет то, что может ее обнаружить; и чем страшнее жизнь, тем глубже загоняет она вовнутрь своих свидетелей — после, пожалуйста, но не сейчас. Это происходит, по-видимому, и с дневником Пришвина.

Я. З. Гришина
В. Ю. Гришин

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Кн. I, Кн. II — **Пришвин М. М.** Дневники. 1914—1917; Дневники. 1918—1919. М.: Московский рабочий, 1991; 1994.

Собр. соч. в 8 т.— **Пришвин М. М.** Собр. соч.: В 8 т. М.: Художественная литература, 1982—1986.

Путь к Слову — **Пришвина В. Д.** Путь к Слову. М.: Молодая гвардия, 1984.

Мтф.— Евангелие от Матфея.

Мк.— Евангелие от Марка.

Лк.— Евангелие от Луки.

Ин.— Евангелие от Иоанна.

Быт.— Книга Бытия.

Откр.— Откровение святого Иоанна Богослова.

Ефес.— К Ефесянам. Послание святого апостола Павла.

Исх.— Книга Исхода.

С. 5. *«Наша коммуна с Сытиными лопнула...»* — Речь идет о Коноплянцевых.

С. 6. *«...не единым хлебом жив человек».*— Мтф. 4:4.

...какое-то излучение создает того левого разбойника, который все издевался над Христом и говорил ему: «Если ты Сын Божий, спаси себя и нас».— Лк. 23:39.

Я не могу сказать горе: «Иди!» — Мтф. 17:20.

А можно вовсе и не любить ближнего как самого себя...— Мтф. 19:19.

С. 8. *«Подчерёвок»* — подбрюшье, подживотье *(устар. местн.).*

Ку́ра — метель, пурга *(местн.).*

...есть петух, помните? нашел жемчужное зерно? — Аллюзия на басню И. А. Крылова «Петух и жемчужное зерно» (1809).

С. 9. *Странник из Чертовой Ступы* — персонаж пьесы Пришвина «Базар» (1918—1920). См.: *Пришвин М. М.* Собр. соч.: В 4 т. М.: Гослитиздат, 1939. Т. 4. С. 295—315.

...питаться, как птица небесная...— Мтф. 6:26.

«И времени больше не будет».— Откр. 10:6.

С. 10. *Моя тоска похожа на тоску во время смерти Лиды...*— Имеется в виду Лидия Михайловна Пришвина, сестра Пришвина.

Не потому ли я чувствую такой ледяной холод к С. П.— Имеется в виду Софья Павловна Коноплянцева. См. коммент. Кн. II. С. 58.

...Е. П.— основа, это чисто, и В.— чисто, грех в С.— Речь идет о Ефросинии Павловне, жене писателя, Варваре Петровне Измалковой, «невесте», и Софье Павловне Коноплянцевой. См. коммент. Кн. I. С. 19, 48.

С. 10—11. *...я читаю там свой рассказ «Адам»...*— Впервые опубликован в газете «Жизнь» 13 мая 1918 г. Входит в цикл «Слепая Голгофа». См.: Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 615—622.

С. 11. *Смерть Яши.*— Речь идет о пасынке Пришвина Я. Ф. Смогалеве.

...«из ничего» засияет «свете тихий».— «Свете тихий» — слова из молитвы «Вечерняя песнь Сыну Божию».

...(за дверью слышался чижик) — русская игровая припевка «Чижик-пыжик, где ты был?».

С. 14. *Из «Бесов»...*— Имеется в виду роман Ф. М. Достоевского «Бесы» (1871—1872).

С. 16. *...жена, облеченная в солнце.*— Откр. 12:1.

...«Черный араб» — лучше всего...— См. коммент. Кн. I. С. 151.

— Бесы перешли в свиней...— Мк. 5:12—13.

С. 17. *...(«Ткачи» и проч.)...*— Имеется в виду пьеса Г. Гауптмана (1862—1946) «Ткачи» (1892, русск. пер. 1902).

С. 18. *Козочка — в ней нет ничего...*— См. коммент. Кн. I. С. 251.

С. 20. *...сын, сказавший «Я — есмь!»* — Ин. 8:58.

Из этого наверно вышло у Мережковского: «Грядущий хам».— Имеется в виду статья Д. С. Мережковского «Грядущий хам», впервые опубликованная в одноименном сборнике (СПб., 1906).

С. 21. *Вот читатель Горький и осатанел от этого...*— Ср.: Горький о Достоевском в «Предисловии к русскому изданию романа Л. М. Леонова «Барсуки». См. в кн.: Литературное наследство. М.: Наука, 1963. Т. 70. С. 264.

С. 22. *«Рабпрос»* — Союз работников просвещения.

...дал в угоду начальству «революционную» пьесу Л. Андреева «К звездам».— Опубликована в 1905 г.

С. 26. *...(«и ризы его разделили»).*— Ин. 19:24.

С. 31. *...узнать песню «Чубарики»...*— Популярная солдатская песня «На горе-то калина, под горою малина».

Я русский человек, потомок тех самых защитников «европейской культуры»...— Ср.: *Федотов Г.* Русский человек. См. журн. «Киносценарии». 1989. № 4. С. 168—181.

С. 33. *(Розанов: грех, как гриб, съел).*— Печатный источник не установлен.

С. 35. *«Слово о погибели»...*— См. коммент. Кн. II. С. 56.

...что по́шло, то пошло́...— Печатный источник не установлен. См. также запись от 20 мая 1920 г.

С. 36. *...никакого обращения Савла в Павла не происходит.*— Деян. 9:3—20.

С. 39. *...будет началом гражданской войны, как у нас, в которой меньшевики пойдут со спартаковцами и сотворят разруху?* — Речь идет о группе германских социал-демократов «Спартак», возглавляемой К. Либкнехтом и Р. Люксембург, действующей в Германии в 1917—1918 гг.

С. 40. *...апокалиптическое пророчество о льве рядом с ягненком.*— Исх. 11:6—7.

...отдавая Кесарю должное...— Мтф. 22:21.

С. 42. *...бухгалтер Отдела Н. О.*— отдела народного образования.

С. 43. *Тогда, в Киргизии, победа, голубой Христос...*— Имеется в виду случай, происшедший с Пришвиным в Ельце во время нашествия Мамонтова. См.: Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. С. 260.

С. 45. *...обрабатывал дневник нашествия Мамонтова...*— Дневник этого времени утрачен.

С. 46. *...прочитал, как черт украл месяц...*— Аллюзия на повесть Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» (1830).

С. 48. *...Мюр и Мерилиз* — одна из крупнейших в России фирм по продаже одежды, парфюмерии, мебели и проч.

...Велесов внук — Боян.— Неточная цитата из «Слова о полку Игореве».

С. 49. *Перун — Илья (Бунин), Стрибог (Эол)...*— Имеется в виду рассказ И. А. Бунина «Илья-пророк» (1913) и стихотворение Ф. Сологуба «Неурожай» (1894). Далее идет план урока.

Вечером был на Стоянии.— Служба Страстной недели — Чтение Двенадцати Евангелий.

С. 51. *Аполлоническое просветление: мир искусства.*— «Россия... Ей нужно... просветление... аполлоническое просветление. Недаром же над гробницею Диониса стоит Аполлон» — эти слова Максимилиана Волошина мы находим в раннем дневнике Пришвина, в подробном описании случайной дорожной встречи Пришвина с Волошиным, которая состоялась 28 марта 1909 г. Противопоставление аполлонического и дионисийского начал в культуре предстает в их разговоре в образе двух пустынь. Именно в этом разговоре, как никогда ни ранее, ни позднее, Пришвин осознает свою близость к дионисийскому типу культуры —

к России, как «молодой, жаждущей слова пустыне». Другая пустыня, в понимании Пришвина, волошинская, характеризуется аполлонической законченностью и оформленностью, ее истоком Пришвин считает все пространство от «Эллады до пустыни», то есть культурное пространство, создавшее землю, «каждая частица которой пропитана человеком», землю, в которой само слово, кажется, уже материализовалось и устремилось к свету — звезде. Возникают и две концепции творчества, связанные с двумя типами культуры. С одной стороны, творчество как аполлоническая игра, преображающая все, к чему даже случайно прикасается поэт, как обладание «вечной игрушкой» поэзии, как обращение к культурным символам и принадлежность к мировой культуре. С другой стороны, поэт, имеющий дело не с культурными символами, а со стихийным природным началом, требующим воплощения, словесной формы,— это творчество как стремление и путь в лоно мировой культуры и игрушка поэта соответствующая: не вечная, а хрупкая, как бы ежеминутно создаваемая. В записи возникает очень важный для Пришвина мотив органичности культуры («как-то смешно: наша земля с землеустройством, с мужиками, и это аполлоническое просветление»). И сам образ Волошина не становится для Пришвина идеальным образом поэта-счастливца, играющего своей «вечной игрушкой». К этому образу, как к образу каждого русского поэта, с неизбежностью примешивается что-то еще: сама внешность Волошина вступает в сознании Пришвина в сложное взаимодействие с его словами («И сам он какой-то солидный, полный, с широким лицом, с бородой, похожий на помещика... сам он несет какое-то удивительное противоречие двух пустынь»). (См.: Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. С. 42—44.)

С. 55. *...вспоминается из юности Певучее дерево.*— См.: Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. С. 20.

С. 60. *Любовь — это чувство вселенной, когда всё во мне и я во всем...*— «Все во мне и я во всем» — строка из стихотворения Ф. И. Тютчева «Тени сизые смесились» (1836).

С. 68. *...Не брать бы вовсе в руки / Тяжелого меча!* — Строки из стихотворения Ф. Сологуба «Нюренбергский палач» (1897).

С. 69. *«Я — это Ты в моем сердце единственный».*— Строка из стихотворения З. Н. Гиппиус «Молитва» (1897).

С. 71. *...никогда он не смел искушать меня царством своим и обращением камней в хлеб...*— Мтф. 4:1—11.

...«Господи, помоги мне все понять, ничего не забыть и ничего не простить!» — См. коммент. Кн. I. С. 390.

С. 72. *...взявший меч мечом и погибнет...*— Мтф. 26:52.

С. 77. *...«а по бокам-то косточки русские»* — неточная строка из стихотворения Н. А. Некрасова «Железная дорога» (1864).

...«легион имя мое» — Лк. 8:30.

Дворец искусств: Луначарский читает...— Вероятно, речь идет о чтении А. В. Луначарским своей пьесы «Народ» (первая часть драматической трилогии «Фома Кампанелла»), о чем было объявлено в газете «Известия» от 23 июня 1920 г.

С. 78. *Диспут Луначарского и В. Иванова.*— Вероятно, имеется в виду диспут на тему «Права индивидуализма», состоявшийся в Театре

Зон 24 июня 1920 г., на котором А. В. Луначарский и В. И. Иванов выступали оппонентами по докладу.

С. 79. *Белогвардейщина в ГАУ* — в Главном артиллерийском управлении.

С. 81. *Перед глазами светлый вир* — омут *(местн.)*.

С. 83. *...разговор о «Хрусе»* — о Фросе *(искаж.)*.

С. 96. *...отца и мать свою надо оставить, чтобы любить.*— Ефес. 5:31.

...«Враги человека — домашние его».— Мтф. 10:36.

С. 98. *...мне казалось, что все это было местью ее за дочь Наташу или за неудачу в изображении Софьи Перовской.*— Дочь Ремизовых Наташа воспитывалась на Украине в семье С. П. Довгелло. Поместье ее родителей («замок» — Серафима Павловна принадлежала к старинному литовскому роду) находилось в Черниговской губернии. Поскольку ее семья не приняла А. М. Ремизова, Серафима Павловна не поддерживала с ней близких отношений. Она была человеком сложным, ярким и незаурядным, ее связывали дружеские отношения со многими литераторами круга Ремизова, в частности с В. В. Розановым и М. М. Пришвиным. До встречи с А. М. Ремизовым Серафима Павловна была членом партии эсеров.

С. 103. *Пишет Иванов-Разумник... собраться скифам...*— Имеется в виду скифская группа писателей, организованная в 1917 г. Р. В. Ивановым-Разумником. В двух сборниках «Скифы» (1917 и 1918 гг.) принимали участие А. Белый, С. А. Есенин, Н. А. Клюев, А. М. Ремизов, М. М. Пришвин и др.

...множество содеянных мною лютых помышляя, окаянный.— Вольное переложение молитвы «Пресвятая Владычице моя Богородице».

...(моховые болота и Вольфил и т. д.)...— Имеется в виду Вольная философская ассоциация, организованная Р. В. Ивановым-Разумником в Петрограде в 1918 г. Просуществовала до 1924 г. В ней сотрудничали А. Белый (председатель), А. А. Блок, А. А. Мейер, Л. П. Карсавин и др.

С. 105. *...а звезда со звездою говорит...*— Неточная строка из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» (1841).

С. 106. *Осколепок* — осколок, остаток *(местн.)*.

С. 117. *...биться с теми христианами, которые хотят погасить эту радость (черный лик, Розанов).*— См.: *Розанов В. В.* Темный лик. Метафизика христианства. В кн.: *Розанов В. В.* Религия и культура. М.: Правда, 1990. С. 372—582.

С. 121. *Тогда он (Горшков) поселился в бане...*— См.: Путь к Слову. М.: Молодая гвардия, 1984. С. 45—46.

С. 122. Запись на отдельном листке:

«29 Декабря.

Обезы — игнорируют личное начало, лично собой они довольны, и если им плохо, то все сваливают на среду.

Челозы — среду ставят ни во что и винят, если плохо, самих себя.

Обезы — прогресс.

Челозы — искупление.

Обезы — преступление.

Челозы — грех.

С. 125. *Парижский период при свете от•.тения романа Достоевск. «Подросток»...*— См. коммент. Кн. I. С. 19.

С. 126. *Вспоминаю, как наши дамы в Хрущеве щипали корпию...— Корпия* — растеребленная ветошь или специально выделанная пушистая ткань для перевязки ран.— Речь идет о первой мировой войне.

...(1881 г. Смерть Ал. II — мне 8 лет).— См. коммент. Кн. I. С. 182.

С. 127. *Лес «Полом»* — лес после бури.

С. 129. *«Народ безмолвствует».*— Ремарка из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» (1825).

Вера без дел мертва...— Иак. 1:20, 2:26.

С. 132. *...«Что загнало Дуничку в деревню...»* — См. коммент. Кн. I. С. 50.

С. 133. *«...не жду от жизни ничего и прошлого не жаль...»* — Неточные слова из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» (1841).

Васил. остр., 14-я линия.— По этому адресу Пришвин жил в Петербурге в 1904 г. Об истории создания его первого рассказа см. в кн.: Путь к Слову. С. 106—109.

...неудавшееся свидание...— Речь идет о свидании с В. П. Измалковой, бывшей проездом в Петербурге, на которое Пришвин опоздал, спутав дату приезда.

Смерть Сережи и Елка.— Речь идет о смерти первого сына Пришвина в Петербурге в 1905 г.

С. 135. *...и вдруг о н а в розовом, вся смеющаяся пришла.*— Имеется в виду В. П. Измалкова.

С. 136. *...он был художник и считал, что остановленное мгновение жизни дороже проходящего.*— Аллюзия на трагедию Гёте «Фауст» (1808).

С. 145. *Заигрыши* — название второго дня масленой недели, вторника.

С. 147. *Последний Божий день. Прощеный.*— Имеется в виду последнее воскресенье перед Великим постом — Прощеное воскресенье.

С. 151. *...Кронштадт взят обратно красными.*— Имеется в виду разгром восстания матросов Кронштадта 7 марта 1921 г.

Зачитал «Фрегат Палладу» — роман И. А. Гончарова «Фрегат «Паллада» (1858).

С. 157. *...я написал просто виденное, и вышла книга «В краю непуганых птиц»...*— Речь идет о первой книге Пришвина «В краю непуганых птиц» (1907).

...когда я читал свою книгу в Географическом обществе...— В 1910 г. Пришвин был избран членом Российского императорского географического общества и награжден серебряной медалью за книгу «В краю непуганых птиц».

С. 158. *Сказочные рассказы «Крутоярский зверь» и «Птичье кладбище»...*— Впервые опубликованы соответственно в альманахе «Шиповник» (СПб. 1911. Кн. 15) и в газете «Русская мысль» (1911, № 7).

...я сошелся с Мережковским — Розановым и всем этим кругом религиозно-философского общества.— См. коммент. Кн. I. С. 28.

...я поехал в Заволжье и написал книгу «Невидимый град» о сектантах.— Имеется в виду книга «У стен града невидимого. Светлое

озеро». Впервые опубликована под названием «У стен града невидимого». М.: Типолитография т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1909.

...я целую зиму провертелся в Петербурге среди пророков и богородиц хлыстовщины...— См. коммент. Кн. I. С. 52.

...написал... религ. повесть «Саморок».— Впервые опубликована в «Северных записках» (1913, № 12).

Я опять рванулся в путешествие в Среднюю Азию к пастухам и написал «Черного Араба»...— См. коммент. Кн. I. С. 151.

Так я написал «Ивана Осляничека»...— Рассказ «Иван Осляничек (Из сказаний у Семибратского кургана)». Журн. «Заветы» (1912. № 2—3).

С. 158—159. *...пишу в одну неделю повесть — «Никона Староколенного».*— Впервые опубликована в альманахе «Шиповник» (СПб. 1912. Кн. 18).

С. 159. *И вот общий приговор и суд: «У вас нет человека, вы бесчеловечный писатель».*— Пришвин часто по разным поводам обращается к статье З. Н. Гиппиус (псевд. Антон Крайний) «О «Я» и «Что-то», в которой она называет Пришвина «легконогим и ясным странником с глазами вместо сердца».

Впрочем, кто-то раз обмолвился вскользь на страницах, кажется, «Нового Времени»...— Автор не установлен.

...отдал барду свиньям...— *Барда* — остатки от перегона хлебного вина. Идет на откорм скота.

Что значит «любите друг друга».— Слова из чина литургии «Возлюбим друг друга единомыслием исповемы».

С. 161. *Чуть ли не с Рождества берегли птичку — выпустить на Благовещенье.*— Обычай, связанный с праздником Благовещения Пресвятой Богородицы (7 апреля). Ср.: *Пушкин А. С.* Птичка (1823).

С. 184. *О народе. К. Павлова.*— Из стихотворения «Разговор в Трианоне» (1848). *Каролина Павлова.* Собр. соч.: В 2 т. Редакция и материалы для биографии К. Павловой Валерия Брюсова. М., 1915. Т. 1. С. 195.

О труде. К. Павлова.— Из стихотворения «Труд ежедневный, труд упорный!» (Без даты). Там же. С. 166.

А. Блок «Грешить бесстыдно, непробудно...» — Стихотворение А. А. Блока «Грешить бесстыдно, беспробудно...» (1914) входит в цикл «Родина». *Александр Блок.* Собр. соч.: В 12 т. Изд-во писателей в Ленинграде. Т. 3. 1932. С. 200.

...я поставил, однако, стража на охрану сокровища смиренных...— «Сокровище смиренных» (1896, русск. пер. 1903 г.) — название трактата М. Метерлинка.

...ветряная мельница перед ним или человек.— Аллюзия на роман Сервантеса «Дон Кихот» (1605—1615).

С. 187. — *Блаженны милостивые...*— Мтф. 5:7.

С. 188. *...«Но снова вспаханы поля». Сологуб.*— Строки из триолета Ф. Сологуба (1913), который входит в цикл «Земля родная».

С. 190. *...(хлыст: бросьтесь в чан и воскреснете вождями народа)...*— См. коммент. Кн. II. С. 25.

...(смертию смерть): сознательная смерть для спасения души и воскресения.— «Смертию смерть поправ» — слова из тропаря пасхального богослужения.

С. 191. *Я пережил Маркса в юности.*— Имеется в виду участие Пришвина в работе одного из первых марксистских кружков. См. коммент. Кн. I. С. 33.

С. 192. *...«не знают, что творят»...*— Лк. 23:31.

С. 195. *Вчера возвратился в Алексино, попав вместо Смоленска в Батищево, где и определился на службу.*— Опытная агрономическая станция, о которой идет речь, одна из первых научных агрономических станций в России, была основана в конце XIX в. известным ученым-агрохимиком А. Н. Энгельгардтом (1832—1893) в его имении Батищево.

С. 197. *По поводу декрета о восстановлении частных предприятий.*— Речь идет о начале нэпа (1921—1928).

С. 200. *Не забыть, как меня выручил «Картофель» на Опытной станции...*— Имеется в виду книга «Картофель в полевой и огородной культуре» (СПб.: изд-во А. Ф. Девриена, 1908), которую Пришвин написал, работая на опытной сельскохозяйственной станции «Заполье» под Лугой и сотрудничая в журнале «Опытная агрономия» в 1905 г. Интересно, что много позднее, в дневнике 1934 г., появляется запись об известном ученом, селекционере А. Г. Лорхе: «Агроном-картофельник приходил за советом ко мне, как к автору лучшей книги по картофелю, написанной 30 лет назад...»

С. 201. *...люди, обращенные, как жена Лота, в соляные столбы за то, что оглянулись назад.*— Быт. 19:26.

С. 203. *Тут я взял хорошую уручину.*— *Уручина* — палка, дубина *(сев.)*.

С. 204. *Был страх восстания черного люда (детство мое: мужики придут с топорами, черный бог...).*— См. коммент. Кн. II. С. 24, 27.

...Блок о вулканах и проч. ...— Возможно, имеются в виду статьи Блока «Стихия и культура» (1909) и «Горький о Мессине» (1909), в которых Блок, потрясенный землетрясением в Мессине (1908), обращается к проблеме «природа и культура».

С. 208. *Вот сильное слово, как хлеб: «Женщина, тебе говорю, встань!»* — Мк. 5:41.

С. 209—210. *Лен постлан уже недели две, через две недели его будут подымать, ставить в гужевки...*— *Гужевки* — связки, снопы.

С. 212. *Вот ляда, на которой посеяли рожь между черными пнями.*— *Ляда* — пустошь, покинутая и заросшая лесом земля.

С. 214. *Сострадательный Ефим Иванович увидел... привез мне калоши.*— См. рассказ «Школьная Робинзонада». *Пришвин М. М.* Желанная книга. М.: Советская Россия, 1987. С. 246—247.

С. 220. *В доме родители Ее живут...*— Имеется в виду В. П. Измалкова.

С. 224. *Рассказ со сцены: Поставьте декорации, усадьба 18-го века...*— Пьеса написана не была; запись можно считать одним из первых набросков к будущей повести «Мирская чаша».

С. 226. *...когда находил в них продолжение природы...*— В конце тетради дневника 1921 г. записи, сделанные на отдельных листках:

«Зима. Октябрь 5—12 — 1-й зазимок. 5° Р. Ветер. Тихие морозные утра. Щеглы летят и синицы.

12. Легкая порошка. На незамерзшем ручье стая крякв.

13. Летит снег. Все бело. Напуганный заяц лежит, хоть возьми за уши. Волкобоязнь.

16. Морозы — 4—5°, лежит пороша. 18.—4Р. Снег летит. 19. Настоящая пороша. 20.—1Р. 23.—4—5 Р. Следы на окнах. 29. Теплый ветер, вся зима растаяла. Черная оттепель. На небе мутно, на земле черно.

Ноябрь. 4. Ветер, дождь. Рассвет красно-багровый с нежным тоном на облаках, и потом скоро опять небо мутное, земля черная. 5. +2 Р с просветами солнца. 7. Небо чистое, мороз — 8, снега нет. 8.— 3Р. Ноябрьская желтая заря из лунного света. Вечером легонькая порошка. 13. Выпала пороша —7Р. 17.—4 ровно. Тонкая осталась пороша. 25.— 2Р. Пробовал начаться неудачно снег. Ровно, морозно. 26.—12 Р.

Декабрь. 1.—15 Р. Легкий снег. Солнце бледно, как луна. Иней. 4. Солнце встает в хмаре морозной, в полдень рассверкается. На березе на солнце иней. Тетерева на березах. Все покрыто следами волков, лисиц и зайцев. 8.—3. Пороша.

10. 0 Р. Пороша. 12.— 2Р. Снег пушистый. Леса завалены. 13.—3Р. Порошило. Снегу ¹/₄ арш. 15.+1 Р. Оттепель. 17.—6Р. Корка на снегу. В лесу на снегу рябь. 18. Каждодневная пороша. 19.—8 Р. Снег перестал. 20.— 10 Р. Морозит крепче. 21.—17 Р. 22.—14. 24.—3 Р. Сильный снег. 25.+1 Р. Пышные снега. 27. Все +12. В лесу с елей дождь. 28.+1 Р. Снег и сильный ветер. Ночью буря.+ 5 Р. 31.—10 Р. Наст. Солнце. Щеке тепло. Чуть заметен «лишний свет».

Январь. 2.—6 Р. Пороша. Голубые тени. Свет заметен: сосны и ели, узнаю себя. 5. Морозы. Сухой снег ветер сметает в овраги, поля ледяные. 6. Крещение. Метели. Морозы чередуются с оттепелями. 12.—8—10 Р. Непрерывные метели. 16. Вьюги при —14. 17.—12 Р. Тихо. Ясно. 18.—8 Р. 19. Оттепель. 21.—9. Наст. 23.—19. Солнце. Свет. Голубые тени. Разгораются полдни: спустилось до —6. 24.—15, в полдень —6. Ярко. Все голубеет. Вечером 1-я заря. 25.—16 Р. Спящая красавица в голубом ожидает Ивана-Царевича. 26.—9 Р. Ясно. Пахнет солнцем. Влажная заря вечером.

Пусть я безумен, но безумие мое реально, и за него умные люди платят хорошие деньги. Да, никогда я не радовался так деньгам, когда получил их за ничто, за безумие — мой первый гонорар! Вот связь двух миров! Я был как новобрачный, мой первый гонорар был браком двух миров. Они совсем не понимали, почему я — я! торгуюсь за строчку, как баба на базаре. Я торговался за себя, за свою победу над миром вещественным, а они-то думали, что я его очень люблю, рабы материи на свой аршин мерили мой дух.

Цыплята образумились. Картошка цветет, лен цветет, гречиха цветет, брусника краснеет, черника спелая, земляника осыпалась, дождик и солнце — грибы».

С. 229. *Семя марксизма находило теплую влагу в русском студенчестве и прорастало...*— В 1896—1897 гг., будучи студентом Рижского политехникума, Пришвин принимает участие в одном из первых марксистских студенческих кружков («школа пролетарских вождей») под руководством В. Д. Ульриха (1858—1932). Ср.: «Близится время мировой ката-

строфы. Чтобы спасти человечество, надо стать впереди и бросить свое личное дело. Вот в этом «бросить» и был весь нравственный упор. Мать моя работала всю жизнь на банк, чтобы дать нам образование,— как же это бросить? С другой стороны, основная тревога, перешедшая в мою душу, может быть, через гувернеров моих под амбаром, требовала бросить все личное и отдать свою жизнь за какие-то новые идеалы передового общества». Подробнее см. об этом в кн.: Путь к Слову. С. 53—72.

С. 232. *Миша из дома ушел...*— Речь идет об одном из моментов многолетней семейной драмы, касающейся взаимоотношений Пришвина с Ефросиньей Павловной и закончившейся в 1937 г. уходом Пришвина из семьи.

С. 234. *Дорогой Р. В.*— Разумник Васильевич Иванов (Иванов-Разумник).

С. 237. *...что я описываю, какие это «герои»...*— Речь идет о работе над автобиографическим романом «Кащеева цепь».

Конец статьи об Энгельгардте.— Статья Пришвина об Энгельгардте неизвестна.

Н. М. был человек очень хороший...— Речь идет о старшем брате Пришвина Николае Михайловиче. См. о нем в кн.: Путь к Слову. С. 19—21.

С. 239. *...что касается «Шиповника»...*— Литературно-художественный альманах, издавался в Петербурге с 1906 по 1918 г.

С. 242. *Дуничка была такая весталка...*— См. коммент. Кн. I. С. 50.

С. 243. *Все яснее вырисовывается фигура моего брата...*— Имеется в виду Николай Михайлович Пришвин.

...Марию Дм. Энгельгардт...— Ошибка: Марию Михайловну.

С. 244. *В воскресенье у Карасевых состоялось чтение моего «Детства»...*— Имеется в виду первая часть романа «Кащеева цепь» — «Курымушка» (опубл. в 1924 г.).

С. 245. *После крушения моей самости встретился мне краснорядец (приказчик из Ельца)...*— См. об этом в романе «Кащеева цепь», звено десятое. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2.

С. 246. *Павлиха, Фомкин брат, Крыскин* — персонажи повести «Мирская чаша».

С. 249. *...принялась вязать мне погон для ружья.— Погон (местн.)* — ремень.

С. 251. *Многие говорят, что он может ее взять, сама же она не пойдет.*— В этой записи роман с В. П. Измалковой осмысляется в свете работы над «Кащеевой цепью». См. звено восьмое, «Брачный полет».

С. 257. *Блок, прочитав «Колобок», сказал: — Это не поэзия, то есть не одна только поэзия, тут есть что-то еще.*— Этот устный отзыв Блока во время одной из встреч в собрании Религиозно-философского общества Пришвин часто вспоминает по разным поводам в дневнике. Есть и еще одно свидетельство интереса Блока к творчеству Пришвина — рецензия на книгу «У стен града невидимого. Светлое озеро» (1909), где Блок, в частности, пишет: «М. Пришвин прекрасно владеет русским языком, и многие чисто народные слова, совершенно забытые нашей «показной», по преимуществу городской литературой, для него живы. Мало того, он умеет показать, что богатый словарь, которым он пользуется, и вообще жизнеспособен, что богатства русского языка еще

далеко не исчерпаны» (*Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 651).

После Ильи утренняя роса поседела...— Имеется в виду день прославления пророка Ильи 2 августа.

С. 260. *Раб обезьяний.*— Одно из первоначальных названий повести «Мирская чаша».

С. 265. *Письмо Пильняку.*— В письме речь идет о повести Б. А. Пильняка «Голый год» (1920).

С. 268. *...и все-таки «Лагерь Валленштейна» и «Ткачи», пришедшие из чужеземной литературы, почти единственная (и, надо сказать, малоудачная) попытка изображения масс.*— Имеется в виду драматическая трилогия Ф. Шиллера (1759—1805) «Валленштейн» (1798—1799) (первая часть «Лагерь Валленштейна»), а также драма Г. Гауптмана (1862—1946) «Ткачи» (1892).

С. 272. *Алпатов, исповедует веру в пролетариат...— Алпатов* — лирический герой повести «Мирская чаша» и романа «Кащеева цепь».

С. 277. *«Помолчим, братие»,— говорил Добролюбов болтунам литераторам.*— См. коммент. Кн. I. С. 325.

С. 279. *Я думаю, что помощь человеку есть дар, особая способность так поступать, чтобы правая рука не ведала, что делает левая.*— Мтф. 6:3.

С. 280. *Настоящая сказка о золотой рыбке.*— Аллюзия на «Сказку о рыбаке и рыбке» (1835) А. С. Пушкина.

С. 288. *...столько ума, знания, таланта, мастерства было истрачено исключительно на памфлет, в сущности говоря, безобидный и обывательский.*— Речь идет о романе Е. И. Замятина «Мы» (1920).

Я. З. Гришина

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

О принципах составления указателя см. кн. I, с. 420.
Краткие биографические аннотации, приведенные в предыдущих книгах, не повторяются.
Имена, отмеченные звездочками, аннотированы в первой и второй книгах.

СОДЕРЖАНИЕ

Пришвин М. М.

П77 Дневники: Книга третья. Дневники 1920—1922 гг. / Подготовка текста Л. А. Рязановой. Комментарий Я. З. Гришиной, В. Ю. Гришина. Указатель имен Е. В. Михайлова.— М.: Моск. рабочий, 1995 г.— 334 с.

В 1920—1922 гг. М. М. Пришвин жил в основном в Смоленской губернии, был школьным работником, занимался организацией музея усадебного быта. Он пристально анализирует складывающуюся новую жизнь, стремясь «все понять, ничего не забыть и ничего не простить». Наблюдения этих лет стали основой повести «Мирская чаша» (1922).

Первая книга дневников М. М. Пришвина (1914—1917) вышла в 1991 г., вторая книга (1918—1919) — в 1994 г.

П $\frac{4702010201—24}{М172(03)—95}$ Подписн. изд. **ББК 84Р7—4**

Михаил Михайлович Пришвин

ДНЕВНИКИ

1920—1922

Редактор *И. Геника*
Художник *Г. Расторгуев*
Художественный редактор *М. Кудрявцева*
Технические редакторы *Г. Морозова, И. Усачева*
Корректор *Т. Семочкина*

Лицензия № 010184 от 05.02.92 г.
Сдано в набор 25.08.93. Подписано к печати 06.04.95. Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная № 2. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 18.64. Усл. кр.-отт. 18.47. Уч.-изд. л. 23,98. Тираж 11 000 экз. Заказ 4023.

Издательство «Московский рабочий», 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.

Полиграфическая фирма **«Красный пролетарий»** 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

